

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина

ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
Кафедра международной журналистики

КИРГИЗСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ: МАЛЫЕ ФОРМЫ

Хрестоматия

Бишкек 2022

УДК 801.8(512.154):821.51.0
ББК 83.3(5Кир)
К 43

Научный руководитель:

А.С. Кацев, д-р филол. наук, профессор КРСУ им. Б.Н. Ельцина

Рецензенты:

В.К. Сабирова, д-р филол. наук, профессор Ошского госуниверситета,
М.М. Мырзагулов, канд. полит. наук,
доцент Международного университета Кыргызской Республики,
А.Т. Омурканова, канд. филол. наук, доцент КРСУ им. Б.Н. Ельцина

Составители:

Ж.О. Султанова, О.М. Токтоназарова

Рекомендовано к изданию кафедрой международной журналистики
ГОУВПО КРСУ им. Б.Н. Ельцина

К 43 КИРГИЗСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ: МАЛЫЕ ФОРМЫ:
хрестоматия / сост.: Ж.О. Султанова, О.М. Токтоназарова. – Бишкек: Изд-во
КРСУ, 2022. – 334 с.

ISBN 978-9967-19-888-3

Хрестоматия включает избранные образцы словесно-образной культуры киргизского народа. Фольклорные и авторские тексты отражают всё многообразие киргизской художественной словесности. Тексты, вошедшие в книгу, относятся к малым формам и позволяют проследить всю палитру художественного слова с древних времён и до наших дней. Произведения на киргизском языке взяты в переводах знаковых переводчиков своего времени.

Хрестоматия может быть использована в работе преподавателями и учителями киргизского языка и литературы, филологами и студентами, а также направлена на читателя, желающего ознакомиться с богатейшим наследием художественного творчества киргизского народа.

УДК 801.8(512.154):821.51.0
ББК 83.3(5Кир)

ISBN 978-9967-19-888-3

© ГОУВПО КРСУ, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	10
ОБРАЗНОЕ СЛОВО В ФОЛЬКЛОРЕ	12
Пословицы, поговорки, изречения	12
Народные приметы.....	13
Санаты	15
Трудовые песни	16
Бытовые песни.....	18
Киргизские народные сказки.....	25
КАЛЫГУЛ БАЙ УУЛУ (1785–1855).....	32
Вспомнят меня.....	32
Время жизни пройдёт	34
Если будет у нас согласие	34
Слово об авторе	34
ТОКТОГУЛ САТЫЛГАНОВ (1864–1933)	35
Алымкан	35
Пять кабанов	36
Девушкам	38
В изгнании.....	39
Здравствуй, мать	42
Назиданья.....	44
Предсмертная песня Токтогула	46
Запомни это, сын!	46
Слово об авторе	47
ТОГОЛОК МОЛДО (1860–1942) (Байымбет Абдырахманов).....	48
Чума	49
Жалоба девушки, выданной замуж за старика	50
Жалоба девушки, выданной замуж за мальчика.....	52
О собаке, которая хотела сшить себе халат-доолдай	55
Вперед!	56
Слово об авторе	58
МОЛДО КЫЛЫЧ (1866–1917)	58
Зар заман (эпоха скорби).....	58
Слово об авторе	61

КАЛЫК АКИЕВ (1883–1953).....	61
Нужда.....	62
Слово об авторе	63
БАРПЫ АЛЫКУЛОВ (1884–1949).....	64
Мырзаим	64
Сопу	66
Слово об авторе	68
БЫСАК ШАЙБЕКОВ (1880–1957).....	68
О, сладки денежки твои... ..	68
Горемычный народ	69
Слово об авторе	72
АЛЫМКУЛ УСЕНБАЕВ (1894–1963)	72
Памяти генерала Панфилова	72
Слово об авторе	73
КАСЫМ ТЫНЫСТАНОВ (1901–1938)	73
Той, с кем разлучен	73
Разлука.....	75
Гробница Манаса.....	76
Слово об авторе	78
КАСЫМАЛЫ БАЯЛИНОВ (1902–1979).....	78
Мурат	78
Слово об авторе	83
ААЛЫ ТОКОМБАЕВ (1904–1988)	84
Потомкам.....	85
Мой тополь.....	85
Двое.....	86
Пчела	87
Тайна мелодии	88
Слово об авторе	103
КАСЫМАЛЫ ДЖАНТОШЕВ (1904–1968)	104
Адыл и Эдил	105
Слово об авторе	111
МУКАЙ ЭЛЕБАЕВ (1905–1943)	112
Письмо на Ала-Тоо.....	112
Жизнь.....	114
Слово об авторе	114
ДЖООМАРТ БОКОНБАЕВ (1910–1944).....	115
Письмо с фронта любимой.....	116
Ручей по золоту песка.....	118

Слово об авторе	118
ДЖУСУП ТУРУСБЕКОВ (1910–1944).....	119
Песня и пуля	119
Весна идет!.....	120
Слово об авторе	120
АЛЫКУЛ ОСМОНОВ (1915–1950).....	121
Отчизна.....	122
Женщине	122
Я – корабль.....	122
Маляр.....	123
Будь гостем.....	123
Слово об авторе	124
КУБАНЫЧБЕК МАЛИКОВ (1911–1978).....	124
Страна киргизов.....	125
Сын табунщика.....	126
Слово об авторе	127
ТУГЕЛЬБАЙ СЫДЫКБЕКОВ (1912–1997).....	127
Короткие рассказы.....	128
Тулуп деда	128
Письмо.....	130
Слово об авторе	132
ТЕМИРКУЛ УМЕТАЛИЕВ (1908–1991).....	132
Память ветерана	133
Сердце киргиза	134
Отец поэтов.....	134
Придут такие времена.....	135
Слово об авторе	136
РАЙКАН ШУКУРБЕКОВ (1913–1964).....	136
Солдатский поцелуй.....	137
Мой дом.....	138
Улица	138
Родина.....	139
Слово об авторе	139
МИДИН АЛЫБАЕВ (1917–1959).....	139
Не плачь.....	140
Слово отца.....	142
Любовь	143
Слово об авторе	143

НАСИРДИН БАЙТЕМИРОВ (1916–1996)	143
Моя тайна	144
Слово об авторе	145
ИСМАИЛ БОРОНЧИЕВ (1910–1978)	145
Все для фронта!	145
Дорогая	146
Девушка-чабан	147
Признание	148
Слово об авторе	149
ТОКТОБОЛОТ АБДУМОМУНОВ (1922–1989).....	149
Письмо.....	150
Слово об авторе	162
СУЙУНБАЙ ЭРАЛИЕВ (1921–2016).....	162
Фронтной дождь	163
Ливень	164
Слово об авторе	166
СООРОНБАЙ ДЖУСУЕВ (1925–2016).....	166
Под Ауце.....	167
Женщина на костылях.....	168
Я – комуз	169
Цветок на холме.....	170
Слово об авторе	171
БАЙДЫЛДА САРНОГОЕВ (1932–2004).....	171
Киргизу.....	171
Озеро Сары-Челек	172
Слово об авторе	173
МУКАМБЕТКАЛЫЙ ТУРСУНАЛИЕВ (1926–1996).....	173
Спор	173
Слово об авторе	175
ТОКТОСУН ТЫНЫБЕКОВ (1927–1982).....	175
Весна пришла.....	175
Слово об авторе	177
ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ (1928–2008).....	178
Мальчик с пальчик.....	179
Акбара.....	180
Слово об авторе	186
ТОЛОГОН КАСЫМБЕКОВ (1931–2011)	187
Сын табунщика	187
Однажды в лесу	190

Слово об авторе	194
МУСА ДЖАНГАЗИЕВ (1921–1997)	194
Берегите птиц.....	195
Ягнёнок.....	195
Гордость.....	196
Слово об авторе	196
ШУКУРБЕК БЕЙШЕНАЛИЕВ (1928–2000)	196
Белый верблюжонок.....	197
Осмон и его дедушка.....	197
По пути на джайлоо	199
Первое утро.....	202
Неожиданная беда	205
Маленькие друзья.....	207
Слово об авторе	209
ТЕНТИ АДЫШЕВА (1920–1984).....	210
Марш мира	210
Дарите мне улыбки.....	211
К жизни	212
Водопад	212
Слово об авторе	213
МУХТАР БОРБУГУЛОВ (1930–2004).....	213
Лиса-моралист	214
Пир у мыши	215
Теленок	216
Выбор невесты.....	217
Слово об авторе	218
ЭСЕНГУЛ ИБРАЕВ (1933–2005).....	218
Серый козленок	219
Слово об авторе	225
ОМОР СУЛТАНОВ (1935–2022).....	225
Времена года	
1. Весна.....	226
2. Лето.....	227
3. Осень	228
4. Зима	230
Слово об авторе	231
РАМИС РЫСКУЛОВ (1934–2021).....	232
Мама	233
Лебединый любодень.....	233
Я энергичен.....	234

Зов бытия.....	235
Слово об авторе	237
ДЖАЛИЛ САДЫКОВ (1932–2010).....	238
Родные горы	238
Ночь	239
Слово об авторе	239
БЕКСУЛТАН ДЖАКИЕВ (1936–2021).....	239
Встреча в городе ветров.....	240
Слово об авторе	261
МАЙРАМКАН АБЫЛКАСЫМОВА (р. 1936)	261
Этой весной.....	261
Парты.....	263
Слово об авторе	263
ДЖОЛОН МАМЫТОВ (1940–1988).....	263
Романтика.....	264
Откровение.....	264
Кони	266
Возвращение	267
Слово об авторе	267
МУРЗА ГАПАРОВ (1936–2002).....	267
Арсланбоб	268
Сары-Челек	268
Водопад	268
Орехи	268
Сенокос.....	269
Картошка	269
Совка-сплюшка.....	269
Слово об авторе	269
МАР БАЙДЖИЕВ (1935–2021).....	270
Гражданочка.....	270
Слово об авторе	272
МЫРЗАБЕК ТОЙБАЕВ (1935–2019).....	272
Дорогая тетушка.....	273
Слово об авторе	285
ТУРАР КОЖОМБЕРДИЕВ (1941–1989).....	285
На этой земле	285
Отчего.....	286
Замки.....	287
Слово об авторе	288

АНАТАЙ ОМУРКАНОВ (р. 1945).....	288
Встреча в горах.....	288
Мать.....	290
Слово об авторе.....	291
АСАН ЖАКШЫЛЫКОВ (р. 1949).....	291
Доброе утро.....	292
Жизнь.....	292
Арча.....	294
Слово об авторе.....	295
МАЛИКА ШАБАЕВА (1951–2002).....	295
Отчий край.....	296
Старый дом.....	296
Я тебя придумала.....	297
Счастье.....	298
Слово об авторе.....	298
СУЛТАН РАЕВ (р. 1958).....	298
Женщина.....	299
Слово об авторе.....	307
ЧОЛПОНБАЙ НУСУПОВ (р. 1957).....	307
Шумкар.....	308
Слово об авторе.....	317
АЙДАРБЕК САРМАНБЕТОВ (р. 1953).....	318
Скотина.....	318
Слово об авторе.....	325
НУРЛАНБЕК КАЛЫБЕКОВ (р. 1973).....	325
Всемогущий.....	325
Цельность мира.....	326
Сон.....	327
Слово об авторе.....	328
НАРГИСА КАРАСАРТОВА (р. 1978).....	328
Лия и Айя-рукодельница.....	329
Слово об авторе.....	332

*Посвящается
памяти Народного поэта
Кыргызской Республики Омора Султанова*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Киргизская словесно-образная культура многие столетия существовала в устном воплощении, и свое письменное претворение получила в последние века.

Фольклор и литература. Есть тысячи имен художников слова, малая часть из которых сохранилась в памяти зрителей, слушателей и читателей.

В XX–XXI веках образы и сюжеты устного бытования находят свое продолжение-интерпретацию в письменной форме. Начало этому положила одна из первых публикаций – «Возвращение Семетея из Бухары в Талас». Устное и письменное существование этого сюжета различны, как фольклор и литература.

Фольклорное наследие многообразно и в тематическом, и в жанровом планах. Богатство и разнообразие устного образного слова можно объяснить не только древностью народа, которому оно принадлежит, но и нравственной заботой о сохранении традиций, быта, воспитания. Менталитет как национальный образ мира, благодаря фольклору и взаимосвязанным с ним древней философией, укладом и пр., сохранил малый народ в своей уникальности, утвердив на долгие времена существование его в условиях оседло-кочевой цивилизации.

Не случайна восприимчивость к различным религиозным учениям, получившим отражение в устных художественных памятниках, например, в эпической санджире «Манас» и других. Историю художественной словесной культуры надо писать, изучать, находясь в постоянном поиске новых нюансов в понимании образного наследия. Фольклор и литературу надо слушать и читать. Пока они не востребованы – они мертвы. Жизнь начинается с получения удовольствия. И в приобщении к художественному творчеству.

Данная книга представляет воочию не только поступательное движение художественного творчества, но и многообразие талантов, совершавших каждодневное приобщение к Слову. Любая национальная литература (фольклор более консервативен), как это ни парадоксально звучит, многонациональна.

И если на первом этапе становления она подражает национальному фольклору по способам изложения материала (первые писатели стилизуют акынские приемы трансформации материала), то позже происходит освоение жанров, присущих другим национальным литературам. Не случайно первые писатели – еще и переводчики произведений иных национальных традиций. Так, появляются киргизские рассказы, повести, романы, поэмы и пр., сочетающие в форме и содержании в едином контексте инациональное и национальное. Причем, овладение романскими особенностями происходит много раньше, чем повестными

(Т. Сыдыкбеков, Ч. Айтматов и др.). В хрестоматии представлены произведения как двуязычных авторов, писавших на киргизском и русском языках, так и авторов, чьи произведения были переведены на русский язык другими мастерами слова.

Книга не претендует на всеобъемлемость представления киргизской художественной словесности, и вопрос «А почему в сборник не вошел тот или другой автор, то или другое произведение, ведь они сыграли значительную роль в определенной эпохе?», как ни странно, заключает в себе ответ – они остались жить в той эпохе или же перевод этих произведений на русский язык, на наш взгляд, устарел.

Эта книга имеет несколько назначений. Создавалась она как для понимания развития киргизской художественной словесности, так и для эмоционального приобщения к интересным произведениям. Для чтения.

Составители Ж. Султанова и О. Токтоназарова бережно собирали ее из всего, что создано в далекой древности и вчера.

Каждое из произведений, помещенных в это издание, имеет продолжение, которое ждет каждого из тех, кто возжелал вслед за первым знакомством и впечатлением узнать и другие книги автора.

Книга эта – своеобразный посох, помогающий в пути узнавания разнообразных произведений, как принято метафорически называть, горного края. Удачи и удовольствия.

А.С. Кацев

ОБРАЗНОЕ СЛОВО В ФОЛЬКЛОРЕ

Пословицы, поговорки, изречения

Не верь в богатство, верь в труд.

Один день труда дороже тысячи дней безделья.

Над чем мало труда, от того мало и пользы.

Много потрудишься, много увезешь.

Мало труда, мало и добра.

Родные места священны, кто уйдет от них, подвергнется страданиям.

Даже если на чужбине рай, не покидай родимый край.

Жизнь рыбы – в воде, жизнь джигита – с народом.

Человек славен своим народом, земля – ископаемыми.

Когда говорит народ, он говорит только правду.

Джигит рождается дома, а умирает на поле брани.

Просить пощады у врага, пока ты жив – недостойно мужчины.

Джигит к месту своей смерти идет с улыбкой.

Смерть на подушках – стыд, в битве смерть – честь.

У трусливого в глазах двоится.

Плохой джигит подобен лошади без узды.

Для хорошего коня плетка не нужна.

Управляй конем осторожно, иначе останешься пешим.

Сын своего отца – ты мил для нас, но сын народа – ты милей в сто раз.

Если хорошо кормить и воспитывать клячу, станет она боевым конем.

У хорошего отца сын хорош, а у хорошей матери – дочь.

Хороший сын будет молодцом, а глупый – умрет глупцом.

Дурные дела и через сорок лет обнаружатся.

Ум – глубже моря, знание – выше гор.

Старик придет – для угощения, молодой придет – для работы.

Хорошая жена – половина счастья.

Где гости, там и благоденствие.

Народные приметы

Если в юрте птица свила гнездо и ждет птенцов, хозяева должны отложить перекочевку, пока не появятся птенцы.

Нельзя бросать камнями в ласточку.

Не принято называть старших по имени.

Мужчин надо уважительно называть «байке» – старший брат, а женщин «эже» – старшая сестра.

Не принято перешагивать через нож, кнут и оружие.

Не принято рассказывать плохие сны, лучше пошептаться о нем с текущей водой.

Большой грех – отказывать тому, кто просит хлеба.

Не принято много говорить при старших – нужно их больше слушать.

Нельзя стрелять в лебедей.

Нельзя плохо говорить об умерших.

Не принято дарить ножи.

Не принято выплескивать на землю остатки молока, иначе вымя коровы опустеет.

Нельзя злорадствовать над чьей-то неудачей, иначе его беды станут твоими.

Нельзя разрушать муравейник, иначе разрушится твой дом.

Змея заползет в дом – не убивай, а поставь пиалу с молоком.

Если беременная женщина ест много яблок, у нее родится красивый ребенок.

Если ребенок хлопает в ладоши – жди хорошую новость.

Спящему младенцу под подушку положено класть нож или камчу, чтобы он спал спокойно.

Если птицы нахохлились, значит, грянет перемена погоды.

Если перепелка распелась – быть дождю.

Если льет крупный дождь – он будет недолгим, мелкий – затяжной.

Если птица вьет гнездо на восточной стороне – лето будет прохладное.

Если собака катается по земле – быть дождю.

Если лошадь лежит на снегу – скоро будет тепло.

Сорока затрещала – жди гостей.

Множество мышей появляется перед засухой.

Зацвел урюк – жди заморозка.

Санаты

(песни-назидания)

Худо тем, у кого в преклонных годах
Сверстников при изголовьи нет.
Молодуха добром не помянет свах,
Если сладу с ворчливой свекровью нет.
Понапрасну оделись горы травой,
Если овцы, бредя, миновали их.
Ни к чему водоемов простор голубой,
Если гуси не облюбовали их.
Ни к чему скакуна горячит ездук,
Если стоит похвал только с виду он.
Будет всеми забытый муж одинок,
Если родину даст в обиду он.

* * *

Отрезав подол, рукава не шить;
С исконным врагом нельзя дружить;
Каплей воды всех степей не залить;
Поскачешь один – путь не заплыть;
Обрушится берег – сядет сухая пыль;
Никто не заплачет, если умрет бобыль;
Если бы славный воин навек затих,
Брызнули б слезы потоком с глаз людских.

Перевод М. Тарловского

Трудовые песни

Бекбекей

Масти она пегой, Бекбекей,
Крепко схватит ее Саксакай!
Сколько тут ни бегай, Бекбекей,
Обрюхатит ее Саксакай!
Унеслась Бекбекей за седло горы,
Саксакай ее ищет до сей поры.
Я хотел бы разжечь костер
Перед черной горой, Бекбекей!
Будь я мехом, щеки б натер
Я тебе полой, Бекбекей!
Я хочу быть конским хребтом
Для спины твоей, Бекбекей!
Медом стать перед милым ртом!
Губы сладки твои, Бекбекей...
Стать бы медом да подсластить
Ту еду, что пригубишь ты!
Я лисицу хочу закогтить,
Чьих повадок не любишь ты!
Волку – смерть! Чтоб за ним следить,
Сон трехкратно свой губишь ты...
Унеслась Бекбекей за седло горы.
Красят чресла ей шелковые шнуры.
У иголки моей загнулся конец.
Надо чутко в загоне стеречь овец!
Из боярышника жердь у меня.
Волк-ворюга, тебе смерть у меня!
На боярышниках наши бичи.
Зуб о камень, волк-ворюга, точи!
Только сунься волк, окружим!
Палками его оглушим!
Мы, связав, проучим его.
На верблюда навьючим его!

Перевод М. Тарловского

Шырылдан

Шерстью славится Шырылдан,
Волос вырастил Шырылдан,
Людам нравится Шырылдан.

Шырылдан – это наш удел.
Мы сегодня не смеем спать.
Только был бы табун наш цел,
Сон успеем мы наверстать.
Я устал от долгой езды, –
Я коня по нагорьям пас.
Не сдержал я, значит, узды,
Задержался, значит, у вас.

Мы к вам ехали на быках.
Позади – высокий отрог.
Не сдержали холок в руках
И наткнулись на ваш порог.
Скажет муж жене за дверьми:
«Пастухов достойно прими,
Им на ужин овцу возьми,
Им в подарок платок сними!».
Шерстью славится Шырылдан,
Любям нравится Шырылдан.
Волос вырастил Шырылдан.
К людям милостив Шырылдан.

Перевод М. Тарловского

* * *

Подоив, молочишко пей!
Вам, отцы, поклоны гостей!
Мира будь исполнен ваш дух!
Сыра вдоволь будь у стряпух!
Да лишатся добра скупцы,
Да побьют врагов храбрецы,
Да жуют младенцы сосцы,
Да поют на пашнях жнецы,
Да умножают ловлю ловцы,
Да ведут торговлю купцы
И да ноют вражьи рубцы!

* * *

О святой Баба-дыйкан,
Дорогой Баба-дыйкан,
Ты смени на милость гнев,
Сохрани ты наш посев!..
Мы ни серебра, ни злата
Просим, чтобы жить богато,

Много ль надо нам на свете?
– Были б сыты наши дети...

* * *

Мелют, мелют, мелют жито.
Пресевают через сито.
Пресевают через сито
В деревянное корыто.
В том корыте хватит места,
Месят, месят, месят тесто.
В черном, черном казане
Хлеб печется на огне.
Хватит хлеба всей родне,
Хватит и тебе, и мне.

Бытовые песни

Песни-заклинания

Иду, шагаю по полю, по бороздам,
Раскидываю семена по сторонам.
– Налево, направо, вокруг.
Ложитесь, зерна, в теплую пашню, как в пух.
Эта горстка – детям-сиротам,
Эта горстка – старикам, больным и калекам,
Эта – оголодавшим в засуху в соседних краях,
Эта горстка – заезжим купцам, певцам и бродягам,
А эта пригоршня для мышей,
Для муравьев, для птиц и всякой твари земной.
А это – для тебя, для него, для меня,
Для семьи, для детей...
Пусть поможет мне в деле Баба-Дыйкан, покровитель полей,
А остальное все сделаю сам.
Арыки широкие прорублю,
Вдоволь поля водой напою,
Не дам сорнякам зарастить мой посев,
Не дам проходимцам урожай воровать,
Буду сам охранять.
Пусть каждое зернышко тысячу зерен даст из горсти моей,
Да поможет мне в этом деле Баба-Дыйкан, покровитель полей!

* * *

Да будет дождь!
Да будет дождь все сильней и сильней.
Лей дождь, поливай.
Пройдись по елям,
Пробуди ветки можжевельника,
Окропи широколистные деревья,
Согни своей мощью стебли крепкого чия,
Застынь в верблюжьей колючке,
Напой чашу матушку-землю.
Да будет дождь, поток живительный небесный!
Чтоб дасторхон был щедрым,
Чтобы скотина была сытой.
Лей, дождь, поливай!
Дари просветленье людям
Дари свое великодушие и веру в счастье,
Дари надежду всем живым.
Лей, дождь, поливай!

Алас, алас

Алас, алас,
Будем избавлены от нечистот.
Ушел от нас старый год,
Пришел к нам новый год.
Будем живы в этом месяце,
Год проживем в здравии.
Пусть удачу нам даст Всевышний,
Побольше даст света.
Пшеницей наполнятся амбары,
Рот наполнится хлебом.

Ак бата

(молитвенное напутствие)

Чтобы ты был камчой для врагов народа,
Чтобы ты был каплей влаги в засуху,
Чтобы ты был для глухонемого и ухом, и языком,
Чтобы ты был колодцем в пустыне,
Чтобы ты был баатыром на скакуне,
Чтобы ты был смелым защитником для слабых,
Чтобы ты был опорой вдовам и сиротам,

Чтобы ты был угрозой для всех тиранов,
Чтобы ты был наказующим перстом для лжецов,
Чтобы ты был гонителем для воров.
Чтобы ты благодати отвечал своим благородством,
Для бедных ты был кормильцем,
Для незащищенных – щитом и мечом,
Чтобы в словах своих ты был краток,
Говорил не торопясь, и только нужное народу.
Чтобы ты был справедливым и знающим,
Чтобы ты избегал тех, кто хвалит тебя,
Чтобы ты был молотом для кузнеца,
Чтобы ты был надежной оградой достойных,
Чтобы ты вселял силу в пугливых,
А в непостоянных – постоянство.
А если народ страдает от засухи,
Чтобы ты стал дождем для них.
Чтобы ты был милосердным к старикам,
Чтобы ты наливал айран голодному,
Чтобы мирил воюющих,
Чтобы ты был кладом для народа,
Чтобы ты был одеждой для сирого,
Чтобы ты заслужил честь нести знамя,
Чтобы ты был колыбелью для новорожденного,
Чтобы ты был дверью к счастью,
Чтобы ты был пристанищем тем, у кого нет земли,
Чтобы ты был спокойным и добродушным,
Чтобы умел ты пользоваться славой.
Чтобы ты всегда был щедрым, даже когда у тебя нет ничего.
Чтобы ты был по душе честолюбивому,
Чтобы ты был гирей для весов,
Чтобы ты был истиной из истин.
Пусть твое духовное богатство будет нескончаемым,
Пусть твои слова будут бесценными,
Пусть твои честь и достоинство будут примером для всего киргизского
народа!

Да пусть будет у тебя достаток,
Да пусть будешь ты славно жив,
Пусть Бог дарует тебе долголетие,
Да сопутствует тебе благоденствие,
Пусть никогда не будешь хворать ты,
Пусть народ будет спокоен и сыт,

А хан – на своем месте.
Пусть Бог сбережет тебя от необъявленных врагов,
От чудовищных бедствий, от смерти
И буйства стихий.
Пусть будет мир,
Пусть торжествуют труд и благополучие,
Пусть наши деды будут мудрыми,
А бабушки будут добрыми.
Пусть девушки наши берегут свою честь,
А дети наши будут отзывчивыми...

Белая рыбка

(«Секетбай»)

Шея твоя, как хлопковый плод, дела.
Право тебя воспеть ты мне сама дала.
Все вспоминаю тебя и все скорблю,
Мукам моим ни меры нет, ни числа.
Быть бы серьгами о двух замочках мне!
В нежных твоих болтаться бы в мочках мне!
Быть бы мне речкой и твой кувшин поить!
Ноги твои обтекать бы на кочках мне!

Перевод М. Тарловского

Длинные косы

(«Куйген»)

Ты, как нежный камыш, гибка.
Не найти тебе двойника,
Только пери подобна ты,
На земле ж – одна ты пока.

Каждый зуб твой как серебро.
Ты спалила мне все нутро!
Истомленный, я шел к тебе,
Но обманут тобой хитро.

Как мечу, мне ночью нужны
Золотые твои ножны:
В лунном свете, слитый с тобой,
Неземные вкушал бы сны!

Перевод М. Тарловского

Проводы невесты Прощальная песня матери

Уйдешь не по воле своей, –
Не видеть мне радостных дней.
Уйдешь, родная, к чужим.
Привыкнешь, родная, к чужим.
Золотое кольцо надень, –
Забранится свекровь – смолчи.
С бирюзою кольцо надень, –
Седой не прекословь, смолчи.
Если муж сердит будет, строг,
Улыбкой ответь на упрек,
Не огорчай сердца его,
Не отвращай сердца его,
Чтоб не стал в сердцах проклинять
Он отца твоего и мать.
Гость придет – приветливо встретить.
Стыдись сложа руки сидеть.
Будь здорова, счастлива будь!
Пусть жемчуг устелет твой путь.

* * *

Мы невесту держали в тенистом доме,
Надевали ей серебро и перья филина.
Мы невесту любили нежно,
Надевали ей золотые серьги.
Доченька хороша примерным поведением,
Делилась она со мною своими секретами
И слушала внимательно советы снохи.
Доченька нынче выходит замуж,
Она станет душой чужой семьи.
Пусть будет добр и богат жених,
Пусть наденет он тебе золотые бусы
И ухаживает за тобой с любовью.

* * *

Я ль моему не травила ястребку?
Ты у меня ходила в белом шелку.
День наступил – богатый пришел жених.
«Дочку твою, – сказал он, – уволоку»!

Хохлик на темя матери старой ты,
Брошь золотая, полная жара, ты!
Зеркало ты в белой кибитке моей!
Чайник бесценный для самовара ты!

Сбруйка моя! Весь твой золотой чекан
Новому мной власть хозяину дан,
В пару стремян, покрытых резьбой моей,
Ноги сует росший с тобой мальчуган.

Холь верблюжонка – степи раздвинет он,
Холь жеребенка – поводком хлынет он.
Девушка – тот же верблюд, радость моя:
Горд, а колки из носа не вынет он!

Кошки (песни-плачи)

Кюль ойрон

Кюль-ойрон, мой ячмень наливной!
Что ты сделал с детьми, с женой!
Так неожиданно от нас уйдя,
Погрузил нас во мрак ночной...

Если смерть имеет права,
Надо было пожать сперва.
А теперь, в разлуке с тобой,
Не молодка я, а вдова...

Ты не сядешь больше в седло.
Помрачнело мое чело.
Трех сироток оставил ты.
Покарал нас бог тяжело.

Жеребята ржут у кола,
А земля вокруг сирых гола...
Ты непустишь с привязи их,
Наша доля невесела.

* * *

При тебе я счастлива была,
При тебе я не знала зла.
Дом стоял да сгорел дотла.

Что осталось? Одна зола.
Были руки твои сильны,
Были ноги твои длинны.
Сладкозвучные для жены,
Были речи твои умны.
Сто кибиток у нас аил.
В нем ты самым веселым был,
Чем владел – того не таил,
Всем давал – ничего не просил.
Сеял просо ты и ячмень.
До заката в поле весь день
Твой проворный мелькал кетмень,
Ты не знал, что такое лень...

Загадки Талымкан и разгадка Кебека

- Силу, что к людям слывет благосклонной, как назвать?
- К нам благосклонная сила – утренний луч.
- Силу, чей свет по влаге скользит бездонной, как назвать?
- Месяц по влаге бездонной плывет меж туч.
- Силу, где скрыты густые туманы, как назвать?
- Сила, где скрыты туманы, – ночные сны.
- Силу, создавшую небо и страны, как назвать?
- Небо и страны солнцем порождены.
- Силу, что миру служит покровом, как назвать?
- Миру покровом туман служит порой.
- Силу, что хворое делает вмиг здоровым, как назвать?
- Если желаешь здоровья, глаза открой.
- Силу, грозящую знатным и неимущим, как назвать?
- Баев и нищих равно бы нож сквернословья проткнул.

Перевод М. Тарловского

Киргизские народные сказки

Мудрая девушка

В старые, давние времена жил хан по имени Сарыбай.

Однажды он собрал свой народ и говорит:

– Вот уже сорок лет я ваш хан, я много повидал за это время, я выпил и съел столько, сколько мне было предназначено. Теперь мне только осталось умереть, но нет у меня детей и некому передать ханство. Изберите же сами себе нового хана.

И отвечает Сарыбаю его народ:

– Ты сам назначь нам нового хана!

– Нет, – говорит хан, – ведь живые быстро забывают слова умерших. Умру я, а со мной вместе умрут и мои слова.

Но народ снова стал просить его:

– Мы чтим тебя и твои слова. Назначай нового хана, и мы послушаемся тебя!

Тогда Сарыбай сказал:

– Есть у меня верный друг – белый сокол. После моей смерти он три дня не будет ни двигаться, ни есть, ни пить. На четвёртый день вы подойдите к нему, покормите его, напоите его и выпустите на волю. Следите за ним и смотрите, где он будет кружиться. Тот, на чью голову опустится белый сокол, и станет вашим ханом.

Прошло немало дней, и хан Сарыбай умер. И верный его друг – белый сокол – три дня не двигался, не ел и не пил. На четвёртый день его накормили, напоили и выпустили на волю. Высоко в воздух поднялся сокол, покружился над собравшимся народом и опустился на голову молодого пастуха Болотбека. Зашумел народ тут. Одни кричали:

– Уж очень молод Болотбек, может ли он править ханством?

– Не станем выбирать ханом пастуха! – кричали другие.

Тогда выступили вперед аксакалы и обратились к народу:

– Мы обещали Сарыбаю выбрать ханом того, на чью голову опустится белый сокол. Он опустился на голову пастуха. И пусть этот молодой пастух станет теперь нашим ханом!

И вот стал Болотбек ханом. Был он умным и справедливым, много помогал бедным – раздавал им скот и выдавал одежду из ханской кладовой.

Скоро народ заметил, что каждый раз, когда хан Болотбек выходил из кладовой, глаза его были заплаканы. Стали люди опрашивать у него о причине его печали и слёз. И молодой хан отвечал им:

– В кладовой лежит мой старый рваный халат. И он напоминает мне о том, что среди моего народа есть ещё много бедняков. От этого мне становится тяжело, и я плачу!

С тех пор еще больше полюбили подданные своего хана.

Долго правил хай Болотбек, правил мудро и справедливо. Но одно печалило народ – не берёт хан себе жены, не нравятся ему дочери баев и ханов. И вот однажды пришли к нему аксакалы и стали просить его жениться.

– Вспомни Сарыбая, – сказали они ему. – Он умер, не оставив после себя наследников, так будет и с тобой.

Долго уговаривали его аксакалы, и хан наконец согласился.

– Хорошо, – сказал он. – Созовите ко мне всех знатных девушек нашего ханства, я загадаю им три загадки, и та, которая отгадает их, станет моей женой.

И вот во дворце Болотбека собрались все знатные девушки ханства. Выходит к ним хан Болотбек и загадывает им три загадки:

– Какое расстояние между востоком и западом?

– Какое расстояние между небом и землёй?

– Какое расстояние между правдой и ложью?

Для ответа хан дал три дня сроку и приказал девушкам каждое утро и вечер приходиться во дворец и рассказывать, что они надумают за это время.

Прошло два дня, но еще ни одна из девушек не разгадала загадок хана. На третий день по дороге во дворец они встретили бедную девушку по имени Даанышман, которая собирала хворост.

– Сестрицы, – обратилась к ним Даанышман, – вот уже третий день ходите вы во дворец. Скажите мне, зачем?

– Не твоё дело, – грубо отвечали ей знатные девушки. – Собирай свой хворост!

Но среди девушек нашлась одна добрее и рассказала ей всё. Даанышман тогда стала упрашивать и её взять во дворец. Девушки смеялись над её бедной одеждой и не хотели брать, но после долгих просьб они, наконец, согласились. Пришли девушки во дворец, и хан Болотбек спрашивает их:

– Ну, кто из вас отгадал мои загадки?

Никто из девушек не откликнулся. Тогда выступила вперёд Даанышман и сказала:

– Хан, я отгадала твои загадки. Между востоком и западом всего-навсего один день пути, потому что утром солнце начинает свой путь на востоке, а вечером оно заканчивает его на западе. Невелико расстояние между небом и землёй – его нетрудно охватить взором: поднимешь глаза – увидишь небо, опустишь глаза – увидишь землю. Третью загадку отгадать тоже нетрудно: расстояние между правдой и ложью всего лишь в четыре пальца, это расстояние между глазом и ухом, потому что ухо часто слышит ложь, но глаз всегда видит только правду.

– Правильно, – воскликнул хан. – Ты одна разгадала загадки, ты самая умная девушка в моей стране, и я женюсь на тебе!

И Болотбек велел сзывать народ на свадьбу.

Так бедная девушка стала ханской женой. Жили они дружно и счастливо, всегда помнили о бедняках и заботились о них. Даанышман помогала хану своими умными советами и наставлениями. Ведь недаром ее звали Даанышман, что

значит мудрая. Хан всегда слушал свою жену, но взял с неё слово, что никого, кроме него, она не будет учить уму.

Однажды сильно провинился перед ханом Болотбеком один джигит. И он должен был умереть. И пришёл тогда джигит к ханше и стал просить её, чтобы она научила его, как избежать неминуемой смерти.

Жаль стало ханше джигита, и она нарушила слово, данное мужу, научила джигита, как отвечать перед Болотбеком.

– Только смотри, не говори хану, что это я тебя научила! – приказала она.

Но хан Болотбек сразу понял, что сам джигит не мог такой умный ответ придумать, и стал у него выпрашивать:

– Скажи, кто тебя научил так отвечать? Если не скажешь, велю казнить тебя!

Испугался джигит и сознался, что это Даанышман его научила. Разгневался хан. Пришёл он к жене и говорит ей:

– Ты не сдержала своего обещания, значит, ты не можешь быть мне верной женой! До сих пор жили мы с тобой дружно, но теперь оставь мой дворец и мой город – уезжай! Можешь взять с собой то, что ты больше всего любишь.

– Хорошо, – ответила Даанышман. – Я согласна, только исполни мою просьбу – в последний раз поешь со мной вместе!

Согласился хан Болотбек.

Ханша приготовила еду, принесла вина и стала угощать мужа. Когда хан опьянел и уснул, Даанышман приказала запрячь в арбу лучших лошадей. Она уложила в арбу спящего хана и повезла его.

Скоро приехали они в другое ханство. Хан Болотбек проснулся, посмотрел вокруг и увидел, что находится в каком-то незнакомом городе, а рядом с ним сидит его жена Даанышман.

Испугался хан Болотбек и спрашивает её:

– Что ты хочешь со мной делать?

– Хан мой, – отвечает ему жена, – ты сказал мне: «Оставь мой дворец и мой город – уезжай! Можешь взять с собой то, что ты больше всего любишь». Я оставила твой дворец, оставила твой город, но взяла с собой тебя, потому что люблю больше всего на свете!

Понял хан Болотбек, что был несправедлив, стыдно ему стало перед своей женой-умницей, он вернулся с ней в свой дворец, и зажили они, как прежде, счастливо и дружно.

Злые жены

У одного хана было сорок жен, а детей он не имел. Однажды ехал хан со свитой и встретил трех девушек-сестер.

– Что умеет каждая из вас делать? – спросил он.

Старшая сестра ответила:

– Я умею шить калпаки. Мои калпаки расходятся по всем городам, и нет такого киргиза, который не носил бы их.

Тогда выступила вперед средняя сестра:

– Одной щепоткой толочка я могу накормить жителей целого аила.

Настала очередь отвечать младшей сестре.

– Я рожу своему будущему мужу мальчика и девочку, – сказала она. – У мальчика ноги будут золотые, а у девочки – серебряные. При каждом их шаге на земле будет оставаться либо золотой, либо серебряный след.

Хан тут же решил жениться на младшей сестре. Он поставил для молодой жены отдельную юрту, сделал много дорогих подарков.

Вот пришло время молодой ханше рожать. Хана в то время не было в аиле, он уехал в горы на охоту.

Взволновались сорок жен хана:

– Если молодая жена родит хану сына, нам житья не будет.

Сказав так, они отправились к старой ведьме и попросили ее:

– Уничтожь ребенка, который должен родиться у жены хана, и мы тебя наградим всем, что пожелаешь.

Ведьма согласилась. Она выждала, пока жена хана родит, пробралась в ее юрту, украла новорожденных близнецов – мальчика и девочку, спрятала их в сундук, а вместо детей подложила двух щенят. Сундучок с детьми она унесла в горы и бросила в глухое ущелье. На обратном пути ведьма встретила хана, возвращавшегося с охоты, и сообщила ему новость:

– Твоя жена родила двух щенят – кобелька и сучку.

Опечалился хан, стыдно ему стало перед людьми, приказал он своим приближенным:

– Отвезите щенят вместе с матерью на дальний остров, чтобы они мне на глаза не попадались.

Ведьма вернулась в аил, и сорок жен хана щедро наградили ее. А близнецов, лежавших в сундуке, увидела самка марала. Она унесла детей в пещеру, спрятала там и все время прибегала к ним, кормила их своим молоком. Так дети и выросли.

Спустя много времени, охотясь в горах, хан набрел на золотые и серебряные следы. По этим следам он дошел до пещеры. Вошел хан в пещеру и увидел там мальчика с золотыми ногами и девочку с серебряными ногами.

«Они похожи на меня», – подумал хан и спросил:

– Чьи вы дети?

– Мы не знаем, чьи мы дети, – ответили ему брат и сестра. – Мы росли в сундуке, а выкормила нас молоком самка марала.

Хан вернулся в аил, позвал к себе ведьму и начал ее бить.

– Расскажи всю правду, не то я велю отрубить тебе голову. Что ты сделала с моими детьми? – спрашивал он при каждом ударе.

От ханских побоев разболелось все тело ведьмы, и она призналась:

– Твоя молодая жена родила близнецов – мальчика с золотыми ногами и девочку с серебряными ногами. Сорок жен твоих потребовали от меня уничтожить детей. За это мне была обещана награда. Я украла детей и вместо них подложила двух щенят. Потом я положила детей в сундучок и отнесла в горы.

Поехал хан со своей свитой на остров, куда была отвезена его молодая жена. Там он увидел двух больших собак, в которых успели превратиться за это время щенки. Собаки ловили зайцев и приносили их жене хана. Так и жила она, питаясь зайчатиной.

Привез хан в аил жену и детей своих – мальчика с золотыми ногами и девочку с серебряными ногами, и стали жить вместе.

Что касается злых жен, то он навсегда выгнал их из своего дома, а злую ведьму приказал сбросить со скалы.

Апенди и бай

Шел однажды Апенди по улице и увидел бая: он сидел в своем доме у открытого окна. Апенди сделал вид, что не видит бая, и запел:

– Аллах, пошли мне ровно сто золотых. Если дашь хоть на один меньше, то не возьму ничего.

Так прошел он мимо байского дома. Через некоторое время он вернулся и заметил, что бай сидит в том же положении.

Апенди снова запел:

– Аллах, пошли мне ровно сто золотых. Если дашь хоть на один меньше, то не возьму ничего.

Бай подумал: «Ну-ка, я проверю, правду ли говорит этот Апенди». Он положил в маленький шелковый мешочек девяносто девять золотых и выбросил через окошко. Мешочек упал к ногам Апенди. Схватил Апенди мешочек, развязал его и, присев, начал считать деньги. Пересчитал и пробормотал:

– Тут девяносто девять золотых, да шелковый мешочек стоит один золотой, значит, аллах послал мне ровно сто золотых. Слава аллаху!

И Апенди заторопился к своему дому. Выбежал бай на улицу, закричал:

– Апенди, стой! Так не годится: ты ведь просил у аллаха ровно сто золотых, сказал, что меньше не возьмешь. Я решил проверить, говоришь ли ты правду, и выбросил тебе в мешочке девяносто девять золотых.

Апенди спокойно ответил:

– Разве я просил их у тебя? Я получил их от аллаха. Не преграждай мне путь!

Оттолкнул Апенди бая и пошел своей дорогой. Так они дошли до дома Апенди.

– Неужели ты так и не отдашь мои деньги? – спросил бай.

– Вот так и не отдам, – ответил Апенди,

– Ну, тогда пойдем к бию. Пусть он рассудит.

– Не пойду к бию.

– Почему же?

– У меня старый и рваный халат, – сказал Апенди. – Как я предстану перед бием в таком виде?

– Ну, тогда надень мой халат, – ответил бай. Снял он с себя шелковый халат и отдал Апенди.

Надев новый шелковый халат, Апенди погладил рукава, воротник, но с места не сдвинулся.

– Что же ты не идешь? Нам же надо идти к бию! – воскликнул бай.

– Как же я пойду пешком? – спросил Апенди.

– Будешь шагать и дойдешь.

– Не-ет, шагать я не могу, у меня болят ноги, а бий живет далеко.

– В моем сарае, – сказал тогда бай, – стоят пять ослов. Выберем из них двух лучших и на них быстро доедем к бию.

Апенди наконец, смилостивился:

– Вот так бы давно сказал. Теперь я согласен.

Пошли они к сараю, выбрали двух лучших ослов, сели на них и отправились к бию. Явились оба к нему, с почтением приветствовали его и смиренно присели. Первым заговорил бай. После того, как бий внимательно выслушал бая, он обратился к Апенди:

– Что ты скажешь теперь?

– Не верьте словам этого человека, – сказал Апенди.

– Почему?

– Он всегда говорит неправду. Может, он скажет, что и халат, который на мне, – это его халат?

Бай вскочил с места и крикнул:

– Конечно, это мой халат!

– Вот видите, – сказал Апенди, – я так и знал. А теперь он еще скажет, что и осел, на котором я приехал к вам, тоже его.

Бай пришел в ярость и завопил:

– Осел тоже мой!

Кинулся бай к Апенди, чтобы снять с него шелковый халат.

– Прочь от него! – крикнул бий. – Ты что, считаешь меня глупцом? Разве я был бы тогда бием? Ты все лжешь: будто выбросил на улицу девяносто девять золотых, будто у Апенди твой халат и твой осел. Ты, наверное, хочешь посмеяться надо мной? Но этому не бывать! В наказание я отбираю у тебя твоего осла. Придется тебе пешком уходить. А ты, Апенди, садись на своего осла и поезжай с миром.

Так Апенди завладел золотыми монетами, получил новый шелковый халат, осла, вернулся к себе домой и спокойно зажил. А бай сразу лишился золотых монет, нового шелкового халата и двух ослов.

Легенда об Иссык-Куле

Давно, так давно, что люди и забыли, когда это было, существовал древний город. Над ним, на вершине крутой горы, стоял замок. Глубокие пропасти и мрачные ущелья окружали его со всех сторон. Принадлежал замок могущественному хану. Славился хан богатством, но еще больше – жестокостью. Не проходило дня,

чтобы кто-нибудь из его подданных не сделался жертвой жестокосердного хана, не был брошен в подземелье. Несмотря на старость, хан был и сластолюбив.

Однажды до него дошёл слух, что в бедной семье одного кочевника есть девушка несказанной красоты. Хан решил овладеть красавицей. Девушка жила в маленьком аиле, приютившемся у подножья гор, на берегу ручья. Много славных джигитов пытались завоевать сердце красавицы, но она ни на кого не обращала внимания и на предложения о женитьбе знатных, самых смелых джигитов отвечала, что любит другого. Кого любила девушка, никто не мог узнать, да и сама она не знала. Помнила она только, что в одно раннее утро, когда солнце озарило светом вершины гор, явился пред ней на белом коне красавец джигит, схватил ее и вместе с нею взвился высоко-высоко. Помнила, как с быстротой вихря мчались они вдвоем в недостижимой вышине, потом остановились на горной вершине, покрытой вечным снегом, как он крепко обнимал ее, целовал, а расставаясь, снял с руки кольцо и, надев ей на палец, сказал:

– Я скоро вернусь! Кольцо никогда не снимай и, пока оно у тебя, никакое несчастье тебя не коснется!

С тех пор прошло много дней, но красавец-джигит все не возвращался.

Когда посланники хана явились к ней с богатыми дарами и предложением выйти за него замуж, она с негодованием отвергла подарки и воскликнула:

– Я люблю другого и ничьей женой, кроме своего возлюбленного, не буду!

Сказав это, девушка ушла в горы, в надежде снова встретить дивного всадника и найти у него защиту. Но тщетно она звала любимого, лишь эхо вторило ее зову. И тут только девушка заметила, что перстень исчез с ее руки: она заплакала и решила возвратиться домой. Не успела она дойти до дома, как ее окружили вооруженные всадники, схватили и умчали в мрачное ущелье. Когда ее освободили и сняли повязку с глаз, она увидела себя среди сказочного великолепия и поняла, что находится во власти хана в его проклятом замке, откуда убежать невозможно. Девушка решила, что лучше умереть, чем стать женой хана.

Ее красота и молодость поразили старого хана. Он окружил пленницу неслыханной роскошью. Но никакие дары не могли поколебать ее упорства.

– Я люблю другого и твоей никогда не буду! – был ее постоянный ответ. Наконец жестокость снова проснулась в хане, и он решил силой взять то, чего бесплодно добивался подарками. Он снова пришел к девушке, обещал за любовь все, даже свободу.

– Я люблю другого! – был прежний ответ.

Как разъяренный зверь бросился хан на девушку, но она быстро оказалась у открытого окна.

– Нет, хан, я не буду твоей! – И с громким проклятием девушка бросилась вниз.

В тот же миг дрогнули неприступные стены, рухнули гранитные своды, и провалился мрачный замок старого хана под землю. Из всех ущелий хлынула вода. Уже скрылись под водой развалины ханского замка, а вода все прибывала

и прибывала, пока не затопила большую долину. На месте зловещего ханского замка, среди голых и темных утесов, заиграло голубое, как небо, чистое, как хрусталь, и горячее, как девичье сердце, горное озеро, которое люди называли Иссык-Куль.

Под серебристой поверхностью озера в тихие летние вечера, когда солнце садится в горах, до сих пор видны остатки сказочного замка. Люди рассказывали, что иногда слышали оттуда жалобное пение девушки.

КАЛЫГУЛ БАЙ УУЛУ (1785–1855)

Калыгул Бай уулу – кыргызский акын первой половины XIX века, выходец из зажиточной семьи. Его творчество принадлежит к религиозно-мистическому литературному направлению заманистов. Многие годы имя Калыгула предавали забвению. На нем было поставлено клеймо мистика, реакционера, выразителя байманаской идеологии. Сто с лишним лет назад Калыгула почитали как провидца, прорицателя, передавали его предсказания из уст в уста, записывали, пользуясь арабскими буквами. Так, несмотря на все препоны, его сочинения, хотя и в далеко неполном объеме, дошли до нашего времени.

«Крушенье мирозданья близко, на пятки наступает оно», – предсказывал Калыгул. – «Сыновья станут врагами отцов, братья – недругами, служанка станет хозяйкой, а безродный станет знатным. Слабый окажется властителем, имевший власть превратится в нищего. Все меньшие ручьев и дождей, все чаще суховей, – это предзнаменование! Дни зимы удлинняются, дни лета укорачиваются, – это еще одно предзнаменование...».

Вспомнят меня...

Я Калыгул, Баев сын,
Вот моей речи зачин.
Не станет меня, но мой сказ
От чистого сердца для вас,
Когда наступит черёд,
Свое примененье найдёт.
И вспомнят меня, может быть,
Но сможет ли кто повторить
Слова наизусть целиком?
Соберутся, будут опять
Сказанье моё вспоминать,
Но даже среди стариков
Не найдут таких знатоков.
В эти тяжкие времена
Не записано всё сполна.

Грамотных не смогли сыскать,
Чтоб слова мои записать.

Судный день – акыр заман
Слова святых известны нам
Про судный день – акыр заман.
Тем, праотец кому Адам,
Не миновать акыр заман.
И люди в роковые дни
Слабы будут.
В сравнение с прежними они
Малы будут.
И неучливый, говорят,
Плешив будет.
А говорящий невпопад
Спесив будет.
Придется на камнях бесплодных
Строить дома,
И мельница на месте ровном
Пойдет сама.
А бием станет раб безродный
В те времена.
Коль урожай не соберут –
Голод будет.
А если травы не растут –
Голо будет.
Уменьшится в хозяйстве скот
И обнищает весь народ –
Горе будет.
Последний день – акыр заман
Вскоре будет,
И взятки станут брать в карман –
Обман будет.
И править, позабыв Коран,
Тиран будет.
Не станет слушать брата брат –
Вражда будет.
Когда между людьми разлад –
Беда будет.
С капырами совместно жить
Аил будет.
И грамотными будут слыть
Тогда люди.

Время жизни пройдёт

Этот бранный, обманный мир,
Кто сумел не расстаться с ним?
Пощадил кого бранный мир,
Кто сумел остаться живым?
Чародеев былых уж нет,
И провидцев в живых уж нет,
Затерялся вдали их след.
Ясновидец Асанкайгы,
Чьи слова, как будто река,
Донеслись к нам через века,
Тоже этот оставил свет.
Время нашей жизни пройдёт,
Плох герой, кто, бахвалясь, живёт
На земле, где ничто не растёт.

Если будет у нас согласие

Остановит падавшего рука.
Остановит обвал преграда.
Если разъединяет река,
На реке мост построить надо.
Развела два народа вражда.
Мост согласия нужен тогда,
Чтоб спасти людей от разлада.
О, Творец! Мы примем участие,
Перекладиной станем моста.
Если будет у нас согласие,
Обречем остальное тогда.

Слово об авторе

Творения Калыгула сохранялись в народной памяти более 150 лет, их записывали в воспроизведении разных людей в том варианте, в каком они их запомнили. Меткие высказывания и суждения Калыгула стали пословицами и поговорками, народными афоризмами. Но публикация записей, издание творческого наследия Калыгула состоялось лишь на рубеже нового тысячелетия.

Михаил Рудов, литературовед

ТОКТОГУЛ САТЫЛГАНОВ (1864–1933)

Крупнейший представитель акынского искусства первой половины XX в., воспитавший целую плеяду профессиональных акынов и создавший собственную школу.

Родился в кыштаке Сасык-Жийде Токтогульского района Джалал-Абадской области, в бедной семье. Мать его Бурма была талантливой и известной в своем округе кошокчу-плакальщицей. Она и стала первой наставницей Токтогула, пробудив в нем желание петь и сочинять.

Токтогул владел всеми жанрами акынского песнетворчества. Как и все кыргызские акыны, начинал свой творческий путь с освоения массовых жанров песенного фольклора. Первые его сочинения были созданы в духе лирических народных песен. Это, например, песни «Алымкан», «Насылкан» (женские имена), «Красное платье» («Кызыл кейнек») и др. Постепенно на первый план выходят произведения политического и социально-критического содержания, например, сатира «Пять кабанов» («Беш каман»).

В 1898 г. за участие в Андижанском восстании Токтогул был арестован и приговорен к смертной казни через повешение, но вскоре смертная казнь была заменена семилетней каторгой в Сибири. В иркутском Александрийском центре Токтогул провел пять лет. После неоднократных попыток ему, наконец, удалось бежать. На родину он возвратился в 1910 г. Тем временем семья распалась, сын умер. Но горе не сломило Токтогула, никакие превратности судьбы не погасили его страстную волю к творчеству, к жизни. Он стал известнейшим акыном, «голосом» простого народа.

Умер Токтогул в 1933 г. в возрасте 69 лет в своем родном аиле, похоронен там же.

Универсальность токтогуловского гения – в многогранности дарования и многообразии жанров и стилей. Т. Сатылганов творчески развил художественные традиции своих предшественников и открыл новые перспективы кыргызского профессионального народного музыкально-поэтического искусства, подхваченные его учениками и последователями.

Алымкан

Ты подобна сбруе золотой,
Ты нежней тюльпана, Алымкан!
Днем и ночью я томлюсь тоской,
По тебе, желанной, Алымкан!
Алымкан, зовущая, как степь,
Ты с душой большою, ты добра;
В зной прохладу льющая, как степь, –
Сердцем и душою ты добра!
На лету в горах, под Бухарой,

Нынче птицы стынут, Алымкан.
Навести меня ночной порой.
Я покинут, Алымкан.

На лету в Кашгарской стороне
Птицы замерзают, Алымкан.
Навести меня, приди ко мне,
Грусть меня терзает, Алымкан.
Желтой нитью твой расшит платок.
Я давно скучаю по тебе.
Синей нитью твой расшит платок.
Сохну я в печали по тебе.
Я сложил мелодию мечты –
«Жаш кыял», что трогает сердца.
Если бы смогла услышать ты
Токтогула – твоего певца!
Ты бы знак дала, взмахнув платком,
С нежностью, с участием, Алымкан,
Жизнью быстротечною влеком,
Ожидаю счастья, Алымкан!

1967

Перевод Ю. Гордиенко

Пять кабанов

Все вы воры – Акмат, Дыйкан,
Бактияр, Минбай, Атакан,
С вами – злобный Эгемберды,
Наготове у вас аркан.
Но теперь мы вам, подлецы,
Не дадим ни одной овцы,
Вы отныне нам не страшны,
Рыскулбековы кабаны!

Вся долина, все семь родов
Защитят и сирот, и вдов.
Все четыре тысячи юрт
Перережут ваши пути,
Вашу черную кровь прольют,
От расплаты вам не уйти.
Обирать себя не дадим,

Не пропустим даже в Арым
Если ты, Мырзакан, придешь,
Чтобы вспомнить былой грабеж,
Если ты придешь, Керимбай
Приготовим для встречи нож,
Разговоры будут просты –
Вспорем жирные животы.

Заносили вы каждый год
В книги все добро букары
Забирали последний скот,
И терпели мы до поры.
Но дошел до края народ:
Не найти теперь и норы,
Не найти и клочка земли,
Где укрыться бы вы смогли!..
Знаем, все манапы давно
С богатеями заодно,
Не хотят беднякам помочь,
А у нас – аж в глазах темно.
Все подряд готовы забрать
Беспощадные кабаны!
Кожу с нас готовы содрать
Кровожадные кабаны!
Вам одно – напиться, пожрать,
Плотоядные кабаны!

Обескровили воры нас,
Истожили своей алчбой.
Доконали поборы нас,
Надоело терпеть разбой!

Перед вами – любой неправ,
Обираете, покарав,
Очумели – в десять коней
Наложили на старца штраф,
На беднягу Орозалы!
До чего впятером смелы!
Все, что есть у вас, кабаны,
Вы отняли у букары,
Из-за вас еще с той весны
Побираться пошел Сары.

С вами надо быть начеку –
Не прощаете бедняку,
Если он на статном коне,
Если конь хорош на скаку.
Нет у жадности вашей дна.
А у нас – найдется вина...
Опечалился Тоялы:
Атакан забрал скакуна.

Обозлившись, и у меня
Вы могли бы отнять коня,
Юрту, вещи к рукам прибрав,
Вы могли бы добавить штраф.
Вы убийцы, пять кабанов!
Кровопийцы, пять кабанов!
Вы могли б, мне живот вспоров,
Полизать горячую кровь...

Хоть злодейства не сокрушу,
В сердце гнев я не зря ношу.
Дважды мне все равно не жить,
И пощады – не попрошу!

1894

Перевод М. Ватагина

Девушкам

В свои атласные курме
Нарядитесь, девушки.
Пока веселье на уме,
Веселитесь, девушки.
Не возвратить счастливых дней, –
Блаженством юности своей
Насладитесь, девушки.
Кто сам не пляшет, не поет –
Смеющихся не признает, –
Не скучайте, девушки.
Жизнь, драгоценная пройдет,
Так и знайте, девушки.

Свои атласные курме
Надевайте, девушки,
Пока наряды на уме,

Щеголяйте, девушки.
Пока прекрасны ваши дни,
Расцветайте, девушки,
Не возвратятся вновь они,
Так и знайте, девушки.

Цветите, как цветы цветут,
И влюбляйтесь, девушки.
Дни наслаждения пройдут –
Наслаивайтесь, девушки.
Играйте, пойте, смейтесь вы
И гуляйте, девушки.
На старость не надейтесь вы,
Так и знайте, девушки!

1897

Перевод С. Липкина

В изгнании

В руки дали топор тупой
И погнали глухой тропой.
Я тогда себе прошептал:
«Приготовься, твой час настал.
Получай в затылок свинец,
Обретай покой, наконец.
До могилы ведет тропа...».
Но – другою была судьба.

Огляделся – народ вокруг,
Сотни крепких надежных рук,
Все – на каторге, все – друзья,
Обездоленные, как и я.
Вон казах, татарин, узбек,
Вон киргиз и русский, гляди! –
Всех загнали в кромешный снег,
И у всех страданье в груди.

Я на родине правду пел,
Отхлестать кабанов успел,
Но манапы сказали: ложь!
Оплевали песню мою,
Оковали песню мою,
Где управу на них найдешь?

Бесконечен каторги срок,
И рассудок мой изнемог.
Пыль покрыла мое лицо,
Пыль изгнания, пыль дорог.
Далеко дорогой аил.
Дома жаворонком я был.
Мой народ, ты помнишь меня
Или, может, уже забыл?

Слыл на родине соловьем,
Разливал я песни рекой,
А теперь – погребен живьем –
Пни корчую в тайге глухой.
Провожу в молчании дни,
Провожу в страдании дни.
Мой народ, вспоминай меня,
Провожу в изгнании дни.
Ворочусь ли живым домой?
О, как бдителен тут конвой!
Я обдумываю побег,
Но в упор глядит часовой.
Вековые ели рублю,
Еле-еле я их валю,
Обессилел уже вконец,
И в руках и в ногах – свинец.

Сколько сил осталось в груди?
Сколько лет я в этом лесу?
Сколько мук еще впереди?
Сколько горя перенесу?
Тяжкий труд меня истощил,
Доконала меня ходьба...
Возвращусь ли когда в аил?
Что еще скрывает судьба?...

Но в унынье дальних дорог
Песни гор я в душе сберег...

И надумал сладить комуз
Без комуза я жить не мог.
Пусть крута и лиха стезя –
Без комуза певцу нельзя,

Топором его мастерил,
Помогали мои друзья.
Раздобыли струны они,
Три струны певцу принесли,
И теперь коротаю дни
С горной песней, от гор вдали.
Из доски смастерил комуз,
Вырезал его по ночам...
Конвоиры глядят, боюсь,
Не понять меня палачам.
Как смогу я им объяснить,
Что не петь нельзя соловью?
Истончается жизни пить,
Если долго я не пою.
Мой комуз топором долблен,
Не комуз – сырая доска.
Но играю, в песню влюблен,
И бежит от меня тоска!
Мой комуз усталых бодрит,
Он надежду сердцам дарит.
Мой язык понятен не всем,
Но комуз – с любимым говорит!
Сколько разных тут языков!
Всех пешком пригнали в тайгу,
Все влачат железо оков,
Не могу смотреть, не могу!..
Развлекаю друзей игрой,
Незаметно приходит ночь.

Конвоиры и те, порой,
Мой комуз послушать не прочь.
Но теперь я о том пою,
Что постиг в холодном краю.
О мученьях простых людей
Подобает петь соловью.
Путь изгнанников крут и слеп,
Он бесправен, жесток, нелеп.
Умираем с голоду мы,
Так уж скуден каторжный хлеб!
В снег лицом повалился друг,
Доконал непосильный труд.
Это горе поймет лишь тот,

Кто закапывал мерзлый труп.
Я от смерти на волоске,
Истомился в снежной тоске,
Истощился и – сам не свой –
Все мечтаю я о куске...

В муках каторги стынет кровь.
Молодые ушли года.
Неужели родимый кров
Не увижу я никогда?
Но играет верный комуз,
Отлегает от сердца груз,
Улыбаются мне друзья –
По душе им песня моя.

А начальнику донесли,
Что над снегом песня парит,
Что с людьми из любой земли
Мой комуз легко говорит...
И начальник средь бела дня,
Чертыхаясь и всех кляня, –
Размозжил о камни комуз,
В одиночку бросил меня.
Только песню не растоптал,
Песня вьется врагам в укор.

В муках каторги старым стал
Соловей поднебесных гор.

1906

Перевод М. Ватагина

Здравствуй, мать

Здравствуй, мать, здорова ли ты?
Тебе восемь десятков лет...
Я вернулся из темноты,
Пересек чуть не целый свет.

Ты вскормила меня молоком,
Ты была живым родником...
Да, судьба твоя нелегка.
Я вернулся. Издалека.
Мать, я жизнь за тебя отдам –

В добрый час меня родила,
Благодарен твоим трудам –
Ты мне силу предков дала.
А потом дивился народ:
И откуда такой акын?
Где он только слова берет?
Чей он родом и чей он сын?..
Да, я жертвою пасть готов
За тебя, дорогая мать.
Не жалела своих трудов,
Все готова была отдать...

Я вернулся из тьмы – живой.
«Где же сын единственный мой?»
Я в родные пришел края.
«Где же сын, опора моя?
О копытце мое, сынок!»
Я рыданий сдержать не смог...
«Ты оставил в слезах отца.
Не застал Токтогул птенца.
Как росток, засохший весной,
Ты совсем молодым ушел,
Мой единственный, милый мой,
Ты растаял, как дым, ушел.
Ты умолк, птенец соловья,
Ты утих, кровинка моя,
Ах, могила твоя душна,
Как скорлупка, она тесна».
Я слезы удержать не смог,
«Мой любимый напев ушел,
Как росток на корню, засох,
Расцвести не успев, ушел.

Ты закрыл глаза-зеркала,
Каково-то теперь тебе?..
Верю: в миг, когда смерть брала,
Не был ты покорен судьбе.
Знаю я – вырывался ты,
Не давался, метался ты,
Будто птаха в стальных когтях,
Бился и трепыхался ты...»

Мать, вернулся твой сын Токо,
Был он в каторге, далеко,
Были дни его нележки –
У тиранов остры клыки.
Изболелся твой сын душой,
Он вернулся из мрачных мест,
А его соколенок ушел,
Он покинул родной насест.

Мать, не плачь, не сгорай дотла,
Не терзай себя, не казни.
Ты и так в слезах провела
Все свои несчастные дни.
Ты слезами не мучай грудь,
Успокойся и лучше будь
Благодарна за то судьбе,
Что вернулся Токо к тебе.
Ты твердила: «Хоть раз взглянуть,
А потом умирать могу».
Одолел я великий путь,
В Забайкалье я жил, в снегу...
Я томился в тяжких сетях,
Обессилел, совсем зачах,
Но опять пред тобой стою –
Я теперь о тебе пою.
Дорогая, слезы утри,
Я остался жив, посмотри,
Верил я – обойду беду
И к тебе, наконец, приду.
Ты устала, родная, ждать.
Нелегко тебе, нелегко.
Я пришел, я вернулся, мать, –
Оправдать твоё молоко.

1910

Перевод М. Ватагина

Назиданья

* * *

Если будешь достойно жить,
Добротою людям служить,
Станут все тебя уважать,

Захотят с тобою дружить.
И приветливым назовут,
И совет твой, гляди-ка, чтут,
А очутишься вдруг в беде,
То на помощь дружно придут.

* * *

Хорошо джайлоо тогда,
Если там пасутся стада.
И от пения соловья
Ива старая молода.
Если жаворонок поет,
То вдвойне прекрасен восход.
И душистей зеленый чай
Тем, кто с хлебом напиток пьет.
В самый жаркий палящий день
Ты ветвистую ценишь тень.
Поразишься ты кручам скал,
Если коз на них увидал.
И милей верблюдицы вид,
Коль верблюды за нею спешит.
Погляди на горы, джигит,
Недоступна их высота.
Если снег на гребнях лежит,
Совершенней их чистота.

* * *

Друг, без дела зря не лежи,
Если молод ты и здоров.
И еще совет мой таков,
Правду выслушай до конца,
Наставленьям внемли отца, —
Тайну жизни понял старик.
Поученья, друг мой, привык
Излагать я в звучных стихах.
Вникни в мысль мою глубоко,
И, в своих возвысь глазах,
Скажешь: прав был старый Токо.

1913

Перевод Т. Стрешневой

Предсмертная песня Токтогула

Пусть маленький мой язык говорит.
Пусть не только маленький мой язык –
Пусть голос мой – спутник его – прозвучит.
Когда ваш любимый Токо замолчит,
Кто вспомнит его, кто могилу его,
Крапивою поросшую, навестит?
Пусть красноречивый язык говорит.
Пусть не только красноречивый язык –
Пусть голос мой – плетка его – засвистит.
Когда ваш любимый Токо замолчит,
Кто, с дороги свернув, могилу его,
Крапивою поросшую, навестит?
Пусть серенький ваш соловей запоет.
Пусть не только язык его говорит –
Пусть кровью сердце его изойдет.
Когда ваш любимый Токо умрет,
Кто вспомнит серенького соловья,
Кто к серой могиле его придет?

1938

Перевод С. Липкина

Запомни это, сын!

Ты хочешь быть конем – так будь не клячей,
А скакуном, который знака ждет.
Ты хочешь быть певцом, будь настоящим,
Таким, чтоб с губ твоих струился мед,
Чтоб каждый раз от слов твоих горячих
В людских сердцах, в их душах таял лед.
Пой так, чтобы, смеешься ты иль плачешь,
Смеялся бы и плакал твой народ.
Плохой певец привык всегда лениться,
Чтоб спел, должны его мы понуждать,
Он и ломается, и дорожится,
Всех заставляет и просить, и ждать.
Когда он голоден – к котлу стремится,
А сыт – спешит свалиться почивать.
Вовеки не заслужат уваженья
Поэт ленивый и скупой певец.
А если, сын, тебе дано уменье,
Проникни в глубину людских сердец,

Чтоб люди ожидали с нетерпением,
Когда же вновь придешь ты наконец.
Чтоб спорили айлы и семейства,
Где петь тебе кербез свой или плач.
Будь строг к словам, слова поэта – действие,
Пой людям в дни удач и неудач.
Смеется твой народ – со всеми смейся.
Рыдает твой народ – с ним вместе плачь.
Певец – скакун, по целине летящий,
Певец – в саду поющий соловей.
Но если даже дар твой настоящий,
Не чти себя превыше всех людей,
Не то навек ты и седых и младших –
Всех отворишь надменностью своей.
Певец, будь щедрым, честным, работающим,
Себя, мой сын, для песен не жалея.

Перевод Н. Гребнева

Слово об авторе

Наш Токтогул не имел академического образования. Но он был талантливейшим импровизатором, он был непревзойдённым певцом киргизской земли, и однако, по нашему глубочайшему убеждению, Токтогул как революционный поэт, как народный мыслитель, как борец и художник стоит в одном ряду с именами мировой поэзии. В одном ряду с теми, для которых миссия поэзии была неотделима от собственной жизни, от судьбы народа, с теми, которые в силы своей революционности и таланта стали могучими опорами поэтического моста истории.

Чингиз Айтматов, народный писатель

Киргизскую литературу невозможно представить без имени Токтогула, как нельзя представить русскую литературу без Пушкина, украинскую – без Шевченко, казахскую – без Абая, грузинскую – без Руставели, латышскую – без Райниса, имён, сияющих на небосклоне этих литератур, как яркие звёзды. С самого детства в сознание и память каждого киргиза входят бессмертные песни Токтогула о социальной несправедливости жестокого времени, в котором он жил, страдал, боролся, песни о мужестве, стойкости и благородстве, чести и достоинстве человека, песни о нежной любви к матери, об отцовском безмерном страдании и неутешном горе по умершему сыну Топчубаю, песни о родном народе и прекрасной киргизской земле. Сила и мощь творческого горения Токтогула в том, что великий

акын с юных лет до конца дней своих честно, правдиво воспевал жизнь в своих замечательных песнях; можно смело сказать, что вся легендарная судьба Токтогула отражена в его поэзии. Мятежная жизнь и бескомпромиссная борьба акына с баями-манапами, его непреклонность и негибаемость в самых невыносимых условиях, твёрдая воля и неугасимая вера в светлое будущее всегда вызывают восхищение и восторг в каждом благородном и отзывчивом сердце, у всех, кому дороги идеалы мужества и чести.

Камбаралы Бобулов, литературный критик, поэт, прозаик

Самым ярким и популярным представителем акынов-импровизаторов был великий Токтогул Сатылганов, воспитавший целую плеяду профессиональных акынов устных традиций и создавший свою акынскую импровизаторскую школу. Одной из новаторских черт акынского песнетворчества Т. Сатылганова явилось то, что он по-новому интерпретировал некоторые бытовые фольклорно-песенные жанры, придав им для того времени актуальный революционный смысл. Такие старинные, простые по форме лирические-бытовые жанры, как «Арман», «Кербез» он развил до крупных акынских импровизационных песен-поэм с новым идейно-политическим содержанием, а иногда с элементами революционного маршевого ритма, как например, в популярной песенно-инструментальной поэме «Кербез возвращения».

Камчыбек Дюшалиев, исследователь

Токтогул был царём акынов, борцом за счастье народа. Находясь в ссылках, Токтогул Сатылганов преподнёс нам уроки интернационализма, говоря о «добрых орусках». По возвращении в Кетмень-Тюбинскую долину он продолжил дело единения народов, развивая и поддерживая хорошие отношения с людьми других национальностей – русскими, татарами, казахами, узбеками и другими братскими народами нашей страны.

Валерий Любимый, публицист

ТОГОЛОК МОЛДО (1860–1942) (БАЙЫМБЕТ АБДЫРАХМАНОВ)

Киргизский советский акын. Исполнитель эпоса «Манас».

Член СП СССР с 1938 года. Участник первой декады киргизского искусства и литературы в Москве (1939).

Родился в местности Куртка Ак-Талинского района Нарынской области в семье крестьянина. Отец будущего акына, Абдрахман, был знатоком киргизской лирики и нередко выступал с песнями среди народа.

С девяти лет Байымбет обучался грамоте у местного муллы. Учился в сельской мусульманской школе.

Слагать стихи и записывать их Тоголок Молдо начал с 14 лет.

В юношеские годы акын создал ряд произведений о любви.

Особое место в творчестве Тоголока Молдо занимают плач и причитания – кошоки, и плачи-жалобы – арманы.

Тоголок Молдо является основателем жанра басни в киргизской литературе.

Знарок киргизского фольклора Тоголок Молдо известен и как исполнитель эпоса «Манас». Впоследствии он записал вторую часть трилогии – «Семетей». Им записаны образцы вариантов киргизских эпосов «Шырдакбек», «Джаныл-Мырза», «Мендирман». Он собрал большое количество различных преданий, легенд, пословиц, поговорок.

В 1936–1938 годах он сдал в фонд НИИ при Наркомпросе республики огромное количество ценных материалов по этнографии, истории и фольклору киргизов.

Чума

«Ох, семья моя велика,
И корова для нас, что мать, –
Не протянем без молока –
Не спеши ее отнимать,
Отступишь, отойди, чума,
От коровы ты откажись,
Оглянись, посмотри сама
На бедняцкую нашу жизнь.
О, чума, отпусти, молю,
Отпусти корову мою,
Пожалей ты моих детей,
Сосчитай-ка мою семью!
Десять ртов у меня, гляди!
Чем я стану птенцов кормить?
Пощади, чума, пощади,
Не руби последнюю нить!
О, чума, в чем моя вина?
Ведь корова у нас одна,
Не души ее, не души,
Чтоб не плакали малыши...»

Но мольбе не вняла чума

И корову взяла чума –

Задавила жертву она,
Осушила родник до дна.
Молока семье не видать.
Вновь поет-причитает мать
О корове, которой нет,
О чуме, что застила свет:

«Нас корова кормила, с ней
Мы не знали голодных дней.
Подарил кормилицу тесть.
А теперь нам нечего есть...
Всем корова нужна была,
Всем по праву она была –
И знакомые, и родня
Предлагали взамен коня.
Но дороже любых коней
Нам корова наша была,
Мы не ведали горя с ней –
Она полной чашей была.
Золотое вымя ее –
Благоденствие и покой...
Но лихое пришло житье,
Мы не ждали поры такой.
Десять бедных моих птенцов!
Черный день к нам в юрту пришел.

На веревке висит кольцо
А в земле – сиротливый кол...
Я рыдаю скорбя, чума,
Я слезами вся истекла,
Проклинаю тебя, чума,
Ты на смерть семью обрекла!»

1888

Перевод М. Ватагина

**Жалоба девушки,
выданной замуж за старика**

Солнце раннее не взошло над отрогами гор крутых
И не слышала ничего я о сверстниках молодых.
Не спустилось солнце еще за отроги высоких гор,
Что за слово это – жених, я не ведала до сих пор

На погибель, ох, на беду
Я за старца замуж иду.
Разве замуж так выдают?
Как овцу меня продают.
Слезы лью у всех на виду,
За хромого замуж иду.
За горбатого старика,
За богатого старика.
Словно лошадь на поводу,
Против воли замуж иду.
Старика я буду женой.

Продад дочку отец родной,
Сторговались, сошлись в цене...
Горе горькое бедной мне!
Гонят замуж, как на убой.
Грех, отец мой, великий грех,
Проклинаю тебя при всех:
Рухнет дом, что сложен тобой,
Околеет твой жеребец,
И развалится твой дувал
Ты для дочери зверем стал.
Проклинаю тебя, отец!

Жить я буду, тебя кляня.
Ты родное дитя продал.
Много ль взял, отец, за меня,
Много ль денег за дочку взял,
Породнившись с баем седым?
Проклинаю я твой калым.

Аманбек, ты старший мой брат,
Мы резвились в одном саду,
Ты в беде моей виноват –
Не сумел развеять беду.

Мы с тобой дружили, джене,
Брата старшего ты жена.
Не пришла на помощь ко мне,
Не простится эта вина.

Если б мама жива была,
Дочь в обиду бы не дала.
А отец – он продал меня,
Чтоб поправить свои дела.

Плачь, несчастная, плачь, Эркеч,
Что теперь красоту беречь.
Чем женою быть старику,
Лучше сразу в могилу лечь.
Стал постылым мужем старик,
А кому он нужен – старик?
Что мне бархат и что шелка,
Лютой смерти хуже старик.
Не пришлось мне жить молодой.
Кто считается с сиротой!
«Скот в большом хозяйстве нужней», –
Рассуждает родитель мой.
И надежды мои в пыли,
И желанья не расцвели,
Осыпает яблоня цвет,
Вместо сверстника-жениха
Стал мне мужем трухлявый дед,
Я зачахну во цвете лет,
Как могила, буду тиха.

1890

Перевод Т. Стрешневой

**Жалоба девушки,
выданной замуж за мальчика**

Грозный свекор мой – Шеримбай,
А отец мой – бай Карабай.
Я при муже, а не жена,
Я томлюсь ночами одна.
Возле дома дувала нет,
Тени в зной самой малой нет,
Негде скрыться, как на беду.
Мне исполнится двадцать лет,
С кем же душу я отведу?
Старики собрались на той,
На ковре они сели в круг.
Жиром лоснится золотой
Перед ними в миске курдюк.

Шестилетний глупый малец
Мужем сделался Анаркуль.
Вековухою лучше быть,
Пережить я это могу ль?
Проклинаю тебя, отец,
Пред людьми унизил меня,
За мальчонку выдал силком.
Не взберется муж на коня,
Не приедет за мною в дом.
С верховой ездой незнаком,
Неумел он и неуклюж,
Смех и горе – ребенок-муж!
Умереть бы мне от стыда!
Мужа этого до сих пор
Я не видела никогда!
За погодка бы замуж мне!
Не гордилась я женихом.
Не явился к моей родне
На коне своем он гнедом.
В юрте не было молодух,
Обступивших шумно кругом,
Поздравлявших невесту вслух,
Говоря: «Ай, славный жених!»
Почему мне радости нет?
Анаркуль ли хуже других.
Двадцать пять проплакала лет.
Самых лучших лет молодых...
Кем я проклята? Там и тут
Старой девкой меня зовут.
Все позорят Анар вокруг.
Есть ли ночь без горя, без мук?
Есть ли жизнь для бедной меня?
Если замужем мне не быть,
Мне сиянья не видеть дня.
Если выйду из юрты вдруг, –
Если гляну на горный луг,
Поднимусь я на ближний холм, –
Посмотрю, не едет ли друг,
Мой жених желанный, верхом, –
То увижу одни стада...
Равнодушный пасется скот.
Гор зазубренная гряда,

Где терновник колкий растёт,
Две березки, ельник густой
Не услышат жалоб моих.
Стопудовый не сдвинуть куль...
Плачь, несчастная Анаркуль,
Не приедет к тебе жених!
Горе мыкать мне предстоит,
Не приедет статный джигит,
Погоняя тулпара вскачь.
Тот, кто мил мне, кто сердцу люб...
Лучше б в свекоры – карагач,
А в мужья бы ветвистый дуб!
Позабыла б я горький плач,
С женихом въезжая в аил
Стала радостной, расцвела...
Ох, тоска меня извела,
Я измучилась, нету сил!
Столько горя принесший мне,
Пусть сгорит отец мой в огне.
Шеримбаю он продал дочь,
В душевной юрте и день и ночь
Я в слезах живу, как вдова,
Обвенчали меня с юнцом...
Если б дядя – отцу он брат –
Разговор бы начал с отцом,
Упросил бы его назад
Шеримбаю вернуть калым,
Развести с мальчонкой меня
И с ровесником обвенчать,
С молодым, любимым моим,
Наши судьбы соединя, –
Перестала бы я рыдать.
А не справят свадебный той,
Чем при муже гибнуть вдовой,
Пусть зароят в землю живой.

1890

Перевод Т. Стрешневой

О собаке, которая хотела сшить себе халат-доолдай

I

«Лютой злою зимою
От стужи околеваю,
Зубами стучу и вою,
Мечтаю о доолдае!

Меня доолдай согреет.
Ай, хорошо в доолдае!
Ох, весна бы скорее,
Наймусь я на службу к баю.

Стану пасти отару,
Наймусь к хорошему баю,
Буду работать не даром
И буду к зиме в доолдае.

Много шерсти овечьей
Возьму в награду у бая
И буду в тепле, беспечно
Лежать себе, размышляя...»

II

Но вот зима миновала,
Потом весна миновала,
И наша Собака забыла,
Как в снегу завывала.
Жаркое солнце светит.
Собака сидит без дела.
Язык непутевый свесив,
Нежится, разомлела...

Мимо бежит Лисица
И говорит с усмешкой:
– Время терять не годится,
Шей доолдай, не мешкай!

– Ах, Лисичка родная,
Кто мне шерсти предложит?
Что и делать, не знаю.
Кто мне, бедной, поможет?...

Ленивая эта Собака
Забыла, как выла, страдая.
За целое лето Собака
Не сшила себе доолдая!

1907

Перевод М. Ватагина

Вперед!

Идет старик мулла,
Чалма как снег бела.
Блюдет он шарият –
Закон, что власть дала.
Он сгорблен, словно крюк,
Он – богу лучший друг,
Он посох никогда
Не выпустит из рук.
Он тех, кто нищ и сир,
Проводит в лучший мир,
Твердя: «Допросит там
Тебя Мункир-Нанкир!
Как муха, станет там
Твой дух бессмертный сам,
А тело станут бить
Плетьми по всем местам».
От юных школяров
Он требует даров
И бьет их по щекам,
Придирчив и суров.
Бегут ученики
От бьющей их руки
В соседние дворы,
В чужие уголки.
Но людям жаль детей:
«Уж ты их так не бей!
Лишь мясо их – твое,
Не поломай костей».
Бывало так всегда
В минувшие года.
Пришла Советов власть,
Власть бедных, власть труда.
Закон былых времен
Навеки отменен.

Учитель, мугалим, –
Защитник детям он.
Ишаны и муллы
Попрятались в углы.
У вас просторный класс,
И парты, и столы.
У вас не будет плеть
Над головой висеть.
Вам книги раздают,
Вас учат хором петь.
Свободны и горды,
Построившись в ряды,
Выходите гулять
И в парки, и в сады.
Знамена шелестят
Над головой ребят,
И любо всем глядеть
На стройный ваш отряд.
Мучениям конец!
Не бьет детей отец,
Не мучит злой мулла
Их маленьких сердец.
А в те былые дни –
Как плакали они...
Кто мог их защитить
От школы, от родни?
Знамена Октября
Пылают, как заря,
Они ведут наш строй,
Сверкая и горя.
Земля цветет вокруг –
Вперед, мой юный друг,
И ленинский наш стяг
Не выпускай из рук!

1924

Перевод С. Болотина и Т. Сикорской

Слово об авторе

Тоголок Молдо шел в своем творчестве от устных кошоков и арманов к замечательным образцам литературы. Поэтому его творчество является как бы эстафетой от старого общества, когда киргизский народ не имел письменности, к новому, способствовавшему расцвету культуры и искусства Киргизии...

Николай Грибачёв, советский писатель и государственный деятель

МОЛДО КЫЛЫЧ (1866–1917)

Молдо Кылыч Шамыкан (Шамыркан) уулу – киргизский поэт импровизатор, акын-писменник. Один из зачинателей современной киргизской литературы, ознаменовавший переход от фольклорного творчества к авторским произведениям. Так первым опубликованным произведением киргизских поэтов стала его поэма «Кысса-и-Зилзала» («Землетрясение»), вышедшая в свет в Уфе в 1911 году. Получив мусульманское образование, Молдо писал по-киргизски арабскими буквами. В поэме «Чуй баяны» («Повествование о Чу») акын с оптимизмом описывает изменения, происходящие в Киргизии, связанные с вхождением в состав России, но основой его мировоззрения неизменно остаётся ислам. В советское время стихи Молдо Кылыча впервые были изданы в 1925 году, наиболее полная публикация была сделана в 1940 году, но в дальнейшем, после войны, официальное отношение к его творчеству изменилось и исследование стихов Молдо Кылыча попало под запрет.

Зар заман (эпоха скорби)

Бысылла – начало каждой речи,
А дальше слова сами польются.
Если я правильно скажу,
То речи мои не коснутся земли.
Заметьте, друзья, слова мои одни и те же.

Так у пастуха есть посох
Я пишу, потому что я Молдо.
Стальное перо в моей руке,
Сарыбагыш – мое племя,
Тавро наше – джагалмайлу.
Я живу среди моего киргизского народа.

Множество интересного
Содержат мои слова,

Но дураку не прибавит ума
Мое наставление.
Я прочту казал
Своим родным – киргизу и казаху.
Если гордец зайдет в твою юрту.
То не проси его – выйти.
Не чини обиду человеку,
Оскорбляя его.
Но не жалея дурака.

Если он скажет что-то, молчание будет ему в ответ.
Если ты бедный,
То не соблазняйся красивой одеждой.
Молодые, если имеете разум,
Беритесь только за честное дело.
Если привыкнешь к воровству,
То накинута на тебя крепкую узду.
У родных, близких друзей
Согласие пошатнулось.

Вместо того, чтобы поддержать и помочь друг другу,
Они бегут прочь.
Если только сможет родственник твой,
Он зло тебе причинить готов.
Он даже не подумает.

О клятвах, которые существуют между близкими.
Совесть люди потеряли.
Знатные жалости не имеют.
Народ обдирают.
Несчастные плачут,
Проклиная себя и время.
Знатные люди прошлых времен
Счастьем свои могли согревать людей.
Тиранами становятся
Люди нашего времени.
У нынешних знатных
Певучий и сладкий язык...
Они происходят из тех же племен,
Что в древности знатны были.
Если им взятку подбросить –
Правдой станет ложь.

Старики нынешние
Прошлые дни свои вспоминают.
Девушки и молодухи носили красную парчу.
У нынешних киргизов
Звезды на небо упали (счастье ушло)
Нынешние люди
Перестали держать слова.
Избранные для справедливости люди
Взятки стали выманивать.
Добро, приобретенное нечестно,
Приносит им радость.
Нет помощи от сына,
Который вышел из твоего чрева...
Люди нынешние
Не могут остановить алчность свою.
Счастье свое, Богом данное,
Мулла испоганил...
Вот какое удивительное время настало:
Баи стали ворами,
А дети хитрят.
Стариков упрекает
Нынешняя молодежь.
Все люди стали торговцами –
Барышом наживаются.
Взаймы взять не смеешь;
Если вовремя не уплатишь,
То придется платить троекратно.
Гостям барана не режут.
Баи стали скупыми.
Вот люди ныне какие.

Мудрую песню мою о жалобе на время
Оценили не только киргизы,
Но и народ Кашгара.
Мудрые, просвещенные люди, слушая,
Вздыхали и головой качали.
О малом, о великом и о всяких людях
В ней рассказано.
Потому песня о времени
Среди народа разошлась.
Я не мог удержать свой язык –
Стал оценивать всех людей.

Как же я воздержусь,
Когда покоя нет от злодеев?

1953

Перевод Т.Саманчина

Слово об авторе

В композиционном отношении произведения Молдо Кылыча отличались обширностью объёма, многосторонностью поэтических образов, что приближало их к эпической многогранности изображаемого. Отсюда его основные произведения имели характер монументальности. Такова, например, поэма «Зар заман», которую можно назвать монументальной философско-нравоучительной эпопеей.

Тазабек Саманчин, учёный-литературовед

КАЛЫК АКИЕВ (1883–1953)

Основоположник письменной литературы Киргизии, один из крупнейших киргизских акынов, поэт, сказитель и комузист.

Родился в Жумгальском районе Нарынской области, в семье бедняка. С четырнадцати лет Калык батрачил у баев, помогая отцу. В это время он изучал песни акынов, в основном Токтогула и Эшимамбета. Когда Калыку исполнилось двадцать лет, он начал выступать самостоятельно. В 1910 году Калык встретился с Токтогулом, с ним он объездил Кетмен-Тюбинскую, Андижанскую, Таласскую, Чуйскую долины. Достойный ученик великого акына, Акиев, как и Токтогул, пел о тяжёлой жизни бедняков. Акиев бережно хранил в своей памяти многие произведения, в том числе целый ряд песен и дастанов своего учителя.

За отказ прислуживать местному манану, Акиев был изгнан из родного аила и вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции находился в изгнании. Приход Октября был воспринят акыном с радостью: он слагал песни, в которых славил революцию, разъезжал по аилам, исполняя их перед трудящимися. Калык активно участвовал в общественной жизни, работал председателем сельсовета. В 1926 году Калык Акиев стал артистом Киргизского национального театра. В 1936 году он перешёл в Киргизгосфилармонию. Уже в 1938 году был принят в Союз писателей СССР, а спустя год получил звание Народного артиста Киргизской ССР.

С 1936 года стихотворения и песни Акиева начали появляться на страницах республиканской печати, в этом же году Киргизское государственное издательство издало первый сборник «Стихотворения Калыка». В 1937 году вышел второй сборник произведений акына, а в 1938 году издался напетый им эпос «Курманбек». Со слов Калыка Акиева были записаны и изданы народная сказка

«Голодный волк», эпические поэмы «Курманбек» (1938 г.) и «Джаныш-Байыш» (1939 г.). В 1940 году вышли в свет книги акына «Бессмертный герой», «Стихи и поэмы».

В годы Великой Отечественной войны Акиев своими песнями вдохновлял киргизский народ на борьбу с немецко-фашистскими оккупантами, призывал к самоотверженному труду во имя полной победы над ними. В послевоенное время Калык Акиев слагал много песен, прославляющих мирный труд и Советский Киргизстан. После смерти Токтогула, Акиев много творческих сил отдал сбору поэтического наследия своего учителя.

Нужда

Заставила ты с малых лет
Стать байским батраком, нужда.
Заставила в грязи, в хлеву
Спать вместе со скотом, нужда.

Ты молодую кость мою
Согнула горбылем, нужда.
Лишала слова мой язык
Ты перед болтуном, нужда.

Ты обескровила меня,
Покрыла сердце льдом, нужда.
Когда мне труд немоготу,
Гробишь голодным днем, нужда.

Несчастному, ты служишь мне
Дурным поводырем, нужда.
В год черный гонишь за овцу
Ты в кабалу-наем, нужда.

Ты, душу истерзав, блуждать
Заставила слепцом, нужда.
Все годы нищеты бурдюк
Был за моим горбом, нужда.

Приедет сват, – ведешь меня
К соседу с просьбой в дом, нужда.
Беспомощный шатался я
Под злым твоим бичом, нужда.

Приедет друг, – и снова в долг
Баран в котле моем, нужда.
Среди друзей из-за тебя
Слышу я должником, нужда.
Ты в стужу лютую и в зной
Была худым шатром, нужда.
Обула в тряпки ноги мне,
Одела грудь рваньем, нужда.

Заставила ты землю рыть,
Я сросся с кетменем, нужда.
Заставила меня, глумясь,
Всю жизнь ходить пешком, нужда.

Мед слов моих из-за тебя
Стал горьким ковылем, нужда.
С безмозглым сыном бая мог
Сравняться ли я в чем, нужда?

Я не был болен, но с тобой
Стонал в бреду больном, нужда.
В пылу беседы обо мне
Шел разговор кругом, нужда...

Комузу-песне все отдав,
Я был всю жизнь певцом, нужда.
Простилась молодость со мной, –
Ты стала тяжким сном, нужда.

1907

Перевод С. Обрадовича

Слово об авторе

Калык, ученик великого Токтогула, начиная с его Сарыкунана – своеобразной «азбуки» пения, был мастером рассказывать простые сказки, петь народные любовные песни, учил мастерству стихосложения, импровизации при устных состязаниях акынов – айтышах.

Шукурбек Бейшеналиев, писатель

БАРПЫ АЛЫКУЛОВ (1884–1949)

Киргизский и советский акын-импровизатор. Один из великих поэтов киргизского народа.

Родился в селе Ачи Сузакского района Джалал-Абадской области в семье бедняка. С детства батрачил у баев. В возрасте шестнадцати лет, слава о нём, как певце и поэте, акыне-импровизаторе распространилась среди людей.

Отец Алыкулова хорошо знал народное творчество.

Творческий расцвет Б. Алыкулова начался на переломе XIX–XX столетий.

В дореволюционных песнях рассказывал о тяжёлом положении киргизского народа.

В начале 1930-х годов из-за тяжелой болезни потерял зрение и с этих пор полностью посвятил себя творчеству.

Позднее создал стихи и песни на темы социалистического строительства. Песни Б. Алыкулова начали записывать с 1943 года. Большинство из них были переведены на русский язык.

Мастер поэтической формы, последователь Токтогула. Обличительно-сатирические произведения, в том числе поэма о тяжёлом для киргизов господстве Кокандского ханства. Сказывал также народный эпос.

Мырзаим

Как гора, что уходит ввысь,
Гордо ты встаешь, Мырзаим.
Там, где шесть арыков сплелись,
Воду ты берешь, Мырзаим.

Жеребенок ты огневой,
Ты красуешься, Мырзаим.
Слыша голос влюбленный мой,
Повинуешься, Мырзаим.

Лебедь – девственное перо,
Не идешь – плывешь, Мырзаим.
Ты на солнце как серебро,
А не медный грош, Мырзаим.

Средь полыни над бережком
Перепелок охотник бьет.
Был и я хорошим стрелком
И без промаха целил в лет.
Я огнем сжигаем иным,
Я люблю тебя, Мырзаим.

Вдоль реки растет чернобыл,
Укрывает его туман.
Я охотником прежде был,
На куницу ставил капкан.
Я любовью к тебе томим,
Я люблю тебя, Мырзаим.

Берег озера невысок,
Там весь день сегодня пальба –
То охотники бьют сорок, –
Мне охотиться не судьба.
Я вздыхателем стал твоим,
Но не радуюсь, Мырзаим.

Взял охотник соболий след,
Мне до этого дела нет.
Стал угрюмым я и немым, –
Я люблю тебя, Мырзаим.

Ты – царица утиных стай,
Как тебя назвать, Мырзаим?
Птица сказочная, слетай
И на руку сядь, Мырзаим.

Ты и счастье, ты и беда,
Стань моей женой, Мырзаим.
Дай согласие, и тогда
Обрету покой, Мырзаим.

Только тигры боятся дня,
Ты же смелая, Мырзаим.
Если ты отвергнешь меня,
Дурно сделаешь, Мырзаим.

Хочешь, чтоб я плакал навзрыд
До скончания дней, Мырзаим?
Никогда не буду я сыт
Красотой твоей, Мырзаим.

Ты – кукушка, ночью нема,
Ты кукуешь днем, Мырзаим.
Столб поддерживает дома,

Ты держи мой дом, Мырзаим.
Хлеб сжинать твой желаю сам,
В поле быть с тобой, Мырзаим.
Трижды в день тебя видеть там,
Стань моей судьбой, Мырзаим.
Днем и ночью другом твоим
Я желаю быть, Мырзаим!

1910

Перевод Т. Стрешневой

Сопу

Я сегодня спою о тех,
Кто, обманывая толпу,
За грехом совершая грех,
Называют себя сопу.

Ты, сопу, читаешь Коран,
А не ценишь его ни в грош.
На уме – грабеж и обман,
Ты – святоша среди святош.
Попиваешь бузу тайком,
Будто балуешься чайком,
И не страшен тебе аллах,
И не страшен тебе закон.
Что ни день – повторяешь грех –
Пьешь и прячешься ото всех,
Но откуда фальшивый страх?
Ведь не страшен даже аллах!
Что ни день, привычно, чуть свет

Забираешься на минарет
Соревнуешься с петухом –
Раздираешь горло стихом –
Созываешь ты грешных нас
Поскорей совершить намаз.

Слышал я, как ты говорил:
«Хорошо кок-чай заварил!»

Синий чайник укутал ты...
Да немного напутал ты,
Ведь налил в него мусаллу

И не зря пригласил муллу!
Если так сам сопу грешит,
То и нам аллах разрешит...

Говорят: сопу никогда
Не возьмет чужого добра,
Ни плодов чужого труда –
Ведь рука у него добра.

Я не верю в святость его.
Погляди: пузатость его
Говорит открыто, что он –
Не из тех, кто блюдет закон.
Нечестивец носит суму –
Собирает налоги он.
Аккула, битир – все ему!

Неустанно в дороге он
Проповедует шариат,
И шипит: «Попадете в ад!».
Он последнюю лошадь взять,
Дармояд, за налоги рад.

Если я встречаю в пути
Мулл, сопу, ишанов, хаджи –
Я стараюсь их обойти,
Чтобы не утонуть во лжи.
Обхожу воровскую рать,
Обхожу любого из них:
Все готовы с тебя содрать,
Будто ты – их старый должник!

С петухом я сопу сравнил –
Петуха я зря очернил,
Ведь не он без удержу врет,
Обирая простой народ.

1910

Перевод М. Ватагина

Слово об авторе

Барпы – Великий певец,
Победитель устных состязаний,
На больших тоях и пирах
Его голос звучал, как голос орла в тогого.
Он – незрячий, в песнопениях
Оставлял зрячих позади далеко.
Из знаменитых певцов, собранных вместе,
Спеть «Молмол» как он, не мог никто.

Байдылда Сарногоев, поэт

ЫСАК ШАЙБЕКОВ (1880–1957)

Киргизский акын-писменник.

Родился в селе Чон-Кемин Кеминского района Чуйской области, в семье крестьянина-бедняка. До революции учился у муллы грамоте в г. Токмаке. Рано лишившись родителей, с 14 лет батрачит на баев. Во время восстания 1916 г. бежал в Китай.

В 1917 г. возвращается на родину. В годы революции и гражданской войны он участвовал в борьбе с басмачами. С 10 лет слагал песни о своей тяжелой сиротской доле, о стремлении к свободе и, научившись грамоте, записывал их на бумаге. В юношеские годы он слагает кошоки. К дореволюционным произведениям акына, дошедшим до нас, относятся поэмы «Зилзала», написанная под впечатлением сильного землетрясения, произошедшего в 1910 г., «Народ в беде», посвященная событиям 1916 г., «Плач по Шабдану» (1912 г.). После Великой Октябрьской революции И. Шайбеков создает произведения о жизни свободной, о Ленине («Ленинское знамя»), о партии («Большевистской партии»), «Кеминское ущелье» и др. Первый поэтический сборник акына «Ысактын ырлары» издан в 1936 г. Одной из главных тем в творчестве И. Шайбекова явилась тема созидательного труда и мира, которые отразились в его стихотворениях «Женщине свекловичнице», «Руки прочь от Кореи», «Враг горит в огне», «Мощь народа» и др. В 1980 г. изданы избранные произведения акына «Тандалган чыгармалар».

Член КПСС с 1918 г., член СП СССР с 1938 г.

О, сладки денежки твои...

О, сладки денежки твои, да солон нрав,
За осень платишь ты весной, будь проклят, бай.
Ты постарался – рассчитался, обобрав,

Поиздевался надо мной, будь проклят, бай!
В двенадцать лет я стал жнецом, в двенадцать лет!
Будь проклят, бай, в двенадцать лет так мало сил!
Солома в пальцах – до костей! Но в сердце след...
Будь проклят, бай. Я спину гнул, но не просил.

1898

Перевод М. Ватагина

Горемычный народ (Отрывок)

...Скорбный путь твой окончится где
И когда, горемычный народ?!
Пусть ты спишь без кошмы, но была б
Хоть еда, горемычный народ!
Ничего не досталось тебе
От труда, горемычный народ.
У твоих лиходеев сердца
Изо льда, горемычный народ.

Сострадания не встретишь у них
Никогда, горемычный народ.
Просишь крова, глаза опустив
От стыда, горемычный народ.
Ты на лютое горе себе
Шел сюда, горемычный народ!
Неужель униженья твои –
Навсегда, горемычный народ?

Люди в лютой тоске разбрелись
Кто куда, горемычный народ.
Мы родимых своих разыскать
Не властны, горемычный народ.
Где же те, что далеко зашли
В глубь страны, горемычный народ?
Как суровы чужие пути,
Как темны, горемычный народ!
Как наказан ты белым царем
Без вины, горемычный народ!
Продал упряжь, а денежки где?
Все не впрок, горемычный народ!
Ты, растративши силу свою,
Падал с ног, горемычный народ.

Здесь надежное ладить жильё
Разве мог горемычный народ!
На воде заболтаешь муку –
Тем и сыт, горемычный народ.
Вволю здесь для тебя только скорбь,
Только стыд, горемычный народ.

Как от каждого нынче семья
Далека, горемычный народ!
И с друзьями сойтись – не найдешь
Уголка, горемычный народ.
Ты на голой земле отлежал
Все бока, горемычный народ.
Богатей не продаст бедняку
Ни куска, горемычный народ.
Как сурова дорога твоя,
Как тяжка, горемычный народ!
Истомили тебя нищета
И тоска, горемычный народ.
Здесь и в близком ты видишь теперь
Чужака, горемычный народ.
Здесь ты мяса не ешь и не пьешь
Молока, горемычный народ.
Все добро распродавши, живешь
Кое-как, горемычный народ.
Продаешь тонкорунную шерсть,
О бедняк, горемычный народ!
Сам себя продаешь – не прожить
Натошак, горемычный народ!

Ты вконец обездолил себя,
Словно враг, горемычный народ.
За гроши отдавал ты кошму
И ширдак, горемычный народ.
Ты вареную голень носил
На базар, горемычный народ.
«Вот дешевая голень!» – хвалил
Дрянью-товар горемычный народ.
Еле дышат от лютой нужды
Млад и стар, горемычный народ.

Белый чий с красной шерстью сплетя,
Продавал горемычный народ.
Перекрасив, распродал старье,
Обнищал горемычный народ.
«Добрый бек наш!» – притворно хвалил
Богачей горемычный народ.
Богачи не желают признать
За людей горемычный народ.
На душе у тебя с каждым днем
Тяжелей, горемычный народ.

Всю одежду свою, все добро
Продад ты, горемычный народ.
И писавшее песни перо
Продад ты, горемычный народ.
Ты арканы и седла понес
Продавать, горемычный народ.
Ты остался, оборван и бос,
Голодать, горемычный народ.
Продад шубу и шапку с себя
За гроши горемычный народ.
Все добро разбазарил дотла, –
Не дыши, горемычный народ!
Жеребята, что к баю ведешь,
Хороши, горемычный народ!
Малолетних детей продаешь –
Свет души, горемычный народ!
И похлебку продашь и казан,
Нищий наш горемычный народ.
Здесь не счесть наших бед, и обид,
И пропаж, горемычный народ!
Сложишь песню про злую судьбу
И продашь, горемычный народ!

1916

Перевод М. Петровых

Слово об авторе

В литературной школе Шайбекова, помимо фольклора, были и старинные сказания, такие как «Заркум», «Зал-зал», «Кыз Жибек», «Айман-Шолпан», характерные для казахского народа.

С. Байкоджоев, исследователь

АЛЫМКУЛ УСЕНБАЕВ (1894–1963)

Советский киргизский акын-импровизатор, ученик Токтогула, член Союза писателей СССР с 1938 года. Народный артист Киргизской ССР с 1939 года.

Родился в с. Кара-Арча Манасского района Таласской области, в семье бедняка. С двенадцати лет, лишившись отца, Алымкул батрачил у баев, испытывал на себе всю тяжесть бедняцкой жизни. Четырнадцатилетним подростком будущий акын начал выступать как импровизатор и комузист.

В 1938 году выпустил первую книгу песен «Стихи». В самый канун Великой Отечественной войны вышла в свет большая поэма акына «Олджобай и Кичимджан».

Все произведения устного народного творчества, воссозданные акыном, являются подлинными шедеврами киргизской народной поэзии. В годы войны Алымкул слагал целый ряд стихотворений и песен, посвящённых героическим подвигам советских людей на фронтах и в тылу, воспевал подвиг 28 героев-панфиловцев.

Алымкул Усенбаев – автор около тридцати книг, объединяющих в себе песни, поэмы и сказки. Многие из его произведений переведены на русский язык.

Памяти генерала Панфилова

Вырос меж душистых трав
На земле киргизов он,
Бросил, юношей собрав,
Аджидаву вызов он.
Из джигитов молодых
Мудрых сделал он солдат,
В битвах ярых души их
Закаляя, как орлят.
Дальнобойною грозой,
Ливнем пуль врагов гоня,
Первым он кидался в бой,
В пропасть смертную огня.

И, свинцом ужален вдруг,
Под Москвой он пал в снегах,
Храбрецы из мертвых рук
Приняли победный стяг.

1942

Перевод П. Семьиной

Слово об авторе

Алымкул не только творчески развивает то, чему научился у Токтогула, но также находит свой индивидуальный стиль и вносит свой вклад в развитие поэзии кыргызского народа. Великий поэт – акын-импровизатор, оставивший свой след в истории традиционного музыкального поэтического творчества, открывший в ней новые страницы, новые периоды, новые достижения.

Камчыбек Дюшалиев, исследователь-искусствовед, профессор

КАСЫМ ТЫНЫСТАНОВ (1901–1938)

Филолог, поэт, первый киргизский профессор.

Один из энтузиастов, создавших систему образования и первых практических руководств, самоучителей и словарей в республике, а также первый переводчик с русского языка на киргизский. К. Тыныстанов свободно владел русской грамотой, писал стихи на узбекском, уйгурском, азербайджанском языках.

Тыныстанов – основоположник киргизского языкознания. Его лингвистические труды и сегодня имеют неоценимое практическое значение. Учебники «Кыргыз тилинин морфологиясы» («Морфология киргизского языка») и «Кыргыз тилинин синтаксиси» («Синтаксис киргизского языка») стали основой национальной письменности в киргизских школах.

Той, с кем разлучен

На сорок верблюдов шелка
Навьючит, доволен собой,
Гордец – кивнет свысока
Куньей шапкой и головой,
Чтоб под ним иноходец плыл,
Как струною, сбруей звеня...
Это – я. Как я счастлив был!
– Я ленился сойти с коня!
Ты весною на склоне дня

Кумысом угощала меня,
Подавала мне пиалу,
Голос твой был как звон ручья!
Светит мне веселость твоя
До сих пор, словно весть во мглу...
Так к закату горы грустят
О последнем солнце луче...
Как сиял твой радостный взгляд
Под луной у гор на плече,
Как красив, широк был размах
Качелей, несущих нас!
– Куковала кукушка в горах,
Соловей свою трель рассыпал,
Перепелок серебряный плач,
На склоны зовущих нас,
Как лунный свет, окружал
Наш мир: где ты и где я?
– Мы были въяе вдвоем,
Щедрости не тая...
Клялись мы: вместе умрем! –
Клялись мы: будем вдвоем! –
Мне светит веселость твоя,
Когда счастье почти вдали.
Слабый луч надежды во мне –
Только горы в закатном огне:
Наши юные – ушли...
Где же вешние соловьи,
Что рассвет встречали тогда,
Где кукушки, призывы чьи
Столько лет обещали тогда,
Где тех жаворонков хоровод,
С кем, казалось, весна не умрет? –
Тысячегласый хор,
Вторивший нашей весне,
Вижу, словно во сне
С давних пор...
Разве знали мы, влюблены,
Переполнены до краев
Ликованьем весенней луны,
Что не будет вечной весны?
Неужели жизни итог
В том, чтоб любящих разлучить?

Как смириться с этим порой,
Как же дальше в разлуке жить?
Сколько б счастья ни суждено
Вперед – нельзя позабыть
Лунный свет, рассветную трель,
Как нельзя опять полюбить.
Не забуду тебя, мечту,
Чем бы жизнь ни манила вновь.
Только где ж я тебя найду,
Моя юность, моя любовь?
За тобою в ад я пойду,
Выси горные перейду,
По судьбы дрожащему льду –
На радость ли, на беду,
Пусть даже я упаду
Под выстрелами врагов.
Только где ж я тебя найду,
Моя юность, моя любовь?..
Наше счастье меня зовет
Испытания победить,
Если нас разделяет ночь –
Буду солнце ждать и любить.
Темен каждый в душе уголок,
Когда человек одинок!

1991

Перевод Вяч. Шаповалова

Разлука

Этой весной лунная ночь коротка,
Слышен в ночи бег по камням родника,
Светит луна – словно письмо сядь и пиши.
Жметя к земле тонкая ветвь ивняка.
Озеро, даль, поле и склон – круг земной
Озарены ясной и полной луной,
Черная мгла в черной царит высоте,
Весь в серебре конь под луной – вороной.
Та, чье житье – только мгновенья игра,
Только любви неощутимой пора,
Погружена в долгий серебряный сон –
Бабочка спит в лоне цветка до утра.
Лишь ветерок шепчет в ночи: отдохни! –
Сколько их было – все позади эти дни.

Словно корабль спит на озерной груди,
Дремлет аил – окна погасли в тени.
Ждал эту ночь с горькой тревогой джигит.
Вот он сюда, к месту свиданья спешит,
Зорко глядит по сторонам: никого.
У самого сердце тоскливо щемит.
Им не увидеться теперь никогда,
Им суждены разные дни и года,
Долго они тайну хранили свою –
Юный джигит и та, что так молода!..
Утром расстаться им, двоим, суждено,
Сердце у них на двоих лишь одно! –
Как разделить, если она улетит? –
Птица летит, если раскрыто окно.
Где же она, что ж так рокошет родник?
Время ползет, время летит – не для них,
Вышла она – белое платье на ней,
Что им сулит краткий прощания миг?
Словно на зло, ярче и ярче луна,
Взявшихся за руки, их освещает она,
В доме ее в окнах огонь, голоса,
Что же она так торопливо нежна?
Тихо «Прощай!» шепчет она, как в бреду.
Он лишь одно: «Всюду тебя я найду!».
«В доме не спят, ищут меня, мне пора!»,
И не успел поцеловать на беду..
Вот у дверей тонкий мелькнул силуэт,
Сыплет луна с неба ненужный свой свет,
Как горячи слезы их глаз – отчего?
Стужа в душе, что ж я прощаньем согрет?
Что за закон в жизни жестокой царит –
Всякой любви вечно разлука грозит,
Не объяснит смутную злобу судьбы,
Разве что лишь время печаль усмирит...

1990

Перевод Вяч. Шаповалова

Гробница Манаса

С гор Ала-Тоо, силу набирая,
В пути преграды преодолевая,
Как зеркало прозрачное, сверкая,
По направлению к Чу течет Талас.

Гробница там стоит на склоне горном
И зрящего смущает думой скорбной.
Давным-давно в печали всенародной
В гробнице погребен герой Манас.
Кто выстроил гробницу всем на диво?
Что сотни лет назад происходило?
Кем был Манас? Об этом здесь правдиво
Гласили письма. Но вражеская сила
Те надписи со стен гробницы сбила
И утвердила собственный порядок.
И мы теперь не знаем, что здесь было,
Поскольку письма пришли в упадок.
Но и поныне высится гробница.
Издалека к ней едут подивиться.
Она влечет всех тех неотразимо,
Кто почитает долгом поклониться
В гробнице погребенному герою.
Рассветный и вечерний горный ветер
Таинственно с ней шепчется порою
О новом поколении на свете.
Вершины кряжей свод небес венчает,
И Ала-Тоо, возвышаясь гордо,
Манаса как героя из героев,
Сравнив с луной и солнцем, величает.
А стерегут гробницу под горою
Утесы, скалы, ели вековые.
Родник, журча, с Манасом начинает
Свои беседы про дела былые.
И след былого в сердце отдается,
Болезненно людское сердце бьется.
Сказитель обращается к Манасу,
В напеве под комуз о нем поется
В торжественно печальных мерных звуках
О подвиге, о силе и о муках.
Душа горит огнем, и кровь играет,
И молодость Манаса поминает.
С гор Ала-Тоо, силу набирая,
В пути преграды преодолевая,
Как зеркало прозрачное, сверкая,
По направлению к Чу течет Талас.
Гробница там стоит на склоне горном
И зрящего смущает думой скорбной.

Давным-давно в печали всенародной
В гробнице погребен герой Манас.

1990

Перевод М. Рудова

* * *

Слово об авторе

Творчество К. Тыныстанова представляло собой значительное явление в истории киргизской словесности. Оно в первую очередь отличалось своей новизной мировосприятия, образного выражения, стихосложения. Тыныстанов – литературный первопроходец, заставивший киргизскую речь впервые заговорить довольно необычным образом, достаточно свежо, экспрессивно, красиво.

Салижан Джигитов, поэт, литературный критик

КАСЫМАЛЫ БАЯЛИНОВ (1902–1979)

Киргизский писатель, публицист, редактор, переводчик. Народный писатель Киргизии (1968).

Основоположник киргизской советской прозы. Создал первое реалистическое произведение киргизской прозы – повесть «Ажар». Выдающимися трудами считаются: «На берегу Иссык-куля», «Мурат», «Братство». Является одним из первых профессиональных переводчиков, познакомивших киргизских читателей с творчеством А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого и М. Горького.

Мурат

Пасмурный день. Моросит дождь. Туман, похожий на кочующий караван, стелется по земле. В долине Чункур-тёр, где туман особенно густ, расположен аул бая Куджумкула.

На землю спустились сумерки. Туман рассеялся, и только отдельные клочья его, как отставшие от табуна кони, бредут куда-то вдаль. В ущелье показалось стадо. Овцы возвращались в аул.

– Где же Мурат?

– Как бы ягнята не смешались с матками.

– Куда девался, проклятый? Видно, опять заснул где-нибудь в горах, – забеспокоились женщины.

Тем временем овцы приблизились к аулу. Множество ягнят, пасшихся отдельно на выступе горы, с шумом и блеянием ринулись к стаду.

– Без молока оставил, проклятый, – возмущались женщины, видя, как овцы и ягнята, смешавшись в общую кучу, заполнили загон.

В дверях юрты показался бай, обеспокоенный шумом.

– Овец и сегодня не доили? – остановил он свою младшую жену, Маслыкан.

– Поганый Мурат не углядел за стадом, – возмущенно ответила она.

– А где он?

– Прячется где-нибудь со страха.

Долину окутала тьма. Снова заморосил дождь. Снова опустился туман. Подул холодный горный ветер. Аул готовился ко сну. Мурата всё не было. Весь вечер жена пастуха Курмана, Алтынай, искала его. Она заглянула в каждый угол, в каждую юрту. Зашла даже к баю. Вполголоса, чтобы не потревожить сидевшего в переднем углу юрты Куджумкула, она рассказала Маслыкан об исчезновении Мурата.

– Куда он денется? – спокойно отозвалась Маслыкан. – Наверное, спит где-нибудь.

– О ком речь? – спросил бай со своего места.

– Мурат пропал. Не могут найти.

– Да, я его сегодня не встречал. После смерти матери он совсем отбился от рук, – заметил бай, глядя по головке сидевшего перед ним сына, круглолицего пухлого мальчугана.

Исчезновение Мурата не беспокоило бая. Что ему Мурат? Пастушонок может пропасть совсем, от этого бая большого убытка не будет. Он богат, здоровье у него завидное, сын и жены – рядом.

– Утром отыщется, – зевая, сказал Куджумкул.

Со слезами вернулась Алтынай в свой шалаш.

– О создатель! – шептала она. – Почему ты так обездолил бедняков? Чем мы грешны? Весь грех наш – наша бедность. Неужели жизнь наша дешевле жизни скотины? Бай даже не шевельнулся, узнав об исчезновении Мурата. Спокойненько молвил: «Завтра отыщется». А если свой сын на часок скроется с глаз – всех на ноги подымет... А разве они не одинаковые дети? У-у, кафир проклятый! Сначала мать погубил, а теперь до сына добираться! Но где же Мурат? Куда он делся?

Никто, кроме Алтынай, не вспомнил про Мурата. Аул погрузился в сон. Притихли даже овцы. Они чутко дремали, прижавшись друг к другу.

А дождь то утихал, то лил с новой силой. Вдалеке, среди одиноких хмурых скал, иногда слышался жалобный детский голосок. Это плакал маленький Мурат...

Мурат родился вскоре после смерти отца. В прошлом году, когда исполнилось ему восемь лет, умерла его мать, Батыма. Мурат был единственным сыном Батымы, единственной радостью в ее тяжелой вдовьей жизни. Как она любила его, как баловала! После работы она никогда не возвращалась с пустыми руками. В рукаве старенького вылинявшего платья матери всегда был запрятан неприхотливый гостинец.

Три года назад Батыма с маленьким Муратом на руках пришла к баю Куджумкулу и стала исполнять самую тяжелую работу: она таскала дрова, носила

воду, стирала белье, готовила обед. Без устали, не зная ни секунды отдыха, трудилась Батыма. Хорошо жилось Мурату с матерью, но в прошлом году остался он круглым сиротой. С этого дня маленький Мурат оказался в полной власти бая. И начались для мальчугана тяжелые дни. Все помыкали им, его принуждали к непосильной работе, а если он не справлялся с ней, – пинали, били, ругали.

За все труды Мурата Куджумкул не сделал ему даже сносной одежки. Мурат ходил в стареньком, коротеньком чапане, сшитом еще матерью. Но чапан изнашивался, превратился в лохмотья. С подола и рукавов его свисала бахрама. Этот же чапан заменял Мурату одеяло. Спал он на земле, у дверей юрты. Бай, выходя утром для совершения омовения перед намазом, делал вид, будто не замечает скрюченной фигурки малыша.

От непосильной работы и полуголодной жизни Мурат осунулся, похудел. Он часто видел сына бая с пряником в руке. Слезы застилали глаза мальчика, голодная судорога сводила желудок. Но сын бая не любил делиться с Муратом лакомствами, не любил играть с ним и всегда заставлял Маслыкан отнимать у Мурата его «богатство» – интересный камень или овечью бабку, найденную в степи.

Наконец Куджумкул назначил Мурата пасти ягнят. Днем он пас их где-нибудь в ущелье, к ночи пригонял в аул и крепко привязывал, чтобы они не могли подойти к маткам. Аул затихал, все погружалось в сон. Но Мурату не всегда удавалось спокойно проспать до зари.

– Вставай, ягнята разбежались, – будила его Маслыкан среди ночи.

Мурат вскакивал и, протирая глаза, бежал за ягненком...

Сегодня выдался особенно холодный, дождливый день. Мурат укрылся под большим камнем и согревшись, сладко заснул. Проснулся он уже в темноте. Сильный дождь барабанил по камням. Мурат попробовал выйти на дорогу, но споткнулся о камень и упал.

Поздней ночью пастух Курман, возвращаясь в аул, подобрал продрогшего, перепуганного Мурата и принес его в свой шалаш.

Прошло пять лет. Стояла осень. Трава пожелтела, земля потрескалась. Аул перебрался на зимнее становище. Кончилась стрижка овец. Началась хлопотливая работа – валяли войлок.

Полдень. На берегу быстрой реки Чуй отдыхает несметное стадо овец. Оседланный вол пастуха, с вьющимся под ногами мурунтуком, жадно пьет воду. Тут же, под тенью одинокой вербы, сидит пастух. Это Мурат.

Он заметно вырос, возмужал, – ему пятнадцатый год. На нем старенький, заплатанный чапан, на ногах чарыки.

Внезапно несколько овец, оторвавшись от стада, побежали к горам.

– Кош-кош! – бросился за ними Мурат. Он пригнал овец к берегу и со вздохом опустил на прежнее место. Тяжелая тоска гнездилась в его сердце. Мурат думал о своей жизни, которой не позавидовал бы даже бездомный пес. Не перечесть всех издевательств и насмешек, выпавших на его долю. Куджумкул не скупился на побои и ругань, а Мурат вынужден был молча переносить все обиды.

Однажды Мурат позднее обыкновенного пригнал стадо.

– Собачий сын, так ты растеряешь всех моих овец! – накинулся на него бай.

Мурат молча загнал овец в загон, привязал вола и, взяв суму, вошел в юрту.

– Принес дрова? – спросила Маслыкан.

Мурат промолчал.

– Почему ты молчишь? – крикнула Маслыкан.

– Я не раб. Я устал и не в силах что-нибудь сделать, – отозвался наконец Мурат.

– Ой ли? Кто же ты, как не раб? Попробуй, уйди куда-нибудь. Ишь, что выдумал – «не раб»! Кислый рот родит гнилое слово. Кто позволит тебе перечить мне? Поганый бездомник!

Глубоко задела Мурата злые слова Маслыкан. Он подошел к загону и, накрывшись драным чапаном, улегся на голой земле. Но сон бежал от него.

«Избавлюсь ли я когда-нибудь от этой жизни? – думал Мурат, лежа с открытыми глазами. – Неужели вся она пройдет под пинками Куджумкула? Неужели не будет светлых дней? Я тружусь, но бай не ценит моих трудов. Я не знаю отдыха. Днем пасу овец, ночью стерегу загон. Куджумкул ничего не платит за работу. Недавно он дал мне одного козленка, сказав, что эта плата за прошлогодний труд, но потом отобрал его. У меня ничего нет, даже одежки. Никто не скажет мне ласкового слова. Все меня ругают, бьют... Каждую горсточку крупы Маслыкан дает с руганью. От обиды пища застревает в горле. Разве это жизнь? Я не хочу больше терпеть унижения. Я потребую у Куджумкула оплату за свой труд и уйду отсюда. Нынче летом приезжал в наше становище молодой Алым. Я помню его слова. Он не раз повторял мне: «Не трать попусту молодость. Трудно тебе жить у бая. Уйди в город, поступи в школу. Учись, будь человеком. Запомни: советская власть – друг бедняков и враг баев. Она отбирает у них имущество и отдает нищим. Она открыла школы для сирот. Там их учат, кормят, одевают». Видно, правду говорил Алым. Недаром приезжавший сюда агитатор на каждом слове хвалил советскую власть. Недаром струсил бай и всячески старался расположить его в свою сторону. Только ничего у него из этого не вышло. Эх, нужно было мне рассказать обо всем агитатору. Он бы заставил бая заплатить мне. И почему я не записался в прошлом году в комсомол? Бай пригрозил мне и строго-настрого запретил записываться. Он сказал, что комсомол идет против баев. Ну и пусть! Зато он поможет мне выкарабкаться из этой жизни. Поможет стать человеком. В прошлом году я был еще глуп, но теперь я многое понимаю. Я не буду больше терпеть унижений. Довольно!».

На следующее утро Мурат встал раньше обыкновенного, оделся, подпоясался веревкой и пошел в шалаш Алтынай. Овцы, почувя свободу, выбрались из загона и разбрелись по склону горы. В это время Куджумкул, окончив утренний намаз, вышел из юрты. Увидев, как овцы без пастуха, без охраны разбрелись в разные стороны, он закричал:

– Куда делся Мурат?

– Он сидит в шалаше Алтынай. Он не желает больше быть пастухом и хочет потребовать от тебя плату, – ответила Маслыкан.

– Позвать сюда эту грязную свинью! – приказал бай.

– Почему ты не вышел сегодня к стаду? – накинулся Куджумкул на подошедшего Мурата.

– И не выйду. Я не хочу быть твоим рабом. Заплати мне что следует, и я уйду от тебя, – сказал Мурат,

– Я воспитал, вырастил тебя, сироту. Ты забыл это? Свинья, собачий сын! Ты ел мой хлеб, вырос, разжирел, а теперь зубы скалишь?

– Я не знал покоя днем, отдыха – ночью. Вовек не забуду, как ты растил меня.

– О, собачий сын, кто научил тебя таким словам? Я живьем сдеру с тебя шкуру!

– Нет, не сдерешь. Я такой же человек, как и ты.

– Эта свинья равняет меня с собой! – возмутился бай и с силой ударил Мурата.

Весь в слезах, избитый. Вернулся Мурат в шалаш Алтынай.

А овцы уходили все дальше и дальше. Бай был взволнован. Пообещав заплатить следующее, он уговорил Мурата выйти на работу. Мурат собрал стадо и в полдень привел его на водопой.

«... Пора, пора покончить с этой жизнью, пора зажить по-новому», – думал он. Но куда, к кому идти? У него нет ни родных, ни друзей. И этот вопрос казался Мурату неразрешимым. На дороге показались два всадника. Заметив Мурата, они повернули к нему. Один из них, в шапке и пальто, был похож на русского, но, когда он подъехал ближе, Мурат узнал в нем Алыма.

Алым учился в городе Фрунзе. Он провел лето в родном ауле и теперь возвращается обратно.

Всадники соскочили с лошадей. Спутник Алыма стал их стреноживать, а Алым подсел к Мурату. Мурат подробно, нанизывая слова, как бисер на нитку, рассказал ему о своих злоключениях. Искренняя, горячая речь Мурата произвела на Алыма большое впечатление, и он решил во что бы то ни стало вырвать Мурата из этой жизни, освободить его от унижений, увезти в город и определить в какую-нибудь школу.

– Хочешь в город? Я увезу тебя, – сказал он.

– Агатай, если это возможно... Если вы возьмете меня с собой... Я готов... хоть сейчас, – залепетал обрадованный Мурат.

И когда перевалило за полдень, он вывел стадо на дорогу, ведущую к аулу, а сам последовал за Алымом.

Путники шли по тропинке, извиающейся, как змея, по берегу реки. Впереди шел Мурат, подгоняя оседланного вола. Он не замечал ни жары, ни палящих лучей солнца и только изредка концом рукава вытирал выступавший на лбу пот. Вол его то и дело отмахивался хвостом от наседавших оводов, но не ускорял ленивого шага.

Наконец тропинка привела к широкой дороге. Путники сели на лошадей, Мурат взобрался на вола, и, поднимая столбом придорожную пыль, они поехали в город.

Там Алым поместил Мурата в школу. Через несколько дней, по его же совету, Мурат подал на Куджумкула в суд с требованием уплаты причитающегося ему жалованья. Суд вызвал Куджумкула и до последней копейки взыскал с него все, что следовало Мурату. А за истязания, которым он подвергал сироту-батрака, суд приговорил бая к году лишения свободы...

Прошло четыре года. Большой зал педтехникума, декорированный красными полотнищами и портретами вождей, был полон молодежи. К столу, стоявшему на возвышении, подошел худощавый паренек.

– Товарищи! Комсомольское собрание слушателей педтехникума объявляю открытым. В президиум предлагаются следующие лица, – сказал он и назвал три фамилии.

Предложение было принято единогласно. Собрание началось.

– Товарищи, сегодня нашему обсуждению подлежат два вопроса: итоги Восьмого съезда комсомола и прием новых членов. Есть ли возражения?

– Нет, нет!

– Считается принятым единогласно. Для доклада по первому вопросу слово предоставляется товарищу Алыму.

Алым подошел к столу президиума. Раздались аплодисменты. Алым пользовался среди товарищей большим авторитетом. Он в прошлом году окончил учебу и теперь работал в обкоме.

После доклада Алыма собрание перешло к обсуждению второго вопроса. К столу подошел парень с необыкновенно живыми глазами и подвижным лицом.

– Пусть расскажет свою биографию!

Парень спокойно взошел на возвышение, с доброй улыбкой оглядел присутствующих и приступил к рассказу.

Долго тянулась его речь. И когда он кончил, грохот аплодисментов загремел по залу.

– Принять!

– Принять единогласно! – послышалось со всех сторон.

Вновь принятый комсомолец был Мурат. Теперь он пришел, наконец, к новой жизни, о которой мечтал долгие годы.

1932

Перевод Г. Шариповой

Слово об авторе

В биографии Касымалы Баялинова часто стоит слово «первый»... Он представлял первый – в начальный период еще малочисленный – отряд новой

киргизской интеллигенции, из рядов которой вышли затем известные в республике и во всей стране творческие работники, педагоги, ученые. В числе первых переводов русской литературы на киргизский язык – стихотворение М.Ю. Лермонтова «Три пальмы». Перевод принадлежит Касымалы Баялинову. Киргизская литература для детей и юношества открывается сказками Касымалы Баялинова «Ласточка и змея», «Лисица и сурок». Он продолжил глубокую и обильную борозду, поднимая целину киргизской художественной прозы. Его талантливая книга «Ажар» стала этапным явлением киргизской советской литературы... Она возвестила всему миру о первых шагах литературы народа, еще недавно не имевшего своей письменности... Более чем за полвека Касымалы Баялинов создал десятки различных художественных книг. В его наследии выделяются повести «Долина Курмана» и «Счастье», роман «На берегах Иссык-Куля», многотомная эпопея о преобразовании родного края, о духовной красоте людей труда...

Михаил Рудов, литературовед

ААЛЫ ТОКОМБАЕВ (1904–1988)

Советский киргизский писатель и поэт. Народный поэт Киргизии (1945), академик Академии наук Киргизской ССР (1954), Герой Социалистического Труда (1974). Один из зачинателей киргизской литературы.

Родился в с. Чон-Кайынды Кеминского района Чуйской области.

В ходе восстания 1916 года его семья бежала в Китай, а в 1917 году на обратном пути его семья погибла, в результате чего Аалы остался сиротой. В 1922 году он был принят в Ташкентскую школу-интернат.

В 1927 году окончил Средне-азиатский государственный университет. В том же году стал работать в газете «Кызыл Кыргызстан».

Впервые стихотворение Токомбаева было опубликовано в первом номере первой киргизской газеты «Эркин-Тоо» в 1924 году. В 1927 году в Ташкенте вышел его первый поэтический сборник «Ленин тууралуу» («О Ленине»).

В 1930-е годы также вышли его сборники «Эмгек гүлү» («Цветы труда»), «Атака», «Абалкы ырлар» («Первые стихи») и др.

В конце 1930-х годов Токомбаев обратился к прозе. Первыми его книгами в этом жанре стали «Днестр терең деңизге куют» («Днестр впадает в глубокое море»), «Жараланган жүрөк» («Раненое сердце»), «Тайна мелодии». В 1934 году встречался с Максимом Горьким на первом съезде советских писателей. В годы Великой Отечественной войны им был создан ряд произведений патриотической направленности – «Земляк Манаса», «О двадцати восьми», «Клятва», «Гордость», «Хозяева леса». После войны из-под пера Токомбаева вышли книги «Жизнь», «Лирика», «Под мелодии комуза», «Мы были солдатами» и др.

В 1967 году за роман в стихах «Таң алдында» («Перед зарёй») Токомбаев получил государственную премию Киргизской ССР им. Токтогула. В 1970-е годы вышли несколько его книг.

Аалы Токомбаев перевёл на киргизский язык ряд произведений русской и мировой литературы, в том числе А.С. Пушкина, И.В. Гёте, Ф. Шиллера, М.Ю. Лермонтова, Я. Купалы, В.В. Маяковского, С.Я. Маршака, Низами, Абая, Джамбула и др.

Потомкам

Потомки, я у вас прошу на миг вниманья.
Хочу найти в сердцах ответ и пониманье.
Когда вы в Ленинград помчитесь на «Стреле»,
Не забывайте: вы – на раненой земле.
Мелькают за окном то вдалеке, то близко –
То в поле, то в лесу простые обелиски.
Здесь был когда-то бой. Здесь каждый был – солдат.
И каждый – чей-то сын, и каждый – чей-то брат.
Все были – как один. Винтовки и шинели.
Все били – как один – по грозной черной цели!
Никто не отступил. Все – братья по судьбе.
Безмолвная земля их приняла себе.
Тут остановок нет, тут поезд мчит стрелою.
Но встаньте хоть на миг: кругом лежат герои.
Каленые штыки. Солдатские сердца
На этом рубеже стояли до конца.
Они тут навсегда, чтоб мы не забывали
О том, как в те года победу добывали.
Подумайте, друзья, о тяжкой их борьбе.
Подумайте потом и о своей судьбе.
Мы вечно быть должны солдатам благодарны,
За то, что наши дни светлы и лучезарны.
Потомки, вам дарю я этот скромный стих,
Чтоб помнили о нас, чтоб помнили о них.

1945

перевод М. Ватагина

Мой тополь

На тополе, на серебристой коре,
Кто имя мое написал и когда?
С заветной ли целью иль в праздной игре?
Не вижу намека, не вижу следа.
Быть может, писали с почтеньем ко мне –

Акын, или девушка, или джигит?
Быть может, злорадствующий в тишине
Загадочной надписью этой язвит?
Иль близкий по духу, любовью влеком,
Быть может, прославил здесь имя мое?
Иль, походя, некто, бахвалясь тайком,
Беспутный, оставил здесь имя мое?
Иль, плача и радуясь, верность свою
Здесь высказал друг одинокой душой?
Иль сверстники, песнь повторяя мою,
Склонили здесь головы передо мной?
Бродяга ль веселый, беспечно шутя?
Иль щедрый мечтатель – бедняк дровосек?..
Проходят года, и не ведаю я, –
И прахом, быть может, стал тот человек.
Мой тополь стареет, морщинится ствол,
И надпись от времени блекнет на нем.
Так вечер и жизни моей подошел,
И напоминает мне тополь о том.
Торопится старость, но, юность мою
Похитив, бессильна она предо мной:
Чтоб след мой остался в родимом краю,
Тружусь я, в труде молодея душой.

1939

Перевод С. Обрадовича

Двое

Ночь. На улице ветер свирепый летал,
Мокрым снегом он лица прохожих хлестал.
Снег садился и на воротники на плечи
И кристаллами, бисером белым блистал.

Все живое той мгlistою ночью глухой
В свой упряталось угол от стужи седой.
Только двое влюбленных спокойно гуляли
Вместе с бурей снежной по улице той.
Убегали минуты, все стыло кругом.
Лишь два сердца в буране пылали огнем.
Разве есть для них мука страшнее разлуки?
Вот расстались как будто, вот снова вдвоем.

– Моя ласточка, мне ли тебя позабыть?

– Месяц мой, нам всегда б неразлучными
быть!.. –
Это слыша, промолвил продрогнувший тополь:
– Я бы тоже не зяб, если б мог так любить.

1948

Перевод А. Шпирта

Пчела

Зацвели сады вокруг,
Будто иней выпал вдруг.
И над яблоней пчела
Золотой свершает круг.

Утро в каплях серебра,
А уж ей лететь пора, –
Встрепенулась раньше всех,
Солнца младшая сестра.

И гудит до темноты,
Клонит ласково цветы.
И дивишься, сколько в ней
Хлопотливой доброты.

Рассердить страшись ее!
У пчелы свое чутье –
Жалит лодырей она,
Трутням в улье не житье.

А бывает, попадет
Тем, кто в улье мед берет.
Только это не беда –
Поболит, потом пройдет.
Золотой гудящий рой
Занят делом, не игрой.
Пчел веселая семья —
Символ жизни трудовой.

1955

Перевод Т. Стрешневой

Тайна мелодии

За долгую дорогу мы подружились со стариком. Его чалая бородёнка, будто приклеенная, гармонировала с его невысокой фигурой. На вид старику было не больше пятидесяти пяти лет. За эту грань, судя по внешности, его годы вряд ли перевалили. Когда старик говорил, он, словно магнит, притягивал к себе внимание тех, кто его слушал.

Чего только не приходится переносить путнику в дороге! Нас настиг проливной дождь и град. Вспыхивали молнии. Идти было почти невозможно. Мы едва брели, поддерживая друг друга.

– Эх, и повезло же нам! Неужели будет хуже?.. Как бы ливень не разыгрался еще сильнее, – произнес один из спутников.

– Пусть только забрезжит рассвет, ливень рассвета не любит, тогда и кончатся дождь и гроза. Ну и нечестивая буря! – засмеялся другой.

– Ливень нас не задержит. Рассвет уже обливает небо, – вставил я, скользнув глазами в сторону невидимых спутников.

Тут опять вспыхнула молния, и я поймал выжидательный взгляд моего спутника – старика.

– Отец, – сказал я, – твои пронизательные глаза, видимо, заморозили мой взгляд. При свете молнии они сверкнули еще ярче, и я до сих пор ощущаю их властную силу. Так зачаруй меня теперь и силою твоего слова.

Один из спутников промолвил:

Скуку долгого пути и страх рассеивают рассказы, затейливые, как вышивка.

– Сказал бы я вам: «Начинайте рассказывать», да боюсь насмешки: он, мол, надевает свой чапан, начиная с ворота. Так ведь? Ну уж ладно. Я не откажусь начать, но и вы не упрямитесь, когда очередь дойдет до вас.

И старик откашлялся.

Гроза с шумом проносилась над нами. Старик начал свою повесть.

– Жизнь человека падает на землю, как вспышка огня, и спешит угаснуть... Историю, о которой хочу вам рассказать, я узнал давно. Мне тогда было лет двадцать. Теперь, когда вереница моих дней достигла восьмидесяти лет, помню все ясно, хоть и стою уже у самого края жизни.

– Э-э, отец, ты еще не дожил до середины ее, ты еще и сто лет будешь держать жизнь прочно, как в своем кармане! – ободрил я его.

– Спасибо на добром слове. Но смерть ведь не считается с пожеланиями, – возразил старик и вернулся к начатому рассказу.

– Это было в самом разгаре лета. Солнце, подобное золотой чаше, начинало склоняться к своему пределу. Огненные лучи окрасили горизонт таким густо-багровым цветом, будто хотели поджечь его. Облака над заходящим солнцем, словно дым, величественным пожарищем окаймляли золотом угасающее пламя. А над ними постепенно сгущался трепетный сумрак мглистого покоя.

В ту пору года на джайлоо особенно привольно. Я ехал; высокая густая трава цеплялась за стремена; безвольно качались головки цветов, колеблемые ветром. Жара и долгая езда утомили меня. Хотелось прилечь отдохнуть, но мучил голод.

«Будь, что будет, – решил я, – поднимусь еще на тот перевал и, если там не будет айлов, лягу прямо в степи!». Я вскачь выехал на вершину. Перед моими глазами предстало множество айлов, разбросанных по отлогому склону. Они выступали пятнами на свежей траве новых кочевий, безбрежных, как море.

Я пустил коня во весь опор, как кабарчи подскакал к юртам айла, сгрудившимся на холме, и произнес салам.

От кучки людей быстро отделился смуглый джигит, опоясанный красным матерчатым поясом – куру, и принял у меня коня.

– Иди, сынок, иди сюда, – обратился ко мне сидевший в центре сборища желтолицый тучный старик и указал место по правую сторону от себя.

Беглый взгляд на одни его веки обличал в нем прежнюю удаль и силу – так выпуклы были они. Его глубоко запавшие глазницы напоминали собой колодцы, из глубины которых остро сверкали зрачки. Хищный нос, как могучий клюв, загибался к провалу беззубого рта. При взгляде на его полное лицо нельзя было сказать, что он очень стар, но оттопыренные, совершенно бескровные уши и острота хрящеватого носа сразу выдавали его возраст.

В руках старик держал комузу, сделанный из древесины урюка, по-видимому, давний спутник своего хозяина: до того он покраснел и залоснился от прикосновений. Тенкек комуза своей краснотой также говорил о долголетнем существовании.

– Удачлив ли был твой путь? – спросил меня старик, слегка бренча на струнах комуза, и начал тихонько напевать заунывную мелодию.

Слышал ли он мой ответ или нет, этого нельзя было узнать по его лицу. Казалось, что он всегда сидит вот так, в одном положении, никого не видя перед собой, ни о ком не думая, никого не слыша.

«Это, верно, чванливый гордец или выживший из ума старик», – подумал я. Но в действительности оказалось иначе. Старик как будто прочитал мои мысли:

– Сын мой, ты, видно, человек наблюдательный: прежде, чем разговаривать с путником, надо его угостить. Подай-ка сюда кумысу, – крикнул он и, подтянув колок комуза, вновь затянул свой печальный напев.

– Сын мой, ты, видимо, едешь издалека? Употребляешь ли ты насвай? – спросил меня старик, опять обрывая мелодию.

– Употребляю, отец, – сказал я, – но у меня сейчас нет табака. Посмотри мою чакчу. Мне нечем тебя угостить.

Но старик и не ждал от меня угощения, он вытащил из широкого узорного голенища рог-чакчу, высыпал себе на ладонь щепотку насвая и бросил чакчу мне на колени. Он подождал, пока я возьму в рот горстку, и только тогда уже высыпал свой насвай под язык. Потом тронул струны комуза и вновь затянул прежнюю мелодию.

Пока пили кумыс, старик раз десять повторил один и тот же мотив.

Была ли его песня неинтересна сидящим или они ее не понимали? Этого нельзя было угадать по равнодушным лицам окружающих. А старик, много раз повторив свой напев, снова обратился ко мне с вопросом:

– И-и, сынок! Здоровы ли твои сородичи? Ты, видно, собрался стрелять оленей? И-и, сынок! Каким ты искусством владеешь? – И он снова затянул свой напев. Казалось, все помыслы, все желания старика вращались вокруг этой единственной мелодии...

Понимали ли окружающие его люди мелодию или нет – для него было безразлично: сам он себя понимал, и, казалось, для него никого не существует.

Так и не удалось мне разгадать странное поведение старика. Внезапно он произнес:

– И-и, сынок! Войдем в юрту.

Закололи барана, мясо положили варить в казан, а старик все тянул свой мотив.

– Как называется эта песня, аксакал? – спросил я сидящего рядом со мной пожилого мужчину.

– Не знаю, и никто этого не знает, – отвечал он мне.

– Вы же из этого аила, как же вы не знаете? – настаивал я.

– Да, братец мой, – сказал он, улыбаясь, – я из этого аила, но я на пятьдесят лет моложе аксакала, и он не отвечает на мои вопросы. И нет среди нас такого, кто был бы ему ровесником и мог бы спросить... Поэтому никто ничего не знает о песне старика.

Эти слова еще больше подстрекнули меня. Во что бы то ни стало я должен узнать тайну этой мелодии! Старик как будто только и ждал этой мысли:

– Э-э, сынок! Умеешь ли ты играть на комузе? – спросил он, закручивая колки.

– Судьба не одарила меня этим искусством, чем я очень огорчен. Но слушать я могу без конца.

– Э-э, сынок! Всякая жизнь складывается по-своему. Если бы каждый достигал того, чего хотел, разве не стал бы весь народ святым? Разве осталась бы тогда горечь неудачи? – сказал старик, продолжая настраивать комузу.

Я не сдержался:

– Отец, я хочу задать один вопрос: разве желание одного народа в одном аиле для другого не свято? Не покраснею ли я от стыда, не получив от тебя ответа?

– Нет, сынок. Гость – это счастье. Кто пожалеет для гостя – пожалеет для аллаха. Получи, что просишь.

И он взялся за гриф комуза, застыв в ожидании, как беркут, выслеживающий пташку. Я сказал старику:

– Народу дорог доблестный батыр. Батыру дороги его народ и земля. Для них обоих драгоценно высокое искусство. Для меня таков твой напев. Но для меня он – загадка. Ты так печально поешь, а причина грусти неизвестна. Может

быть, ты играешь эту мелодию уже несколько лет? И никто ничего о ней не знает. Если мой вопрос не причинит тебе боли, раскрой мне тайну твоей печали.

– Ах, нет, сынок мой, нет, – досадливо воскликнул старик. – Это не выйдет!

– Получи то, о чем просил, – вырвалось у меня.

– И все же я не могу тебе ответить. Эту тайну я храню уже семьдесят семь лет, с семнадцатой весны своей жизни. Я не смею раскрыть тайну напева никому, пока мучол не обернется вокруг земли десять раз. Таковую дал я клятву... Что делать? Пусть пропустит аллах эту клятву мимо себя: я страшусь мести мертвеца, не должен наносить я обиду и живому, – задумчиво промолвил старик.

Он вновь постучал чакчой о подошву расшитого сапога, высыпал насвай себе на ладонь и, угощая меня, сказал:

– Держи, сынок, руку. – Потом усталился взглядом в землю и несколько мгновений сидел молча.

Я сплюнул насвай, и старик приступил к рассказу.

– История моя на этом месте началась, на этом месте и кончилась, сынок. Это случилось в самую счастливую летнюю пору джайлоо, как раз вот в это время дня. Был я тогда ребенком. Всякий раз, когда жеребят спускали с привязи, я гнал их до самого родника. Постоянным моим конем была неоседланная карья двухлетка. Никто не поручал мне гнать табун. То было детской забавой. Пригнав жеребят к водопою, я обычно не переправлялся на ту сторону источника, а ехал назад.

Однажды, когда я пригнал жеребят к источнику, спустился густой туман. Я довел табун до воды и поехал обратно, ничего не опасаясь. Вдруг передо мной появился рыжий могучий джигит верхом на белоснежном резвом скакуне и спросил:

– Чей это аил?

И не успел я ответить, как он схватил меня за шиворот, словно беркут куропатку, и сдернул с коня. Я не испугался – привык я к грубоватым шуткам друзей моего отца и подумал, что всадник – один из них. Но сильная рука могучей хваткой беркута так сжала меня, что кости мои заныли.

– Дядюшка, спине больно! – вскрикнул я. Он спокойно возразил:

– Ничего тебе не сделается!

Подняв полу чапана, он посадил меня сзади себя на свернутый халат, прикрепленный к седлу. Потом опять плотно запахнул полы своего чапана. Мне сдавило все внутренности, и сердце мое замерло от страха.

– Отец! – крикнул я, стараясь вырваться.

– Молчи! – приказал он, и еще плотнее запахнул чапан. – Если будешь плакать – убью! Замолчи, – повторил он.

Я умолк. Я понял, что стал пленником и спросил, всхлипывая:

– Байке, куда ты меня везешь?

– Ничего у меня не спрашивай. Если еще раз откроешь рот, то умрешь, – пригрозил он снова.

Больше я и не пытался заговаривать. И только всхлипывал время от времени.

Я не мог видеть ни всадника, ни дороги и не знал, куда меня везет похититель. Когда стемнело, сойдя с коня, он вынул из курджуна еду и накормил меня, по-прежнему не проронив ни слова.

И вот в тот час, когда народ отправляется на покой, мы прибыли в многолюдный аил, лежащий на возвышенности. Тут уж я не был закрыт чапаном и мог все видеть.

В самом центре аила выделялась большая юрта, белая, как скорлупа яйца. Джигит подъехал к небольшой кибитке с войлочным верхом, что была расположена несколько ниже центральной юрты, и кого-то позвал. Из кибитки отозвался чей-то голос, и на пороге появилась тень.

– Вот тебе обещанное. Прими, – вручил меня джигит, а сам поскакал дальше.

Юрта, куда меня ввели, стояла рядом с юртой именитого бая. Сморщенная, почерневшая старуха несколько минут испытующе рассматривала меня своими узкими прищуренными глазами и, наконец, ласково сказала:

– Сынок, ты, наверное, чей-то любимый ребенок. Не бойся, садись. И у тебя, верно, есть мать? Мать всегда страдает страданиями своих детей, радуется их радостями. Видно, тяжело ей теперь, но что делать? Таков уж обычай, сколько я ни живу на свете! – Старуха погладила меня по голове, поцеловала в лоб и добавила: – Покушай, мой кулун, покушай!

С этого дня и началась для меня жизнь раба. Жители аила пришли посмотреть на меня. Хотя я забился в угол, сидел, как запуганный зайчонок, каждый задавал мне вопросы, заводил со мной разговор.

Аил начал засыпать. Меня уже не опасались. Я не мог никуда бежать, это для всех было ясно.

– Подложи себе верблюжье седло и укройся вон тем кементаем, сынок, – сказала старуха. В юрте другой постели не было: ничего не поделаешь – лег. Разве сон – позор? Сколько я ни погружался в реку разных раздумий, все же уснул!

– Ой, бала, вставай!

От этого окрика я раскрыл сонные глаза. Уже рассвело. Нарядная юная девушка, наклонившись, смотрела на меня. Заплетенные в косички – по десять с каждой стороны – черные, как уголь, волосы колыхались волнами, спускались до самой земли, почти касаясь моей головы.

Оттого ли, что я крепко спал, мысль о моем рабстве на мгновение покинула меня, и я проснулся очень радостным.

– Откуда тебя привезли? Из какого ты аила? – спросила девушка, улыбаясь.

– Не знаю!

– Сколько тебе лет?

– Десять.

– У тебя есть братья и сестры?

– Нет, я один!

– Тогда пойдем со мной. Ты будешь жить в моей юрте, – сказала девушка. Две женщины, сопровождавшие ее, не проронили ни слова. Они поправляли на спине девушки косы и о чем-то шептались между собой.

Пока я одевался, старуха сказала:

– Доченька! Ты тоже одинока, не мучай его, будь с ним поласковой. Ведь еще материнское молоко не обсохло на его губах, он тоже единственный сын своих родителей. От ребенка можно всего ожидать. Ребенок все равно что яйцо... неизвестное. Из яйца может выйти и ворона, и сокол. Если мальчик будет батыром, то это счастье для нашего аила. Сделай его своим младшим братом, ненаглядная ты моя.

– Матушка, – ответила девушка, смеясь, – я последую твоим словам, сделаю его младшим братом, и ты мне скажи, если он будет выглядеть плохо. Как твое имя? – обратилась она ко мне, взяв меня за подбородок, так как я стоял, понурив голову.

– Зарлык.

– Айланайын... Ты, оказывается, единственное дитя – предмет чьих-то забот и огорчений. Отец и мать, видно, и сейчас несут на себе груз печали и горя о своем Зарлыке. Живи, сынок, не умирай, – сказала старуха и, погладив по голове, поцеловала меня в висок.

– Иди, мой кулун. Иди со своей сестрой! – прибавила она.

Дойдя до этого места рассказа, старик погладил седые нависшие брови и рассеянно забренчал на комузе привычную мелодию.

– Карья, оставил бы ты комуз и кончил рассказ, – обратилась к нему старуха лет шестидесяти.

– Ладно! Видно, и тебе захотелось послушать, – старик чуть улыбнулся и оставил свой комуз, прислонив его к неразгибающимся коленям.

– Если б не наш гость, твой рассказ ушел бы в могилу вместе с тобой, говори же! – настаивала байбиче.

– Уж ладно, старуха! Правду ты говоришь, – сказал он и, как бы желая проверить, слушает ли другая жена, насупясь посмотрел на нее.

– Рассказывай же, карья! Ведь не только наши просьбы не имели успеха, но когда тебя просила даже твоя ненаглядная Корер-кез, что моложе твоей внучки, и тогда ты не рассказывал, – нетерпеливо промолвила его вторая жена, женщина средних лет.

Корер-кез – молоденькая смуглая красавица. Она слушала рассказ старика без особого интереса. Видно было, что маленькие тайны, о которых она время от времени шепталась со своими сверстницами, гораздо больше занимали ее.

Бывалый старик понимал это. И хотя страсти и волнения покинули уже дряхлое тело – душа его была задета таким безразличием, ревность была последним жалким отблеском прежних желаний.

– Думы Корер-кез сейчас далеки от моего рассказа. Да ей он и не нужен, – сказал старик с горечью.

Корер-кез пропустила упрек старика мимо ушей. Старик продолжал свое повествование.

– Так вот! Шесть долгих лет провел я в услужении у девушки. Отец ее, именитый человек айла, был окружен особым почетом. У его дочери была отдельная юрта. Девушке прислуживал работник-малай и его семья. Я стал чайным прислужником девушки.

Жена работника – милая молоденькая келин – была искусна в словах, ловка в работе, как вихрь проворна. Мы подружились с ней. Но спал я не в юрте малая, а у порога шатра девушки.

То, что у порога ее юрты спал раб, считалось в то время особенно почетным. Этот обычай сейчас уже исчезает, сынок.

Кто и зачем меня сюда привез, – об этом я узнал от этой келин.

– Ты – раб, который вошел в калым этой девушки. Привез тебя сюда ее жених – могучий батыр. У него есть быстроногий скакун белой масти и меткое ружье – акчагыр. Отец девушки сказал джигиту: «Отдай мне одно из этих двух или приведи трех рабов». Джигит не дал ни коня, ни ружья, а привел ему трех рабов. Третий из них – ты, тех двух, что он привел раньше тебя, подарили двум именитым людям. Ты же, видно, под счастливой звездой родился: если б отдали тебя в подарок другим, ты погиб бы.

Иногда девушка, одевшись по-мужски, вместе с джигитами отправлялась верхом в степь. Из поездок привозили убитых оленей, архаров, волков, иногда и снежных барсов. Трудно было в пути разобрать – кому какая добыча принадлежит. Дележ происходил обычно по возвращении, в центральной юрте. Но я туда редко ходил. Меня туда не тянуло. Кроме того, эта сдержанность считалась добрым признаком скромности, а скромность раба всегда вызывала уважение в айле. Говорили: «Он хоть и раб, но с достоинством, глаза у него не завистливые». Я радовался таким словам и всеми силами старался поддержать такое мнение о себе. Все, что происходило в большой юрте, чаще всего я узнавал от самой девушки. Для забавы ли, для легкого ли хвастовства или от жалости, когда ей не хотелось спать, она, лежа на своей постели, рассказывала мне разные вещи.

Я называл ее «ласковой тетей», а весь народ айла звал ее «ласковой девушкой».

Жених девушки со своими друзьями время от времени приезжал и проводил несколько дней в ее айле. Однажды, в самый разгар лета, джигит приехал опять. На этот раз он был один. Но, по старинному обычаю, ему, как гостю, отвели особую юрту.

По обыкновению, днем тетушки приводили девушку к жениху в юрту, а с наступлением вечера уводили ее обратно.

Тогдашние дети, сын мой, мужали раньше. До всего они доходили гораздо скорее. Я в эту ночь не спал. Когда аил начал засыпать, джигит пришел к своей невесте. Я не мог равнодушно видеть его, хотя весь народ называл его «батыром»

и хвалил. Но в чем заключалось его богатырство, я до сих пор не знаю. Затаив дыхание, я прислушивался к их словам. Вскоре их разговор перешел в размолвку.

Каждый раз, когда девушка противоречила ему, моя душа радовалась: «Хоть бы она поссорилась с этим джигитом», – думал я про себя.

Их разговор до сих пор сохранился в моей памяти! – сказал старик и умолк.

Один из слушателей время от времени одобрительно покачивал головой и иногда вскрикивал: «Ну и чудеса!».

И на этот раз он закачал головой:

– Вот интересно!

Старик медленно тронул струны комуза, несколько раз провел по ним пальцами и продолжал рассказ:

– Эрке моя! Теперь калым уже весь выплачен. А отец твой опять выискивает препятствия. «Не согласишься ли ты бежать?» – сказал девушке джигит.

– Нет, мырза мой! Я единственная дочь моего отца, и пока не будет свадьбы, я не переступлю порога твоей юрты. А что еще затеял отец? – спросила девушка.

– Опять говорит: пока не отдашь коня или акчагыр, не отдам я тебе дочь.

– Умиротвори моего отца, отдай что-либо из двух. Отец мой никогда не отступит от своих слов.

– Нет! Ценой коня или оружия я никогда не возьму себе жены, – резко возразил джигит.

– Пока мой отец не получит того или другого, я не стану твоей, – оборвала джигита девушка. Разговор их продолжался недолго.

– Если я отдам коня или ружье, пусть лучше я возьму не тебя, а собственную мать.

Гордость девушки была глубоко задета.

– Если ты не отдашь что-нибудь из двух, пусть лучше я достанусь собственному отцу, – сказала она. – Сам знаешь: у киргизов сильнее этой клятвы ничего нет.

Спор девушки и джигита все разгорался. Джигит, поднявшись, промолвил:

– Я заставлю тебя состариться в доме твоего отца: сам не возьму, и другому в жены ты не достанешься. Если вздумают тебя кому-либо отдать, то я разграблю твой аил вплоть до красных кереге. Тебя же посажу на лошадь без седла и сделаю своей рабыней. Девушка не испугалась угроз:

– Если ты в течение трех месяцев не отдашь отцу ружья или коня и не придешь за мной, то я сама, по своей воле, выйду замуж хоть за раба. Если ты действительно мужчина, то мсти мне, а не аилу, ведь аил ни в чем не виновен.

– Если ты в течение трех месяцев не выйдешь за меня по доброй воле, то я увезу тебя, как вечную рабыню. Пока у тебя есть рассудок, опусти свой подол, – сказал гневно джигит.

– Если ты не сможешь сделать меня рабыней, пусть проклянет тебя мохнатая грудь земли.

– Если ты не выйдешь замуж, пусть тебя проклянет бездонное небо!

Они больше ни о чем не говорили. Джигит не стал дожидаться рассвета. В знак обиды и угрозы он уехал из аила в середине ночи.

После отъезда джигита девушка несколько дней ходила совсем безмолвная. Радость переполняла мою грудь. «Девушка не достанется ему!» – ликовал я. Но в то же время я думал: «Чьей же она станет женой?».

Однажды девушка приготавливалась ко сну, взбила подушки, встряхнула шелковые одеяла и тюфяки и сказала мне с улыбкой:

– Малютка мой! Ты ложись на середину, ближе ко мне. Постели этот джууркан. – И она бросила мне стеганое одеяло.

– Возьми себе одну из подушек и взбей, – прибавила она

Я лег недалеко от ее постели. Внутри у меня что-то заклокотало. Но я не понимал – что? Девушка начала меня расспрашивать:

– Твой отец именитый человек? Ты знаешь, с какой стороны ты прибыл? Сколько дней пути отсюда до вас?

Мое сердце радостно забилося. Я начал преувеличивать знатность моего отца и на все вопросы отвечал: «знаю», если даже не знал.

– Ты не помнишь, во время тяжбы твой отец брал выкуп или сам платил? – спросила она.

– Знаю. Когда мне было восемь лет, вышла крупная ссора и драка, и на наш аил пал кун за убийство девяти человек. Мой отец ни за одного из этих убитых не заплатил. Народ нашего аила очень многочислен и силен. Он сам обвинил требующих уплату куна и угнал три десятка голов скота и одну девушку. В другой раз тоже так получилось. У наших близких родственников была красавица-дочь. Отец ее жениха был очень богат, а жених – могучий батыр. Когда был выплачен калым, мой отец добавочно попросил у них знаменитого скакуна Керкунана. Но жених не дал его и пригрозил, что силой увезет девушку. Тогда отец рассердился, взял и отдал девушку другому человеку. Кончилось тем, что была крупная стычка, в которой погибло немало мужчин. Сторонники жениха были побеждены и примирились с отцом, отдав три девятки голов скота и одного раба, – так присочинил я.

Видно, девушка поняла мою ложь. Она звонко рассмеялась и спросила меня:

– Я хочу с тобой бежать. Ты любишь меня? Сумеешь меня спасти?

Оттого ли, что я вырос рабом, или по молодости, но я совершенно растерялся от ее слов. Однако я быстро оправился и, на миг вообразив себя свободным человеком, с достоинством ответил:

– Отчего ж не сумеешь? И я ведь джигит, и у меня есть род, хоть я и вырос, как дикий волчонок.

Я не хотел возвращаться в свой аил с пустыми руками, без богатства и славы. Девушка рассмеялась еще громче. Она прекрасно понимала и мою деланную храбрость, и непобедимое желание выбраться на свободу.

– Ты очень молод, но сердце у тебя мужественное. Ты будешь красивым и славным джигитом. Ты и умен. И все-таки, несмотря на это, ты сейчас немного торопишься, ничего не обдумывая. Правда ведь? – спросила девушка.

– Нет, я все обдумал, я правду говорю. Отчего не спасти девушку? – возразил я.

– Ладно уж, ты неправду говоришь, – промолвила она, высунула руку из-под одеяла и потрепала меня по подбородку. Я не выдержал: быстро схватил ее за локоть и лег рядом с ней. Девушка крепко-крепко прижала меня к себе.

Несмотря на юный возраст, я был рослым, как двадцатилетний джигит, сердце у меня было мужественное.

– Говорят, если раб разгорячится, то он и в колодец забросит удочку. Не подражай ему и не гордись пока. Иди теперь, ложись на свое место, – сказала девушка, отстраняя меня. Но я, не говоря ни слова, сильными руками продолжал прижимать девушку к своей груди. Случайная прихоть девушки сразу улетучилась. Может быть, заговорила девичья стыдливость.

– Я непременно буду твоей. Но лягу в твои объятия только тогда, когда приедем в твой аил, когда голова моя будет в безопасности. Теперь же твое желание не может исполниться. Наутро встань, поезжай к стадам и под этим предлогом осмотри дорогу, по которой тебя привезли. В табунах есть быстроходная верблюдица с медным кольцом в носу. Вот ее ты поймай и объезди, – сказала она.

– Которую? Не ту ли, что твой отец привязывает к своей юрте?

– Именно эту. Она самая быстрая из всех верблюдов – не копыта, а ветер. Мой отец боится, что ее украдут, поэтому привязывает к своей юрте и все время прислушивается к ее жеванию. Ты три дня тайком ее объезжай. На третью ночь, в самую середину, тихонько поднимись, пройди к юрте отца и отвяжи ее. Но повод запутай, будто она сама отвязалась.

Я не спрашивал, зачем все это нужно, но начал действовать по ее указаниям. В первую ночь, когда я отвязал верблюдицу и она недалеко отошла от юрты, вышел отец девушки и вновь привязал ее к юрте.

Когда я отвязал ее во второй раз, верблюдица отошла дальше. Отец девушки опять вышел, посмотрел и вернулся в юрту. Когда я отвязал верблюдицу в третью ночь, отец не выходил совсем из юрты, но наутро сказал:

– Как бы я ни привязывал Желмаяну, ничего не получается, она все время отвязывается и уходит. Видно, ее уводит покровитель Ойсулаты.

Я услышал его слова и замер.

– Что бы ни сказал отец о верблюдице, непременно все говори мне, – предупредила девушка. Поэтому я немедленно передал ей слова отца.

– Это чудесно! Отец мой уже введен в обман, – сказала она. – Теперь, как только в аиле начнут засыпать, уведи верблюдицу в ложбину, навьючь на нее вот эти кошмы, а джуурканы привяжи сверху.

Мне казалось, что вечер тянулся целый месяц. Чудилось, что наша сокровенная тайна стала известна всему аилу.

В главной юрте были гости, поэтому улеглись там довольно поздно. Гости расположились у дверей. Это показалось мне счастливым предзнаменованием.

Месяц клонился к закату. Сытые гости быстро захрапели. Я взял верблюдицу и двинулся в лощину. Быстро спутав ей ноги, я вернулся в юрту девушки. Она торопливо собирала свои вещи.

– Скорее, как бы не наступил рассвет! – Она была одета по-мужски и подпоясана кушаком. Я отнес кошмы и джуурканы, навьючил верблюдицу и снова вернулся. Девушка с усилием тянула два больших курджуна и никак не могла перетащить их через порог. Я хотел поднять один, но не смог сдвинуть с места. Девушка засмеялась. Мы потащили вдвоем и кое-как снесли к лощине. Тут она тревожно воскликнула:

– О, кокуй! Ты плохо навьючил верблюдицу. Скорее все отвязывай.

Я быстро отвязал кошмы. Девушка переседлала верблюдицу, плотно привязала курджуны и сказала:

– Если ты не обидишься, я сяду впереди. Ты не умеешь управлять верблюдом, – и, не дожидаясь моего ответа, села на спину животного. Овцы, фыркая, начали подыматься и расправлять спины и ноги. Это было признаком близкого рассвета.

– Садись быстрее! – И девушка указала мне на петли аркана, сделанные наподобие стремян.

– Устроился ли ты? – спросила она.

– Устроился.

Сердце мое стремительно рванулось. Тогда мне думалось, что нас поймают прежде, чем мы выедем из аила. И я не в силах был ничего произнести, кроме: «Устроился».

– Крепко сиди, не бойся! – ободрила она меня и ударами камчи подняла верблюдицу. От толчка я чуть не выпал из седла. Было трудно понять – касаются ли ноги верблюдицы земли или она просто летит. Земля как будто переворачивалась. Внезапно, неизвестно откуда, налетел ветер, и из глаз моих полились слезы. Вдруг послышался резкий свистящий звук, подобный тому, который возникает при стремительном полете беркута, преследующего лисицу. Сначала я не понял, откуда он идет.

– Хорошо тебе ехать? – послышался голос моей спутницы.

– Да! – ответил я и тут понял, что свистящий звук происходит от нашего стремительного бега. Совсем рассветало. Вокруг не было видно не только аилов, но даже скота. Я не узнавал мест, по которым мы ехали. Когда солнце поднялось на расстояние выстрела, девушка натянула повод верблюдицы. Но та продолжала нестись вперед, рассыпая во все стороны белую пену, и лишь потом замедлила бег. Пока солнце не достигло зенита, мы ехали медленно. Затем снова понеслись как на крыльях. Когда же вечер начал спускаться на землю, мы прибыли на берег реки, связали верблюдице ноги и расположились поесть и отдохнуть.

– Если батыр погонится за нами, то настигнет нас не раньше завтрашнего утра. Кроме него, нас никто не сможет догнать. Если сумеем скрыться от батыра, то будем спасены. Но нужно довести клятву до конца. И если он настигнет нас – мы не должны бежать. Так ведь? – спросила она.

Я не смог произнести ни слова в ответ и только кивнул головой. Девушка улыбнулась, заметив мое волнение.

– Он ведь тоже человек, его искусство есть и у нас. Ты не бойся, если умрем, – умрем вместе!

Хотя она сама затеяла все, что мне и в голову не приходило, и сама распалила во мне огонь любви, но и моя любовь обрела силу. Меня нисколько не страшилась смерть, лишь бы погибнуть вместе. Я крепко ее обнял и поцеловал.

Наутро, по холодку, когда тени были длиннее, чем отбрасывающие их предметы, сзади показался высокий столб пыли.

– Эту пыль поднял батыр. Теперь наберись мужества, – остановила девушка верблюда и, взяв лук, сделанный из рога теке, начала натягивать его.

В мгновение ока батыр оказался рядом и крикнул:

– Бесстыдная! Теперь ты стала пленницей.

Девушка повернула верблюда боком и ответила:

– Я исполнила свое обещание. Поворачивай коня, иначе погибнешь.

И она начала прицеливаться, опершись на шею верблюда. Когда он приблизился на расстояние выстрела, то взял в руки акчагыр и, остановившись, крикнул:

– Пока ты еще жива, иди ко мне! И придешь – сделаю рабыней, и убежишь – сделаю рабыней. Слышишь ты это?

– Послушай моего совета: вернись назад. Моя рука не поднимается на тебя. Я не хочу твоей гибели. «Я только спасла свою честь», – сказала девушка.

Гордость не позволила джигиту подъехать ближе, и он резко приказал девушке:

– Подойди ко мне, поклонись! Я тебе сохраню жизнь, но сделаю вечной рабыней!

Девушка как будто родилась для спора:

– Если ты не сможешь сделать меня рабыней, возьми свою мать вторично! – крикнула она и вновь погнала верблюдицу вперед.

Джигит взревел, как лев, раненный выстрелом:

– Погибни! Пусть твой грех падет на тебя! Погибни!

Зияющее дуло его ружья было устремлено на нас. Пока он целился, девушка остановила верблюдицу, поставила ее в прежнее положение и повторила еще раз:

– Возвращайся пока не поздно, моя рука не поднимается на тебя.

– Иди, когда я зову, или ты – моя вечная рабыня. Покоряешься или нет? Отвечай, собака! – И он, наведя ружье, ждал ответа девушки.

Вместо ответа она спустила стрелу. Правая рука джигита безвольно упала, как подрубленная.

– Прощай, ты не внял моему совету. Это будет тебе памятью навсегда.

И девушка вывела верблюдицу на дорогу. Мы опять быстро помчались вперед. Джигит не долго мешкал из-за перебитой руки. Схватив в левую руку меч, раскрыв рот, он, как волк, помчался в погоню. Копыта его скакуна едва касались земли. Джигит мчался, ударяя коня тупой стороной меча. Девушка опять выпустила стрелу, оперенную, как горная ласточка. У летящего скакуна подкосилась передняя нога. Но разгоряченный конь не замедлил бега, и только приблизившись к нам, он споткнулся и упал.

Но джигит, успев соскочить с коня, побежал к нам. Его правая рука бессильно болталась.

Девушка, держа в руке лук, проговорила:

– Я выполнила одну мою клятву. Другую же прощаю из-за твоего мужества. Помни до самой могилы, что честь одинаково дорога и мужчине, и женщине.

И мы снова двинулись в путь, – заключил рассказчик.

Когда старик дошел до этого места, ярко вспыхнула змейка молнии. Стало видно на миг, как старик рукой погладил свою бороду.

– Карья, похоже, что ты открыл крышку сокровищницы слова. Мы и про грозу совсем забыли. До рассвета осталось немного, но ты уж, пожалуйста, доведи девушку и жениха до их аила, – попросил я.

Один из спутников прибавил:

– Эх, джигит, ну и мужчина! Да и девушка несравненная, чудесная! Если услышал эту повесть из уст очевидца, разве ее забудешь.

– Да и ты ведешь рассказ так, будто сам там участвовал, – сказал другой.

– Э, сынок. Те люди были особого рода. Мой рассказ и вполнину не так интересен, как его. Когда он рассказывал, весь народ сидел, раскрыв рты, а люди, о которых говорили, казалось, стояли перед глазами! – И старик снова принялся за свою историю.

– Джигит, обняв левой рукой шею своего коня, остался неподвижен посреди пустынной степи. Не замедляя шага верблюда, девушка сняла стрелу со своего лука, разломилась и выбросила, не произнеся ни слова. Только тогда я понял, как непреклонна ее гордость.

Налетевший ветер, понемногу усиливаясь, покрыл широкую степь завесой пыли. Кто знает, может быть, эта пыль была смутным очертанием горя джигита?.. После трех дней пути девушка спросила:

– Посмотри-ка, Зарлык-джан! Вот эти горы не похожи на ваши?

– Мне эта местность кажется очень знакомой, и все же я ее не совсем узнаю.

Немного погодя девушка сказала:

– Как бы нам не сбиться с пути. Должно быть, вот те туманные горы и есть ваши. – И она повернула верблюда в ту сторону.

С утра и до полудня мы ехали безостановочно и добрались до перевала. Я воскликнул:

– Эрке моя! Это наше джайлоо! Видишь, в начале вон того перевала густой лес, еще ниже – заросли камыша. На самой опушке леса расположен наш аил. Вот на том месте я стал пленником. Может быть, и сейчас аил стоит по-прежнему?

– В суюнчи я отдала себя. Теперь я до самой смерти в твоей власти, – отвечала девушка. Когда мы достигли вершины, нашим глазам открылись белые юрты, разбросанные на зеленом бархате лугов, как опрокинутые пиалы. От радости я закричал:

– Вот наш аил!

– А ты не ошибся?

– Нет!

Все мое существо затрепетало. Она посмотрела на меня в упор, сверкнув глазами, и сказала:

– Не спеши, джаным. Давай придем в аил, когда стемнеет.

Я согласился. Скоро мы достигли знакомого источника. Опустив верблюда на колени, мы начали умываться. Из аила слышались веселые крики играющих детей. Козлята, отбившись от матерей, бляением нарушали дремотный покой спускавшегося вечера. Мое сердце взволнованно билось, к горлу подступали слезы, радость не вмещалась в груди.

– Вот теперь я совсем твоя, милый! – Она поправила свои волосы, дала мне приготовленные ею одежды и начала одеваться в свои наряды. В молочно-туманном свете луны ее смутно белевшее нежное тело показалось мне особенно красивым.

Я оделся раньше и поцеловал ее в щеку. Ее запах, подобный гвоздике, до сих пор памятен мне... Маленькие упругие губы, нежные, как у грудного ребенка, заставляли трепетать все мое тело. Средняя жена старика в этот миг раздраженно сморщила нос, досадливо втянула губу и сказала:

– Не отклоняйся от рассказа!

Но старик не слышал ее слов и продолжал:

– Пока мы приводили себя в порядок, смолкло бляенье козлят, затихли крики ребятишек.

– Теперь, милый, отправляйся в аил и узнавай – здоровы ли твои. Если отец и мать живы, то насыть их радостью. Потом возвращайся за мной. Если мы появимся вдвоем, это будет против обычая, – сказала она.

Когда я бегом достиг аила, на меня с лаем напали собаки, послышались окрики чабанов, и несколько человек вышли мне навстречу.

– Ты кто?

– Я – путник!

– Куда идешь?

– К Чоро. Жив ли он, здоров ли еще?

– Сам-то Чоро здоров, но глаза его ослепли, – молвил один.

– Старуха его жива ли?

– Жива-то – жива, да не встает с постели. Она потеряла силы с горя после пропажи единственного сына, – сказал второй.

– Тогда, друзья, поведите меня к ним, я их пропавший сын.

– Суюнчи, Чоро! Суюнчи! Твой Зарлык вернулся!

– И койчи, – перебрасываясь взволнованными словами, потащили меня по направлению к дому. Оттуда выскочили какие-то люди, с радостными возгласами окружили меня и ввели в юрту...

Мой отец стоял посреди юрты и весь дрожал, опираясь на палку. Я крепко обнял его. Вся родня сгрудилась вокруг и чуть не задушила меня в своих объятьях.

– О мой кулун! – послышался бессильный голос матери, и ее изможденное лицо медленно повернулось ко мне.

Когда я молящим голосом произнес: «Апаке!», её худая рука протянулась ко мне. Но не дотянулась, бессильно упала на постель... Больше она не пошевелилась, не произнесла ни слова. Я смочил горячими слезами холодную грудь моей матери...

Мой отец взволнованно сказал:

– Твоя мать была рада... Она слышала твой голос, дитя моё!

В суматохе и радости я забыл обо всем. Когда луна поднялась к середине неба, отец мой спросил:

– Ну, сынок, как ты прибыл? Где ты был?

Только тогда я вспомнил про девушку.

– Атаке, я расскажу про это потом. Я привел вам сноху. Она ждет меня у источника.

Весь народ окружил меня, и, оглашая тишину звонкими криками, мы двинулись к источнику. По пути древняя старуха обрызгала меня водой и, наполнив чашку снова, пошла с нами вместе. Но у источника не оказалось ни девушки, ни верблюда...

– Как же так? – удивился один.

– Верно, она испугалась и пошла поближе к айлу, – сказал другой, смотря на меня.

– Что это там лежит? – крикнул третий, указывая на какую-то шевелящуюся в темноте массу. Старики остались, а мы все побежали туда.

Тот, что добежал быстрее всех, крикнул:

– О, кокуй! Кажется, тут неладно! – Помолчав минуту, он вновь воскликнул: – Беда! Ее растерзал джолбарс...

Девушка лежала, защищая голову рукой, без признаков жизни. Верблюдица, еще полуживая, терлась шеей о землю, дергая ногами. Я упал, обняв девушку...

Вот, сынок, с тех пор этот печальный напев и стал моим постоянным спутником. Этот мотив живет только во мне и исчезнет вместе с моей смертью. Вот тайна моей мелодии, сынок! – заключил он.

Наутро старик повел меня с собой и показал могилу девушки.

– Вот, сынок! Девушка покоится здесь. Я не дал раскрыть ее курджуны и похоронил их вместе с нею. Что в них было, не знает никто, кроме могилы. Посмотри, сынок! Никто не догадывается, что это могила. Так себе, невысокий холмик, покрытый зеленым дерном. А скоро и совсем с землею сравняется... Мне теперь 108 лет. Вскоре и я туда отправлюсь.

И он с каким-то радостным волнением сел на холме. До сих пор образ этого старика, как живой, стоит перед моими глазами. Кажется, что он уже отправился вслед за девушкой...

– Да и жених-батыр, верно, давно уже повстречался со своей несговорчивой невестой! – так закончил старик свой рассказ.

Гроза утихла. Наступил рассвет... Мы расстелили наши мокрые одежды на солнце и сели, приготовившись слушать другой рассказ старика.

Перевод А. Валитовой

Слово об авторе

В поэзии Аалы Токомбаева глубоко отражена жизнь Советской Киргизии. Читая его произведения, мы видим те огромные сдвиги, которые за годы Советской власти произошли в республике, в её экономике и культуре. Поэт правдиво и талантливо изобразил жизнь, борьбу и подвиги советского народа... Поэтом хорошо воспета родная страна. В его стихах сверкают небесные вершины гор, шумят быстрые реки, синеют воды великого горного озера – Иссык-Куль, в котором летними ночами купаются полная луна и яркие звёзды, а облака как бы спускаются на водопой. По стихам поэта проходят задумчивые горные тропинки, шелестят широкие вершины елей, в них запах зрелых дынь в сентябре и яблок поздней осенью, прохлада горных пастбищ и прозрачность воды родников.

Кайсын Кулиев, советский, балкарский поэт и прозаик

Поэзия Аалы Токомбаева глубоко самобытна и проникнута горячей любовью к родному краю. В Кыргызстане много озер, но среди них самое красивое и глубокое Иссык-Куль. В Кыргызстане много рек, но самая большая среди них Нарын. А среди произведений Токомбаева таким мне кажется его роман в стихах «Перед зарёй». Этому роману поэт посвятил тридцать лет своей литературной жизни. Большой жизненный опыт поэта, зрелое мастерство привели к этому монументальному творению.

Кубанычбек Маликов, народный поэт

А. Токомбаев – поэт опытный, с богатым языковым багажом, постоянно ищущий творец, наш почётный аксакал.

Токтоболот Абдумомунов, писатель, драматург

Аалы Токомбаев – знатный человек Кыргызстана: ему присвоено звание народного поэта, советское правительство наградило его орденом Ленина. Его скромность превышает его славу. Он советчик односельчан-колхозников. Его трудолюбие поразительно.

Семён Липкин, советский поэт и переводчик

КАСЫМАЛЫ ДЖАНТОШЕВ (1904–1968)

Киргизский литературный и общественный деятель, писатель, драматург, переводчик, актёр, режиссёр. Член Союза писателей СССР (1934). Заслуженный деятель искусств Киргизии (1946). Народный писатель Киргизской ССР (1968).

Родился в с. Тенизбай Ак-Суйского района, Иссык-Кульской области.

Литературную деятельность начал в 1926 году, будучи воспитанником киргизской музыкально-драматической студии.

Автор ряда прозаических произведений и около сорока пьес, из которых наиболее значительны: «Черноволосая» (1928), героическая драма «Курманбек» по мотивам народного эпоса (1942), «Певец народа» (1945), посвященная Токтогулу Сатылганову, поэма «Мендирман», написанная по мотивам устного народного творчества (1957).

В трехтомном приключенческом романе «Каныбек» (1939–1948) изображены картины дореволюционной жизни киргизского народа. Писателю принадлежат также сборник повестей и рассказов «Воды, преодолевшие перевал» (1955), роман «Чабан небесных гор» (1963) и сказки для детей.

Роман «Курманбек» вошел в золотой фонд киргизской национальной культуры.

Касымалы Джантошев известен и как мастер художественного перевода. Им осуществлен перевод на киргизский язык пьесы «Бесприданница» А.Н. Островского, романа «Как закалялась сталь» и др.

Одним из первых среди киргизских писателей выступил в жанре киноматюргии. Автор сценариев экранизированных фильмов «Девушка Тянь-Шаня» и «Каныбек».

Адыл и Эдил

Сказка

Давным-давно жили в киргизских горах два знаменитых охотника. Одного звали Адыл-мерген, другого – Эдил-мерген. Слышали они друг о друге добрую славу, да только никогда не встречались.

И вот однажды отправился Адыл-мерген со своими друзьями на охоту. Подстрелили они архара и козерога, развели большой костер и начали готовить себе ужин из дичи.

Вдруг видят: на гребне далекого хребта появились неизвестные всадники. Это был Эдил-мерген со своими друзьями. Однако знаменитые охотники не могли узнать друг друга, так как никогда раньше не встречались.

– Будьте начеку, а я разведу, что это за люди, – сказал Адыл-мерген своим друзьям, взял ружье и, прячась за камнями и кустарниками, двинулся к неизвестным всадникам.

– Вижу, кто-то крадется к нам. Будьте начеку, а я узнаю, кто этот смельчак, – сказал Эдил-мерген своим друзьям и, как снежный барс, ринулся навстречу опасности.

Охотники, крадучись, шли навстречу друг другу и неожиданно встретились носом к носу.

– Кто ты? – спросил Эдил-мерген, приставив ружье к груди Адыл-мергена.

– Я охотник Адыл! А ты кто? – спросил Адыл-мерген, в свою очередь наставив ружье на грудь Эдил-мергена.

– Я охотник Эдил! Приветствую тебя, Адыл-мерген! – воскликнул Эдил.

– Здравия тебе, охотник Эдил! – обрадовался Адыл. – Куда путь держишь?

– Я шел, чтобы разведать и захватить вас в плен, – ответил Эдил-мерген. – А ты куда шел?

– А я шел к вам, чтобы разведать и захватить вас в плен, – ответил Адыл-мерген.

Охотники рассмеялись и крепко обняли друг друга.

И вот они вместе со своими друзьями сидят у большого костра, на углях пекут душистую печень, на вертеле жарят жирное мясо, и все вокруг ведут охотничьи байки, шутят – радуются встрече и удачной охоте.

– Друг мой Эдил, расскажи нам что-нибудь забавное, да только выбери самый интересный случай, – попросил Адыл-мерген.

– Хорошо, мой друг, расскажу, только должен признаться, что я еще не совершил никакого подвига и в охотничьей жизни своей ничего сверхдивного не встречал. Правда, однажды случилось такое, что до сих пор не могу опомниться, – начал свой рассказ Эдил-мерген. – А было так... Вышел я как-то на охоту один. Весь день проходил по горам, ничего путного не встретил и очень расстроился: такое случилось со мной впервые. Чтобы не возвращаться в аил с пустыми руками, я углубился в чащу леса в надежде подстрелить хотя бы косулю. Но и тут меня ждала неудача. Скука одолела и меня начало клонить ко сну, я стал засыпать

сидя на коне. Вдруг я проснулся от звонкого смеха: передо мной стояли красивая молодка и лукавая девушка. Они собирались доить кобылиц. Я очень удивился: на этом месте никогда не было аила, никто никогда не пас здесь табун.

– Ну, охотник, где твоя ширалга? – улыбнулась девушка.

– Будет добыча – будет и подарок, – ответил я.

– Такой джигит, как вы, должен добыть ее в любом случае, – вскинула бровь молодка. – Заходите в юрту, отведайте кумыса, – пригласила она.

Юрта была беленькая и аккуратная, как куриное яичко. Убранство и украшение внутри жилища были такими нарядными, что я не мог оторвать взгляда.

Я оказался единственным гостем прекрасных хозяек, а поскольку они принимали меня радушно и заботливо, время пролетело быстро, и я не заметил, как наступили сумерки. Пора было собираться в путь. Поблагодарив женщин за гостеприимство, я взял свою камчу и вышел из юрты. Меня провожали молодка и девушка.

– Зачем охотнику ночевать в чистой юрте, где его обхаживают юная молодка и стройная девушка? Видимо, ему гораздо приятнее спать под открытым небом, подстелив под голову жесткое седло и укрывшись собственным чапаном, – иронично усмехнулась молодка.

– Нет, сношенька, не так. Джигиту, который бродит по крутым скалам и перевалам, спорит с быстроногими козерогами, горные цветы дороже красивой девушки, а жесткое седло приятнее уютной юрты, – с издевкой засмеялась девушка.

Мне стало неловко. Я расседлал коня и остался ночевать в гостеприимной юрте. Прекрасные хозяйки угощали меня вкусными яствами. Разговорились, и я, вероятно, чуточку охмелев от крепкого кумыса, вскоре предложил девушке руку и сердце.

– О великий охотник, я согласна выйти за тебя замуж, – молвила в ответ девушка. – Я много слышала о твоих подвигах и давно была влюблена в тебя. И вот наконец судьба свела нас на одной тропке. Но есть у меня одно условие: вот тебе факел, я выйду за тебя замуж лишь в том случае, если ты не погасишь его, будешь сидеть у моего изголовья и до восхода солнца не сомкнешь глаз, – сказала она.

Я согласился и всю ночь просидел у изголовья девушки с горящим факелом. Да, видать, слишком утомился, так как едва забрезжил рассвет, глаза мои стали слипаться, и я на какой-то миг погрузился в дремоту. Я вздрогнул и проснулся. Девушка, которая только что безмятежно спала, исчезла, как дух, над головой не было никакой юрты. Я сидел один среди голых камней. Конь мой спокойно щипал траву. Исчез не только табун, но и след от былой юрты и очага.

Вот такая странная история приключилась однажды со мной, мой друг Адыл! Потом я понял, что это были сказочные пери. До сих пор сожалею о том, что под самое утро не мог перебороть сон, – вздохнул Эдил-мерген.

– Да, загадочную историю ты поведал, мой друг. Я думаю, наши друзья сами оценят твой поступок. Теперь позволь рассказать случай, который произошел со мной, – начал Адыл-мерген, поудобней располагаясь у костра. – Нередко

я выезжаю на охоту с друзьями, но чаще бываю один. Все вы знаете, что наш брат в поисках добычи, порою и сам того не заметив, уходит очень далеко. Именно так случилось однажды и со мной. Охотничья тропа завела меня в густой лес. День был неудачным. Лишь к вечеру мне удалось подстрелить одну-единственную козу. Вскоре наступила ночь, и я решил заночевать в лесу. Расседлал коня, на небольшой полянке развел костер, бросил в огонь кусок мяса. Я был настолько голоден, что, не дождавшись, пока испечется, отрезал кусок полусырой козлятины и начал жевать. Вдруг из леса послышались странные звуки. Конь мой, привязанный к сосне, начал шарахаться в испуге, норовя порвать поводок. На всякий случай я зарядил ружье, положил справа от себя и насторожился. В лесу так оглушительно трещали ветки, словно там шла смертельная схватка. Мимо меня мчались перепуганные звери, пролетали встревоженные птицы. Тишина настала так же внезапно, как начался шум. Однако конь мой встревожился пуще прежнего. Он храпел, поднимался на дыбы, в страхе таращил глаза, бил копытами землю.

Вдруг вижу: появилась молодая женщина. Она шла ко мне уверенной, решительной походкой. Конь поднялся на дыбы от страха. Я вскинул ружье, взял женщину на мушку. Она смело подошла ко мне и, улыбаясь, присела к огню.

– Кто ты? – спросил я.

Она не ответила, спустила рукава платья, чтобы я не видел ее пальцев, а правой рукой прикрыла рот.

Я отложил ружье, взял кинжал и начал направлять его стальное лезвие о кость.

– Ой! Ой! Что за диво! Разве можно точить сталь о сталь? – вскрикнула она.

– Кто ты? Откуда? – спросил я.

Мой вопрос вновь остался без ответа. Я достал из огня мясо, очистил нагар, попробовал, отрезал кусочек, протянул женщине. Она взяла мясо, не показывая пальцев, сделала вид, что ест, спрятала его в рукаве, встала и ушла в лес.

Я крепче привязал коня, притащил к костру чурбак, положил на седло, накрыл своим чапаном, к «ногам» подложил сапоги, а сам устроился на сосне.

В полночь мой конь забеспокоился. Смотрю: идет та самая женщина и несет большой камень. Она подошла к лежащему чучелу и в тот самый момент, когда подняла камень, чтобы опустить на голову «спящему», я выстрелил. Она завизжала так сильно, что я чуть не оглох, и упала у костра без признаков жизни.

Я слез с сосны, подошел к ней и понял, что это была жез-тумшук. Конь мой был мертв: околел от страха.

Я забросил седло на сосну и пошел в свой аил. Но тут-то и ждала меня беда. Как только узнали, что я убил медноносую ведьму, собрались все айльчане и сказали:

– Человека, убившего ведьму, ждет страшная кара! Она настигнет не только его близких и родных, но и соседей. Уходи от нас туда, где никто не услышит и не увидит тебя.

Делать было нечего. Я собрал свои пожитки и решил уйти из аила. Моя единственная дочь к тому времени была замужем. Я смастерил острый булатный нож и вручил ей со словами: «Будь начеку, дитя мое. Если действительно медноносые ведьмы будут преследовать наш род, то обязательно придут к тебе. Знай, что приход нечистой силы всегда сопровождается особыми приметами. Если среди ночи вдруг залают собаки, жалобно замычат коровы, заблеют овцы и козы, заплачут верблюды, затопают и заржут лошади – так и знай, она рядом. Главное – не усни в такую ночь. Закрой двери изнутри, зажги лампу, возьми кость, начни точить об нее этот кинжал и не бойся».

Я пожелал дочери и зятю благополучия и ушел. Много дней спустя я узнал, что после моего ухода в аиле произошли страшные события.

Однажды ночью разом залаяли собаки, замычали коровы, заблеяли овцы и козы, заплакали верблюды, затопали и заржали лошади. В аиле началась паника. Моя дочь зажгла лампу, задернула дымоход юрты, крепко, закрыла дверь, уложила в постель перепуганного мужа, подпоясалась боевым ремнем, взяла голую верблюжью кость и начала направлять лезвие булатного кинжала. Вскоре послышались шаги. Кто-то начал кружить вокруг юрты.

– Ах ты, проклятая дочь проклятого охотника! Смотри на нее, сидит себе, точит булат о булат и ничего не боится, – заскрипел старушечий голос.

– Постой, я уничтожу весь ваш род! – пригрозил голос старика.

– Я отомщу за смерть моей сестры. Я выпью твою кровь и съем твою печень, – скрипел зубами молодой.

Казалось, вокруг юрты собралась целая свора медноносых. Но дочь моя не дрогнула, она помнила мой совет и продолжала точить нож. Так и просидела бедняжка до самого утра, пока не утихли шум и угрозы. Когда взошло солнце, она вышла из юрты и увидела страшное зрелище. Всюду валялись дохлые собаки, во дворах лежали зарезанные овцы, козы, лошади, и верблюды.

Люди в ужасе смотрели на случившееся.

«Пусть Адыл-мерген немедленно явится сюда, посмотрит, какую беду принес его опрометчивый поступок. Мы лишились скота. Пусть подумает о судьбе айльчан. Он должен принести себя в жертву или до последнего существа уничтожить род медноносых чудовищ. Иначе никому из нас не снести головы», – сказали они моей дочери.

Мой зять разыскал меня в далеких горах и рассказал о случившемся. Мне пришлось вернуться в аил. Все знали, на что я решился. По моей просьбе собрался народ со всей округи: заживо справили мои поминки, снарядили караван из двенадцати лошадей, навьючили провизией и боеприпасами, проводили меня в путь. От меня зависела жизнь сотен людей, а потому я твердо решил уничтожить всех медноносых или умереть – другого выхода не было. Мне нужен был товарищ, который не дрогнул бы перед лицом страшной опасности и, если придется, пожертвовал бы своей жизнью ради спасения айльчан. Но никто не решался

рисковать. И в тот момент, когда я собирался отправиться в путь один, из толпы вышел юноша и сказал:

– Я пойду с вами!

И мы отправились на то место, где я встретил медноносую, просидели там несколько месяцев, но никто не появился. Отчаявшись вконец, мы отправились в мрачное скалистое ущелье. Прождали несколько дней, решили возвращаться, вышли на косогор и вдруг увидели огромное стадо баранов без пастуха и поняли, что стадо это не простое. Мы спрятались за скалами и начали наблюдать. Все стадо состояло из черных баранов, впереди важно вышагивал седой козел. Приблизившись к нам, стадо замедлило шаг и разбрелось по лужайке. Лишь седой козел не щипал траву, настороженно озирался по сторонам, словно чуял наше присутствие. Через некоторое время на склоне горы появился человек. Мы ждали, затаив дыхание. Он прошел к стаду.

– Ну, старый козел, что ты видел вокруг? Не появился ли наконец охотник Адыл? – спросил он у старого козла.

Седой козел продолжал стоять как вкопанный.

– Ну, погоди, охотник Адыл! Попадешься ты мне в руки, я тебя! Ух!.. – воскликнул он и сжал в руке огромный валун, который тут же рассыпался, как сухой песок.

Я спустил курок. Дикий вопль потряс небо и горы – медноносый кровопийца рухнул на землю. Я был рад удаче и хотел броситься к жертве, но тут увидел, что прямо на меня несется другое чудовище. Я укрылся за скалой.

– О создатель! Дай, наконец, сбыться моей мечте! Что-то очень громко позвал меня сын. Видать, охотник Адыл где-то рядом. Попадись он мне в руки – я съем его печень живьем, запью кровью, а кости его превращу в муку! – в страшном гневе рычал старик и шел на меня, дробя камни, попадавшие ему под руку.

– Эй, старый козел, где мой сын? Почему он кричал? Попался ли ему в руки охотник Адыл? — спросил он у козла.

Седой козел ничего не ответил и продолжал стоять как вкопанный.

– А-а, не хочешь отвечать? Предатель! – разозлился старик, схватил козла за бороду и так ткнул его в бок, что бедняга заорал от боли.

Я выстрелил. Старик страшно завопил и испустил дух. Я отрезал стальные пальцы чудовища и вручил своему юному другу.

– Теперь черед за старухой. Ее нельзя оставлять в живых. Ты паси здесь наших коней и жди меня десять дней. Если не вернусь, сообщи родичам, что Адыл-мерген погиб, – сказал я, взял провизию и двинулся вслед за стадом.

Седой козел повел свое стадо высоко в горы и остановился у отвесной скалы. Черный камень величиной с шалаш сдвинулся в сторону, и показался вход. Стадо устремилось в пещеру. Я поставил ружье у входа и только вошел, как черный камень прикрыл вход. Обратный путь был отрезан. Я пробрался в дальний угол и притаился.

– О создатель, сбудется ли моя мечта?.. Что-то больно громко кричали мой сын и мой старик! Может, они поймали охотника Адыла? Я изжарю его на вертеле! – бубнила старуха, разжигая костер из черных камней, потом достала железный прут толщиной в кисть человека и начала калить его на огне.

Ружья у меня не было. Выйти из пещеры я не мог. «Если продержусь до утра, то смогу выйти наружу вместе со стадом, взять ружье и рассчитаться со старухой. Но если ведьма обнаружит меня, она жестоко расправится со мной, уничтожит мою единственную дочь, зятя, весь мой род, и всех соседей», – думал я и дрожал от страха.

– Что-то долго не идут мои родненькие! Поскорее бы привели сюда охотника и утолили мою жажду! – бубнила старуха и единственным оком поглядывала на раскаленный прут.

Не дождавшись мужа и сына, старуха задремала. Ее огромное око пылало, как факел, и освещало пещеру. Я осторожно подкрался к огню, схватил раскаленное железо и вонзил его в глаз старухи.

Она дико завопила, вскочила, начала ощупывать каждый выступ пещеры, отламывать куски гранита и крошить их от злости.

– О злодей! Ты хотел убить меня – убил! Ты хотел уничтожить меня – уничтожил! Ты добился своего, проклятый охотник! Ты убил мою дочь! Ты убил моего сына! Мужа! А теперь добрался до меня! Не-ет, отсюда не уйдешь живым! – В страшном гневе кричала старуха и металась по пещере.

Я дрожал от страха и едва увертывался от ее стальных когтей.

Пять дней старуха не выпускала стадо из пещеры. Голодные овцы начали поедать шерсть друг друга. На шестой день седой козел подошел к старухе и боднул ее в живот. Она схватила его за бороду и железной палкой ударила по рогам:

– Где охотник Адыл? Говори же, проклятый! – кричала старуха и била козла. Не добившись ответа, она отодвинула черный камень, выпустила седого козла и начала пропускать стадо, тщательно ощупывая каждую овечку. Пропустив всех, она наглухо закрыла пещеру и прислушалась. Я забился в дальний угол и перестал дышать. Не услышав лишнего звука, старуха начала ощупывать каждый камешек, каждый выступ и каждую расщелину пещеры. Порою ее страшные когти появлялись перед самым моим носом. Вдруг я оступился, кусок камня величиной с деревянную чашу сорвался вниз. Старуха в бешенстве схватила его на лету, гранит раздробился в ее страшных руках и высыпался между пальцами. Я перепугался до смерти, но потом начал потешаться над ней, кидая камни в разные стороны. Ведьма бросалась за ними, как кошка, хватала и дробила их от злости.

– У-у, проклятый охотник! Хорошую утеху ты нашел себе! – визжала медноногая. – Лишил единственного глаза, а теперь издеваешься? Давай! Глумись над старухой! Лучше давай помиримся, ты только скажи что-нибудь. Я ведь теперь никогда не увижу тебя, дай послушать твой голос, – взмолилась она наконец.

Но я не поддался ее хитрости. Стоило мне подать звук, как она тут же бросилась бы на голос и растерзала меня. Каждое утро старуха выводила овец, вечером

точно так же загоняла их в свое мрачное жилище. Прошло десять дней. У меня кончилась трюизия. Я изнывал не только от борьбы и страха, но и от голода.

Когда я начал терять надежду на спасение, ко мне осторожно подошел седой козел и сказал человеческим голосом:

– Адыл-мерген! Я восхищен твоей храбростью. Старуха ездила на мне, как на осле, избивала меня железным прутом за малейшую провинность. Я решил принести себя в жертву ради тебя. Ты сними с меня шкуру, надень на себя, повесь на шею мой золотой колокольчик, рано утром бодни ее в бок, старуха проснет-ся, откроет пещеру, и ты будешь спасен. Другого выхода нет. Ты должен жить, Адыл-мерген, и избавить людей от злодеев.

Выхода не было. Обливаясь горькими слезами, я выполнил наказ серого козла. Надел его шкуру и начал бодать старуху.

– О проклятый козел! Чтоб волки сожрали тебя живьем! Где охотник Адыл? Молчишь?! Проклятый козел! Ты пережил двух хозяев! Теперь жаждешь моей смерти! – Старуха ударила меня по голове, приказала пасти овец и отодвинула камень.

Едва я успел выйти, как ведьма подняла дикий крик.

– О мое дырявое око! Как я могла обмануться? О, горе мне! – завопила она и начала задвигать камень. Но я успел схватить ружье и выстрелить.

Злодейка взвизгнула и упала замертво. Я выпустил стадо на волю и пришел к своему юному другу, который, прождав десять дней, собирался в аил, чтобы сообщить о моей гибели. Я отправил его с радостной вестью о победе, а сам улегся под сосной и проспал три дня. Когда пришли люди, я повел их к пещере медноносых. Народ целый год выносил богатства, награбленные кровопийцами. Вот такая страшная история приключилась со мной, мой друг Эдил, – закончил Адыл-мерген.

– Ты не спал десять дней и ночей, а я, как видишь, не выдержал и одной ночи, – признался Эдил-мерген.

– Попробуй уснуть, когда от тебя зависит жизнь и судьба сотен людей. Недаром говорят: «Бденье – верный конь», – ответил Адыл-мерген.

– А я сошел с этого коня и проспал свое счастье, – рассмеялся Эдил-мерген. Охотники поддержали его чистосердечное признание дружным хохотом...

Слово об авторе

Творчество К. Джантошева – яркого представителя плеяды зачинателей кыргызской современной прозы и драматургии – навсегда останется таким духовным феноменом, который вдохновляет и будет вдохновлять многие поколения благодарных читателей. Неувядаем венок памяти народной достойному сыну и замечательному писателю. Писателю подлинно народному!

Кадыркул Омуркулов, народный писатель

МУКАЙ ЭЛЕБАЕВ (1905–1943)

Киргизский советский писатель. Член Союза писателей СССР с 1934 года. Родился в с. Чон-Таш Тюпского района Иссык-Кульской области, в семье крестьянина-бедняка. С 9 лет, оставшись сиротой, батрачил.

В 1916–1919 годы находился в Китае, спасаясь от бесчинств восстания. Вернувшись на родину, учился в ликбезе села Джэылуу-Булак, с 1921 – в интернате в Пржевальске, в 1924–1926 – в Тюпском зооветеринарном техникуме; в 1930 году окончил Фрунзенский педагогический техникум.

Совместно с одним из первых кыргызских просветителей Джумой Жамгырчиевым написал учебник по литературе для школьников, который вышел в свет в 1930 году.

Участник Великой Отечественной войны с 1943 года. Будучи красноармейцем, стрелком 267-го стрелкового полка, погиб на фронте – умер от ран 15 мая 1944 года. Похоронен в деревне Ланева Гора Псковской области.

М. Элебаев считается одним из зачинателей киргизской советской профессиональной литературы. Дебютировал в 1924 году стихотворением «Зарыгам» («Томлюсь») в одном из первых номеров газеты «Эркин-Тоо»; стихотворение «Наша молодёжь» было опубликовано в 1928 году. Первый сборник стихов «Ырлар жыйнагы» издан в 1931 году.

В 1933 году вышел сборник «Битва», сыгравший большую роль в развитии киргизской советской поэзии, в утверждении современной темы, новых поэтических форм. В 1938 году издано его «Полное собрание стихотворений».

Является автором крупного романа «Узак жол» («Долгий путь», 1936; издан также на русском (1959) и латышском языках) – первого в киргизской литературе опыта реалистической прозы автобиографического характера. Логическим продолжением этого романа явились очерк «Кыйын кезен» («Трудная переправа», 1938) и рассказы «Зарлык» и «В буранный день».

Автор сборников фронтовых стихов «Письмо» (1941) и «Улуу марш» («Великий марш») (1943).

М. Элебаев одним из первых киргизских писателей занимался переводом произведений русской классики на киргизский язык: им переведены произведения Н.В. Гоголя («Шинель»), Л.Н. Толстого («Хаджи-Мурат»), М. Горького, Д.А. Фурманова, сказки А.С. Пушкина («Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях»), стихи В.В. Маяковского, С.Я. Маршака и др.

Письмо на Ала-Тоо

Я сражаюсь теперь вдали
От родимой моей земли,
Где в ущельях горных живёт
Благородный, щедрый народ,
Где над озером голубым

Белокрылые гуси парят,
Где вверху, словно алый дым,
Ала-Тоо снега горят.
Да, во славу твоих вершин
Я сражаюсь, твой верный сын.

Я в разлуке не плачу, нет;
Сердцу радостней, веселей –
Если вспомню средь битв, побед
Я веселье минувших дней.

Ала-Тоо, к тебе придём,
Сложим сказки, песни споём,
Пусть живётся тебе легко.
Мы, сыны твои, далеко.

Если сердце гневом полно –
Это гнев твоих пенных ручьёв,
Если ласкою щедро оно –
Это щедрость твоих пастухов.

Иссык-Куль поджидает меня,
Волны гневно вздымая ввысь,
Ала-Тоо, вершины клоня,
Говорит: «Победи и вернись».
Как он нежно прощался со мной,
Когда я на войну уезжал,

Каждым камнем и каждой сосной
Он с улыбкой меня провожал.
Ласку гор, и ущелий, и рек
Я, как сын, не забуду вовек.

Всё свершится, что грезится мне.
Уничтожу в сраженьях врага,
Я увижу, как по спине
Ала-Тоо стекают снега.

Сяду я на речной пароход
И отправлюсь в родные края,
И любимая встретить придёт,
И навстречу мне выйдут друзья,

И за озером, за горой
Небо ясное вспыхнет зарёй.

1941

Перевод Николая Чуковского

Жизнь

Да, жизнь ведет тебя путем задач,
Случайностей, удач и неудач,
А слабосильного, глупца и ротозея
Она отбросит в сторону, как мяч.
Не жалуйся, что радости лишен –
Жизнь коротка, она пройдет, как сон.
И счастье в жизни не дается даром –
Борись, и будешь ты вознагражден.
Придут за горем радости вослед.
Извели мы в прошлом горечь бед.
Но кануло навек и злое время,
И озаряет нас свободы свет.
История, пути меняешь ты,
И стала жизнь прекрасней, чем мечты.
Врагов разбили мы на всех майданах,
Чтоб нищие не знали нищеты.
Как бурная весенняя река,
Мы вражеские разнесли войска,
И стал властителем народ, который
В неволе и в печали жил века.

1938

Перевод К. Арсеньевой

Слово об авторе

Мукай Элебаев – один из самых выдающихся писателей, который внес вклад в развитие не только кыргызской литературы, но и мировой. Мукай Элебаев является одним из зачинателей кыргызской профессиональной литературы. Будучи всесторонне талантливым, помимо всего прочего, он был и музыкантом. Написал великий марш, посвятив его Великой Отечественной войне. Мы выросли на этой песне. Он написал и музыку к своим словам. И таких произведений у него много. Он был тонким знатоком кыргызской литературы и кыргызского слова, языка, все это он чувствовал и воспроизводил через музыку.

Омор Султанов, народный поэт

Мукай Элебаев – великий писатель, который в своих произведениях призвал общественность к прогрессу и знаниям.

Жанкороз Каниметов, педагог, общественный деятель

ДЖООМАРТ БОКОНБАЕВ (1910–1944)

Советский киргизский поэт и драматург, член Союза писателей СССР (1934).

Родился в селе Мазар-Сай Токтогульского района Джалал-Абадской области, в семье бедняка. С 1924 года Боконбаев находился в детском доме, где пробыл до 1926 года. В 1931 году он закончил педагогический техникум и в течение двух лет являлся заведующим отделом газеты «Кызыл Кыргызстан». С 1933 по 1935 год учился в Коммунистическом институте журналистики, после окончания которого был сначала редактором молодёжной газеты «Ленинчил жааш», а затем – редактором литературно-художественного и общественно-политического журнала «Советтик Кыргызстан».

В 1941 году добровольцем вступил в ряды Советской Армии и стал редактором дивизионной газеты «За Родину, вперёд!». За успехи в области художественной литературы Боконбаев был награждён орденом «Знак почёта».

В 1944 году во время служебной командировки Джоомарт Боконбаев погиб в автомобильной катастрофе.

В 1933 году вышел первый сборник стихотворений Джоомарта «Начало труда» о судьбе киргизского дехканства и рабочего класса. Боконбаев одним из первых киргизских поэтов ввёл в киргизскую литературу образы рабочих, энтузиастов промышленных строек республики. Большое место в творчестве Джоомарта Боконбаева занимала философская лирика... Немало поэтических миниатюр Боконбаева были посвящены изображению родной природы. Поэзию Джоомарта отличали лирическая взволнованность, агитационная страстность.

В 1930–1940 годы Боконбаев создал также ряд заметных эпических и драматических произведений: поэму «Крылья девушки», музыкальные драмы «Золотая девушка», «Каргаша», пьесу «Семетей». Поэтом было написано либретто оперы «Токтогул». В соавторстве с другими киргизскими литераторами им было создано либретто оперы «Айчурек».

Боконбаев также написал такие патриотические произведения, как поэмы «Смерть и честь», «Силы храбреца крепче крепостных стен», «Батмажан» и другие.

За семнадцать лет творческой деятельности Боконбаева было написано около двадцати книг стихотворений, поэм, драм, ряд которых переведён на русский язык. В 1942 году вышла книга избранных стихотворений поэта «Песни этих дней», в 1947 году – сборник «Комуз», а в 1955 – «Избранные стихотворения».

Многие стихотворения поэта прочно вошли в хрестоматии по родной литературе. Джоомарту Боконбаеву принадлежат переводы на киргизский язык ряда произведений Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Николая Некрасова, Владимира Маяковского.

Письмо с фронта любимой

Склонялась серебристая ветла,
И веяли счастливые ветра,
Пел сладостно под утро соловей...
Забуду ли, как жизнь была светла?
Я с яблони взял яблоко с утра
И дал тебе в знак верности своей...

И верили мы клятвенным словам,
И яблоко мы съели пополам.
И пламя поклялись мы уберечь –
И пламени погаснуть я не дам!
Любимая, что делается там,
Где радостью звенела наша речь?

Всегда я шёл бы рядышком с тобой
Уверенною, твёрдою стопой,
Судьбу свою связал бы навсегда
С твоей неомрачённою судьбой!
Делили бы мы поровну с тобой
Весёлые, как яблоки, года.

Завидно стало чёрным палачам,
Что звёзды нам светили по ночам!
Разбойники, лишённые души,
Завидовали утренним лучам,
Сияющим от радости очам,
Расправленным, развёрнутым плечам!
Что утренние розы хороши,
Завидно стало чёрным палачам!

Покинул я родимые места,
Где молодость прекрасна и проста.
Где горы уплывают в облака,
Где просится улыбка на уста,
Махнула ты платком издалека,
И маленькой ты стала, как звезда...

Но ты, моя подруга, не тужи,
«Любимый мой сражается» – скажи.
Без горечи ты думай обо мне,
За жизнь мою, голубка, не дрожи.
Высоко, друг мой, голову держи, –
Гордись, что твой любимый на войне!

Перевод Аделины Адалис

Туманна ночь. Колышется трава.
Я улыбаюсь на твои слова:
– Разлукой нашей ты не огорчен! –
И милая поникла голова.

Рассвет туманы в горы не унес,
Смешались слезы с капельками рос.
Разлуку, милая, не вспоминай,
И не роняй бесценных жарких слез!

Мы помним все о юности своей,
О радостях, печалях прошлых дней.
Обидевшись на прошлое, никто
Не топит жизнь в слезах былых скорбей.

Сегодня я не тот и ты не та,
Как в те далекие, минувшие года.
Не так теперь звучит уже твой смех,
Как он звучал в ушах моих тогда.

Не прилетит вновь прежний ветерок,
Не расцветет увянувший цветок,
Сон сившийся – не считан много раз,
Проходит жизнь, меняясь, как поток.

Не много знали лунных мы ночей,
Не много солнечных припомним дней,
Так что ж, обидеться нам на судьбу?
О невозвратном прошлом слез не лей!

1940

Перевод Вс. Рождественского

Ручей по золоту песка...

Ручей по золоту песка
Бежит в прохладе тростника,
Смех девушек, как звон ручья,
Доносится издалека.

Земля зеленою травой
Звенит, как озеро волной,
Касаясь неба, цепи гор
Сверкают вечной белизной.

Свой крик роняет с высоты
Улар. На склонах гор цветы.
Очам и сердцу не вместить
Такой безмерной красоты.

Рожденный на земле такой,
Такой вспоенный красотой,
Живи без горя и забот,
Живи, народ любимый мой!

1941

Перевод А. Глобы

Слово об авторе

Когда бы то ни было при упоминании имен современников и соратников по перу перед моими глазами возникает фигура кучерявого, шумливого, буквально поющего Джоомарта. Когда я вспоминаю Мукая – вспоминаю Джоомарта; когда речь идет о Жусупе, обязательно рядом с ним стоит Джоомарт; когда обсуждаем Кубанычбека, речь обязательно пойдет и о Джоомарте. Не было ни одной группы, сбора, посиделок без его участия. События тех лет, дела, слова, собрания, споры вообще не могли пройти без участия Джоомарта. Он был талантливейшим поэтом, всецело преданным нашей литературе.

Тугельбай Сыдыкбеков, народный писатель

Город, улица, площадь, театр, музей, бульвар, по которым он проходил, Ала-Тоо, небо, земля, вода – все они стоят на своих местах, к несчастью, нет только одного его – Джоомарта. Незабвенный поэт, он имел прямое и непосредственное отношение ко всему, что происходило в нашей стране.

Кубанычбек Маликов, народный поэт

ДЖУСУП ТУРУСБЕКОВ (1910–1944)

Киргизский советский поэт, драматург. Награждён орденом «Знак Почёта». Делегат Первого съезда советских писателей.

Родился в селе Кун-Батыш Тонского района Иссык-Кульской области, в семье батрака. Во время событий 1916 г. вместе с беженцами попадает в Китай. Вернулся на родину после Октябрьской революции. Рано потерял родителей, с 10 лет воспитывался в школе-интернате в Тюпе. Там же окончил сельскохозяйственный техникум. В 1928–1931 годах учился в советско-партийной школе в Твери. Участник Великой Отечественной войны, ушёл на фронт в 1941 году, продолжал писать в окопах. Погиб на Калининском фронте в апреле 1944 года.

Литературной деятельностью начал заниматься с 1928 г., является автором сборников «Стихи Джусупа» (1932), «Жизнерадостная молодёжь» (1933), «Отечество» (1938), пьесы «Не смерть, а жизнь» («Аджал ордуна», 1935), «События в Беш-Мойноке» (1937). Совместно с К. Маликовым и Дж. Боконбаевым написал либретто оперы «Айчурек» в 1939 году. Перевёл на киргизский язык пьесу «Каменный гость» из цикла «Маленькие трагедии» А.С. Пушкина, произведения Г. Гейне и другие.

Поэму «Трагедия разбойника» отправил с фронта полевой почтой в редакцию газеты «Кызыл Кыргызстан», произведение было опубликовано в 1942 году.

Песня и пуля

В патронах чутко
Затаились пули –
Моя строка
Не дремлет в карауле.
Не спит боец,
Стоящий на границе, –
И мне,
Поэту,
По ночам не спится.

Пусть конник точит
Шашку боевую –
И я,
Поэт,
Свою строку шлифую.

Когда трубач
Трубить начнёт тревогу,
И я приду
Солдатам на подмогу.

Перевод Александра Семёнова

Весна идет!

Все быстрее тает снег: весна идет!
Чуют с радостью сердца ее приход.
Пусть беснуется, ворчит зима-старуха,
Дней весенних настает уже черед.
Пусть хрипит она, бранится день и ночь,
Уж никто теперь не в силах ей помочь.
Это март идет – весны могучий вестник,
Зимний сор со всей земли сметая прочь.
По дорогам льются желтые ручьи,
Бормоча, переключаясь... Горячи
И упруги ветра вешнего порывы,
Зимний холод гонят ясные лучи.
Эй, батыр отважный – юная весна,
Час приходит пробудиться ото сна.
Развернись же, встань воителем свободы,
Снова взяться за работу ты должна.
Приготовь плуги и бороны скорей
И откормленных на славу лошадей.
Дружно выйдем мы с рассвета на равнину
И распашем чернозем своих полей.
Так скорей! Мы всем пример подать хотим,
Соням, лодырям покоя не дадим.
Пусть поют, взлетая, жаворонки в небе,
Труд наш славя звонким голосом своим!

1936

Перевод С. Северцева

Слово об авторе

Словно двукрылый зоркий орел,
Летит ввысь мой Джусуп.
Средь оставшихся здесь друзей
Нет места только для него.

Его песня была слаще шербета,
Он счастлив был в свой век.
Стремительностью, разве что был сравним
С Кокала – скакуном своим...

Алыкул Осмонов, поэт, драматург, переводчик

Джусуп – честнейший поэт.

Аалы Токомбаев, народный поэт

Поэт-великан жизнью богат,
Народ ему умереть не даст,
Когда ему и пятидесяти нет.
Всё также Джусуп знаменитый
С поэтами и ныне встречает расцвет,
Славой и почётом обвитый.

Байдылда Сарногоев, поэт

АЛЫКУЛ ОСМОНОВ (1915–1950)

Кыргызский поэт, драматург, переводчик.

Родился в с. Каптал-Арык нынешнего Панфиловского района Кыргызской ССР, в семье бедняка. Рано лишившись родителей, воспитывался в Пишпекском и Токмакском детдомах. В 1929–1933 гг. учился во Фрунзенском педтехникуме. В 1932–1936 гг. работал в редакциях журнала «Чабуул» и газеты «Ленинчил жааш», а в 1937–1940 гг. – секретарем правления СП Киргизии на общественных началах. В дальнейшем занимался творческой работой.

В 1943–1948 гг. им написан ряд драматических произведений: пьесы «Вторая бригада», «Любовь», «Объездчик Кооман», «Абылкасым Джанболотов», комедия «Надо отправиться в Мерке», либретто оперы «Чолпонбай» и др.

Перу поэта также принадлежат высокохудожественные переводы на кыргызский язык «Евгения Онегина» А.С. Пушкина, «Отелло», «Двенадцатая ночь» У. Шекспира, басен И. Крылова, а перевод «Витязя в тигровой шкуре» Ш. Руставели считается шедевром художественного поэтического перевода на кыргызский язык; оно выдержало шесть переизданий. Ряд сборников стихотворений и поэм А. Осмонова издан на русском, эстонском языках.

В последние годы жизни, будучи тяжело больным, поэт не оставлял пера, создавая наиболее зрелые оптимистичные и светлые произведения, прославляющие жизнь и труд. Умер в тридцатипятилетнем возрасте, из-за болезни легких, в 1950. В 1967 г. Осмонову посмертно присуждена первая премия Ленинского комсомола республики.

Член СП СССР с 1938 г.

Отчизна

Оденься теплее – подъем впереди,
И силится вьюга с дороги столкнуть.
Дай холод приму на себя, подожди,
Отчизна моя, дай разведая путь!
Как ночи страшны и суровы... Гляди,
Заблудится конь. Только шаг до беды,
Дай муки приму на себя, подожди,
Отчизна моя, дай разведать следы!
Развеет весна этот холод и тьму,
И тучи разгонит над высью твоей.
О, дай на себя все болезни приму,
Отчизна моя, только ты не болей!

1948

Перевод М. Синельникова

Женщине

Хочу любить и юности вослед
Идти, хмелея, по ступеням лет,
Войти в огонь и вновь, как из вулкана,
Горящим камнем вылететь на свет.
Хочу любить, погибнуть сгоряча,
Любить, слова бесценные шепча,
Любить, твою осиливая силу,
Порой слабея, тая, как свеча.
Когда бы вся небесная вода,
Обрушившись, покрыла города,
Вооружён твоим единым взглядом,
Я перешёл бы море без труда.

1948

Перевод М. Синельникова

Я – корабль

Я – торопливый тот корабль, который, бросив дом,
Прошел сквозь бурю и волны не зачерпнул бортом,
И слишком рано в порт пришел, и – море за спиной.
Стою на этом берегу, а молодость – на том.
Я – торопливый тот орел, я – беркут быстрый тот,
Что слишком рано, на заре, закончил перелет.
Осталась молодость навек в затерянном краю
Отвесных скал, зеленых гор, обветренных высот.

Совсем не думал я о том, что молодость прошла,
Простился, словно бы за ней еще одна была,
Оставил, бедную, в слезах, ее не приласкал
И не погладил в черный час высокого чела.
Когда мы были вместе с ней, мы были хороши,
От старости не уберечь ни плоти, ни души,
Но молодость моя живет, играя, веселясь,
Там, посреди орлиных гор, в заоблачной глуши.

1948

Перевод М. Синельникова

Маляр

Пришёл маляр и наш покрасил дом, –
И словно солнце поселилось в нем.
Вот этот человек в спецовке старой, –
Он радость нам принес своим трудом.
В ненастье дом сияет, как дворец.
Сын улыбается, поет отец.
Вот этот человек в спецовке грязной, –
Он – с чистым сердцем – светлых дел творец.

Веселье в доме, всюду звонкий смех,
Как будто праздник, торжество у всех.
В труде есть благородство, – благороден
С простою речью этот человек.

Он поздно лег и на рассвете встал.
Прекрасен труд, велик он или мал...
Но почему ж отец мой, век кочуя,
Такого в жизни мастерства не знал?

1942

Перевод С. Обрадовича

Будь гостем

Досадно и обидно: почему
Три дня как нет у нас гостей в дому?
Проходит путник мимо каждый раз.
Есть горько хлеб и мясо одному.
Киргизы рады гостю. В добрый час
Зайди, товарищ!
Гостем будь у нас!

Нет гостя, – грустно на сердце моем
И хмурится мой у дороги дом.
Прохожий! Дам коня, зерна в запас,
Но погости за праздничным столом.
Мы рады путнику. И в ранний час
Зайди, товарищ!
Гостем будь у нас!
Обычай предков свято мы храним:
Мы гостя лучшей пищей угостим.
С усталости ль не отдохнуть у нас?
Сердца раскрыты наши перед ним.
Раскрыта настежь дверь. И в поздний час
Зайди, товарищ!
Гостем будь у нас!

1942

Перевод С. Обрадовича

Слово об авторе

Свет Алыкула озаряет нашу жизнь, и в истории кыргызской поэзии Алыкул остается отдельной и яркой полярной звездой.

Суйунбай Эралиев, народный поэт

Молодой поэт превратился в наставника, учителя. Алыкул напряженно размышлял о судьбе кыргызского и других народов. И надо сказать, был интернационалистом, посвятив проникновенные стихи русским людям. Переведенное Ильей Сельвинским замечательное стихотворение «Русскому народу» заканчивается очень трогательно и благородно: «Ведь моему, кыргызскому, народу / Добыл свободу русский, мой, народ!».

Михаил Синельников, поэт

КУБАНЫЧБЕК МАЛИКОВ (1911–1978)

Киргизский советский поэт и драматург. Заслуженный деятель искусств Киргизской ССР, народный поэт Киргизской ССР. Лауреат Государственной премии Киргизской ССР им. Токтогула (1978).

Родился в селе Уч-Эмчек (ныне в Ысык-Атинском районе Чуйской области), в бедной крестьянской семье. В 1931 году окончил педагогический техникум. Член ВКП (б) с 1940. В 1946–1949 годах работал в журнале «Советтик Кыргызстан».

Первые произведения Маликова были опубликованы в 1928 году. Отдельным изданием его стихи впервые вышли в 1933 году (сборник «Кубанычбектин

ырлары» («Стихи Кубанычбека»). В 1949–1952 годах из-под его пера вышли поэмы «Дружба и любовь» и «Кадыр-аке». В 1954–1966 вышли поэтические сборники Маликова «Избранные произведения», «Огни в горах», «Молодость», «Орто-Токой», «Думы о будущем», «Голос со скалы» и др.

Маликов внёс большой вклад в развитие киргизского театра. С 1930-х годов он писал пьесы, среди которых выделяются «Бийик жерде» («На высокой земле»), «Жүрөк толкуйт» («Сердце бьётся»), «Девушки с одной улицы», «Осмонкул». Ему также принадлежат либретто опер «Айчурек», «Манас» и «Токтогул».

К. Маликов перевёл на киргизский язык ряд произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова и Т.Г. Шевченко, В.В. Маяковского.

Страна киргизов

Под самым небом
Наш народ
На скалах каменных живет.
Уснешь, а облако чрез юрту
К тебе за пазуху вползет.

Здесь ледников алмазный скат,
Здесь ветры по ночам гудят.
Сердца у нашего народа
Чисты, как горный водопад.

У нас в горах прохладны дни,
В лесах немолчны соловьи.
И нам не счесть, как звезд на небе,
Стада несметные свои.

Рябит озерная вода.
Смотри, по ней плывут суда.
Нас породнили эти горы,
И мы – их дети навсегда.

Вот на лугу друзья сошлись,
Пьют горный воздух, как кумыс...
И это все – страна киргизов,
И я – певец ее, киргиз.

1960

Перевод С. Фиксина

Сын табунщика

Я как-то был в одной из новых школ.
День выходной. И тишина, и пусто,
Я ненароком в светлый зал вошел,
Не ведая, что встречу там Искусство.

Смотрю: картину пишет ученик,
Совсем как взрослый морща лоб при этом,
И я глазами к надписи приник:
«Вся власть Советам!»...

«Вся власть Советам!». В памяти – Нева,
Октябрьским озаренная рассветом...
Начало эры, Ленина слова –
«Вся власть Советам!».

Здесь на картине вновь Ильич живет –
Над всей землею, без конца и края,
С трибуны той в грядущее, вперед
Стремительную руку простирая.

Народ, народ, народ со всех сторон –
Счастливые, взволнованные лица,
И слава Революции знамен
На них багряным отблеском ложится.

Мне через годы снова слышен клич,
Гремящий в Смольном под высоким
сводом.
– Вся власть Советам! – говорит Ильич. –
Трудящимся – земля! И мир – народам!

По людям видно – жили тяжело,
Но в самый первый день Советской
власти
Вот здесь к народу с Лениным пришло
Веками ожидаемое счастье.

И потому мы не свернем с дорог
Под ярким солнцем – ленинизма светом,

И потому киргизский паренек
Готовит полотно: «Вся власть Советам!».

Уже работы близится конец,
Уже знамена вспыхнули, пылая...
– Откуда ты? Где твой живет отец?
– А он табун пасет в долине Чон-Алая.

Ты высоко сейчас подняться смог,
Услышать сердцем поступь Революции
И к Ленину душою прикоснуться,
Табунщика алайского сынок!

1959

Перевод М. Соболя

Слово об авторе

Кубанычбек Иманалиевич Маликов, как один из начинателей киргизской письменной литературы, был очень многолик. Он посвящал себя и поэзии, и драматургии, и общественной деятельности. Он был активным участником различных фестивалей, общался с представителями творческой интеллигенции из других стран.

Омор Султанов, народный поэт

ТУГЕЛЬБАЙ СЫДЫКБЕКОВ (1912–1997)

Киргизский советский писатель. Герой Киргизской Республики. Патриарх киргизской литературы. Народный писатель Киргизской ССР (1968). Лауреат Сталинской премии третьей степени (1949). Академик АН Киргизской ССР (1954).

Родился в айле Кен-Су Тюпского района Иссык-Кульской области, в бедняцкой семье.

После смерти мужа мать трёхлетнего Тугельбая вместе с семьёй переехала работать на заимку к русскому учителю-переселенцу, где находилась вплоть до 1927 года. В Караколе будущий писатель окончил русскую школу-пятилетку, затем десятилетку, по окончании которой учился сельскохозяйственном техникуме и зооветеринарном институте.

Огромное впечатление на будущего писателя произвела поэзия А.С. Пушкина, произведения М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева.

В 1931 году была издана первая его поэма – «Кайкабай». В этот же период он написал несколько стихотворений, которые впервые появились на страницах киргизской комсомольской газеты «Ленинская молодёжь». Первая книга первого

романа «Кен-Су» (по имени родного аила), изображающая жизнь киргизского селенья до коллективизации, была напечатана в 1937 году; вторая, посвящённая коллективизации и борьбе киргизского народа за укрепление колхозов, – в 1940 году.

В 1939–1940 годах написан роман «Темир» на ту же тему – становление колхозного строя. Роман «Люди наших дней» повествует о героическом, самоотверженном труде киргизского народа в дни Великой Отечественной войны. Роман «Дети гор» (1952) – одно из первых киргизских детских произведений.

В 1955–1958 годах выходит роман «Среди гор» (переработанный вариант романа «Кен-Су»). Романы «Женичины» (1962–1966), «Ровесники» (1977) о социалистическом строительстве в Киргизии. Автобиографический роман «Путь» (1982).

Короткие рассказы

Тулуп деда

Муж взъярился не на шутку.

– Говори, пока я тебя не убил! Кто сейчас соскочил с тебя?!

Жена непринужденно, словно ничего не случилось, расхохоталась,

– Ты что... Брось шутки... А-а ха-ха-ха!

Смех жены еще больше распылил супруга.

– Говори, тварь! Кто сейчас выбежал отсюда?!

– Хватит, милый. Не ледени сердца своей благоверной.

– Это ты леденишь, а не я! Муж уехал, а она вмиг любовника завела – лихо!

– Ладно, хватит. Ишь, разыгрался... Не смей равнять меня со шлюхами.

Я кристально чиста. Довольно, иначе...

Муж ядовито прошипел:

– Иначе что?! Я же своими глазами видел, а? Как ты можешь отрицать очевидное? Как?!

Теперь разозлилась жена.

– Вот напасть... Что он говорит, дурак! Ревность делает мужика просто невыносимым. Не дай бог видеть это. Думала, шутит... Что он мелет, чушь какая-то.

– Эй, бесстыжая! Кто из нас мелет? Ты или я?! Я тебя застал с мужиком, а не ты меня с бабой, ясно?! Вот так, стерва!

Жена изменилась в лице. Со всей скандальной яростью она ринулась на мужа.

– Вот оно что, оказывается! Этот несчастный на самом деле решил меня облить грязью?! Не выйдет! В этом доме, кроме меня, ни единой души не было, ты меня понял, идиот?! Ты просто пьян, вот и мерещится тебе. Не вздумай потом оправдываться, отец моих детей!

Муж затрясся от злости и рявкнул:

– Поймалась же ты с мужиком?! Поймалась!

– Где? Кто? Когда? Кого ты поймал? Покажи мне его. Где, где он, милый ты мой?!

– Вот здесь, только что... любовник. Когда я шел сюда, он спрыгнул с твоей постели и убежал. Так это было, подлая баба?! Именно так. Ещё говорит, живой души не было! Как ты можешь отрицать?! Вот этими глазами я сам видел. Говори, кто он?! Говори, если жить хочешь...

Жена вновь изменила свой облик. Теперь она предстала невинной, смешливой и наивной бабенкой.

– А-а! Ха! Ха-а! Я поняла, в чем дело? Пусть никто об этом не услышит. Со смеху помрет. Опозоришься ты, бедный!

Муж несколько опешил: «Сам же видел, сейчас, вот здесь... Даже если это был сам дьявол, как она может так нагло врать?!». Жена же умирала от хохота.

– Аи, какой ты глупый, милый. Не узнал тулупа родного деда и принял его за «любовника». Если кто услышит это – ха-ха-ха!!

– Какой еще тулуп? Что ты болтаешь, баба, а?! Я еще не рехнулся, могу отличить тулуп от живого мужика.

– Да-да, дорогой. Ты в своем уме. Но ты просто скверно относишься ко мне, ты очень подленький человек. Ты вбил себе это в голову заранее, когда шел сюда. Поэтому и принял соскользнувший с моей кровати тулуп деда за моего, хи-хи... моего, ха-ха!.. Не могу это выговорить, ох-хо-хо! Язык не поворачивается. О-о... Ха-ха-ха...

Муж растерялся, не зная, как парировать такой ход жены. Поэтому он просто взбесился.

– Бесстыжая!!! Тварь! Нагло врешь мне, да?! Я же сам видел, эй?!

Жена спокойно и уверенно сказала:

– Ой, милый. Постыдись хоть тулупа родного дедушки. Знаешь ведь, что ноги у меня больные. Вчера после твоего ухода начала стирку. Весь день руки, ноги в воде...

– Не дави на эмоции, женщина. Не виляй хвостом. Говори, кто он?!

– Слушай! Я же объясню тебе. Суставы начали болеть, вот я и укрылась тулупом. Позор-то какой. Пусть никто не услышит это. Хи-хи... Приревновал к тулупу своего деда. Ха-ха-ха! Постыдился бы, дурачок! Жена обняла его за шею и смачно поцеловала в щеку.

– Вот тебе, о-ой... хи-хи... Если кто услышит! Ха-ха-ха!

– Эй! – гаркнул муж. – Если это тулуп, то где он?!

– Вот он! – показала она на вешалку. – Ты же сам только что поднял его с пола и повесил на место.

– Не ври, поганая! Я никакого тулупа не подбирал!

– Сам не ври! Ты же споткнулся и ругнулся, мол, что за дрянь цепляется за ноги. Потом поднял и повесил.

– О, подлая ты баба! О, бесстыжая! Побойся аллаха!

– Ничего себе! Вот это штучки. Ревность делает мужика просто бестолочью.

Долго разбирались супруги. Долго выясняли истину. И словами, и руками. Муж яростно обличал жену. Жена настырно доказывала, что не было «любовника», а был «тулуп», и только...

В конце концов, она обессилела и расплакалась навзрыд. Видя ее трясущиеся плечи, муж разжалобился. «И вправду, видать, так. Зря я её... Конечно же, с ее кровати соскочил тулуп, а не любовник. Соскочил и побежал, то есть я его поднял и повесил сам на место. Повесил машинально, даже не осознав этого. И вправду».

Чувствую спиной свою победу, жена залилась в три ручья, прямо душу вывернула своим плачем.

А муж в растерянности плюхнулся на диван и увидел на вешалке тулуп. Он висел там же, где и раньше. Висел еще с весны. Как висел, так и висит. Никто его не трогал.

Но муж этого уже не замечал...

Письмо

– Письмо? Что за письмо? Какое письмо? О чем ты говоришь, дорогая... – удивленно пожал плечами муж.

Жена жестоко глянула на него:

– Не придумывай, хуже будет!

– Я ни от кого писем не жду... Да и кто мне напишет? Разве что ты?!

Жена подошла к нему вплотную.

– Не кривляйся, бессовестный! Есть у тебя, кроме меня, и еще кто-то!

– Нет! Только ты одна у меня. Никого больше нет. Когда я вдали от тебя, то образ твой всегда со мной!

Жена шлепнула его по носу увесистым авиаконвертом.

– А это вот письмо, видать, тебе мой образ прислал. Да?! Это же письмо от женщины! Это не я тебе написала, ясно!

«Вот влип, черт возьми! Нет бы сразу порвать, идиот. Хранил его на свою шею», – ругал он себя в душе.

Жена яростно наступала:

– Когда мне можно будет взглянуть на автора этого желания?!

Муж попытался отшутиться.

– Да вот этот человек! – показал он на ее отражение в зеркале. – Смотри сама на себя.

– О-о, подлый! Деспот! Как тебе не стыдно?!

– Ладно, женщина. Хватит шутить, – сказал он, как мог спокойно и веско. И начал наступать сам. – Болтаешь ерунду! Да это и во сне не приснится! Не черни своего мужа – стыд и грех!.. Как можно так винить меня. Смотри, охладишь ты наш семейный очаг.

– Что-о?! Охладишь?! Кто из нас, а?! Вот же письмо, здесь твой адрес, твоя фамилия, имя, отчество. Настоящий почтовый конверт. И письмо настоящее... любовное к тебе... от бабы. Она пишет «скучаю, страдаю, сохну без тебя...». Это что, игрушки, да?! О-о, бесстыжий! Изверг!

– Стыд! Стыд и срам, – ответил на это муж. – Я ни от кого писем не получал. Никакого письма не знаю.

– Как это не знаешь, а?! Вот оно, в кармане твоего пиджака нашла. Это факт, куда же ты от него денешься?!

Муж весьма искренне удивился.

– О чем ты говоришь, милая моя? – робко и наивно воскликнул он. – Ты же знаешь, что в кармане я ношу только партбилет и паспорт. Ты знаешь об этом лучше всех.

– Я, дурочка, верила тебе. А ты уже давно изменяешь мне, – жена заплакала. – Пропади ты пропадом, окаянный.

Муж нежно погладил ее по спине.

– Не плачь, дорогая. Я ни от кого не жду писем... Ты же всегда со мной. Вот и сейчас ты рядом...

– О, боже, верила же ему, верила! Столько лет верила! Дети уже выросли.

Мужа растрогала ее сердечность, наивность и верность ему – стало жаль ее и стыдно за себя. Но он тут же оправдался и перед собой, мол, что я тогда за мужик без любовницы!

– Вот это да! Разве можно так обвинять человека – ни за что, ни про что?! – воскликнул муж. – Даже во сне мне такие паскудные дела не снились!.. Моя жена, мать троих моих джигитов, я их отец... Когда в отъезде, всегда они передо мной. Проклятая жизнь? За что меня так?!

– Ну и подлый же ты! Вот в этом письме твое имя выведено. Вот! Как ты можешь так нагло врать. Скажи правду, идиот! Прошу тебя, скажи!

– Что?! – встрепенулся муж. – Если виновен, не прощай! Почему ты должна прощать виновного человека?!

– Вина твоя налицо. Прощаю тебя...

– Это надо доказать, милая, доказать!

– Вот оно, доказательство. Вот оно, письмо, от твоей потаскухи. Этого тебе мало, да?!

– Какое? Вот это? Это не письмо...

– А что же это такое, интересно?! Хватит дурачиться! Ты в своем уме?! Муж громко рассмеялся.

– Я-то в порядке. Это ты сошла с ума, обвиняя своего чистейшего супруга. Я абсолютно чист.

– А письмо это, тогда откуда, если ты чист? Может, не читал его, а? На, прочти... послание своей блудливой Светочки!

Жена швырнула письмо ему в лицо. Он же проворно схватил его и моментально бросил в печь. Конверт быстро запылал.

– Читай же! Своими глазами читай! Вслух читай!

– Что читать-то? – робко спросил муж.

– Письмо, письмо читай? От своей любовницы.

– Я никакого письма не брал. Что же я должен читать? – удивился муж, причем так искренне, что жена не вытерпела и заревела. Кричала, ругалась, проклинала, рыдала.

Потом стала сомневаться: «Дала ли я ему письмо, или нет? Что я с ним сделала? Куда его сунула? Было ли вообще письмо-то?».

Муж страстно клялся, что не было никакого письма, что это просто бред. Может быть, действительно, так и было, как говорит муж? Жена начала верить, что именно так и было: не было никакого письма...

Литературный Киргизстан, 1990. № 5.

Слово об авторе

Сейчас трудно себе представить современную культуру киргизского народа без Тугельбая Сыдыкбекова. В творческой судьбе Сыдыкбекова как бы воплотился весь процесс становления киргизской литературы. Он явился не только зачинателем киргизского романа, но и носителем традиций этого жанра. Поднял киргизский роман до его современного профессионального уровня.

Чингиз Айтматов, народный писатель

ТЕМИРКУЛ УМЕТАЛИЕВ (1908–1991)

Советский киргизский поэт. Народный поэт Киргизии (1968). Член СП СССР (1934).

Родился в с. Тоо-Джар Аксыйского района Джалал-Абадской области, в бедной семье кочевника. Ему исполнилось восемь лет, когда умер отец. В шестнадцать лет, после того, как Т. Уметалиев был принят в интернат, будущий поэт смог научиться грамоте. Затем Т. Уметалиев учился в педагогическом техникуме, на краткосрочных курсах при Коммунистическом институте журналистики имени «Правды», в Москве.

Первые стихотворения появились в печати в 1932 году. В 1935 году вышел первый сборник стихотворений поэта «Стихи Темиркула», через год – второй. В 1937–1939 годах он издал поэму «Туратбай», сказки в стихах: «Охотник Токтомуш», «Птица-исполин», а также выпустил сборник стихотворений «Страна стихов».

В годы Великой Отечественной войны Т. Уметалиев, находясь на фронте, создал много стихотворений большой эмоциональной силы, призывая ими своих товарищей по оружию к борьбе против фашистских захватчиков до победного конца.

Многие стихотворения Т. Уметалиев а были переведены на русский, украинский, казахский, узбекский, таджикский и другие языки народов СССР.

Вместе с тем Т. Уметалиев являлся переводчиком. Стихотворения А.С. Пушкина и В.В. Маяковского, Н. Тихонова и Янки Купалы, М. Бажан, Мирзо Турсун-заде и ряда других советских и зарубежных поэтов были переведены поэтом на киргизский язык

Память ветерана

Вспоминаю войну...
На тяжёлом пути
нам шептала родная земля:
«Отомсти!».
Час настал
наступленья,
освобожденья.
Луч Победы
надеждой блеснул впереди.

Мы вернули Одессу,
Тирасполь спасли,
мы прошли
по просторам российской земли,
мы взломали
фашистскую оборону! –
луч Победы
всё ярче светил нам вдали.
Сколько рек
мы форсировали тогда,
как нас ждали
замученные города,
как нас сёла
слезами надежды встречали –
помнит сердце бойца
навсегда,
навсегда!

Наша юность
держала в руках автомат.
Эти годы
уже не вернуться назад.
Но – как бьёшься ты,
сердце седого солдата!
Это – память сражений,
побед и утрат.

Помнит лунное небо
лавину атак...
Огрызающийся,
опрокинутый враг.

Луч Победы,
звездой краснокрылой взошедший
Алый флаг –
и поверженный в пламя Рейхстаг.

Это – юность моя.
Это – юность страны.
Мы в едином порыве
устремлены
были к нашей Победе –
Великой Победе:
бури не было выше,
мощнее – волны.
Эх, война, одолел я
твой грозный порог,
грязь месил,
пыль глотал
вдрызг разбитых дорог.
Сам потом я
отстраивал эти дороги,
сам для мира грядущего
их уберёг.

Перевод Вячеслава Шаповалова

Сердце киргиза

Чужого не желающее сердце,
Своим не изменяющее сердце,
В любви не угасающее сердце,
Киргиза сердце я ношу в груди.
Для Родины пылающее сердце,
Врага испепеляющее сердце
И ржавчины не знающее сердце, –
Киргиза сердце я ношу в груди.

1945

Перевод В. Левика

Отец поэтов

Взволнованный, раскрыл в который раз
Я томик твой, души моей святыню.
Чрез полтора столетия для нас
Жива твоя гармония поныне!

Могуч, как твой народ, как он – велик,
Отец поэтов ты и друг наш близкий.
И счастлив я, киргиз, твой ученик,
Переливать твой русский стих в киргизский.
Ты – океан, я – малый ручеек, –
Нет, капля, что стремится к океану.
Ты – вековой чинар, я – стебелек,
Прижавшийся к чинару-великану.
Я – жаворонок маленький степной.
Ты – высоко парящий сокол песни.
Ты даже в сновиденьях надо мной
В недостижимом реешь поднебесье.
И я в себе таю одну мечту.
Одно во мне горит святое рвенье:
Взмыть за тобой хоть раз на высоту,
В своем народе избежав забвенья.
Ты – сокол мыслей, звуков соловей, –
Весь мир тебе внимать не перестанет.
Не меркнет свет поэзии твоей,
И дым веков его не затуманит!
Нет, не пером гусиным ты писал –
Крылом золотоголовой вещи птицы!
Твой каждый стих давно крылатым стал,
Как все твои бессмертные страницы.
Я вновь раскрыл твоих творений том
С тисненьем золотым по переплету —
И с каждым перевернутым листом
Сил набираюсь к творческому взлету.
1949
Перевод Л. Пеньковского

Придут такие времена

Придут такие времена
(Эх, поскорей бы это было!) –
Казаться будет нам Луна
Соседним небольшим аилом.
И будут девушки шутить,
Посмеиваясь друг над другом:
– Хочу на Марсе погостить,
Там в экспедиции подруга...
– Э, нет, – другая ей в ответ, –
Уж я-то знаю, что тут скрыто.

Ответь, кому пришел привет
От марсианского джигита?

1956

Перевод М. Ватагина

Слово об авторе

Если смотреть с исторической точки зрения, Уметалиев был самым выдающимся кыргызским поэтом, родившимся в советское время, начавшим свою карьеру с советской эпохи и закончившимся ею, человеком, преданным душой советской эпохе, защищавший и любивший её... Поэзия Темикема – великая поэзия его времени. Он внес большой вклад в развитие кыргызской литературы. Темикем был великим человеком, великим поэтом!

Чингиз Айтматов, народный писатель

Темиркул Уметалиев удостоен звания Народного поэта Кыргызской Республики, лауреата Государственной премии имени Токтогула за большой вклад в развитие кыргызской национальной литературы. Уверен, что Т. Уметалиева кыргызы никогда не забудут.

Асанбек Стамов, народный писатель

РАЙКАН ШУКУРБЕКОВ (1913–1964)

Киргизский советский прозаик, драматург, поэт и переводчик, член Союза писателей СССР (с 1936 года).

Родился в 1913 году в селе Ак-Чий Кара-Бууринского района Таласской области, в семье крестьянина-скотовода. В Джамбульском детском дом выучился грамоте.

В 1929 году Райкан написал свой первый рассказ «Жаркынай» – о судьбе киргизской девушки, насильно отданной замуж за старика. Этот рассказ был опубликован в журнале «Жаны маданият жолунда». В этом же году он стал студентом Фрунзенского педагогического техникума. За короткое время молодым драматургом были написаны первая его пьеса «Борьба» и другие, посвящённые колхозной жизни пьесы «Бейит арасында», «Айдар», а также комедия «Джапалак Джатпасов», написанная под влиянием «Ревизора» Н.В. Гоголя

В 1936 году в Самарканде вышла книга Шукурбекова «Герой горного народа», посвящённая событиям 1916 года. Одновременно писатель переводил на киргизский язык А.П. Чехова, А.М. Горького

С 1937 года он служил в рядах Советской армии, а с началом Великой Отечественной войны участвовал в боях против фашистских оккупантов. В 1943 году он был тяжело ранен и демобилизован в тыл и с большим подъёмом продолжил

прерванную войной творческую деятельность. Им были написаны и успешно ставились на сцене пьесы: «Два друга», «Зелёный лес», «Каныкей», в основу которой он положил одну из сюжетных линий киргизского народного эпоса «Манас», а также комедии – «Мой аил», «История ишака» и «Жакишынын шарапаты». А в 1959 году Шукурбеков написал четырёхактную драму «Надежда певца», посвящённую жизни акына-демократа Токтогула Сатылганова.

Он писал стихи, басни, интермедии. Он также является автором ряда книг для детей: «Два зайчонка», «Рассказы» и «В горах Киргизии».

Шукурбеков был известен не только как мастер острого слова, но и как импровизатор, артист филармонии.

В послевоенное время выходили в свет переведённые писателем на родной язык книга басен И.А. Крылова, поэма Фирдоуси «Шахнаме», а также произведения Фридриха Шиллера и Мольера. Русская басня оказала существенное влияние на Райкана Шукурбекова. В 1957 году выпустил сборник «Стихи и басни». Новая книга стихов писателя «Эхо Ала-Тоо» вышла не только в местном, но и в московском издательствах («Молодая гвардия»).

Солдатский поцелуй

Война. Тишины и в грозу мы не ждём.
Да разве войну остановишь дождём!
И пушки грохочут, и гром громыхает,
Как будто и ливень войною рождён!

Рассвет. Засияли над лугом лучи,
Как будто сказали войне: «Помолчи!».
И, словно не смея ослушаться солнца,
Стих голос войны, громыхавший в ночи.
О чудо! На веточке пискнул угод.
Свой голос всесильная жизнь подаёт.
«Ку-ку!» – отвечает удоу кукушка.
И слушает их зачарованный взвод.

Атака! Ракета взметнулась вдали.
В кустах пехотинцы на миг залегли.
Солдат, утонувший в траве с головою,
Украдкой коснулся губами земли.

Перевод Александра Семенова

Мой дом

Здесь с вечера кочевье ночевало,
А нынче снова перекочевало.
На месте юрт
лишь камни да зола...
Там биографии моей начало...
Я вижу детство –
вот оно какое! –
Так близко, что легко достать рукою.
Ночевки, вьюченые верблюдов, горы
И новые ночевки над рекою.
Я вижу,
Как костра уходит пламя
В тундук и в небо звездное над нами...
Мне мой отец рассказывает сказки,
И машет сальная свеча тенями.

Улица

Я с детства к этой улице привык...
Вот здесь, еще в судьбу свою не веря,
Мы открывали переплеты книг.
Как в мир волшебный открывают двери.
Здесь пламенем взметнулись искровым
Чуть тлеющие угольки талантов.
Тот стал акыном,
этот – музыкантом,
А третий – золотым мастеровым.
Здесь для меня и центр, и край земли –
Легла отсюда строгая дорога,
С которой к материнскому порогу
Мы раны и седины принесли.
Года прошли. Ведь, что ни говори,
Живем мы в век гигантского размаха.
Но все ж я не забуду фонари
И всадников на улице в папахах,
И под комуза неумолчный гул
Напев крылатый вещего акына.
Мечта парила в высоте орлиной,
Когда нам пел великий Токтогул.
А молодым попробуй Расскажи,
О тех годах далеких вспоминая.

Смеются сероглазые стрижи –
Для них все это старина седая.
Мы посадили саженцы в саду.
Гудят они теперь зимой и летом.
Не просто сад, а наша юность это
Цветет, не увядая, в холоду.
Я с детства к этой улице привык...
Вот здесь, еще в судьбу свою не веря.
Мы открывали переплеты книг,
Как в мир волшебный открывают двери.

Родина
(отрывок)

Детство!
Сияет ли солнце над лугом,
В тучи ли прячется солнце с испугом,
Дождик бежит ли на тонких ногах,
В лужицах пляшет за радужным лугом,
Кажется всё нам веселой игрой,
Прыгаем, боремся в травах друг с другом.
Жизнь начиналась, подобная чуду.
Родина! Ты открывалась повсюду –
В малой травинке, в вершине крутой,
В горном потоке, прорвавшем запруду,
В радуге зыбкой, омытой дождем...
...Петь я всегда о Киргизии буду!

Перевод Владимира Семенова

Слово об авторе

Прозаик, поэт и драматург Райкан Шукурбеков был известен не только как мастер острого слова, но и как импровизатор, артист национальной филармонии. Экспромты Райкана Шукурбекова и поныне передаются из уст в уста.

Евгений Озмитель, литературовед

МИДИН АЛЫБАЕВ (1917–1959)

Киргизский поэт-сатирик, переводчик, драматург.

Творческая биография начинается с 1934 года и отличается многогранностью и разносторонностью, однако предпочтение в своем творчестве М. Алыбаев

отдал поэзии. В 1937 году вышел в свет первый поэтический сборник «Бактылуу жаштык» («Счастливая юность»).

М. Алыбаев известен как один из лучших поэтов-сатириков. Он является автором рассказов, сказок, очерков и фельетонов. Широко известна читателям его публицистическая поэма «Поэтический отчет В.В. Маяковскому». Перу М. Алыбаева принадлежат пьесы «Случай на курорте», «Завещание Джантека», «Зоотехник Буйлаков» и др.

Поэт является одним из лучших переводчиков на киргизский язык произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, В.В. Маяковского и др.

На русском языке изданы две книги М. Алыбаева.

Не плачь

1

В правом сраженье
Фашистом подкошен,
Пал твой любимый,
Пал твой хороший.

Битва
есть битва.
В разрывах и гуле
Крови и жизнью
Требуют пули.

Путь у героя –
Славный,
но краткий –
Каждый герой
Выделяется в схватке.

Гибель над их
Головой колобродит –
Смерть по пятам
За героями ходит.

Выбрала пуля.
Ею подкошен.
Пал твой любимый
Пал твой хороший.

В дом к тебе сразу
Горе приспело –
Черной одеждой,
Прядкою белой
Участи нету
Хуже –
тоскливой.
Но только лишь слабые
Люди слезливы.

Слез ты не лей
Лучше тяжкой порою
Вспомни прощание
С мужем – героем.

Взгляд его вспомни
И крепкую руку.
Легче снесешь
Непосильную муку.

Ведь не вернется
Уж милый твой сокол
В людях ходи
С головою высокой.

Выйдя за правду
На бой всенародный
Гибнут герои
В борьбе благородной.

2

Сердце стучит –
Тяжела его ноша.
Пал твой любимый,
Пал твой хороший.

Но ты подумай –
Можно ль мужчине
Быть в стороне
От сражения ныне?

Вытри же слезы
Брось проливать их.
И убери свое
Черное платье.

Пусть засыхает
Злая кручина.
Славным героем
Вырасти сына.

Время промчится –
Сына поднимешь
Будет носить он
Отцовское имя.

Слово отца

Я в путь уходил от родного порога
Грохотало суровое время.
Вывел отец скакуна на дорогу,
Подал камчу мне
И взялся за стремя.

– Помни, –
Сказал мне отец в этот вечер, –
Чтобы назад ты не сделал ни шагу.
Пусть же навеки запомнит при встрече
Враг твоих глаз беспощадных отвагу.
Сердце бесстрашное – щит для джигита.
С честью носи боевое оружие.
Сдаться врагу,
подчиниться бандиту –
Нет и не может быть участи хуже.
Если в сраженье отступишь ты правом,
Буду я жить,
от позора сгорая.

Если же ты возвратишься со славой –
Молодость в сердце наступит вторая.
Путь тебе добрый!

Я жду тебя скоро.
Смелым пройди через горы и реки.

Ты и надежда моя, и опора...
Эти слова я запомнил навеки.

Любовь

Мы с тобою вдвоем катались в лодке
Ночью летней, лунной и короткой.
– Жди письма! –
Сказала ты прощаясь
И ушла неслышною походкой.

Мы с тобой одной мечтою дышим –
Нету счастья ни полней, ни выше.
Озеро шумит. Мне в этом шуме
Голос твой, как песнь комуза, слышен.

Счастье, не дающее покоя, –
Всюду у любого под рукою.
Счастье ходит по земле любовью
Так узнай же, что это такое!

Слово об авторе

Место у столичного кинотеатра «Ала-Тоо» в те годы было как своеобразная творческая площадка, где перед молодежной публикой выступали наши поэты и певцы. Мидин был для них кумиром. Его читали и будут читать. Он самый народный из всех народных, хотя и не получил от властей этого почетного звания – «Народный поэт Кыргызстана». После его смерти уже ему лично дал свой поэтический отчет в качестве ученика и последователя выдающийся кыргызский сатирик Байдылда Сарногоев.

Кубан Мамбеталиев, литературовед, журналист

НАСИРДИН БАЙТЕМИРОВ (1916–1996)

Кыргызский и советский поэт, прозаик, драматург. Народный писатель Киргизии (1986). Отличник народного образования Кыргызской ССР. Лауреат Государственной премии Кыргызской ССР имени Токтогула Сатылганова (1984). В 1933 году окончил сельскую школу, в 1937 году – Фрунзенский зооветеринарный институт, а в 1955 году – Литературный институт им. А.М. Горького при СП СССР в Москве.

Печатался с 1934 года. Первым изданием стала книга для детей «Жомоктор» («Сказки»), выпущенная в 1939 году, затем в 1948 году издана повесть

«Азамат», о героических подвигах советских лётчиков. Военной теме посвящен и роман «Торжество» («Салтанат», 1949). Жизнь учащихся ремесленных училищ изображена в повести «Молодое поколение» (1951).

Н. Байтемиров – автор ряда поэтических сборников («Мелодия сердца», 1955), сборника сатирических рассказов «Ум», 1956, пьес «Жених», «Кто виноват?», «Уркуя», либретто музыкальных драм и комедий «Осторожно, невеста!», «Молодое сердце». Н. Байтемиров является одним из создателей полнометражного художественного фильма «Поклонись огню» (1971).

Произведения писателя издавались на русском, украинском языках, отдельные произведения опубликованы за рубежом. Им переведены на киргизский язык отдельные произведения М.Ю. Лермонтова, В.В. Маяковского, А. Навои, П. Неруды и др.

Моя тайна

При встрече мне сказал знакомый мой:

– Года идут, а ты все молодой!

Как ты достиг того, что не стареешь,

Открой свою мне тайну, дорогой.

Есть в самом деле тайна у меня:

Ни одного не пропуская дня,

Я, не пугаясь, подставляю сердце

Летящему потоку бытия.

Едва достигну цели я своей,

Вновь выбираю ношу потрудней,

Обидят если низкою обидой,

Как можно выше я встаю над ней.

Насытившись, я хлебом дорожу,

И вкус его я в памяти держу.

И потому всегда мой свеж румянец,

Что вечно хлебным запахом дышу.

Я голоден – мне голод не беда!

Я не впадал в унынье никогда.

– Ты, жизнь, меня нехваткой не сломаешь! –

Твердил я ей в тяжелые года.

А устаю, не жалуясь на труд,

Мне без него не жить пяти минут.

Я знаю тайну молодости вечной;

Пусть друзья пример с меня берут!

1962

Перевод И. Волобуевой

Слово об авторе

Насирдин Байтемиров – плодовитый автор, писал очень много. В его произведениях затрагивались различные темы, в том числе общественно-политические.

Омор Султанов, народный поэт

ИСМАИЛ БОРОНЧИЕВ (1910–1978)

Киргизский поэт, акын-импровизатор, народный артист Киргизской ССР (1958).

Борончиев родился в селе Алчалуу Чуйского района Киргизской ССР, в семье крестьянина. В 1929 году вступил в колхоз. К этому времени относится начало его творческой деятельности. Он становится известен в народе как певец-импровизатор. В 1936 году его принимают солистом в Киргосфилармонию. Значительное место в творчестве И. Борончиева занимают айтышы – песни-состязания, с которыми выступал он вместе с напарником Т. Шабданбаевым. Они опубликованы в книгах «Айтыштар» («Айтыши») и «Кызыл кырман» («Красный ток»).

Все для фронта!

Просветлеет небо –
Сколько б дождь ни лил,
И поток иссякнет –
Сколько б ни бурлил,
И затихнут вьюги,
И весна придет,
И врага в сраженьях
Сокрушит народ.

Нет, не вечны беды,
Тьма не на века,
И уже победа
Зрима и близка.
Ширится и крепнет
Правды торжество,
Добиваем зверя
В логове его.

Чтоб скорей вернулись
С фронта сыновья,
Будем мы трудиться,

Как одна семья,
В поле и на ферме,
В шахте, у станка –
Ведь уже победа
Зрима и близка.

Всё, друзья, для фронта!
Не жалейте сил!
Кузницей победы
Стал сегодня тыл.
Всё, друзья, для фронта:

Уголь,
Хлеб,
Металл,
Чтобы день Победы
Побыстрей настал!

Дорогая

Где дорога, как в море река,
Обрывает свой бег в облаках,
Я сложил эту песню, любимая,
И, взойдя на Куюк-перевал,
Я тебе эту песню послал,
Чтоб хранила ты верность, любимая.
Я ее попросил, как сестру,
Чтобы в поле она поутру
Выходила с тобою, любимая,
Чтоб дарила и радость, и свет,
Заслоняла от горя и бед –
Не гони эту песню, любимая.

Пусть тебе от зари до темна
Помогает в работе она –
Ты ей только доверься, любимая,
Пусть расскажет тебе она вновь,
Как сжигает мне сердце любовь,
Как я жду нашей встречи, любимая.

Я сказал моей песне: «Лети,
Не сверни и не сбейся с пути –
Ждет тебя не дождется любимая,

Отыщи ее, песня, скорей,
И надеждой ее обогрей –
Ждет тебя не дождется любимая.

Я вослед за тобой полечу
Над садами, над речкою Чу,
Над тропинкой, где ходит любимая.
Я ее, где угодно, найду
И с собой навсегда уведу,
Чтоб не знала печали любимая».

Я напутствовал песню: «Не стой!
Потерял я и сон, и покой –
Пусть узнает об этом любимая.
Пусть любовь сбережет, чтобы мне
Знать о том, что в родной стороне
Ожидает джигита любимая».

Девушка-чабан

Погоди, не гони ты коня,
Хоть разок погляди на меня.
Видишь, солнце встает из-за гор...
Что ж смущенно отводишь ты взор,
Девушка-чабан?

Разгони ты тревоги мои
И кумысом меня напои,
Разве я не пригож и не юн?
Не уйдет, не сбежит твой табун,
Девушка-чабан.
Посмотри, как трава зелена,
Как цветами алеет весна.
Вот бы взять да взойти нам с тобой
Прямо к солнцу по тропке крутой,
Девушка-чабан!

О тебе там я песню сложу,
О любви там тебе я скажу,
Чтоб оттаяло сердце, как снег,
Чтобы счастьем наполнить твой смех,
Девушка-чабан.

Ах, зачем же ты хмуришься вновь?
Иль другому джигиту любовь
Отдала ты? А мне суждено
Пить печали хмельное вино,
Девушка-чабан.

Только я ведь и горд, и упрям –
Никому я тебя не отдам.
Ты мне только скажи, и зарю
Я на свадьбу тебе подарю,
Девушка-чабан.

Так постой, не гони ты коня,
Хоть разок погляди на меня.
Разве я не пригож и не юн?
Не уйдет, не сбежит твой табун,
Девушка-чабан.

Улыбнись, чтоб теплей и светлей
Мне отныне жилось на земле,
Забери мое сердце, чтоб мне
Не бродить одному по весне,
Девушка-чабан.

Признание

Ты меня за упрямство прости,
Не гляди, дорогая, сурово.
Как объехать мне это джайлоо
Если нету другого пути.

И с конем моим просто беда,
Ничего не могу с ним поделать:
Закусив удила ошалело,
Он, как ветер, несется сюда.

Сколько раз я себе говорил:
«Выбрось эту гордячку из сердца!».
Но куда от любви своей деться,
Коль навеки тебя полюбил.

День не вижу тебя,
И тоска

Не дает ни минуты покоя.
Я и в мыслях повсюду с тобою,
Только ты от меня далека.

А увижу тебя я едва,
От волнения душа леденеет.
И решимости нет,
И бледнеют
Потерявшие яркость слова.

И домой тороплю я коня,
И заранее знаю, что снова
Завтра утром на это джайлоо
Понесет он, как ветер, меня.

1973

Перевод М. Ронкина

Слово об авторе

Исмаил Борончиев один из талантливейших представителей киргизской устной поэзии. Его стихи, песни, айтыши в авторском исполнении пользуются громадным успехом у слушателей. Борончиеву выпало счастье начать свой творческий путь под руководством таких выдающихся акынов, как Калык, Осмонкул, Алымкул. С большим вниманием к его творчеству относился народный композитор Атай. Исмаил Борончиев – крупнейший представитель жанра устной поэзии, наследник и продолжатель классических традиций киргизской устной поэзии.

Кубанычбек Маликов, народный поэт

ТОКТОБОЛОТ АБДУМОМУНОВ (1922–1989)

Киргизский драматург, писатель, киносценарист.

Токтоболот Абдумомунов внес вклад в развитие театрального искусства, являясь основоположником профессиональной киргизской драматургии. Он написал десятки пьес, которые шли на сценах театров Советского Союза и за рубежом. Перу драматурга принадлежат такие произведения, как «Малика», «Машырбек женится», «Милые мои старики», «Современники», «Обжалование не подлежит», «Совесть не прощает», «Борбаи», «Узкое ущелье», «Дочь Атабека» и многие другие. Т. Абдумомунов создал ряд прозаических произведений рассказов и очерков «Хорошие люди», «Письмо», роман «Под голубым небом», повесть «Джукеш» и другие.

Т. Абдумомунов являлся Первым секретарем Правления Союза писателей Киргизии, Секретарем Правления Союза писателей СССР, Председателем

Правления Союза театральных деятелей Киргизской ССР, избирался депутатом Верховного Совета СССР, депутатом Верховного Совета Киргизской ССР нескольких созывов.

В 1997 году Кыргызскому национальному драматическому театру было присвоено его имя.

Письмо

1

Вечером трактористы веселились: следующим утром должна была начаться пахота на Серых холмах. Веселые песни, громкий смех сливались со звоном гитары и мандолины, бурно вырывались в открытое окно вагона. Их подхватывал горный ветер и уносил неведомо куда – в свои необъятные дали.

Находчивый, ловкий Рысбек, надев фартук и повязав голову косынкой, вместе с рослым трактористом Митей пустился плясать «барыню». Он махал носовым платочком, выкрикивая тонким голоском, его маленькие ноги двигались поразительно быстро.

– Ай да Рысбек, шайтан! – ликовал Сергей, игравший на гитаре. А Кутмана так разбирал смех, что он не мог сидеть на кровати, хватался за сердце, падал, с трудом выговаривая:

– Ой, чудак Рысбек! Прямо женщина... сам маленький... голосок пискливый... Смотрите на его ноги!.. Прямо женщина! Ни дать, ни взять. Ха-ха ха!

– Давай, Рысбек, давай! – подзадоривал Сергей, вскакивая с места, точно собираясь пуститься в пляс, и еще звонче играл на гитаре. – Дуй до упаду! Дай жизни Мите! Пусть разлетятся подошвы! Силен ты, Рысбек! Давай, давай, давай!

Оба танцора уже начали уставать, когда открылась дверь и вошел Мусабек. Гитара с мандолиной замолчали, пляска оборвалась. Ребята с удивлением посмотрели на вошедшего.

С тех пор как приехали сюда. Мусабека угнетала какая-то тоска. А сейчас он стоял перед товарищами совершенно преображенный, его смуглое лицо озарила радостная улыбка.

– Пусть будет за тоем той, – говорят киргизы. Итак, друзья, пусть ширится наше веселье! – сказал Мусабек, засмеялся, сверкнув снежной белизной зубов, снял шапку, повесил ее у входа и весело зашагал к столу. – В магазинах я искал кое-какую нужную мелочь и опоздал на ваше веселье. Но все равно прошу вас принять меня в компанию. Принимаете?

Сказочная перемена в настроении Мусабека удивила трактористов. Они некоторое время смотрели на него, как бы не веря своим глазам, потом весело ответили хором

– Конечно, принимаем!

Трактористы шумно обступили Мусабека.

– Ты, как тракторист, хорошо знаешь нашу традицию, – сказал Сергей, положив руку на плечо товарища и весело улыбаясь, – в ночь перед началом пахоты трактористы танцуют, поют. Короче говоря, празднуют, дорогой Мусабек. Завтра мы начнем поднимать целину. А поэтому сегодня у нас большой праздник. Если бы ты пришел сейчас удрученный, испортил бы праздник. Ты, друг, очень обрадовал нас.

Если Мусабек веселился – так от всей души. Пел до хрипоты, плясал, пока ноги совсем не откажут, смеялся до боли в животе. Вот и сегодня он плясал до десятого пота так, что ведро воды из рубахи можно было бы выжать. А потом сел, облокотясь на стол, и сказал:

– Ребята, хотя ноги мои и устали, но язык не устал. Хочу рассказать вам сказку. Будете слушать?

– Конечно, будем!

– А как же!

– Раз так, садитесь.

Трактористы уселись вокруг стола. Воцарилась тишина. Мусабек, подперев ладонью подбородок, начал одну из любимых им народных сказок.

2

Одна за другой гасли звезды. Рассветало. Трактористы спали. На столе зазвонил будильник. Первым проснулся Сергей. Он приподнял голову, протер глаза и, громко зевнув, крикнул:

– Ребята, вставай!

В вагоне сразу стало шумно. Те из трактористов, которые, ложась спать, аккуратно сложили свою одежду, сейчас быстро оделись и, перекинув полотенца через плечо, шли умываться на свежем воздухе. Неряшливые же сутились – один не находил сапога, другой – носка.

Сергей, умывшись и облившись холодной водой, бодро пошел в вагон.

– Эй, друг, – засмеялся он, увидев тракториста под койкой в углу, – что там ползаешь? Мышей, что ли, ловишь? Поторопись! Воздух на дворе так свеж, вода такая прохладная! У-ух, хорошо! Пошевеливайся, приятель, живее!

– Сейчас, Сережа, сейчас, – отозвался тот виновато из-под койки.

Пока трактористы завтракали, темнота покинула даже впадины и лощины в горах – свое последнее убежище, и повсюду стало светло. А как красиво весеннее утро! В долине, которой нет ни конца, ни края, тонут в сизовой дымке деревни. Утренние снежные горы, поражающие взор своим величавым спокойствием, как бы дремлют, вершинами своими врезавшись в нежную синеву неба.

Трактористы вышли к навесу. Все они были возбуждены. Они обычно всегда радостно встречали первое утро весеннего сева. Но никто из них никогда не переживал такой радости, как сегодня. Это утро для них историческое – через несколько минут начнут поднимать целину на Серых холмах, никогда не знавших плуга, не давших людям ни зернышка.

– Друзья, друзья! – крикнул Рысбек, махая рукой товарищам. – Если готовы, идите сюда!

Все обступили трактор Сергея. Представители райкома и МТС поздравили трактористов с началом поднятия целины и пожелали им успеха. После этого было дано слово бригадиру тракторной бригады Сергею. Но он, который несколько не робел, выступая даже на самых больших совещаниях, перед огромным количеством людей, сейчас не смог говорить. Сергей смотрел на своих товарищей, начинал что-то бормотать и снова умолкал. Ему хотелось сказать друзьям много теплых и сердечных слов, но мешало радостное волнение. Так он стоял некоторое время. И наконец все же сказал:

– Друзья! Сами видите, как мне трудно говорить. Это от радости. Ну, что мне сказать? Я могу сказать только одно: все мы с вами хотим мира для своих очагов и для своих сердец. Об этом свидетельствует и то, что от Алтая и до Волги мы начали пахать целинные и залежные земли. Мои самые сердечные дружеские слова к вам: давайте поведем свои тракторы во имя мира под этим лазурным небом, во имя нашего счастливого завтра!

Сталинградские тракторы, выпуская дымок и своим гулом разрывая воздух раннего утра, стали выходить из-под навеса.

3

Час обеденного перерыва. Погода ясная, теплая. Запах свежевспаханной земли. Высоко царит орел. Видимо, он удивлен: «Сколько весен летаю над Серыми холмами, а такого никогда не видел – там, где я охотился на газелей, вдруг сегодня стало черным-черно! И чернота эта все расширяется. Что за чудо?!» – орёл все пристальнее и зорче смотрит вниз. А мягкие облака, крутясь высовываются из-за гор, точно переговариваясь: «Беркут удивляется чему-то. Там произошло что-то интересное. Пошли, мы тоже поглядим!».

Когда трактористы, каждый подложив под себя куртку, усаживались на теплой земле, пришел и Мусабек. Он шел медленной походкой, держа подмышкой изношенную телогрейку, правой рукой вытирал пот с лица. Подморгнув Рысбеку, который лежал навзничь и забавлялся, выпуская кольца дыма, Мусабек подошел к Сергею. Тот лежал на боку рядом с Кутманом.

Эти ребята нравились Мусабеку, он подружился с ними со всеми, но особенно привязался к Сергею. Тот с каждым днем все больше покорял его открытым, веселым характером.

– А-а, Мусабек! – обрадовался Сергей, перевернувшись на другой бок. – Как дела?

– Ты должен знать, что обычно киргизы на этот вопрос отвечают: «Как печеный на масле хлеб», – засмеялся Мусабек и бросил телогрейку на землю.

Сергей протянул ему портсигар, но тот поднял руку: подожди, мол. Затем он быстро вынул из кармана папиросу, дал ее Сергею и только тогда взял портсигар другую.

– В моем родном аиле, – объяснил свой поступок Мусабек, – если два человека решили стать настоящими друзьями – делят пополам кусок хлеба или во время еды меняются ложками. От души делить пищу, все равно какую, – верный признак дружбы, вроде молчаливой клятвы. – Он зажег спичку и продолжал. – Я тоже хотел так сделать. Еще не подвезли хлеба. Все равно папирота тоже годится для этого, табак ведь тоже относится к министерству пищевой промышленности. Правда, папироте не съешь, как хлеб, но достаточно будет, если докурить до конца. Я хочу стать твоим верным другом.

Мусабек смотрел на Сергея, широко улыбаясь. Зубы его сверкали, как снег.

Сергей встал и крепко пожал руку Мусабеку. В этот момент Рысбек подполз к ним на четвереньках, взял Сергея за плечо, повернул его к себе и мягко сказал:

– Сережа, если ты не возражаешь, пусть Мусабек споет нам. Его голос со вчерашнего дня все звучит у меня в ушах. Споешь, Мусабек?

– Почему бы не спеть? Коли вам хочется...

– Ой, как еще хочется.

– Еще бы! Спой, Мусабек, спой! – раздались голоса со всех сторон.

Рысбек полез в карман за носовым платком, чтобы вытереть пот со лба.

– Пусть песня твоя, Мусабек, будет не очень печальна, я и так уже готов заплакать, – предупредил Рысбек и аккуратно сложенный носовой платок положил в боковой карман. Не мог он смять подарок любимой девушки. Мусабек, кивнув головой, затянул любимую песню «Беш ыргай».

Не даром говорится в народе: «Услышав «Беш ыргай», начнет петь и самый согбенный старик». Мусабек пел:

На холме пять ыргай.

Пять ыргай не стану я рубить.

Ребята, которые собирались слушать только одного Мусабека, не выдержали, подхватили песню. И пошло! А запевала поднимал руки, делал знаки, чтобы все пели дружно.

Мусабек обычно не мог петь «Беш ыргай», спокойно сидя на месте. Плясовой мотив этой песни как бы подзадоривал его: «Пляши и пой, Мусабек, пляши и пой, Мусабек». И на этот раз он вначале покачивал головой, потом всем телом и, наконец, не выдержал, вскочил с места и, продолжая петь, пустился в пляс. Ветер трепал его черные жесткие волосы, белые зубы сверкали на солнце, глаза горели. Трактористов, которые пели, покачивая головами, хлопая в ладоши, Мусабек зажег своим молодым задором и горячим воодушевлением. Радостью, все они были покорены этой кипучей радостью.

Сергей не сводил глаз с Мусабека. Он радовался тому, что его молодой друг пел и плясал. Сергей любовался им и думал: «Интересно, почему же этот горячий и веселый парень до сих пор ходил такой подавленный?». Это удивляло не одного Сергея, а всех. «Такой парень не стал бы горевать из-за пустяков, – продолжал Сергей свои размышления, – верно, у него была какая-то большая неприятность. Если сегодня вечером спросим у него, может быть, он расскажет нам».

От этих размышлений Сергей отказался быстро. Хмурое лицо Мусабека стало светлым и радостным, а зачем об этом много говорить? Сергей дал себе слово больше не вспоминать о прошлой печали Мусабека и снова вместе со всеми начал петь и хлопать в ладоши.

4

Минуло три дня. Трактористам пришли первые письма. Похожий на узбека, чернобородый, высокий почтальон в белой шляпе вынимал из черной дерматиновой сумки какой-нибудь разноцветный конверт, читал про себя по складам, а потом громко произносил фамилию адресата.

– Получай, сынок, – говорил он. – Весть в письме пусть будет хорошей. Пусть письмо это обрадует тебя!

Мусабек, не отрывая взгляда от почтальона, с нетерпением ждал, когда тот произнесет его фамилию. В руке почтальона остался только один синий конверт. Мусабек с Рысбеком переглянулись. Только их фамилии не произнес старик. Они продолжали стоять, не отрывая взгляда от бородача, который снова читал про себя по складам.

– Рысбек Мамытов! – крикнул почтальон.

В глазах у Мусабека потемнело, ему трудно стало дышать. С этого дня глаза Мусабека снова стали грустными. Правда, когда он выходит на работу, целиком отдается ей забывает о своем горе и снова становится веселым, будто в жизни у него все порядке. Иногда он поговорит с ребятами о том, о сем, смеется вместе с ними, но очень скоро вновь начинает хандрить.

Сегодня с полудня идет дождь. Ребята на машине поехали в клуб МТС, посмотрели новый фильм и только что вернулись оттуда. Мусабек не поехал с ними, сказал, что у него ломит все тело, и один остался в вагоне.

Усталые трактористы, как только приехали, свалились спать и захрапели. Только один Сергей не раздевался. Он, после паузы, громким шёпотом окликнул:

– Мусабек!

Тот, сидя спиной к Сергею, рассматривал какие-то картинки. Услышав голос друга, он быстро встал с кровати и тихо подошел к столу.

– Чем ты болен, друг? – спросил Сергей.

– Кажется, и ты, Сережа, в самом деле поверил, что я заболел, – засмеялся он. – Нет, я совершенно здоров. Твой друг – человек, привыкший к жаре и холоду. Болезнь ко мне так легко не пристанет. Я сегодня не поехал с вами, потому что мне очень грустно.

Сергей, ладонью прикрыв пустой стакан, смотрел на товарища, но не решился спросить у Мусабека, что с ним делается.

– Если я расскажу тебе, почему меня одолевает тоска, – начал Мусабек, – может быть, мне станет легче. Если хочешь послушать, я расскажу тебе. Только тебе и больше никому.

– Спасибо, Мусабек, за доверие. Я тоже даю тебе слово оправдать его.

Мусабек засмеялся, пожал Сергею руку и тихо начал рассказывать.

Мусабек остался круглым сиротой с четырех или пяти лет. У отца его, Кулу, был близкий родственник по имени Майлыбай. Он имел своих детей, и к тому же его жена, Токтокан, женщина беспокойного характера, очень верила всяким приметам. Когда Майлыбая сказал, что Мусабека надо взять к себе, жена стала на дыбы.

– Ребенок с родимым пятном всегда приносит дому несчастье. У Мусабека на лопатке родинка. Этим он погубил своих родителей. Если ты введешь его в наш дом, он погубит всех нас. Нет, нет! Даже не говори об этом! – горячилась она.

У Мусабека был еще и дядя по матери, и Майлыбай решил отвезти мальчика туда, но вскоре отказался от этой мысли. «Тот зимой и летом не покидает стада, – рассуждал Майлыбай, – и не сможет учить мальчика. Лучше в детдом отвезу, там о детях заботятся не хуже родителей». И Майлыбай отдал Мусабека во Фрунзенский детдом.

Прошли годы. Мусабек стал высоким, как покойный отец, черноглазым парнем. Он на отлично окончил десятилетку и собирался подать документы в институт. В это время приехал за ним Майлыбай и стал звать к себе в аил. К тому времени у старика умерла жена, оба сына погибли на фронте, старшая дочь вышла замуж и при нем осталась только малолетняя девочка.

– Я состарился, Мусабек, – начал жаловаться Майлыбай. – Пока твоя маленькая сестренка кончит школу, побудь возле нас. А потом поедешь в институт, учиться никогда не поздно.

Хотя Мусабек и не воспитывался у Майлыбая, но очень уважал его. Это был добрый, мягкий и умный человек, он очень любил детей. Отдав Мусабека в детдом, он не отказался от него, не махнул на него рукой, а навещал его каждую неделю, был ласков с ним, заботился о нем, как отец. Поэтому Мусабек не хотел огорчать старика и поехал с ним в родной аил. Там он окончил курсы трактористов при МТС и стал работать.

Мусабек не хотел жениться, пока не поступит в институт и не окончит его. Но все сложилось совершенно иначе.

В аиле была одна девушка по имени Айна. Ее веселый характер не очень нравился людям постарше и особенно аксакалам. Каждый из них говорил: «Эта девушка уже сейчас своими глазами обжигает парней, а что она будет делать, когда выйдет замуж, бог знает. Смотрите: она извивается змеей, поет жаворонком, соблазняя ребят. Это не девушка, а колдунья, она владеет колдовством. Господи, избавь моего сына от этой беды!». Каждый боялся за своего сына и желал, чтобы Айна поскорее вышла замуж за кого-нибудь, лишь бы эта беда миновала его дом. Все они старались с помощью своих старух держать сыновей в руках.

Веселая Айна любила шутить с ребятами, задевать их самолюбие. Бывало, сидит она с подругами в обеденный перерыв на свекловичном поле, к ним подходит кто-нибудь из зазнавшихся молодых людей и начинает рисоваться. Тогда

Айна обычно с удовольствием издевалась над ним, осмеивала его. А если и это не могло унять хвастуна, то она весело обращалась к подругам:

– Девушки! Этому парню сегодня, думаю, очень жарко. Давайте искупаем его! – И они хватали самонадеянного парня и окунали в холодную воду отводного канала.

Но этом не кончались испытания молодого гордеца. Он барахтался и, с трудом придя в себя, едва добирался до берега, как Айна черенком кетменя легонько толкала его в грудь. Парень снова падал воду.

– Ну, как? Еще будешь приставать к нам? – звонко смеялась Айна, когда потерявшийся молодой человек снова с трудом высовывал из воды голову. Его несло течением. Она шла за ним по берегу и смеялась. Поняв, что девушки не дадут ему выйти из воды, он начинал умолять Айну.

– Милая эжеке! Да перейдут твои беды ко мне, я больше никогда не буду приставать к тебе. Умоляю дайте мне выйти отсюда, я уже замучился! Пожалей меня!

Только тогда Айна протягивала парню кетмень, помогала ему выйти из воды.

– Не будь подобным барану, который бодается с дувалом, – издевалась Айна над бедным юношей. – Знай, с кем имеешь дело. А теперь иди. Кажется, ты порядком озяб. Сходи к матери, пусть она вытопит масло и даст тебе есть, не то простудишься, бедняга!

Айна очень любила бегать. И каждый раз, когда в колхозном саду собиралась молодежь, Айна убегала, схватив фуражку кого-нибудь из ребят, а чаще всего Сардара, который нравился ей больше других. Она бежала по саду, весело смеялась и кричала:

– Попробуй догнать, попробуй.

– Далекое не уйдешь! – парень быстро срывался с места. – Я не джигит, если не догоню тебя, Айна, и не поцелую!

Девушка бежала легко, не давая настигнуть себя. Потом она замедляла бег, притворившись усталой. Парень был уверен, что вот-вот поймает ее, но как только он подбегал и протягивал к ней руки, она с прежней быстротой пускалась бежать, точно лиса, обманувшая беркута. Когда же огорченный и усталый джигит уже переставал ее преследовать и стоял, опершись на дерево, тяжело дыша прикрыв глаза, Айна незаметно, мягкими, как у кошки, шагами подкрадывалась и надевала фуражку ему на глаза.

– Ну, легко поцеловать Айну? – спрашивала она парня, взяв его за ухо. А потом, звонко смеясь, убегала к собравшимся. Победенный джигит только качал головой:

– Не девушка, а шайтан!

Много было парней, которые, влюбившись в Айну и решив жениться на ней, потеряли сон и покой. На больших скачках участвует много быстроногих скакунов, но какой-то из них должен прийти первым.

Так получилось и тут. Из всех ребят состязавшихся, преодолевая трудный путь, который вел к Айне, первым пришел к финишу счастливый Сардар. Бригадир Сардара Айна любила всей душой.

– Сардар любит меня по-настоящему, – говорила она ребятам, пристававшим к ней. – Он такой сильный и смелый джигит. Всегда верен своему слову. Все вы мизинца его не стойте!

– Такого шайтана, как ты, не трудно найти! – злились обычно парня и уходили.

Айна тоже самое сказала и Мусабеку, но тот не ушёл, как другие джигиты, а продолжал ухаживать за ней.

Однажды летним вечером Айна поливала цветы у себя во дворе. Подошел Мусабек и взял ее за руку.

– Ты сперва выслушай меня, Айна, – попросил он. – То, что ты хочешь сказать мне, я знаю заранее. Ты будешь гнать меня, но я не уйду отсюда, хоть убей меня!

Айна медленно освободила руку, оперлась на алычу со спелыми плодами и посмотрела на Мусабека смеющимися горячими глазами.

– Если я убью тебя здесь, ты, конечно, не уйдешь отсюда, – пошутила она. – Но зачем мне убивать тебя? Под небом воздуха много, хватит мне и тебе, всем нам. Мусабек хотел приблизиться к ней и сказать что-то, но она движением руки остановила его и продолжала начатый разговор.

– Сердце не хлеб, и я не могу разделить его пополам между Сардаром и тобой. Я люблю Сардара! – Айна быстро повернулась и пошла в сад.

Прошло еще некоторое время. До начала уборки хлебов оставалось дня два. Айна, стоя у открытого окна, гладила свои платья. Прибежали две ее подруги и принесли очень неприятную весть.

– Сардар – бессовестный человек. Сардар – мерзавец! Он... Он... – пробормотала одна из девушек и заплакала.

Подруги стояли под окном. Айна, выключив утюг, выпрыгнула в окно.

– Что вы хотите сказать, девочки? Вы в своем уме или...

– Мы в своем уме, – перебила ее та самая девушка, которая плакала. – В прошлую ночь этот негодяй Сардар увез дочь председателя одного из верхних колхозов. Дома у Сардара сидит теперь какое-то чучело. Бессовестный Сардар! Мы ему покажем!

Айна не могла сказать ни слова. Она загорелыми руками прикрыла лицо и, втянув голову в плечи, села у арыка, где пахло мятой.

В субботу или воскресенье Айна, вернувшись с работы и полив цветы, села читать на ступеньках у дверей своего дома. Вдруг она почувствовала, что к ней кто-то подошел. Очень скоро раздался тихий кашель. Айна вздрогнула и подняла голову. Перед ней стоял Мусабек.

– Здравствуй, Айна! – он подошел к ней вплотную. Айна едва кивнула головой и закрыла книгу. Мусабек робко подсел к ней. Оба молчали. Она опустила голову, задумчиво смотрела на землю, а он глядел на девушку. За эти дни она

заметно похудела. В ней уже не было прежнего задора и веселости, глаза стала грустными. Не изменились только алые губы.

– Ты всегда меня гонишь, Айна, – начал Мусабек после долгого молчания. – Вот и сейчас, наверное, поступишь так же. Но это еще больше сближает меня с тобой. И только.

Айна подняла голову и испытующе посмотрела в глаза Мусабека, а потом спросила дрогнувшим голосом:

– Скажи, Мусабек, ты не будешь верить сплетням, как им поверил Сардар?

– Каким сплетням? – удивился Мусабек

– Разве ты ничего не слышал?

– Нет, Айна.

О том, что Сардар увез дочь какого-то башкармы, Мусабек, конечно, слышал, но сплетня о недопустимой для девушки близости Айны с кем-то из айльных парней до него еще не дошла. Узнав сейчас об этих разговорах от самой Айны, Мусабек с тревогой посмотрел в ее глаза. Он все же подумал, что такая горькая ошибка – возможная в жизни вещь. Но девушка смотрела на него такими чистыми глазами, которые не оставляли в душе никаких тревожных сомнений. В этих глазах, похожих на омытую дождем черную смородину, не было даже тени вины.

– Я не верю, Айна, подобным сплетням, не верю! – горячо сказал Мусабек.

Айна покраснела, глаза ее засверкали.

– Ты и вправду не веришь, Мусабек? – переспросила она.

– Если правда, что глаза-зеркало души, то я никак не могу поверить этим сплетням. Глаза твои чисты. Я не верю, Айна, таким разговорам. Это правда. Хочешь, чтобы я поклялся?

– Нет, нет, не надо! – она побежала и сорвала розу. – Смотри. Мусабек, на этот цветок. Он совершенно чист. Вот я также чиста!

– Я верю в это.

Айна подседа поближе к Мусабеку и своей горячей ладонью впервые коснулась его руки, впервые посмотрела на него с любовью.

– За то, что ты любишь меня по-настоящему и веришь в мою честность и чистоту, я хочу поцеловать тебя, Мусабек, – и она приблизила свои красивые губы к его лицу. Он крепкими руками взял ее за плечи и притянул к себе.

Осенью состоялась свадьба Айны и Мусабека. Они стали жить так дружно, что друзья их радовались, а враги злились.

6

Ехать на освоение целинных земель, оставив родных и друзей, очень большое дело. Едут туда, видимо, не на неделю и не на месяц, – надолго, может быть, навсегда. Поэтому молодые супруги со всей серьезностью обсудили вопрос поездки и тоже решили последовать примеру тысяч советских людей.

– Подавай заявление в райком, – посоветовала Айна. – Я здесь приведу в порядок кое-какие дела и тоже поеду к тебе. Возможно, утром, а может быть, вечером. Я прилечу к тебе голубкой, а ты схватишь меня, как ястреб.

– Ты прилетишь ко мне голубкой, – засмеялся Мусабек, – а я тебя подхвачу, как ястреб – вот так! – он поднял ее на руках и стал кружиться. – Я буду ждать, не сводя глаз с неба, ждать, что ты прилетишь ко мне. Ладно?

– Ты хорошенько смотри на небо, днем и ночью смотри, чтобы я не заблудилась и не попала к другому ястребу! – пошутила Айна, прижавшись лицом к мужу и крепко обнимая его за шею. Потом, соскочив на пол добавила: – Хватит, Мусабек. Теперь иди в райком. Я буду собирать все необходимое для тебя.

Ночью накануне отъезда Мусабек они с Айной очень долго не спали. Собственно, у них вошло в привычку перед сном разговаривать о том, о сем. В таких случаях больше говорила Айна, а сегодня говорил муж, она молча лежала и слушала его.

– Пиши часто, – говорил Мусабек. – Я тоже буду. Береги свое здоровье. Ты имеешь привычку сидеть и вышивать до полуночи. Этого не делай. Я сообщу тебе, когда ехать, пришлю денег, а возможно сам за тобой приеду.

Об освоении целинных и залежных земель Айна много читала в газетах, слушала по радио. Но когда об этом сегодня рассказывал ей Мусабек, она чувствовала себя так, словно они вместе с мужем идут по зеленому полю пшеницы на новых землях, проходят по улицам еще не существующих населенных пунктов.

– Ты меня поскорее туда забери, Мусабек, – просила Айна. – Я готова жить в шалаше. Больше того, согласна жить даже в открытом поле, лишь бы ты был рядом. Я не боюсь ни дождей, ни солнца. Мне хочется поскорее приехать к тебе и помочь, чем могу. Перелетишь меня туда поскорее?

– Обязательно!

В день отъезда Мусабек поехал к своим друзьям-скотоводам попрощаться и вернулся к себе домой в полдень. Во дворе женщины готовили обед, ставили самовар. Айны не было с ними. Мусабек зашел в дом.

Айна сидела на расшитом войлоке, складывала вещи мужа в чемодан и плакала.

– Что ты плачешь, Айна? – удивился Мусабек. Разве мыслимо это? Он сел рядом с ней. Она посмотрела на него печальными глазами, слезы текли по лицу. Айна вытерла их сорочкой, которую держала в руках.

Вскоре пришли люди, и Мусабеку не удалось спросить у жены, почему она плакала. Было поднято много тостов за счастливый путь Мусабек, за его успехи на новых местах, друзья и товарищи сказали много теплых слов. В присутствии посторонних Айна держала себя в руках, но как только они ушли, она снова загрустила, всю дорогу до вокзала молчала. «Самое большее – два месяца не увидимся. Разве из-за этого можно так расстраиваться? Через два месяца снова будем вместе. Нет, что-то неладно с Айной. Мне надо узнать в чем дело», – размышлял Мусабек и спросил у жены, чем она так расстроена.

– Мы же долго не увидимся, – ответила Айна с едва заметной улыбкой, – разве мне надо радоваться, смеяться? Мне очень тяжело.

Раздался третий звонок. Отъезжающие и провожающие говорили самые теплые, задушевные слова, горячо целовались. Мусабек попрощался со всеми провожавшими его родственниками и подошел к жене. Он обнял ее и целовал в лоб, глаза, шею, губы, но со стороны Айны не почувствовал былой теплоты, она была холодна, точно подменили ее. В голове Мусабека промелькнула мысль, что так может вести себя женщина, полностью охладевшая к мужу. Это поразило и глубоко огорчило его

– Айна! Айнаджан, что с тобой случилось? – бормотал он, притягивая ее к себе, и хотел еще раз поцеловать ее в глаза, но тронулся поезд...

– Такие друзья, как мы с тобой, Сережа, разве что-нибудь скрывают друг от друга? Если бы я был в чем-нибудь виноват перед Айной, я бы чистосердечно признался тебе, – продолжал Мусабек. – Поверь моим словам, Сережа, как друг, я чист перед Айной и всегда останусь таким.

Он помолчал, а потом добавил почти шепотом:

– Почему она провожала меня так холодно, не знаю. Если бы я знал причину, разве так сильно переживал бы и беспокоился? Ничего не могу понять, Сережа. Айна ничего мне не сказала. Я целовал ее, она была холодна как камень. – Он замолчал и тяжело вздохнул. – Шли разговоры, что люди с характером Айны быстро воспаляются и так же быстро остывают. Она охладела к Мусабеку, привязалась к другому и теперь не знает, как отделаться от мужа. Я не верил им и не хочу верить. Правда, иной раз мне хочется уверить себя в том, что Айна действительно остыла ко мне, но сердце мое и слышать этого не хочет. «Нет, Мусабек, у тебя Айна не такая!» – шепчет мне мое сердце. Скажи, Сережа, кому мне верить?

– Верь только своему сердцу, Мусабек!

– Спасибо, Сережа, спасибо! Об этих своих горестях я сказал только тебе одному. Больше не скажу никому, потому что может и среди наших товарищей найтись такой человек, который скажет мне: «Э-э, оказывается, плохой человек твоя жена!». А я не хочу, чтобы люди так думали об Айне. Ты понимаешь меня, Сережа?

– Понимаю, Мусабек.

– Спасибо, друг! А теперь давай отдохнем немного.

7

После работы трактористы играли в волейбол, только один Мусабек сидел в вагоне. Он писал Айне. Внезапно отворилась дверь, и в вагон ворвались трактористы во главе с Сергеем.

– Пляши, Мусабек! – Сергей подошел другу, размахивая голубым конвертом. Мусабек хотел встать, но не мог, хотел что-то сказать – тоже не мог. Этот голубой конверт, который был ему так дорог, так желанен, наконец оказался в его руках.

– Спасибо, друзья! Не только плясать, что хотите, сделаю. Спасибо! Пляска будет за мной, а сейчас...

Мусабек дрожащими руками распечатал письмо и увидел милый почерк Айны. Он быстро начал читать про себя, шевеля губами.

Айна сообщала о здоровье всех родственников и о своем самочувствии. а дальше писала:

«...Я вовсе не думала так провожать тебя, Мусаке. Но это не зависело от меня. Вот слушай, почему так получилось. Когда ты в день своего отъезда поехал к скотоводам, к нам пришла эта косоглазая тетка и говорит мне: «Твой Мусабек уезжает, чтобы избавиться от тебя. Он женится на трактористке Марчакан. Если мне не веришь, спроси у других. Марчакан ехать вместе с Мусабеком собирается». Я, конечно, не поверила ее словам и смеясь, ответила ей: «Типун на язык тому, кто выдумывает такие сплетни!».

Косая не унималась, она все горячее доказывала: «Ничто здесь не удерживает Мусабека. Ребенка у вас нет. Он рос без родителей, привык к жизни бродяги. Ему все равно где жить. Пойми это, Айна. Тебя однажды подвел Сардар. Смотри, чтобы не подвел и этот. Если случится так, все мы будем опозорены. Не пускай мужа!».

Я не поверила ей. «Ты сама бродяга! Вон отсюда!» – с этими словами выставила я сплетницу. Но мне стало тяжело, Мусаке, если бы на станции я не видела эту самую Марчакан, может быть, моя боль и прошла бы тогда же. Я хотела забыть все и провожать тебя, как полагается. Но в последнюю минуту, когда ты обнял меня. Марчакан крикнула: «Поехали, Мусаке!»., подбежала к нам и дернула тебя за руку.

Не знаю, что со мной случилось, но тогда ты показался мне чудовищем, за минуту я возненавидела тебя. Ты спрашивал у меня причину моего огорчения, но я ничего не сказала тебе. Это, конечно, нехорошо. Мне надо было обо всем рассказать тебе. Но ты ведь знаешь мой характер. Когда в чем-нибудь сильно огорчена, теряю дар речи и не могу сказать ни слова. А в тот день я была убита самым большим для меня горем. Это потому, что я люблю тебя всем сердцем.

Теперь о себе. Утром ухожу на работу, вечером прихожу обратно, но везде и всегда думаю о тебе. Как жаждущий ждет воды, так я жду твоих писем. Вчера было туманно, солнце не показывалось ни разу, а сегодня небо над нами ясное, светлый, солнечный день. Может быть, я тоже скоро буду радоваться и смеяться, как раньше, или... нет, об этом не хочу писать!

Мусаке! Мой сокол! Когда некоторые глупцы распространяли сплетни, чтобы очернить меня, я сказала тебе, что чиста, и ты поверил мне. Только тебе одному действительно, известно, как люди лгали. А теперь хочу безоговорочно верить твоему слову. Если ты напишешь мне только эти несколько слов: «Ты прилети ко мне голубкой, а я схвачу тебя как ястреб. Поверь моим словам, Айна!», этим ты заткнешь рот тем, кто выдумывает сплетни о тебе. Я жду твоего письма. Как мне хочется улететь к тебе!

Твоя голубка Айна».

Мусабек выскочил из вагона. Он прибежал к ребятам, игравшим в волейбол, и стал обнимать и целовать всех подряд.

– Эх, Сережа! Как счастлив теперь твой Мусабек! Он сильными руками поднял Сергея и стал танцевать, кружась как безумный. – Сережа, Сережа! – кричал Мусабек, опустив друга на землю и крепко его обнимая. – Мне хочется жить, работать! Сейчас напишу Айне новое письмо, передам привет от тебя и от всех!

Мусабек снова прибежал в вагон, порвал грустное письмо, которое написал жене час назад, и сел писать снова.

Ясно светит весеннее солнце. Нет ни малейшего ветерка. Тепло. Тракторы гудят, плуги режут целину, как ножи – кожу. Облака, лениво идущие над залитыми солнцем снегами гор, так причудливы, что похожи то на белый пароход, плывущий по синему простору моря, то на девушку в белом платье, кого-то ожидающую на берегу озера. Летит самолет в сторону белых облаков. «Наверное, он везет мое письмо Айне», – думает Мусабек и, на минуту остановив свой трактор, следит за самолетом. В этот миг ему показалось, что Айна в белом платье протягивает из облаков руки самолету и смеется.

Слово об авторе

Токтоболот Абдымомунов внес неоценимый вклад в развитие театрального искусства, став основоположником кыргызской драматургии. Он написал десятки пьес, которые с успехом шли на сценах театров Советского Союза и за рубежом. Перу драматурга принадлежат пьесы «Малика», «Машырбек женится», «Милые мои старики», «Современники», «Обжалованию не подлежит», «Совесть не прощает», «Борбаш», «Узкое ущелье», «Дочь Атабека».

Жылдыз Бакашова, литературовед, общественный деятель

СУЙУНБАЙ ЭРАЛИЕВ (1921–2016)

Народный поэт Кыргызской ССР (1974). Герой Кыргызской Республики (2006). *Лауреат Госпремии Т. Сатылганова республики (1985), литпремии им. Фадеева и др.*

Участник Великой Отечественной войны.

Эралиев обогатил кыргызскую поэзию новой ритмомелодикой, в том числе белым стихом и классическим каноном сонета, во многом расширил возможности поэзии. Заметное место в его творчестве занимает украинская тематика – стихотворения «Согушта» («На войне», 1969), «Пусть простят» («Кечиринсин», 1970), «Талааларды...» («Поля, где мы рыли окопы», 1970), «Бир тууган» («Украина родная», 1971), «Вера Павловна» (1972), «Донец боюнда» («У Донца», 1973), «Украина жери» («Украинская земля», 1973), «Баратканда» («В походе», 1973) и др. Поэма «Кесиринсан» («Грешный человек», 1988) – об аварии на Чернобыльской АЭС.

Перевёл некоторые произведения А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Твардовского, Ф. Шиллера, У. Уитмена, Р. Тагора.

Его сборник стихотворений «Ала-Тоо этегинде» («У подгорья Ала-Тоо») на украинский язык перевёл Б. Степанюк (Киев, 1983).

Другие переводы: «Эхо земли», сборник стихов на таджикский язык перевел Ф. Замин, издательство «Ирфон», 1977; «Версурь», сборник стихов на молдавский язык перевел В. Рошка, издательство «Лит. артистике», 1987; «Жүгүрүшү мезгилдин» («Бег времени») на литовский язык перевел Йонас Якитас, издательство «Вага», 1988. Награжден медалью «Захиснику Витчизни» (Украина, 1999).

Фронтowej дождь

И хлынул дождь в тот предвечерний час
Привычного и встречного обстрела.
Как вал огня,
Хлестал и землю тряс
Тот ливень,
Словно спрашивая нас:
«Что, вам стрелять ещё не надоело?».
Весенний дождь,
Он, может быть, желал
Кровь мстительную охладить...
Быть может,
Хотел багровый остудить металл,
Не замечая, как сердца тревожит.
Иль жажду утолить пытался он
Земли,
Страшившей, как сплошная рана?..
Шёл дождь весенний, вырастал заслон
Задумчивого серого тумана.
И вот воронки залиты водой,
Я вылез из окопа, лёг на бруствер.
И дождь
Лица коснулся молодой.
Горячий ливень, дождик сладкоустый.
И вспомнил я забытое...
До слёз
Тяжёлых капель нежностью волнуем –
Прикосновеньем губ,
Касаньем кос,
Рассыпавшихся перед поцелуем...

Перевод М. Синельникова

Ливень

Ливень,
Ливень,
Ливень хлынул!
В полдень душный,
В полдень знойный
Ливень хлынул.
Косогор подставил спину –
Благодать!
 Ручьи в долину
Побежали с тихим плеском –
Праздник,
Праздник
Всем полям и перелескам!
Дождь то тише, то сильнее,
Будто дразнит.
Это гром иль это ветер дует в трубы?
Небо,
Небо мир целует прямо в губы!
Хлещет ливень,
Хлещет ливень что есть силы,
И в душе как будто всходы напоил он.
Хлещет ливень,
Хлещет ливень неумный.
Капли,
Капли отражают мир огромный.
Капли,
Капли – как живые,
Не глаза ль то голубые?
Нет, монеты это звонкие сверкают,
Ведь недаром небо небом называют...
Хлещет,
Хлещет в гриву хлеба
Летний ливень благодатный,
Так земле зеленой небо
Платит долг свой неоплатный.

1959

Перевод А. Казакова

Если от горя сникаю тяжелого –
к травам джайлоо спешу я прильнуть,
словно кладу беспокойную голову
на материнскую грудь.

Запах земли я вдыхаю – и пятится,
и отпускает, и тает тоска.
Ветер погладит – тревоги сумятица
так далека, далека.

Всяко бывает. Когда меня исподволь
точит печаль по ночам, по утрам,
будто к отцу, отправляюсь на исповедь
к непогрешимым горам.

И приобщается сердце к их мудрости,
к незамутненному миру высот,
и очищается сердце от скудости
себялюбивых забот.

1970

Перевод Р. Морана

Сошла на землю ночь, и неустанно
поют в согласье ветер и вода.
Осенний дождь, казалось, навсегда
заладил и бубнит: «В чем ваша тайна?».
Подъем, подъем... Натужно конь хрипит.
Уступы над тропой, как лбы, нависли,
и брызги искр летят из-под копыт,
как бы внезапно вспыхнувшие мысли.
Вот так воспоминанья о тебе
меня воспаменяют ненароком,
но трезвый дождь безжалостным потоком
их гасит, словно искры на тропе.
«Нет, – говорю себе, – забудь печали!».
Хлестнул коня всему наперекор,
и над собой уже не вижу гор,
и задеваю звезды я плечами.
Луна под мышкой у меня. Суров
безлюдный мир высокого раздолья.

Ни звука, ни движенья...
В космос, что ли,
откочевали юрты чабанов?

1970

Перевод Р. Морана

Слово об авторе

С. Эралиев открыл новый берег киргизской поэзии, и не только киргизской, но мне думается, и всей туркоязычной литературы. И сейчас у меня на душе такая радость, которую я должен всю раздать людям, чтобы ощутить полноту и цену этой радости за свою литературу. Мне хотелось бы сейчас раздать поэму Эралиева по строкам, по буквам, по крупичкам всем, кто любит настоящую, высокую поэзию. Мне сейчас хочется декламировать эти стихи, чтобы люди слышали новый голос древней киргизской поэзии.

Чингиз Айтматов, народный писатель

«Словно добрая рука надежды
нажала на шприц с кровью земли,
и капли ушли прямо к звездам».

«К звездам» – так и назвал киргизский поэт свою поэму, отмеченную печатью смелости и свежести. Свежесть и новизна этой поэмы – в своеобразном восприятии, вернее, в самобытном переживании Космоса. Это не героическая космогония, а нечто сугубо эмоциональное, интимное. Здесь не суровая Мать-Земля, а мама-земля, в мучительном сомнении прижимающая к груди лирического героя; не холодные ночные светила, а звезды – детские шары, глядящие доверчивыми глазами, падающие, как стаи скворцов на волны целины.

Эдуардас Межелайтис, народный поэт Литовской ССР

СООРОНБАЙ ДЖУСУЕВ (1925–2016)

Советский и киргизский поэт, Герой Киргизской Республики (2007), народный поэт Киргизской ССР (1981), лауреат Государственной премии Киргизской ССР им. Токтогула (1998). С 1949 года являлся членом Союза писателей СССР.

Родился в селе Кызыл-Жар, Кара-Кульджинского района, Ошской области. После окончания сельской школы был призван в ряды Советской Армии. Участник Великой Отечественной войны, в 1943–1945 гг. служил связистом 8-й гвардейской дивизии имени И.В. Панфилова. В боях дважды был ранен.

После демобилизации 1946–1947 гг. работал ответственным секретарем в редакции советской районной газеты «Коммунизм үчүн». В 1949 году с отличием окончил факультет киргизской литературы и языка Ошского государственного

института учителей. В 1956 году окончил Московский литературный институт имени М. Горького. С 1949 года член Союза писателей СССР.

Первое его стихотворение «Эмгек күүсү» («Мелодия труда») в 1943 году было опубликовано на страницах журнала «Советтик Кыргызстан» (позже «Ала-Тоо»). Одновременно в том же журнале вышло стихотворение «Вперед, кыргызские воины!», когда ему было 18 лет и он воевал в рядах Панфиловской дивизии. В 1950 году вышел его первый поэтический сборник «Эмгек куусу» («Мелодия труда»).

Позже были изданы более 30 книг на киргизском и 14 книг на русском языках. Среди них такие прекрасные книги стихов, как «Сүйүү менен ишенич» («Любовь и вера»), «Үмүт» («Надежда»), «Турмөк булуттар» («Кучевые облака»), «Көңүл күүлөрү» («Мелодии души»), «Алтын чынар» («Золотая чинара»), «Суктануу» («Восхищение»), «Керемет» («Чудо»), «Күмүш жылдыз» («Серебряная звезда»), «Адамдар» («Люди»), «Миң кайрык» («Тысячи мелодий»), «Ала-Тоо барда мен бармын» («Я есть, когда есть Ала-Тоо») и другие. Пятнадцать книг изданы на русском языке, сборники поэзии «В ожидании гостя», «Орлица», «Горные зори», «Жаворонок», «У огня», «Песни белых вершин», «Моя жизнь», одиннадцать из них вышли в свет в центральных московских издательствах. Автор поэм: «Надежда», «К живым», «Тоска», «Красная тетрадь», «Ак Мактым», «Ак Саткын», «Сказ о Раззакове» и ряда других. Написанная им в 2003 г. поэма о любви «Канат и Зарина» имела большой успех, особенно среди молодёжи. Его поэтические произведения переведены на казахский, узбекский, таджикский, азербайджанский, украинский языки. Более 70 стихотворений переложены композиторами и мелодистами на музыку.

Перевел на киргизский язык произведения Уильяма Шекспира, Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Тараса Шевченко, Расула Гамзатова, Омара Хайяма, Абая Кунанбаева, Рабиндраната Тагора, Махтумкули, Аветика Исаакяна, Владимира Маяковского, Сергея Есенина, Павло Тычины, Кайсына Кулиева, Магжана, Мацуо Басё, Исикава Такубоку и многих других известных поэтов.

В 1968 году, переведённое произведение на русский язык Сооронбая Джусуева, под названием «В огне» было включено в сборник «Герои суровых лет». В сборник также вошли произведения Аалы Токомбаева, Чингиза Айтматова, Фёдора Самохина и др.

Под Ауце

Под Ауце в раненой рани
Пошли в наступление мы,
Вступили в каленое пламя
Под всплески «катюш» среди тьмы.
Не раз я валился на землю,
И слепнул не раз я и глех,
И кабель чинил, сколько мог...

Вечерней осенней порою,
Лишь стих на мгновение бой,
Я провод чинил под сосною,
Оборванный миной чужой.
Вдруг пламя сверкнуло и взвилось,
Раздался тяжелый раскат,
Сосна надо мной развалилась,
Когда разорвался снаряд.
Посажено дерево было
На счастье, как видно, мое,
Такое, что смерть не свалила,
Связиста не выжгла огнем.
Пошел я, с советской землею
Чудесную связь ощутив,
Спасенный латышской сосною,
Пошел, удивляясь, что жив!

Авторизованный перевод В. Цыбина

Женщина на костылях

Портфель тяжелый прижимая,
Вдоль по Арбату шел я в мае.
Вдруг вижу: женщина вдали
На костылях спешит, хромая.
Стучит, уверенно идет.
Привыкла. Знать, не первый год.
Лежат короной косы русые,
И брови строгие – вразлет.
Была, наверно, баловницею,
Девчонкой с белыми ресницами.
Нажать на тормоз не успел
Шофер. И кончилось – больницею...
Остановилась вдруг она.
Тогда лишь стала мне видна
Полоска с ленточками скромными –
Медали там и ордена,
Стояли мы на остановке.
И я, смущенный и неловкий,
Помог в автобус ей войти.
– Спасибо!
– Доброго пути! –
Ушел, шурша о мостовую,
Автобус. Но забыть живую

Ее улыбку я не мог..
Я вдруг припомнил фронтовую
Задымленную даль дорог;
Передний край и грохот боя,
Бросок. Раненье пулевое.
Ползу, прилег, не чуя ног,
Земля да я, в обнимку – двое...
Кто в поле третий? Думал, снится.
Нет, надо мной сестра.
– Сестрица... –
Стянула ногу мне жгутом,
Из фляги помогла напиться.
Из боя вынесла меня,
А после – бричка. Храп коня.
И вот уже стучат колеса,
Спешат в тылы из-под огня.
Вдруг небо словно расколось,
Огня и дыма встал султан,
И, полный боли, женский голос
На миг взлетел и замер там...
Шел, думал я о ней, о многих,
Давно сменивших сапоги
На туфли.
...В год войны жестокий,
Чтоб сохранить солдату ноги,
Сестра осталась без ноги.

1960

Перевод Ю. Гордиенко

Я – комуз

Я – комуз, перешагнувший перевалы и века.
Горный ветер и в порогах громыхавшая река
Дали мне свои напевы, дали наигрыши мне.
Я поведаю их людям в зимней юрте, при огне.
Много в прошлом слез и горя я хлебнул в родных горах.
Чаще пел я в дни кочевий, чем на праздничных пирах.

Под своей шершавой декой звон мечей и стук подков,
Имена батыров славных я донес из тьмы веков,
Храп коней и топот битвы, оперенный шелест стрел.
Только, жизнью умудренный, молодец, а не старец!

Из урючины душистой я оструган и долблен.
Я прошел, не унывая, сквозь рогатины времен.
Я узнал иные песни, к новым пастбищам спеша,
Зазвучала по-иному деревянная душа.
Только вслушайся!
Немало струны в памяти хранят
Снежных фуг, симфоний горных, золотых степных сонат.
Голос мой звучит со сцены, а не только у костра.
Подпеваает мне порою скрипка – чуткая сестра.

Перебив мои мотивы, вторят песням тут и там
Сотоварищи в искусстве – арфа, домра и дутар.

Я – комуз, не все открыты клады те, что я таю.
Ветер будущей эпохи тронул струны – я пою.
Нет, не руки комузиста прикасаются к струне –
Ветер странствий, ветер звездный в эти дни гудит во мне.

Подождите!
Мало, мало инструментом быть земным!
В звездный век и я в ракете улечу к мирам иным.
И мелодия комуза, не забытая в веках,
Зазвучит на дальних трассах, даже в звездных облаках.
Перевод Ю. Гордиенко

Цветок на холме

Расцвёл высоко на холме
Багряно-красный мак.
– Пошли сорвём! – кричит Эрмек. –
Вскарабкаться пустяк!
– Не будем рвать, – сказал Ормон, –
Пускай цветёт над нами,
Пусть пламенеет в травке он,
Как маленькое знамя.
Горит цветок, весны флажок...
Мальчишки не в обиде –
С вершины очень хорошо
Он всем ребятам виден.

Перевод Якова Акима, Мурзилка, 1981, № 7.

Слово об авторе

Вот уже который год, являясь одним из многочисленных почитателей Сооронбая Джусуева, переходя от одного его стиха к другому, от одной книги к другой, не перестаю поражаться особому дару его творчества. Сплав чувств, мысли, неизменное присутствие сострадания поэта ко всему, о чем он ведет разговор, делают его поэзию явлением глубоким и значительным. Тут кроются чудо-сила дивных джусуевских поэтических строк, его гражданский пафос, его социальная направленность.

Токтосун Самудинов, народный поэт

БАЙДЫЛДА САРНОГОЕВ (1932–2004)

Родился в с. Буденовка Таласского района Таласской области, в семье крестьянина.

В 1956 году окончил Литературный институт им. А.М. Горького в Москве.

Печатается с 13 лет. Первый поэтический сборник «Шумкар» («Сокол»), издан в 1952 году. Этот сборник сразу же принес автору поэтическую славу, обнаружив в нем яркий самобытный талант. Произведения Б. Сарногоева отличаются высокой поэтичностью, проникновенным лиризмом. Многие стихотворения поэта переложены киргизскими мелодистами на музыку и пользуются большой популярностью среди слушателей. Произведения Б. Сарногоева переведены и изданы на русском языке, отдельные стихотворения опубликованы в печати братских республик.

Поэтический сборник «Ашуудан берген отчетум» («Размышления на перевале») (1982, 1984) в 1986 году отмечен литературной премией СП Киргизии им. А. Осмонова. Член СП СССР с 1951 года.

Киргизу

Пускай иные племена
Издrevле знали письмена,
А ты тогда не знал науки.
Ведь то – беда, а не вина.

Ты не ходил в учениках
И не держал перо в руках,
Но мудрость своего народа
Умел прославить ты в веках.

Тем, что сберег, донес до нас
Свое сокровище «Манас»,

Тем, что без перьев и бумаги
Ты мудрость от забвенья спас.

Ты знал и горы, и пески,
И тяжесть горя и тоски,
Но из великого «Манаса»
Ты не утратил ни строки.

Пускай ты беден был и пусть
Не знал письма. Но я горжусь,
Что мудрость своего народа
Ты твердо помнил наизусть.

1960

Перевод Д. Самойлова

Озеро Сары-Челек

Обойди весь белый свет –
Озера прекрасней нет.
Я четыре дня там прожил –
Сил прибавил на сто лет.

Тихо плещется волна.
Что мне говорит она?..
Надо мной крутые скалы
И небес голубизна.

Здесь вода свежа, как снег,
И прозрачней горных рек.
Я без зеркала побрился,
Я глядел в Сары-Челек.

Жаль, что берега пусты –
Лишь орешника кусты.
Нам пора курорт построить
Возле этой красоты!

Если б девушка жила
Да красива так была,
Сглазила ее давно бы
Вот такая похвала!

1958

Перевод Е. Храмова

Слово об авторе

Мы с Байдылды Сарногоевым вместе учились пять лет в Московском литературном институте в 1951–1956 годах. Позже мы вместе работали в журнале «Ала-Тоо» и Союзе писателей. Первая книга Байдылды «Шумкар» («Сокол») вышла в 1952 году. Сам Байдылда Сарногоев пришел в кыргызскую литературу как сокол и отслужил как сокол.

Сооронбай Джусуев, народный поэт

МУКАМБЕТКАЛЫЙ ТУРСУНАЛИЕВ (1926–1996)

Киргизский поэт, сатирик.

М. Турсуналиев работает в основном в жанре сатирической поэзии. Первый поэтический сборник «Таанышуу» («Знакомство») издан в 1961 году. В своих произведениях поэт-сатирик бичует негативные явления общества: бюрократизм, бесхозяйственность, пьянство, карьеризм и др. Сатирические стихотворения поэта публиковались на страницах «Крокодила», «Крестьянки», «Огонька», в печати советских республик. М. Турсуналиев перевел на кыргызский язык произведения И. Крылова, С. Маршака, С. Михалкова и других авторов.

Спор

С горки на горку по тропке лесной
Шел Медвежонок однажды домой.
Шел не спеша, притомившись чуток,
Видит – бежит из-за горки Щенок.
Следом стремительно мчится Волчонок,
А за Волчонком – ушастый Зайчонок,
А за Зайчонком Лисенок несется.

– Много ли проку в одной только силе? –
Молвил Лисенок бахвалу в ответ. –
Чтоб тебя недруги не обхитрили
Должен ты Лисом родиться на свет.
Важно смекалку иметь и проворство,
Чтобы врага обмануть самому ...

– Нет, – улыбнулся Зайчонок, – притворство
Зайцу, мал он, совсем ни к чему.
Скажете: слабый мой папа и хилый,
Но одолеет он в схватке врага.
Но ведь известно, что заячья сила

Спрятана в крепких и быстрых ногах.
Вряд ли под силу кому-либо, братцы,
В беге за маленьким Зайцем угнаться!

– Зря кипятитесь, как глупые дети.
Как объяснить вам, чтоб взяли вы в толк, –
Молвил Волчонок, – что нету на свете
Зверя мудрей и смелее, чем Волк.
Где силача вы найдете такого,
Чтоб, как отец мой, был смел и не слаб?
Может он ловко у зверя любого
Вырвать, охотясь, добычу из лап.

– Разве отец мой глупее и хуже, –
Тявкнул Щенок, – если издавна дружен
Он с человеком самим и притом
Ночью и днем сторожит его дом.
Спуску не даст даже Волку он в драке,
Вора не впустит в людское жильё.
Коль человек доверяет собаке,
Значит, уверовал в силу ее.

– Эй, хвастунишки! – воскликнул Осленок. –
Ваши отцы недостойны хвалы.
Все-таки мало в их жилах силенок,
Чтобы умели реветь, как ослы.
Солнце померкнет, поникает трава,
Склоняются сосны к земле и до смерти
Дрожь прошибет всемогущего Льва.

Долго сидели друзья на опушке,
Спор бесконечный и жаркий вели,
Не переспорить в том споре друг другу,
Как ни старались, а все ж не смогли.
Слышал я их, и мне очень хотелось
Выяснить, кто же тут прав, наконец.
Но у меня голова разболелась...
Сами решайте – чей лучше отец?

1986

Перевод М. Ронкина

Слово об авторе

М. Турсуналиев вошёл в литературу как профессиональный баснописец и создал свои произведения как баснописец-профессионал.

Каныбек Исаков, ученый-литератор

ТОКТОСУН ТЫНЫБЕКОВ (1927–1982)

Киргизский поэт, акын-импровизатор, комузист, кыякист.

По рекомендации Калыка Акиева Токтосун Тыныбеков был принят в Кыргызфилармонию в качестве солиста. Это был мощный стимул для его творческой деятельности: он сочиняет много сольных «терме», пишет стихи, часто выступает в «айтышах». Постоянным его партнером по «айтышу» становится Эстебес Турсуналиев.

Токтосун Тыныбеков – автор многих лирических и трудовых песен.

Весна пришла

Вновь солнышко теплее задышало.
вновь мир весенней ласкою согрет.
И, бросив снеговое одеяло,
окрасилась земля в зеленый цвет.

Вот в эту пору на полянке где-то
засуетились крошки-муравьи:
Ведь надо корма запастись за лето
для всей их многочисленной семьи.

Они трудились, отдыха не зная,
что ни найдут – спешат снести домой.
Понятна их заботливость большая:
не стали б дети голодать зимой.

А дети? И они старались тоже –
хоть малость, да прибавят в закрома.
Известно: общий труд всего дороже,
отступит перед ним сама зима.

Все лето наполнялись кладовые,
всю осень шла рабочая страда.
Потом в полях завывали вьюги злые,
а муравьи зажили хоть куда.

... Иное дело у лягушек было:
они, забравшись в мутные пруды,
Барахтались средь плесени да ила
и распевали там на все лады.

С утра до ночи весело играли,
не ведая ни горя, ни забот.
Казалось им, что можно без печали,
бесхлопотно прожить и целый год.

Уж так они развились в дикой пляске,
что даже лапки скрючились у них.
Они съедали столько мух и ряски,
что даже брюхо вспучилось у них.

«Кр-кру!» – степная квакша начинала,
«Ква-ква!» – ей отзывалось из болот.
Да, до зимы поел-попил немало
упитанный лягушачий народ.

Ни в чем от старших не отстали дети –
тут всякий съест побольше норovit.
А сели хором грянут на рассвете –
пожалуй, кто угодно убежит.

Эх, что это за жизнь! Забавы да пирушки.
Но вот беда-то: осень подошла,
и в ужасе заметили лягушки,
что не хватает прежнего тепла.

Исчезли мошки, льдом покрылись лужи,
посыпался из туч колючий снег
И горы в шубы спрятались от стужи,
и все застыло будто бы навек.

Лягушки, пировавшие беспечно,
не ждали для себя такой беды.
Теперь уж не до танцев им, конечно:
легко ль подумать – никакой еды!

Заплакали повсюду лягушата,
терзая слух отцам и матерям:

«Вы, вы в несчастье нашем виноваты.
От голода пропасть придется нам...».

А старшие и сами чуть бродили,
себя ругали горько лишь сейчас
За то, что столько ели, столько пили,
ни крошки не оставив про запас.

Беспечные любительницы песен,
мечтавшие о жизни без труда,
в холодную погоду провалились плесень,
да в ней и оставались навсегда.

...Я вспомнил – поговорка есть такая,
не зря ее придумал наш народ:
«Лишь только тот достоин урожая,
кто утром раньше солнышка встает».

Кто трудится и в ведро, и в ненастье,
тому не страшен зимний ураган,
Ему земля приносит хлеб и счастье,
его у нас зовут «баба дехкан».

Об этом говорю не без причины:
ведь славы не дождется лаботряс.
Кто может, как лягушка, жить среди тины,
тому и оставаться в ней как раз!

1977

Перевод Ю. Смышляева

Слово об авторе

Некоторые импровизаторы просто подбирают слова под рифму, особо не утруждаясь о значении выражения. А речь истинных акынов отличается высокой художественностью. Их слово метко попадает в цель и сразу отзывается в сердцах людей. Токтосун был одним из таких настоящих акынов.

Тууганбай Абдиев, народный писатель

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ (1928–2008)

Киргизский и русский писатель, дипломат. Народный писатель Киргизской ССР (1968), Герой Киргизской Республики (1997), академик АН Киргизской ССР (1974), Герой Социалистического Труда (1978); лауреат Ленинской (1963) и трёх Государственных премий СССР (1968, 1977, 1983).

Родился в селе Шекер Таласской области Киргизии. Окончив восемь классов, поступил в Джамбульский зоотехникум, который окончил с отличием. В 1948 году поступил в Киргизский сельскохозяйственный институт во Фрунзе, который окончил в 1953 году.

Дебютировал в печати в 1952 году написанным на русском языке рассказом «Газетчик Дзюйдо», после чего публиковал рассказы на киргизском и русском языках. По окончании института продолжая писать и печатать рассказы.

В 1956 году поступил на Высшие литературные курсы в Москве (окончил в 1958). Повесть «Лицом к лицу» на киргизском языке была опубликована в июне 1957 года в журнале «Ала-Тоо» и в следующем году в журнале «Октябрь» в авторском переводе на русский язык. В 1958 году увидела свет повесть «Джамгиля», принёсшая Айтматову мировую известность (и тогда же переведённая на французский маститым Луи Арагоном).

После «Джамгили» были также опубликованы повести «Верблюжий глаз» (1960), «Первый учитель» (1961), «Материнское поле» (1963) и сборник «Повести гор и степей» (1963), за который писатель получил Ленинскую премию. Все эти произведения выходили одновременно по-киргизски и в русском переводе. В 1965 году повесть «Первый учитель» была экранизирована Андреем Кончаловским на «Мосфильме», также «Верблюжий глаз» был экранизирован Л. Шепитько с Болотом Шамишевым в роли Кемела.

Повесть «Прощай, Гульсары!» (1966) принесла автору Государственную премию. До 1966 года писатель творил на двух языках (главным образом на киргизском), а начиная с повести «Прощай, Гульсары!» перешёл в основном на русский язык. Повесть «Белый пароход» (1970) была опубликована на русском языке; её экранизация была показана на международных кинофестивалях в Берлине и в Венеции. Совместная работа писателя Чингиза Айтматова с казахским драматургом Калтаем Мухамеджановым – пьеса «Восхождение на Фудзияму» (1973) до сих пор не сходит с театральных сцен Казахстана. За повесть «Ранние журавли» (1975) писатель получил киргизскую Премию имени Токтогула. В 1977 году была опубликована повесть «Пегий пёс, бегущий краем моря», которая позднее была также экранизирована немецкими и русскими кинематографистами. В 1978 году писатель был удостоен звания Героя Социалистического Труда. В 1980 году вышел роман «И дольше века длится день», за который Айтматов получил вторую Государственную премию. Последним произведением, опубликованным в СССР, является его роман «Плаха» (1986).

Все постсоветские произведения Чингиза Айтматова издаются на немецком языке в швейцарском издательстве Unionsverlag в переводе Фридриха Хитцера.

В постсоветское время были изданы за рубежом «Белое облако Чингиз Хана» (1992), «Тавро Кассандры» (1994), «Сказки» (1997), «Детство в Киргизии» (1998) и «Когда падают горы» («Вечная невеста») в 2006 году, немецкий перевод которого увидел свет в 2007 году под названием «Снежный барс». Это было последнее произведение Айтматова. В год своего 70-летия в 1998 году писатель был ещё раз удостоен звания Героя Кыргызстана и признан Народным писателем у себя на родине.

Кроме литературной деятельности Ч. Айтматов активно занимался государственной и общественной деятельностью

С 1990 по 2006 был послом России, а затем Киргизии в странах Бенилюкса – в Бельгии, Люксембурге и Нидерландах. В 2006 году основал Международный благотворительный фонд Чингиза Айтматова «Диалог без границ», президентом которого являлся до конца жизни. Народный депутат СССР (1989–1991 гг.), член Президентского совета СССР, член ЦК Компартии Киргизии, член секретариата СП СССР и СК СССР, председатель правления СК Киргизской ССР.

Мальчик с пальчик

Сказка

Жил-был у старика и старухи мальчик ростом с мизинец Чыпалак. Непоседа был Чыпалак. Старик и старуха всё его уговаривали не выходить из дому, а то ведь потеряется, и не сыщешь такого малютку. Но Чыпалак хотел доказать, что хотя он и мал, но постоять за себя всегда сумеет. Поэтому и попадал Чыпалак в разные переделки.

Сначала съел его верблюд.

Уснул Чыпалак под листом, а верблюд бродил вокруг, хап – съел его вместе с листом! Потому и говорят: верблюд не знает, что он глотает.

Стал Чыпалак кричать, на помощь звать. Пришлось старикам зарезать верблюда, чтобы выручить своего Чыпалака.

А с волком приключилось ещё того чище. Тоже проглотил он Чыпалака по глупости своей. А потом плакал горькими слезами. Наткнулся волк на Чыпалака, говорит:

– Не трогай меня, волк, а то сделаю тебя собакой.

– Ха-ха, – хохочет волк, – где это видано, чтобы волк становился собакой! За дерзость твою я тебя съем.

И проглотил его. Проглотил и позабыл. Но с этого дня лишился он жизни волчьей. Только волк начинает подкрадываться к овцам, а Чыпалак кричит у него в животе:

- Эй, пастухи-и, не спите! Это я, серый волк, крадусь, чтоб овцу уволочь!

Волк не знает, как быть. Кусает себя за бока, катается по земле. А Чыпалак не унимается:

- Эй, пастухи, бегите сюда, бейте меня, лупите!

Пастухи с дубьём на волка, волк – от них. Бегут пастухи, диву даются. С ума спятил волчище, сам бежит и сам кричит: «Догоняйте!».

А волк-волчище тем временем ноги уносит. Но от этого ему не легче. Куда ни сунется, везде его подводит Чыпалак. Везде его гонят, везде над ним смеются. Отощал волк от голода, кожа да кости остались. Зубами щёлкает, скулит:

– Что же это за наказание мне такое? Почему я сам кличу на себя беду? Оду-рел на старости лет, ум отшибло.

А Чыпалак шепчет ему на ухо: «Беги к Ташмату, у него овцы жирные! Беги к Баймату, у него собаки глухие. Беги к Эрмату, у него пастухи спят».

А волк сидит и хнычет: «Никуда я не пойду, лучше пойду к кому-нибудь в собаки наниматься...».

Акбара

Легенда

На необъятных просторах вокруг озера Балхаш раскинулись пустынные степи. Рассказывают, что некогда здесь была богатая земля, шли обильные дожди, росли высокие кустарники, тёмно-зеленым ковром стелилась густая сочная трава. Повсюду били родники, струились ручьи и разливались реки, люди жили счастливо, кочуя от пастбища к пастбищу. В те давние времена был в этих краях каганат Торо Байтал. Никто не знает, было ли это большое ханство или крошечное. Но до сих пор в степи встречаются развалины захоронений, где некогда стояли роскошные мавзолеи. Но теперь вокруг ни одной живой души. Всё вымерло, солнце беспощадно жжёт мёртвую землю. И только в разгар лета, когда зной становится нестерпимым, на далёком горизонте поднимаются столбы песка. Песчаные смерчи кружат по пустыне, словно гоняясь друг за другом. Они прилетают издалека, проносятся над широкими степями и, достигнув своей цели – озера Балхаш, пропадают в воде. Тогда пастухи на берегу говорят: «Это Акбара, прекрасная Акбара убегает от своих врагов». И умолкают. Место, где исчезают смерчи, находится вблизи одной из красивейших бухт Балхаша, что протянулась длинной узкой полосой. Залив называют Торо Байтал (Гнедая Кобылица).

В незапамятные времена, когда земля ещё была благословенной и обжитой, везде росла трава, на лугах пасся скот, правил здесь прославленный хан. Была у него дочь – красавица Акбара.

Хан был умён, богат, и народ почитал его. Но этого ему было мало. Правитель хотел, чтобы его единственная дочь изучила все известные миру науки и воспитывалась без малейшего принуждения. Отец мечтал вырастить её совершенством. Лучшие учителя обучали девочку. Акбара оказалась очень одарённой.

Но этот хан был вассалом ещё более могущественного хана, который стремился к безграничной власти над всеми родами, населявшими бескрайние степи

Прибалхашья. Он постоянно враждовал с соседями, а при его дворе плелись бесконечные интриги.

Могущественный хан и его приближённые никому не доверяли, лгали, обманывали и строили друг другу козни.

Все знали, что могущественный хан ненавидит отца прекрасной Акбары, но до открытой вражды не доходило. Злобный хан искал предлог поссориться с добрым ханом, и неприязнь между ними всё росла. Однако наша сказка о другом.

В тех же краях жил юноша из бедного рода. Звали его Мухтар. Он отличался стремлением к знаниям и жадной деятельностью. Местные муллы, видя пытливого ум и способности юноши, поделились с ним своими познаниями, и вскоре он взял всё, что они могли ему дать. Тогда его отправили учиться далеко от дома, в Хиву – город, куда стекались все, кто тянулся к наукам. Именно там находилось лучшее медресе во всей Средней Азии. В то время слава Хивинского ханства гремела далеко за его пределами. Хотя Хива за свою историю не раз переживала взлёты и падения, но и ныне по сохранившимся великолепным зданиям видно, каким дивным был средневековый город.

Так Мухтар попал в Хиву. Но он не забывал своего аула и время от времени наведывался в родные края.

Особенно отличал Мухтара поэтический дар – он слагал удивительные стихи. Акбара тоже увлекалась стихосложением. Именно страсть к поэзии и сблизила прекрасную дочь богатого хана и незаурядного юношу из бедной семьи.

Как и в наши дни, молодые люди того времени собирались, устраивали игры, пели и танцевали. И в один из таких вечеров Акбара и поэт из Хивы влюбились друг в друга. Семнадцатилетняя ханская дочь и хивинец, как его прозвали, читали свои стихи. Юноша заглянул в глаза Акбаре и уже не мог забыть их – лучистых, синих-пресиних, и её чарующего голоса. Хотя среди азиатов и встречаются изредка голубоглазые, но очи Акбары отличались необычайной синевой.

Когда молодые люди состязались в искусстве стихосложения, хивинец тут же понял, что Акбаре нет равных. Он был пленён не только её красотой, но и искренностью, непосредственностью, словно и не была она ханской дочерью. Мухтар сразу почувствовал, что её песни и стихи посвящены ему. Отвечая ей, он проявил всё своё поэтическое искусство. А чтобы никто не догадался о его чувствах, юноша сначала декламировал творения прославленных поэтов и лишь потом собственные стихи. Эти строки таили нечто сокровенное, обращённое к одной Акбаре: в них он изливал всю свою душу, находил для прекрасной ханской дочери такие слова, смысл которых был понятен только ей.

Так началась история большой любви Акбары и Мухтара.

Конечно, очаровательная дочь богатого хана была недостижима для бедняка. Что у него за душой? Никто из родичей не мог его поддержать, как этого требовали обычаи. Даже отправить сватами к отцу Акбары ему было некого. Ведь чтобы осмелиться просить руки ханской дочери, Мухтар должен был послать к её отцу караван с подарками и уважаемых людей, которых тот принял бы и выслушал.

Это глубоко удручало поэта из Хивы, он был близок к отчаянью. Мухтар любил Акбару как никто на свете, и Акбара отвечала ему тем же. Ему единственному открыла она свои чувства. К нему одному стремилась её душа. И чем дальше, тем сильнее разгоралась их любовь.

В те времена ещё не знали почты. Лишь от случая к случаю кто-нибудь приезжал из Хивы на Балхаш или с Балхаша отправлялся в Хиву с её знаменитыми мавзолеями, медресе и великолепной крепостью Куня-Арк. Влюблённые не упускали случая переслать друг другу весточку, где изливали свою любовь в изумительных стихах. Эти стихи, ставшие песнями, поют и поныне. Особенно помнят в народе песню о бессмертной любви Акбары и хивинца, который страдает в разлуке оттого, что не может увидеть и обнять любимую.

– О Акбара, с обращается он к ней, – я так далеко от тебя, я читаю книгу за книгой и пишу тебе. Это всё, чем полны мои дни, но всё равно меня гложет тоска по тебе. Мне бы оказаться рядом и вовек не разлучаться с тобой, смотреть в твои синие очи, слушать твои дивные песни и твой нежный голос.

Молодой влюбленный писал всё, что переполняло его сердце, и она отвечала ему так же пылко.

Песни об Акбаре поют не только там, где она жила. Ведь сейчас в этих краях почти не осталось людей, кроме нескольких седых чабанов, хранящих в памяти старинные легенды, дошедшие до нас через поколения. Возможно, я единственный, кому посчастливилось не только увидеть необычные песчаные вихри, но и встретить старика, который мне о них поведал. Один смерч гнался за другим, как будто преследуя его, и, наконец, оба исчезли в заливе Торо Байтал. Вот тогда-то старик и сказал мне:

– Это Акбара, прекрасная Акбара спасается от своих преследователей. И тот, кто прислушается, услышит её песни в завываниях песчаных бурь...

Долго жили в разлуке Акбара и Мухтар, он учился в Хиве, а она проводила дни у озера.

Со временем их чувства перестали быть тайной. Их письма и песни так полюбились людям, что их пели на праздниках и свадьбах. Любовь Акбары и хивинца была у всех на устах. И именно ей суждено было стать причиной их гибели.

Между тем, отец Акбары впал в немилость к грозному хану. Тот догадывался, что его вассал отнюдь не слаб. За отцом Акбары стояло много родов, прославившихся умением воевать. Хан-деспот сомневался, победит ли в войне. Но он не хотел бездействовать, чтобы не стать посмешищем. Мужчина должен быть мужчиной, а тем более грозный хан.

Он знал, конечно, о большой любви Акбары и Мухтара. До его ушей тоже дошли страстные послания хивинца и ответные стихи прекрасной Акбары. Хан-деспот был далеко не молод, у него уже было три жены, как тогда было принято, но ни одна из них не обладала очарованием юной поэтессы. Ему не хотелось силой добиваться дочери своего вассала. Ведь Акбара и её отец стали бы защищаться.

Грозный хан подумал: «Если я женюсь, прекрасная Акбара станет моей, мы породнимся, и распри стихнут». И появился у него коварный замысел.

В тот же день грозный хан послал своих людей в Хиву и велел передать юноше:

– Народ прославляет тебя, поэт из Хивы. Ты молод, умён и образован. Ты можешь сам вершить свою судьбу. Приезжай, стань моим акыном и летописцем, а я буду щедро платить тебе. Не мешкай, отправляйся в путь!

Для Мухтара это было как гром среди ясного неба. Могущественный хан пригласил его, человека из бедного рода, служить при дворе! Поэт и не догадывался, что замышляет грозный хан, суля ему почёт и благополучие. И, недолго думая, согласился.

Отныне он входил в свиту, близкое окружение грозного хана.

Однажды хан позвал юношу к себе. Мухтар, конечно, знал: «Хан властелин, ему подчиняются все и вся. Я же молод и беден, и у меня ничего нет, кроме умения слагать стихи».

И тут хан заговорил, не таясь:

– Хивинец, ты станешь первым человеком при моём дворе, обретёшь влияние. Твой род прославится. Вы всегда были неимущими, неизвестными и слабыми, а теперь можете считать себя сильными.

Не сразу поэт понял, к чему тот клонит. Хан, не спускавший с него глаз, сказал:

– Это случится, если ты возглавишь мой караван и от моего имени попросишь у хана Торо Байтала руки его дочери. Передай ему, что я, владыка Балхаша, желаю взять в жёны Акбару. Тогда мы объединимся в один род, и между нами не будет вражды.

Так грозный властитель уговорил хивинца, ведь ему для сватовства нужен был акын, который в стихах выразил бы намерение хана. Акынов издревле почитали, народ любил их слушать. Но редкому акыну было под силу воспеть мудрость и прозорливость хана.

Но этого грозному хану было мало. Зная о большой любви Акбары и Мухтара, он решил положить ей конец. Вот в какие сети завлёл он бедного хивинца.

Долго терзался поэт из Хивы. Он не мог никому высказать свою боль. «У меня просто нет выбора. Против власти я бессилён», – думал несчастный юноша.

Знал и грозный правитель: «У хивинца нет выбора. Моё желание для всех закон».

Акбара уже прослышала, что её возлюбленный вернулся из Хивы, и томилась ожиданием встречи. Однако, чтобы им увидеться, нужен был предлог.

Девушку по-прежнему любили и почитали. Все восхищались её красотой и свободомыслием. Отец ни в чём не стеснял её воли, и другой жизни Акбара себе не представляла.

Была у неё замечательная гнедая кобылица. Ханская дочь всегда выезжала на прогулки верхом в сопровождении свиты девушек. Лошадей для Акбары и её подружек украшали по-особому. Весело и беспечно неслись они галопом по зелёной цветущей земле. И каждый, кто видел Акбару среди подруг, любовался стройной

синеглазой красавицей. Казалось, нет на свете человека счастливее. Ведь люди знали, как Акбара любит хивинца и как сохнет юноша по ханской дочери. Немало было и тех, кто считал, что он недостоин её, ведь он был низкого происхождения.

Всё случившееся позже поразило Акбару, словно удар молнии.

Её судьба вершилась втайне от неё. Грозный хан через посредников сообщил отцу Акбары, что знает, как покончить с распрями и враждой между ними. Хотя отец Акбары и догадывался, что дочь любит только хивинца, но для него было куда важнее выдать её за могущественного хана. Этот союз укрепит оба ханства, тогда им будет легче завоевать соседние.

Отец Акбары рассуждал: «Придётся смириться, иначе предстоит готовиться к войне. Пусть я и не слаб, но мне не одолеть грозного хана». В глубине души он знал, что его дочь достойна быть женой любого властелина.

Отец растил и обучал Акбару не так, как принято воспитывать девочек. У оседлых народов женщины носили чадру, жили замкнуто и были бесправны. Но здесь, в степях, простиравшихся вокруг озера Балхаш, женщины отличались свободным духом, тем более черноволосая и синеглазая ханская дочь. Поэтому у неё и в мыслях не было, что за её спиной зреет тайный сговор.

Однажды вдали показалась длинная вереница верблюдов. Её сопровождали всадники в роскошных одеяниях. Люди сразу поняли, что это караван грозного хана, и поспешили навстречу, чтобы торжественно принять гостей.

Все вокруг уже догадались, что коварный хан намерен просить руки Акбары. Ханской дочери велели приготовиться к встрече. Но она не знала, что возлюбленный приехал сватать её за своего повелителя как придворный акын. Караван встретили с почестями, и тут Акбара увидела любимого верхом на великолепном скакуне. Мухтар был в дорогой одежде, на голове роскошная шапка, а в руках домбра.

Хивинец принялся превозносить своего господина, его власть и богатство, славить его как могущественного и милостивого хана.

Он пел:

– Великий хан решил облагодетельствовать дочь хана Акбару и жениться на ней. Поэтому мы и прибыли к отцу и матери Акбары. Я, акын великого хана, клянусь, что он достоин вашей дочери. С ним она обретёт счастье. Такой союз – честь для вас.

Так поэт из Хивы восхвалял в песнях грозного хана.

На самом деле он вкладывал в свои слова другой смысл: «Мы должны повиноваться власти имущим, никто не в силах противостоят им».

Хивинец хотел объяснить Акбаре, что произошло. Нет, он не забыл их любви и тех посланий, которыми они обменивались, но, видно, не судьба им быть вместе. И умная Акбара сразу же всё поняла.

Между тем начали подавать угощения, устроили игры. Все уселись в круг. Акбара взглянула на хивинца.

Девушка могла бы воскликнуть: «Лучше бы тебе сгинуть, а мне умереть, чем терпеть такой позор!». Но она молча смотрела на того, кто предал их любовь.

А хивинец пел не смолкая. Это было мучительно. Желая оправдаться, он находил всё новые и новые слова, чтобы объяснить свой поступок и облегчить совесть. Ведь стоит однажды предать – и жизнь станет невыносимой.

Все ждали, что ответит Акбара.

Отец и мать хранили молчание, как требовал обычай. Этим они выражали своё согласие. Одному лишь грозному хану терять было нечего, ведь у него уже было три жены.

А хивинец-акын пел о том, что ожидает девушку, если она согласится стать молодой женой владыки: «Вы будете красивейшей из его жён и хозяйкой ханского двора, станете главнейшей не только для своей семьи, но и для целого рода». Такими сладкими речами убеждал хивинец прекрасную Акбару не отвергать предложение.

Выслушав его, Акбара сказала:

– Хорошо, скоро я дам ответ. А теперь мне надо уйти. В это время я всегда выезжаю на прогулку с подружками. Продолжайте пировать и веселиться. Поговорите, вам есть что обсудить и без меня. Я скоро вернусь.

Для неё оседлали кобылицу, и Акбара ускакала с подружками. Все были очень раздосадованы. Когда девушки выехали в степь, Акбара обернулась со словами:

– Прощайте, милые подруженьки! Больше вы меня не увидите. На такой бесстыдный сговор я никогда не пойду. Возвращайтесь и скажите, что я покинула вас.

Она круто повернула лошадь и умчалась. Подружки галопом понеслись обратно к месту, где потчевали гостей. Поднялся переполох. Все: могущественный хан, отец Акбары, свита и хивинец – бросились в погоню.

И с тех самых пор по степям Балхаша кружатся песчаные смерчи. Это за прекрасной синеглазой Акбарой бешено скачут предавший её возлюбленный, отец и грозный хан, одержимые одной лишь целью – вернуть девушку.

Вскоре они настигли беглянку и окружили на берегу озера, у залива Торо Байтал. В отчаянье они зывали к ней. Громче всех звучал голос отца:

– Акбара, остановись! Мы передумали.

Они кричали что было сил, до нее доносились их мольбы, но она уже ничего не слышала. Когда Акбара оказалась в кольце, ей оставалось только одно – прыгнуть в волны.

И девушка решилась. Она устремила кобылицу к озеру, в его глубокие, бескрайние воды. Лошадь плыла и плыла. Достигнув берега, она в изнеможении рухнула за мертвое.

У преследователей не хватило духа ринуться в воду, и они остались на берегу. Лишь хивинец осмелился прыгнуть. Ему удалось переплыть озеро, и его конь тоже упал за мертвое.

Хивинец бросился на колени перед Акбарой, заклиная её:

– Убей меня, иначе мне придётся смириться с неизбежным. У нас нет выхода. Не покоримся – нас не оставят в живых. Всё это дело рук грозного хана.

Акбара заглянула ему в глаза. В это время мимо пробежал волк.

– Лучше мне стать волчицей и уйти с этим волком, чем оставаться с тобой, – сказала хивинцу ханская дочь и обернулась волчицей.

Хивинец от ужаса зажмурился. Открыв глаза, он увидел, что рядом с волком бежит волчица. Юноша лишился рассудка и одиноко побрел по степи. Он так и не пришёл в себя и вскоре нашел свою смерть.

Грозный хан так ничего и не добился. Между ним и отцом Акбары разразилась война. Все аулы были сожжены и разграблены. И было сказано: в этом краю люди уже никогда не будут счастливы.

Вскоре перестали идти дожди. Травы и кустарники высохли. Всё покрылось пылью и пеплом. Никто больше не мог здесь жить. С тех пор эти места обратились в безлюдную пустыню.

Только песчаные смерчи время от времени проносятся по степи. Столбы пыли, гонимые ветром, мчатся друг за другом до самого залива Торо Байтал, чтобы скрыться в воде.

Сегодня, как и в былые времена, говорят: «Это Акбара, прекрасная Акбара убегает от своих преследователей».

Слово об авторе

Чингиз Айтматов был одним из лучших наших прозаиков. Достаточно долгое время он писал и имел огромную аудиторию. Такие его произведения, как «Прощай, Гульсары!», «Белый пароход», «И дольше века длится день», «Первый учитель», они читались буквально всей читающей страной, и он был одним из самых любимых писателей. Он сочетал в себе прекрасное знание среднеазиатской жизни и соединил это с русским языком, достаточно свободно и достаточно уверенно. Насколько я знаю, его произведения переводились и на европейские языки и были и там любимыми.

*Фазиль Искандер,
советский, абхазский и русский прозаик,
сценарист, журналист, общественный деятель*

Чингиз Айтматов – талант мирового звучания, достояние всей советской культуры. Но он – киргизский писатель, и он выразил душу своего народа куда ярче и точнее, чем иные, держащиеся за традиции, как за маскировочный халат.

*Расул Гамзатов,
советский и дагестанский поэт, прозаик, публицист, советский и
российский общественный и политический деятель, переводчик*

Впервые я познакомился с творчеством Айтматова еще будучи студентом литературного института, но по-настоящему начал понимать и вникать в его прозу в более зрелом возрасте. Лично же мы познакомились с Чингизом Торекуловичем на одном из литературных форумов, которых во времена Советского Союза проходило много. Это очень способствовало сближению и личным контактам писателей. Сейчас мы, к сожалению, подобного лишены.

Олжас Сулейменов, народный писатель Казахстана

Мы с Чингизом Торекуловичем организовывали Первый Иссык-Кульский форум. Много лет дружили, обменивались мнениями по творческим и бытовым вопросам. Он многим со мной делился. Он был человеком и творцом с большой буквы.

Омор Султанов, народный поэт

ТОЛОГОН КАСЫМБЕКОВ (1931–2011)

Народный писатель (1986), прозаик, Герой Кыргызской Республики (2007).

В 1952 году дебютировал повестью «Маленький табунщик» в журнале «Советский Кыргызстан». Его повесть «Хочу быть человеком» издана в 1965 году на русском языке. Наиболее значимым произведением писателя считается исторический роман «Сломанный меч» (1971). Среди других произведений – романы: «Келкел», «Чапкын», «Баскын» («Нашествие»), «Кыргын» («Истребление»), которые рассказывают об истории Кыргызстана, начиная с середины XIX до начала XX века.

Активно участвовал в общественной жизни страны. В 1990–1994 гг. избирался народным депутатом Жогорку Кенеша КР, являлся руководителем международной комиссии по языку, культуре и образованию, а также председателем Союза писателей КР.

Сын табунщика

Курманбек привык вставать рано. Вот и сегодня он поднялся, когда утренняя заря разлила в небе причудливые краски. Её отблески горели над пиками вершин, переливались трепетными бликами, быстро меняя свои радужные оттенки.

Лёгкий ветерок обдал свежестью лицо Курманбека. Он постоял несколько минут на крыльце дома, любуясь восходом солнца и вдыхая чистый и прозрачный, как горный ручей, воздух. Тишину утра всколыхнул чёткий конский топот за домом.

«Наверно, отец едет», – подумал Курманбек.

И верно, из-за плетня показался всадник. Подъехав, отец спрыгнул с коня на землю, как-то устало взглянул на Курманбека.

– Ты уже встал? Ведь у тебя сегодня выходной? – спросил он, привязывая коня. – Вот и хорошо, поможешь мне. Присмотри за табуном, пока я позавтракаю да отдохну после ночи малость.

– Не беспокойся, отец. Сделаю, как ты велишь.

– Табун у Тогорока, паси лошадей на солнечном склоне, – напутствовал сына старый табунщик.

Жандар довольно улыбнулся, проследив за тем, как сын ловко вскочил на коня.

Курманбек – его гордость и надежда. Как и он, страстно любит лошадей; самостоятельно, когда ему доверяют, пасет табун. Парень растет крепким и выносливым, старательно схватывает житейскую мудрость, которой с ним щедро делится отец.

– Сын учится хорошо, увлечен твоим делом. Добрым джигитом станет, – говорили односельчане старому табунщику.

* * *

Вот и отроги Тогорока. Стреножив коня и пустив его пастись, Курманбек взобрался на холм. Какая даль раскинулась перед ним, какое раздолье! У ног плескалась разноцветьем море цветов – рябило в глазах. Где-то над головой заливался жаворонок, звонкий голос которого норовила заглушить своим несмолкаемым рокотом белопенная горная речка. От нее веяло утренней свежестью и прохладой.

По пригорку разбрелись лошади, пощипывая сочную траву. Курманбек окинул внимательным взглядом табун – все ли в порядке? Лицо его в эту минуту, как никогда, стало серьезным. Еще бы! Ведь он приступил к делу, настоящему, важному мужскому делу – пас табун. Не каждому мальчишке в айле взрослые оказывают такое доверие!

Курманбек хорошо знает почти каждую из пасущихся лошадей: вместо отца за табуном он присматривает не в первый раз. Вот у этой, гнедой, с подпалинами на боках, такой смирной и спокойной на первый взгляд, на самом деле бешенный характер. Попробуй подойти – косит взглядом, но норовит лягнуть. Сразу и не сладишь с таким дичком. А вот красиво и как-то картинно выгнула шею и распушила хвост его любимица Сары-байтал. А где же караковая кобыла? Отец велел присматривать за ней особо. Да вот же она! Стоит на одном месте... минуту... вторую... Вот она беспокойно перебирает ногами, вскидывает голову и тихонько ржёт. Что-то в её поведении насторожило Курманбека, он решил проверить, чем обеспокоена лошадь, и бегом спустился с холма вниз.

Около кобылицы на земле лежало что-то маленькое и тускло блестящее, словно запеленатое в какую-то плёнку. Кобылица кружила вокруг, нервно прядала ушами, рыла землю передними копытами. «Животные иногда рожают приплод с плевой, надо быстрее отделить её, а то новорождённый задохнётся». Курманбек тотчас же вспомнил эти слова отца. Но, как и с чего начать, он не знал.

– А-а, вспомнил! – радостно воскликнул Курманбек. – Сейчас...

Он перерезал перочинным ножом плевую и сразу же увидел маленького карегорого жеребёнка с белым пятном на лбу. В первое мгновение мальчику показалось, что жеребёнок мёртв, успел задохнуться. Но нет, он жив! Кареглазый малютка вздрогнул всем телом, маленькие ноздри его широко раздулись – и он сделал попытку приподнять свою головку. Влажные губы его дрожали, нежные с поволокой и такие беспомощные в эту минуту глаза по-детски доверчиво смотрели на яркий солнечный день, полный жизни.

Его мать, похрапывая, принялась облизывать своё дитя, постепенно успокаиваясь тем, что всё, кажется, обошлось благополучно.

Вскоре шерсть на жеребёнке подсохла, и он уже выглядел красавцем, но таким забавно беспомощным. Он попытался подняться на тонких дрожащих ножках и ему, наконец, удалось это.

Курманбек, впервые в своей жизни прикоснувшийся к таинству природы, с волнением наблюдал за первыми шагами по земле только что появившегося на свет жеребёнка.

– Вот молодец! – воскликнул он, глядя на жеребёнка. – Шагай, шагай смелее!

Неожиданно со склона горы, у подножия которой находился Курманбек, раздалось тревожное ржание. Мальчик обернулся и обомлел, увидев, как по склону как-то странно скачет, а, вернее, не скачет – катится вниз споткнувшийся на бегу жеребёнок. Его мать – гнедая кобылица – кружит вокруг, стремясь задержать падение.

Но как она могла это сделать, ведь у неё не было рук

Курманбек вначале испугался и растерялся, а потом стремглав, что было сил, помчался к падающему со склона жеребенку. Он ещё не знал, что предпримет, но мчался, чтобы оказать помощь предотвратить беду, нарастающую с каждой секундой падения.

У самого обрыва ему удалось ухватить жеребенка за ногу, и он, увлекаемый силой падения, покатился вместе с жеребенком вниз. Рука скользила по тоненьким шелковистым стеблям травы.

Секунды падения, казалось, длились бесконечно, как вдруг Курманбек почувствовал, что его тело упёрлось в кустарник. Машинально схватившись рукой за ветку ирги, другой всё ещё крепко держа жеребенка, он перевел дыхание...

Кажется, на этот раз беда прошла мимо. Спасённый им жеребёнок отделался несколькими царапинами да испугом. Гнедая кобылица провожала спускавшегося вниз Курманбека легким ржанием, словно благодарила за спасение своего детеныша.

Когда Курманбек возвратился к караковой кобылице, та ещё старательно, как ни в чём не бывало, продолжала облизывать новорождённого. Жеребёнок покачивался на тонких ножках и удивлённо смотрел вокруг своими маленькими черными глазами. Жизнь шла своим чередом.

Припекло жаркое южное солнце. В траве стрекотали мириады насекомых. Резвились возле мирно пасущихся лошадей жеребята. Вокруг так спокойно и хорошо, словно не было минут тревоги надвигающейся беды, минут мужества и отваги – тех мгновений жизни, в которые Курманбек поверил в свои силы. И от сознания того, что он не оплошал, а выдержал испытание, легко и радостно стало на душе юного табунщика.

Задумавшись, Курманбек не заметил, как к нему на коне подъехал отец.

Старый Жандар внимательно осмотрел табун и тихо спросил, разминая затёкшие после езды ноги:

– Пополнение есть?

– Есть, отец! – воскликнул Курманбек. – Вот тот малыш с белым пятном на лбу, у караковой кобылы. И ещё... – Курманбек замялся.

– Что ещё?... – насторожился старый табунщик.

Сын торопливо рассказал о том, как предотвратил беду, спас падающего со склона жеребёнка. Не перебивая, слушал Жандар рассказ, и было непонятно, доволен он поступком сына или нет, осуждает или хвалит в душе его. Он редко высказывал свои чувства открыто. Но на этот раз не удержался. Крепко, по-мужски обнял сына за плечи.

– Молодец, мой маленький! – ласково сказал старик, обнимая сына. – Ты поступил, как подобает настоящему джигиту.

В эту минуту Жандар не мог не гордиться Курманбеком. Он вдруг понял, прочувствовал всем своим существом, что сын растёт верным помощником – продолжателем его кровного дела.

Однажды в лесу

Однажды осенью ребята из школы, в которой учились Токон с Ашимом, решили сделать подарок витаминному заводу. Кто-то из пятиклассников предложил отправить заводу орехи, которых было полным-полно в лесу. На пионерском сборе это предложение было принято единогласно, уговаривать никого не пришлось – всем хотелось отправиться в поход.

Перед выходом в лес пионеры разбились на звенья. Возглавлял отряд вожатый Тургумбек. Растянувшись цепочкой, ребята отправились в путь. По дороге все шутили и смеялись, наперегонки бежали к небольшому роднику, что спрятался под ивовым кустом, и с удовольствием пили холодную, до ломоты в зубах воду.

Один только Токон не испытывал веселья. Он то и дело оглядывался назад, туда, где за поворотом пыльной просёлочной дороги остался аил. Ещё минуту назад он виднелся на горизонте, подпирая синее небо телевизионными антеннами, а теперь на том месте смутно белело маленькое облачко.

Чем дальше уходил Токон от родного дома, тем отчётливее ощущал, как в сердце неудержимо закрадывались страх и тревога.

Когда отряд приблизился к лесу, Токон не выдержал и прошептал на ухо своему другу:

– Эй, Ашим, оказывается, мы далеко ушли. Если наступит ночь, что будем делать тогда? Куда пойдём?

– А никуда не пойдём, заночуем в лесу, – ответил беззаботно Ашим, срывая на ходу красивый жёлтый цветок.

– В лесу... – испуганно повторил Токон и замер на месте, не смея идти дальше.

– Ты чего? – удивился Ашим и неожиданно для самого себя громко рассмеялся, глядя на Токона.

А тот действительно в эту минуту был смешон. Его и без того большие глаза округлились, а узкий подбородок, перекосившись, вздрагивал в такт рукам.

Ашим смеялся, а бедному Токону было не до смеха. Мысль о том, что ночь застанет их в лесу, сразу напомнила дедушкины сказки о страшных привидениях и зверях, которые бродят по ночам в лесу в поисках пищи.

Закрыв глаза, Токон тут же представил, как он сидит в тёмной чаще леса, а в это время к нему подкрадывается кто-то... «И зачем я только согласился идти в этот дурацкий поход, – думал он. – Сидел бы, как раньше, дома или ещё лучше – поехал к дяде в город. Там люди, машины... И мороженое продают, а вечером на улицах горят фонари».

Летние каникулы он всегда проводил в городе и поэтому ни разу не был с ребятами в лесу. Ещё на сборе он хотел отказаться от похода, думал притвориться больным, да этот Ашим как пристал, а ещё друг называется...

– Не поеду, – отговаривался вчера Токон. А Ашим к нему:

– Да ты что, Токон. Пожалеешь. В лесу так здорово, и ягод сколько хочешь, и по деревьям лазать можно.

Так и уговорил Токона. А Токону лес виделся таинственным и загадочным, со странными существами, которые в любую минуту могут схватить человека.

И теперь, идя по узкой лесной тропинке, Токон то и дело озирался по сторонам. За каждым подозрительным кустом ему мерещились хищные звери и чудища.

Токон думал, что, может быть, ещё не поздно вернуться в село, но боялся отстать от отряда и торопливо шагал вслед за Ашимом. Настроение его совсем упало, но никто, кроме Ашима, этого не замечал.

– Ого!.. Вот это орех, – донеслось впереди, и все ускорили шаги. Вскоре пионеры наткнулись на заросли дикой вишни, сливы. Пробовали кисло-сладкие яблоки: ребята попали в настоящий сад, где всего было вдоволь. Рядом с огромным орешником можно было встретить лозы дикого винограда, которые, цепляясь за ветки деревьев, карабкались вверх, к свету и солнцу.

Вдоволь насытившись, школьники дружно приступили к сбору орехов. Звеня договорились соревноваться между собой, и каждому из них хотелось занять первое место.

На многоголосый шум ребят пришёл лесничий. Увидев пионеров и узнав, зачем они пришли в лес, он успокоился, потом подошёл к вожатому Тургумбеку

и пообещал ему прислать вечером телегу, чтобы увезти собранные орехи. Тургумбек поблагодарил доброго лесника и кинулся догонять ребят.

Радостные возгласы сборщиков слышались по всему лесу. Сбитые орехи гулко ударялись о ветки и с шелестом падали на землю. Это веселило юных сборщиков, и они с ещё большим азартом атаковали дерево за деревом. Иногда орехи сыпались, как град, и это вызывало у ребят неопишуемый восторг.

Токон до самого обеда не отлучался от ребят. Всё время старался не отстать от неугомонного Ашима, который, не уставая, кружил вокруг деревьев. На любой посторонний шорох Токон пугливо озирался по сторонам, словно маленький козлёнок, отбившийся от общего стада.

Он всё ждал, что вот-вот из-за кустов выскочит какое-нибудь лесное чудовище, а оно всё не показывалось. Токон уже начал сомневаться в дедушкиных рассказах о лесных зверях, о том, что их в лесу – великое множество.

– Как здесь красиво, – восхищался он, глядя на стройные белые березы, могучие столетние дубы. В степи трава уже давно высохла, а в лесу она была ещё зелёной, словно бы на дворе стояла не осень, а ранняя весна. Растения попадались разные. Собирая их, можно составить целый гербарий.

– А где же «семиголовый дракон» моего деда? – спрашивал сам себя Токон и на некоторое время к нему снова подбирался страх. Но постепенно страх проходил, вернее, Токон забывал о нём, любясь старым лесом.

Где-то неподалёку, чуть левее от Токона, слышались голоса.

– Наверное, соседнее звено, – решил Токон. – Пойду-ка напугаю их.

Он незаметно свернул налево и двинулся сквозь кустарник на голоса. Ашим и другие ребята не заметили, как отстал от них Токон. Даже Тургумбек, шедший из соседнего звена, не встретил праздного шагающего по лесу Токона.

Токон брёл по густой траве. Вокруг сильно пахло мятой, где-то неподалёку весело журчал ручей. Пройдя ещё немного, он увидел маленькие подозрительные ямки. То были норы.

– Наверное, кровожадного зверя, – решил Токон и тут же свернул в сторону, спеша поскорее уйти от страшного места.

Вдруг за соседним кустом барбариса раздался подозрительный шорох. Токон замер, не двигаясь с места, и стоял до тех пор, пока из-за кустов не выпорхнула горлица, не на шутку испугавшая его.

Потом Токон насторожил стрекот двух сорок. Они сидели на ветке орешины и насмешливо смотрели на озиравшегося по сторонам путника. Когда он подошёл к ним поближе, они улетели, решив держаться подальше от человека.

Неожиданно под деревом Токон увидел странного зверя. Шерсть на нём была сизо-голубая, а вдоль спины тянулась чёрная полоса. Широко открывая пасть, из которой выглядывали острые желтоватые зубы, хищник валялся в траве. Стараясь не дышать, Токон внимательно наблюдал за диким зверем.

В этот самый миг из-за куста появился другой зверь, точь-в-точь похожий на первого. Он сразу же набросился на своего сородича, тот оскалился, защищаясь. Послышалось грозное рычание...

Это были барсуки, хотя Токон принял их за волков. Он так и стоял, не смея двинуться с места. Лицо его побелело от страха, а руки нервно дрожали.

Наконец, опомнившись, Токон начал потихоньку отступать назад, но сухие листья предательски зашуршали. Барсуки испуганно посмотрели в ту сторону, где стоял Токон.

«Увидели. Теперь нападут.. – размышлял Токон. – Что делать?..». И вдруг он громко закричал:

– Маа-маа!

Перепуганные зверьки опрометью бросились наутёк. Они бежали неловко, с трудом переставляя толстые, короткие лапы.

Такой поворот дела удивил Токона. Он остановился и широко раскрытыми глазами смотрел на убегающих барсуков.

«Интересно, – думал он. — Дикие звери, а боятся меня. Как же так? И зубы у них есть...».

Вскоре испуг его прошёл, и он смело зашагал по лесу.

О том, что случилось с ним, Токон никому не рассказал. Он сидел на старом пне и не спеша колочил орехи, посматривая на работающих ребят.

К нему подошёл светловолосый мальчик в жёлтой рубашке и, улыбаясь, спросил:

– А ты почему не помогаешь нам собирать орехи?

– Нельзя ему, – смеясь ответил кто-то из пионеров за Токон. – Он слабенький, ореха не поднимет.

– Ну, это мы ещё посмотрим, – разозлился Токон.

Недолго думая, он подбежал к самому большому дереву и начал быстро карабкаться вверх. Забравшись на макушку, сильно потрянул ветви, и на землю градом посыпались переспелые орехи. Девчонки кинулись собирать их.

– Вот вам! Я вам покажу, кто я такой, – кричал он и, напрягаясь, всё сильнее тряс ветки орешины.

Этого ему показалось мало. Тогда он выбрал самую урожайную ветку и, подождав, когда ребята встанут под неё, сильно потрянул ногой.

– Ой-ой!

– Ой, по голове! – закричали внизу, и все разом разбежались.

Токон рассмеялся:

– Что, бездельники, испугались?

Один из ребят по имени Шамши, держась рукой за ушибленную голову, сердито произнёс:

– Сейчас перестанешь смеяться.

Он взял в руки большой незрелый орех.

– Что ты, что ты, – завопил с дерева Токон, – я же пошутил. Не бей, Шамши, я больше не буду...

После этого Токон перед тем, как трясти ветки, предупреждал товарищей. Весело кричал:

– А ну убегайте поскорее, пока целы.

До вечера ребята собрали несколько мешков орехов, заполнили все корзины и стали готовиться в обратный путь.

– О-о... Да ты, оказывается, здесь! – закричал Ашим, увидев друга. – А мы думали, что ты убежал домой. Ну как, понравился лес?

– Конечно. Еще спрашиваешь.

Отряд с песнями возвращался в аил. А на другой день пионеры упаковали орехи в ящики, написав на них: «Джалал-Абад, витаминный завод».

1979

Перевод П. Леденева, О. Айтымбетова, Н. Дуровой

Слово об авторе

«Сломанный меч» читали повсюду, в советские годы читали вслух даже в мечетях. Но его автора раз за разом вызывали в бюро ЦК Компартии, критиковали на пленумах и съездах, запугивали лишением партбилета и свободы. Бдительные идеологи тоталитаризма узрели в образе царского генерала Скобелева, созданного мастером слова, нечто такое, что навредило бы «великой дружбе народов СССР». Роман был трижды выдвинут на соискание Государственной премии республики и трижды отвергнут – не без вмешательства тогдашнего партийного руководства.

Тем не менее, писателя признали и у нас, и за рубежом. Восторжествовала справедливость, которую он так долго ждал. Последние годы творчеством Төлөгөна Касымбекова заинтересовались молодые исследователи, его стали часто издавать, охотно переводить.

Абибилла Пазылов, ученый-литературовед

МУСА ДЖАНГАЗИЕВ (1921–1997)

Советский и киргизский писатель. Один из основоположников современной кыргызской детской литературы, Народный поэт Киргизии (1981). Член Союза писателей СССР (1951).

Родился в 1921 году в селе Кара-Сакал Сокулукского района Кыргызстана. Рано лишившись родителей, воспитывался в детдомах. Автор более ста стихотворных сборников, более двадцати из них изданы на русском языке, выпущены многими издательствами республик бывшего Союза, подавляющая часть из них предназначена детскому читателю.

Муса Жангазиев – поэт фронтового поколения и стихи его обращены к дням боевой юности. Он воспевает созидательный труд людей, землю отцов,

взрастившую его, воспитавшую, давшую силы и вдохновение «петь утреннюю песню вместе с жаворонками». Поэт тонко передает красоту родного края, подчеркивает в своих героях связь с природой...

Многие произведения М. Жангазиева стали хрестоматийными, вошли в учебники 1–7 классов кыргызских школ и по достоинству полюбились читателю.

Берегите птиц

Не трогай ласточку! Она
Издалека летит сюда,
У нас растит своих птенцов.
Не разоряй её гнезда. Будь другом птиц!
Пусть под окном
Поёт весною соловей,
И над просторами Земли
Летают стаи голубей.
Полюбуйся, весна наступает,
Журавли караваном летят.
В ярком золоте день утопает,
И ручьи по оврагам шумят.
Скоро гости к тебе соберутся
Сколько гнезд понавьют, посмотри!
Что за звуки, за песни польются
День деньской от зари до зари.

Ягнёнок

Хороши у нас ягнята...
Мой ягнёнок лучше всех!
Шёрстка мягкая, как вата,
А бела, как горный снег.
Я на ферму после школы
Прибегаю через луг,
И ягнёнок мой весёлый
Скачет радостно вокруг.
– Э, да ты подрос немножко!
Он боднул меня слегка
И сердито топнул ножкой –
Значит, хочет молока.
Причешу его гребёнкой,
Травки свеженькой нарву,
Я на выставку ягнёнка
Повезти хочу в Москву.

Перевод Т. Стрешневой, Мурзилка, 1981, № 7

Гордость

Недаром землю матерью зовут:
Она своею грудью нас вскормила,
Ей, нежной, дорог наш сыновний труд,
И от нее, могучей, наша сила.
Вот почему, могуча и нежна,
Гордится человечеством она.
Но кто сумел направить наш полет?
Кто встал на вахту у руля планеты?
Кто сохранил и нам передает
Великого Учителя заветы?
Ты, партия, рожденная в борьбе,
И гордость человечества – в тебе.

1965

Перевод Ю. Смышляева

Слово об авторе

Муса Джангазиев – думающий поэт, та бережность, с которой он писал для детской аудитории, поражает и вдохновляет. Его стихи занимают достойное место в киргизской литературе, и можно точно сказать о том, что они нашли свою нишу.

Омор Султанов, народный поэт

ШУКУРБЕК БЕЙШЕНАЛИЕВ (1928–2000)

Киргизский писатель и сценарист. Заслуженный деятель искусств Киргизской ССР (1974).

Прозаик, драматург Ш. Бейшеналиев родился в селе Куртка нынешнего Ак-Талинского района Нарынской области. тринадцатилетним школьником Ш. Бейшеналиев стал юным корреспондентом районной газеты «Колхозчу». В 1950 году издал повесть «Чыныгы достук» («Настоящая дружба»). Перу писателя принадлежат романы «Таалай жолу» («Путь к счастью») (1962), «Болот калем» («Стальное перо») (1981), «Даңкка жараша жүк» («Бремя славы») (1973). Достоянием советских ребят стали произведения «Кычан», «Белый верблюжонок», «Рогатый ягненок», «Ласточка», «Аманат», «Сын Сарбая» и др.

Книги Ш. Бейшеналиева переведены на языки народов советских республик, а также на многие языки мира. Автор пьес «Кычан», «Холостяки», «Друг» и др. Им переведены на киргизский язык рассказы Л.Н. Толстого, М. Шолохова, К. Федина, пьесы А.П. Чехова, Г. Ибсена и др.

БЕЛЫЙ ВЕРБЛЮЖОНОК

Осмон и его дедушка

Осмон – не мал и не велик. Ему пять лет. Он живет в большом городе и ходит в детский сад.

Из города Осмон еще никуда не выезжал. Даже в гостях у бабушки не был. Дедушка и бабушка живут в далеком колхозном аиле, расположенном среди высоких гор Тянь-Шаня. А летом они переезжают на летнее пастбище – джайлоо, где дедушка пасет колхозных верблюдов. Дедушка Осмона – табунщик.

Иногда дедушка и бабушка приезжают в город навестить внука. Они привозят Осмону полную сумку гостинцев. Гостинцы не покупные, а свои, домашние: кусочки поджаренного мяса и сыр, шарики засушенного творога и другие лакомства. Их готовит сама бабушка.

Осмону нравится получать гостинцы. И еще он любит играть с дедушкой. Дедушка катает Осмона по квартире на закорках, а потом усаживается с внуком на ковер и рассказывает ему всякие истории.

Осмон уже знает, что где-то там, за городом, поднимаются в небо горные вершины, а над ними парят, распластав крылья, могучие орлы. Там есть глубокие ущелья и непроходимые хвойные чащи, по которым бродят разные звери. Там есть холодные озера и прозрачные родники, а на зеленых лугах пасутся стада овец и коз, табуны лошадей и верблюдов. И все это кажется Осмону какой-то волшебной сказкой, все это сливается у него в одно слово – джайлоо. Там живет дедушка, там куда интересней, чем здесь, в городе.

– Чон ата, возьми меня с собой в горы, – просит Осмон дедушку. – Я хочу поиграть с козлятами и ягнятами.

Дедушка обещает взять, но не сейчас.

– Теперь зима, холодно, – говорит он внуку. – Настанет лето – другое дело. Обязательно возьму. У меня и подарок для тебя есть.

– Какой подарок? – не терпится узнать Осмону. – Скажи, чон ата, скажи скорей!

И дедушка рассказывает Осмону про белого верблюжонка, у которого шерсть, как лебяжий пух.

Верблюжонок родился полгода назад, и, как водится в Киргизии, старый табунщик заранее определил ему хозяина – своего маленького внука Осмона.

– Без хозяина животное не может жить, – говорит дедушка. – Ты будешь хозяином верблюжонка, мой малыш, ты будешь играть с ним, растить его.

На следующий день дедушка и бабушка уезжают из города к себе в аил. Чтобы не огорчать Осмона, они уезжают днем, пока внука нет дома.

Вечером Осмон возвращается из детского сада и начинает реветь.

– Я хочу к бабушке! – кричит он. – Я хочу в горы!

– Что с ним поделаешь! – говорит мать. – Такой наш Осмон капризный ребенок.

– И верно, надо его летом отправить на джайлоо, – говорит отец. – Пусть он окрепнет там, закалится.

Проходит зима, весна сменяется долгожданным летом. В городе душно и жарко. А дедушки все нет.

Теперь Осмон все чаще капризничает и вспоминает про джайлоо.

«И почему чон ата не едет за мной? – размышлял он. – Ведь не может верблюжонок жить без хозяина».

– Давай напишем дедушке письмо, – предлагает отец. Отец достает лист бумаги, ручку, чернила, и они пишут письмо.

Отец выводит на бумаге буквы, а Осмон сидит рядом и смотрит. Он еще не умеет писать. Зато подпись Осмон ставит сам. Он кладет на лист бумаги свою руку, а отец обводит карандашом все пять пальцев Осмона – получается вроде как подпись.

Потом отец с сыном выходят на улицу и бросают письмо в почтовый ящик. Через час Осмон спрашивает:

– Ну почему он не едет? Почему не едет? Ведь мы написали ему письмо! Прошел вечер и следующий день, и еще три дня прошло, а дедушки все не было.

И вот однажды на рассвете, когда Осмон крепко спал в своей деревянной кроватке, ему показалось, что кто-то нагнулся над ним и защекотал ему щеку.

Осмон решил, что это сон. Ему как раз снились джайлоо и белый верблюжонок, который прижимался к щеке пушистой шерстью.

Осмону захотелось получше разглядеть верблюжонок, и, наверно, потому он приоткрыл глаза.

– Ау, мой малыш! Проснулся? – сказал дедушка. – Вот я и приехал за тобой.

Осмон перешагнул из кровати на колени дедушки и прижался к его редкой серебристой бороде.

– Ай-ий! Чон ата, это ты? – радостно закричал он.

– Смотрите, смотрите, как он соскучился по мне! – заволновался дедушка. – Ну, конечно, это я, мой малыш, это я.

Осмон повис на дедушкиной шее:

– А мне казалось, что это верблюжонок меня щекочет!

– Твой верблюжонок уже подрос и ждет своего хозяина Осмона, – сказал дедушка. – Ты сможешь даже сесть теперь на него верхом.

– Ай-ий! – удивился Осмон. – Как же сесть, когда он моложе меня?

– На то он и верблюжонок, мой малыш, чтобы быть больше тебя ростом. Он уже большой, второй год ему пошел, – объяснил дедушка.

– А мы сейчас поедем? – не унимается Осмон. Теперь он окончательно проснулся. Он прыгает на коленях дедушки, а потом забирается к нему на плечи.

– Завтра поедем, мой малыш! Подожди до завтра! – говорит дедушка. – А сейчас пойдем-ка развяжем сумку, посмотрим, что там бабушка тебе прислала.

По пути на джайлоо

Путь на джайлоо оказался не таким простым, как думал Осмон. Сначала они с дедушкой в автобус и несколько часов тряслись по открытой дороге к колхозному аилу. Дорога была неровной, извилистой, всюду пекло солнце, в автобусе было жарко.

– Чон ата! Скоро мы приедем? – начал хныкать Осмон. Все, что он видел из окна тряского и душного автобуса, не походило на волшебную сказку.

Наконец они приехали в аил. Но Осмон узнал здесь, что путь еще не окончен. Предстояло проехать почти пятьдесят километров верхом на лошади. Это было куда интересней.

Дедушка посадил Осмона на седло небольшого коренастого коня с мохнатой гривой и большим, почти до земли, хвостом, затем взгромоздился позади внука, обхватил его покрепче, и они поехали.

Осмон раньше никогда не подходил к лошади. А сейчас он важно сидел на настоящем коне, уцепившись руками за седло, и чувствовал себя настоящим всадником.

По сторонам лежали золотистые хлебные поля, впереди вздымались причудливые громады гор. Вот дорога стала каменистой. По краям ее и на склонах гор стали чаще попадаться ели, низкорослые, с кривыми стволами березы и заросли кустарника.

– Ну как, мой малыш, доволен? – спросил дедушка, когда они свернули в узкое горное ущелье.

Осмон ничего не ответил, но по его лицу нетрудно было догадаться, что он доволен. Здесь было тенисто и прохладно. Приятный ветерок освежал раскрасневшееся лицо Осмона. Конь цокал подковами по каменистой дороге, осторожно перешагивал через валуны и валежник.

– Ну и хорошо! – сказал дедушка, крепче прижимая внука к себе.

Вокруг пели какие-то малые и большие птицы. Временами слышались соловьиные трели, и бесконечные горные ручьи подпевали им то слева, то справа, то спереди, то сзади.

Осмон посмотрел вверх, где среди скал и ветвей деревьев проглядывало бледно-голубое, почти белое небо. Он увидел двух огромных птиц, которые словно замерли в воздухе. Вот одна из них сложила крылья и камнем слетела куда-то за скалы.

– Это орлы, мой малыш, – пояснил дедушка. – Добычу высматривают.

И вдруг дедушка запел, сначала тихо, а затем громче. Его дребезжащий голос разнесся по всему ущелью:

Вершины Тянь-Шаня уходят ввысь,
Реки бегут в поля.
Счастлив киргиз, доволен киргиз,
Красива его земля.

– Что это, чон ата? – спросил Осмон, услышав, как горы тоже поют дедушкину песню.

– Это эхо, мой малыш, – объяснил дедушка. – Оно поет вместе с нами.

– Ау-у-у! – что было силы закричал Осмон.

– Ау-у-ууу! – словно передразнивая его, зазвенело ущелье.

Впереди показались кусты шиповника и барбариса. Гроздь рябины свисали почти над самой головой Осмона. Он вытянул руку, чтобы сорвать красные, как бусины, ягоды, но не дотянулся до них.

– Осторожней, а то упадешь, – сказал дедушка, прервав песню. – Скоро устроим с тобой привал, тогда и нарвешь.

Миновав высокие скалы, они стали подниматься извилистой тропой вверх по зеленому склону горы. Здесь было светлей и жарче. Кусты рябины попадались все чаще, и теперь Осмон уже только одной рукой держался за поводок, второй он пытался сорвать ягоды.

– Наверное, мой малыш, ты пить хочешь? – спросил дедушка и, не дожидаясь ответа, остановил коня.

Он бодро соскочил на землю, потом снял Осмона, а затем и переметную сумку. Путаясь в высокой траве, Осмон сразу же побежал к высокому кусту рябины. Он притянул к себе самую нижнюю ветку и стал срывать крупные, сочные ягоды.

Тем временем дедушка разнуздal коня и пустил его пастись.

– Отдохни и ты, – сказал он, тронув рукой горячий, потный лошадиный загривок. Довольно тряхнув головой, конь принялся срывать нежную, не успевшую пожелтеть на жарком солнце траву.

Дедушка развязал сумку и позвал внука.

– Поиграй пока здесь да за конем присмотри, – сказал он, протягивая Осмону яблоко и конфету. – А я пойду, наберу ревеня. Хорошо?

– Хорошо, – согласился Осмон, но тут же добавил: – Я пить хочу. Ему просто не хотелось оставаться одному.

– Вот я и хочу принести тебе ревеня. Он утоляет жажду, – объяснил дедушка. – А может, ты просто боишься остаться один?

– Ай-ий! Не-ет! – закричал Осмон. – Я ничего не боюсь!

– Ну и хорошо!

Дедушка поднял полы длинного ватного стеганого халата, подоткнул их за пояс и легко зашагал к противоположному, теневому склону горы. Не успел Осмон доесть яблоко, как дедушки уже не стало видно. Он скрылся где-то наверху, в зарослях кустарника.

Осмон огляделся по сторонам. Конь спокойно пасся в густой траве, изредка помахивая длинным хвостом. Вокруг никого не было. Осмону стало не по себе. Он бросил конфету и захныкал:

– Чон ата! Где ты, чон ата?

Дедушка не откликнулся. Тогда Осмон стал карабкаться вверх по склону горы. Он бежал, падал, вставал и снова бежал в сторону кустарника, где только что скрылся дедушка.

– Чон ата!

Вдруг Осмон замолчал и остановился. Прямо перед ним возле небольшого холмика сидел на задних лапах какой-то толстый зверек, похожий на рыжего котенка. Осмону он показался куда больше и страшнее, чем был на самом деле.

Увидев перед собой мальчишку, зверек забеспокоился и запищал.

В тот же миг Осмон сорвался с места и с ревом бросился обратно.

– Чон ата! Чон ата! – кричал он, захлебываясь от слез и спотыкаясь на бегу.

– Я боюсь, боюсь! Иди сюда! Где ты?

На крик прибежал дедушка.

– Что с тобой, мой малыш? Может, змея ужалила? Или конь лягнул? Скажи мне скорей! – Дедушка перепугался не меньше внука.

– Там зверь... зверь... Страшный очень! – объяснил Осмон, продолжая реветь. – Волк... Медведь... Я боюсь его...

Дедушка взял Осмона на руки:

– Ну, успокойся, успокойся. Я здесь, с тобой. Покажи-ка мне лучше, где ты видел этого зверя.

Осмон протянул руку в сторону холмика. Там уже никого не было. Дедушка улыбнулся.

– Ох, и трусишка ты! Какой же это медведь? Это, наверно, сурок был, совсем маленький сурок. Смотри, он сам тебя испугался и скрылся в норке. Ну-ка лучше возьми, – сказал он, протягивая внуку кусочки ревеня.

Дедушка с Осмоном на руках подошел к холмику, под которым была норка сурка.

– Этот безобразник медведь отсюда, что ли, выходил?

– Да, да, – протянул Осмон, тяжело вздохнув.

– Ай-я-яй! Ай-я-яй! – сказал дедушка и погрозил пальцем Осмону. – Вижу я, вы одинаковые храбрецы с этим сурком! Друг друга испугались.

А через несколько минут дедушка и Осмон возвратились к коню.

Теперь их путь лежал через бесконечно длинный горный перевал. Здесь уже не было ни кустов рябины, ни зарослей ельника, ни одинаковых деревьев. Всюду зеленые холмы и ложбины, и опять холмы и ложбины, поросшие мягким травяным ковром. Ковыль, дикий чеснок, ярко-желтые цветы, которыми так любят лакомиться горные индейки, – каких только трав и растений ни встретишь в этих краях!

Конь бесшумно ступает по чуть заметной тропке и несет седоков мелкой рысью.

– Чон ата! Скоро мы приедем? – без конца спрашивает Осмон.

– Скоро, скоро, мой малыш, – утешает его дедушка, чувствуя, что внук устал от непривычно долгой дороги.

Осмона укачивает, и голова его клонится набок.

Дедушка пересаживает внука поудобнее и пришпоривает коня – надо торопиться, вечер уже не за горами.

Осмон дремлет, прижавшись к дедушкиной груди.

Тропка резко спускается вниз, петляя между большими и малыми холмами. В долине нет ветра, но воздух прохладнее. Легче становится дышать и коню, и седокам. Впрочем, один из седоков, Осмон, уже окончательно спит. Он не видит ни табунов лошадей, ни верблюдов, что пасутся вдоль дороги, ни отар овец, усеявших ближние и дальние холмы, ни коров и телят возле небольшой речушки.

Вдали, у подножия одного из холмов, стоит несколько войлочных юрт. Они белеют, как грибы шампиньоны на зеленой лужайке. Конь помчался напрямик к крайней правой юрте.

– Ну, вот и джайлоо! – сказал дедушка сам себе и тихо, чтобы не разбудить внука, запел давно прерванную песню.

Только теперь в ней не было слов, одна мелодия. Протяжная, как дальняя дорога, и чистая, как горная речка.

Бабушка ждала их. Она стояла возле юрты, скрестив руки на груди, и всматривалась вдаль.

– Ах ты, карапузик мой! Ах, ты, мой бедненький! – забеспокоилась она, как только заметила спящего в седле Осмона. – Какой ты бледненький, какой худенький! Устал, бедняжка, измаялся. Ну, ничего! Поправишься у нас, порозовеешь!

– Ну ладно, ладно! – недовольно заворчал дедушка, остановив коня. – На-ка лучше прими внука. Да не разбуди его.

Бабушка взяла сонного Осмона на руки.

– И кто тебя так одел? И духами какими-то полил! Совсем городской, чужой! – причитала она, пронося внука в юрту. – Ну, спи спокойно, мой маленький карапузик. Отдыхай. А уж с утра примешься за свои игры.

Уложив Осмона в мягкую постель, разостланную на полу юрты, бабушка вышла к мужу.

– Старуха, ты привязала бы верблюжонка нашего Осмона, – сказал дедушка. Он уже расседлал коня и направился в юрту. – Пусть верблюжонок знает, что приехал его хозяин!

Первое утро

Юрта – не квартира, а джайлоо – не город. В юрте, которую разбирают и выючат на верблюда, когда кочуют с места на место, нет ни кроватей, ни стола, ни стульев, ни электричества, ни радио. А на джайлоо нет ни детского сада, ни кино, ни театра. Даже магазина здесь нет. Чтобы купить конфет или печенье, надо ехать несколько десятков километров в районный центр.

Правда, в юрте стоит красный чемодан – дедушкин патефон с пластинками, но разве им можно заменить все городские удобства!

– Не заскучает ли наш Осмон? Может быть, дорогому гостю не понравится наша пища? – беспокоились дедушка и бабушка.

Они души не чаяли в своем внуке.

После вчерашней утомительной дороги Осмон проспал почти до обеда. В городе он еще никогда не спал с таким удовольствием. Там было душно, и по ночам Осмон даже простыню с себя сбрасывал. А здесь, в юрте, он лежал под стеганным ватным одеялом, и ему не было жарко.

Проснувшись, Осмон лежал с широко раскрытыми глазами. Он с любопытством разглядывал юрту, которую вчера так и не видел. Остов юрты деревянный. На него, как на решетку, натянуты войлочные стены и такой же потолок. Вверх тянутся бесчисленные жерди. Они сходятся на потолке возле отверстия, похожего на окошко. Сейчас это окошко открыто, и через него Осмон видит круг чистого голубого неба. Посреди юрты, в костре, что разожжен прямо на земле, тлеет кизяк. Над костром – тренога, а на ней висит небольшой котелок, из которого доносится вкусный запах жирного мяса.

«Бешбармак», – догадался Осмон, вспомнив свое самое любимое блюдо. Да и какой киргиз не любит бешбармака!

Осмон вылез из-под одеяла и как был, в майке и трусиках, прошелся по юрте. Оказалось, что она довольно просторна.

Справа от входа на стенах юрты висела посуда. Видно, в этой половине юрты хозяйничала бабушка.

Осмон потянулся к большому красному кувшину. Он был сделан из верблюжьей кожи и украшен красивыми узорами. По бокам кувшина торчали два бараньих рога.

Осмон дотронулся до кувшина. В нем что-то забулькало. «Что же туда налили?» – заинтересовался Осмон.

Но достать кувшин было не так-то просто. Тогда Осмон поднялся по решетке юрты, как по ступеням, и заглянул в кувшин.

В этот момент в юрту вошла бабушка. В руках она держала веретено и пучок верблюжьей шерсти, из которой только что пряла пряжу.

– Милый мой малыш! Ты, наверно, проголодался и пить захотел? Ведь с вечера так и непоел ничего! – захлопотала она вокруг Осмона.

Бабушка сняла со стены кувшин и поставила его на пол.

– А теперь расскажи мне, как чувствуют себя в городе папа и мама. Наверно, просили тебя скорей возвращаться?

– Нет-нет, не просили! – Осмон хитро улыбнулся. – Они даже не говорили мне ничего! А что это? – спросил он, тронув рукой красный кувшин.

Бабушка поцеловала Осмона в лоб и, усмехнувшись, сказала:

– Ну что делать мне с тобой, мой маленький горожанин! И ничего-то ты не знаешь! Эта посуда называется «коокор». А в нем кумыс. Дедушка привез его утром с конефермы специально для тебя. А я насыпала в коокор сахару, чтобы

кумыс был послаще и повкуснее. Твой папа, когда был маленький, тоже пил кумыс и вырос сильным и здоровым. И дедушка тоже.

– И я буду пить кумыс! – заявил Осмон. – Я хочу вырасти, как папа и дедушка!

Бабушка достала из ящика пять чашек, наполнила их кумысом и поставила в ряд.

– Вот, мой малыш. Эти три чашки – за твоего папу, за маму и за себя – выпью я, а остальные две – за дедушку и за себя – выпьешь ты. Хорошо?

– Хорошо! Хорошо! – Осмон даже запрыгал от радости.

– И за верблюжонка выпью. А где он, мой верблюжонок?

– Он в табуне, – сказала бабушка. – Скоро ты его увидишь. Она взяла чашку с другого края и протянула внуку.

Но Осмон покачал головой.

– А почему я до сих пор не умывался? – спросил он. – Где мое мыло и щетка с пастой?

Бабушка искренне удивилась:

– Зачем тебе мыло? Разве ты не знаешь, мой маленький, что лицо ребенка освежает Умай, когда мать его еще спит? Поэтому все ребята встают с постели чистыми. Выпей-ка лучше кумыса. И какие вы, право, странные, горожане! Ничего-то не знаете!

Осмон молча выслушал бабушку, а когда она замолчала, вспомнил:

– Мыло, щетка и паста – в дедушкиной сумке. Мы их туда положили.

По правде говоря, Осмон ничего не понял из бабушкиных слов. Он никогда не слышал об Умай, сказочной женщине, которая будто бы охраняет детей и освежает их лица.

Он достал из сумки мыльницу, зубную щетку в зеленом футляре, пасту и пошел к выходу.

Бабушка сама выпила кумыс, взяла полотенце и медный рукомойник и поспешила вслед за внуком.

Но стоило Осмону выйти из юрты, как он забыл про все на свете. Перед ним лежали зеленые просторы джайлоо, вдали высились горы. У подножия небольшого холма, покрытого какими-то яркими желтыми и голубыми цветами, журча и пенясь, бежала речка. Даже издали было видно, как чиста и прозрачна ее вода – на дне реки блестели камушки.

– Я туда! – закричал Осмон и бросился вниз к реке. Разложив мыло, щетку и пасту на гладком прибрежном камне, он нагнулся над водой и стал умываться, чистить зубы. Пока бабушка с полотенцем и рукомойником добежала до реки, Осмон уже успел не только умыться, но и порядком забрызгаться. Его майка и трусы были мокры так, словно он только что вылез из воды.

– Ах ты, мой непослушный чистюля! Что же ты наделал! – заохала бабушка, вытирая внука. – Ну, пойдем скорей, пойдем! Скоро дедушка приведет тебе белого верблюжонка!

Вскрикнув от радости, Осмон побежал назад, к юрте. В юрте было пусто. Видно, дедушка еще не возвращался.

«Налью-ка я себе кумыса, – решил Осмон. – Вот бабушка обрадуется!».

Он взял коокор, который бабушка так и не успела повесить обратно на стену юрты, и уже поднес его к чашке, как вдруг коокор выскользнул из рук Осмона и упал на пол. Чашка отлетела в сторону, а кумыс залил меховую подстилку. Осмон так растерялся, что даже не догадался поднять коокор и спасти хоть остатки кумыса.

– Аи, да что же это! – воскликнула бабушка, войдя в юрту. – Но не бойся, мой маленький, не бойся. Пусть моя рука отсохнет, если я хоть пальцем тебя трону.

Она схватила чашку и кое-как собрала разлитый по полу кумыс в кастрюлю. Подстилку пришлось вынести сушить на солнце.

– Бабушка, прости меня, я больше не буду! – наконец сказал Осмон, и в глазах его заблестели слезы. Бабушкино сердце не выдержало.

– Ох ты, мой маленький! Ну, конечно, прощу. Кого же мне еще прощать, кроме, тебя! Давай-ка лучше поедим!

Они уселись на сшитый из разноцветных лоскутков тюфяк и принялись за еду. Осман очень проголодался и сейчас с удовольствием ел горячее мясо с хлебом. Потом бабушка налила ему из коокора остатки кумыса.

– Ну как, вкусно?

– Вкусно! – признался Осмон, глотая сладкую жидкость. – А я и не знал, что кумыс – это лошадиное молоко.

Неожиданная беда

Откуда-то издали послышался знакомый голос:

– Оу-у, старуха! Бери малыша и выходи встречать нас!

Не успела бабушка подняться с места, как Осмон, узнав голос дедушки, вскочил на ноги и выбежал из юрты.

– Верблюжонок! Верблюжонок! – кричал он. – Мой белый верблюжонок!

Табун верблюдов спускался по склону горы. Вытянув длинные шеи, отбрасывая задние ноги, верблюды шли рысью. Их оказалось так много, что разглядеть среди этой бесконечной темно-серой массы маленького белого верблюжонка было невозможно. Осмон помчался навстречу табуну.

– Оо-уу! Мой малыш! Вернись назад! – увидев внука, закричал дедушка. Он ехал верхом на лошади позади табуна. – Сейчас я пригоню твоего верблюжонка! Вернись в юрту!

Вслед за дедушкой шла на поводу большая белая верблюдица. Ну, конечно, это она, мать верблюжонка! А вот и он сам – маленький, длинноногий, пушистый – скачет возле матери, то забегая вперед, то чуть отставая от нее. Казалось, что Осмон ничего не слышал – ни слов дедушки, ни крика насмерть перепуганной бабушки, выбежавшей вслед за ним из юрты. Он врезался в гущу верблюдов

и, чудом промчавшись мимо нескольких ревущих животных, продолжал бежать навстречу верблюжонку.

– Стой, мой малыш! Стой! – кричал дедушка.

Но Осмон не останавливался.

Вдруг он увидел огромного черно-бурого верблюда, мчавшегося ему навстречу. Осмон схватил камень, чтобы отпугнуть верблюда, но тот не остановился и не свернул в сторону. Низко нагнув голову, разинув страшную зубастую пасть, верблюд заревел и плюнул прямо в лицо мальчику.

Осмон закричал и свалился на землю. Он почувствовал жгучую боль в глазах. Лицо его защипало.

Подлетел на своей лошади дедушка.

– Ах ты, негодный! Убил нашего мальчика! – закричал он, чуть не плача. Привстав на стременах, дедушка что было силы хлестнул разбушевавшегося верблюда укуруком – длинной жердью с арканом на конце, которым ловят пасущихся лошадей. Осмон попытался подняться, но верблюд снова свалил его с ног. Дедушка соскочил с седла и нагнулся над внуком:

– Что с тобой, мой малыш? Ты жив? Ну, скажи хоть что-нибудь мне! Скажи! – умолял он сквозь слезы.

Подросла бабушка. Увидев внука, она заголосила и, всплеснув руками, упала без чувств...

* * *

Сегодня третий день, как Осмон лежит в юрте. Пока он не открывает глаз. У него высокая температура.

– Ничего! Дело идет на поправку! – сказал врач. – Ушибов и переломов нет. Просто мальчик сильно испугался.

Врач приехал вечером. Это дедушка ездил за ним в районный центр.

Дедушка и бабушка даже похудели за эти дни. Еще бы, такое несчастье! Выходит, не уберегли они внука.

Осмон бредит. Он бормочет что-то про страшного верблюда, вскакивает, кричит и опять засыпает.

Возле юрты толпятся табунщики, их жены и дети.

– Ему нужен воздух, – советует врач.

Дедушка заворачивает Осмона в одеяло и выносит из юрты. Он несет его на руках к берегу реки, садится на камень и долго вздыхает.

Бабушка, не доверяя врачу, старается хоть чем-нибудь помочь внуку. Она растапливает в горячем сале кусочек свинца, потом выплескивает его на землю. Свинец застывает. Бабушка привязывает его к шее Осмона.

– Это на счастье нашему маленькому карапузику, – говорит она. Бабушка верит в амулеты. Такой же кусочек свинца она привязала к хвосту белого верблюжонка. «Чтобы его не сглазили».

– А-а, старуха, зачем это? – не выдерживает дедушка. – Врач сказал, что наш Осмон скоро поправится. Врач больше нас понимает.

И верно, на следующий день температура у Осмона спала. Он перестал бредить и открыл глаза.

– Ну вот, что я тебе говорил! – обрадовался дедушка. – Врач прав! Наш малыш поправляется.

Бабушка была тоже очень довольна и не стала спорить с мужем. Но в душе она считала, что это ее амулет – кусочек свинца – спас внука. Ничего не поделаешь, на то она и бабушка...

Маленькие друзья

– Бу-у-у-буу, – раздалось где-то по соседству. – Бу-у-у!

Осмон открыл глаза и приподнял голову с подушки. Что это? Чей это голос, который так похож на хныканье ребенка? Осмон прислушался. И опять:

– Бу-у-у-буу...

Где-то вдаль послышался другой голос, бас:

– Ба-ааа... ба-ааа...

Потом оба голоса слились вместе.

– Бу-у-ба... ба-ааа-бу-уу...

Осмон вскочил с постели. В юрте было пусто. Впервые за эти дни дедушка снова уехал на рассвете в табун. Бабушка, как обычно, сидела возле юрты с веретеном – пряла пряжу. Осмон босиком направился к выходу и выглянул в дверь.

– Это ты, мой маленький! – воскликнула бабушка, отложив веретено.

– Кто это, бабушка, там кричит?

– Ну, конечно, это твой верблюжонок, – сказала бабушка. – Он говорит своей маме, что хочет есть. А верблюдица ему отвечает: «Подожди, подожди, я еще не приготовила тебе молочка...».

– Ай-ий! – засмеялся Осмон. – Я хочу увидеть его, бабушка! Покажи мне, где он. Я уже соскучился по нему.

– И верблюжонок соскучился по тебе, – сказала бабушка. – Смотри, мой маленький, сюда смотри! – сказала она, раздвинув войлок.

Осмон заглянул в щель и увидел верблюжонка. Он стоял почти рядом, привязанный к столбику возле юрты. Верблюжонок был действительно еще совсем мал. Тоненькие ноги, два остро торчащих горбика, небольшая голова, короткий хвост – все было покрыто пушистым белым пухом.

Нетерпеливо перебирая ногами, верблюжонок косил глаза в сторону матери и хныкал:

– Бу-у-у-буу...

Осмону показалось, что верблюжонок просит: «Есть хо-очу-у!».

Чуть поодаль, медленно и важно двигаясь по склону горы, паслась мать верблюжонка – большая белая верблюдица.

Временами она поднимала голову и, поворачивая ее в сторону сына, утешала его:

– Ба-ааа!... ба-ааа!...

«Подожди, мол, подожди немного. Вот наполню вымя молоком, тогда пойду к тебе, накормлю, а пока потерпи».

Осмону стало жаль верблюжонка.

– Бабушка, а ты отвяжи его! – попросил Осмон. – Пусть он догонит свою маму и поест. Можно, я к нему подойду?

– А ты не испугаешься? Как бы сердечко твое не выскочило с испугу, – забеспокоилась бабушка, опуская внука на землю. – Ну, иди, обуйся! Осмон достал ботинки и стал быстро натягивать их на ноги.

– Теперь я больше не боюсь, бабушка! Правда, не боюсь! Ведь белый верблюжонок – мой друг. Пусть он даже прыгает через меня, я не испугаюсь, – уверял Осмон.

А через минуту он уже стоял рядом с верблюжонком. Одного не знал Осмон: как ему говорить со своим новым другом. Ведь не понимает верблюжонок человеческой речи!

А может, понимает? Вот он опустился на колени, сел, по-заячьи поджав под себя ноги, и стал обнюхивать Осмона. Шея у верблюжонка вытянута, губы раздвоены, как у зайца. Осмон погладил рукой верблюжонка и прижался щекой к его голове. Тот не противился. Видно, человеческая ласка ему была приятна. Или он просто признал в Осмоне хозяина и не захотел ему перечить?

Но стоило Осмону обнять верблюжонка обеими руками за шею, как тот затряс головой и вспомнил свою маму.

– Бу-ууу-буу! – закричал он прямо в лицо Осмону, обдав его своим теплым дыханием. От верблюжонка пахло молоком и едким запахом дикого чеснока.

– Сейчас я нарву тебе чеснока. Хочешь? – обрадовался Осмон. Ему показалось, что он понял, чего хочет верблюжонок. Но тот неожиданно вскочил на ноги, и Осмон повис на его шее.

Да вот беда: не рассчитал верблюжонок свои силы. Хоть Осмон и меньше его ростом, да тяжелый. Качнувшись на своих длинных худеньких ножках, верблюжонок шлепнулся на землю вместе с хозяином.

Бабушка подняла внука на ноги и погрозила ему:

– Смотри, будь осторожней, мой маленький. Ведь все же это животное. Оно может и не понять твоих шуток.

– Что ты, бабушка! – закричал Осмон. – Верблюжонок слушается меня и все понимает. Я его хозяин – как же он может меня обидеть?

* * *

Так началась дружба Осмона с белым верблюжонком. Осмону пять лет, а верблюжонку только год, но это не мешает им весело играть и даже баловаться вместе. И когда они играют, право неизвестно, кто из них младше, кто старше.

Мать верблюжонка вполне доверяет своего сынишку Осмону. С утра до вечера она спокойно пасется неподалеку от юрты, не обращая внимания ни на верблюжонка, ни на Осмона.

И только когда верблюжонок тянет свое привычное «бу-ууу-буу...», мать поворачивает голову в его сторону.

– Ба-ааа! – отвечает она. «Подожди! Я еще не набрала молока!».

Попробовал Осмон приучить верблюжонка к другой пище, но из этого ничего не вышло. Ни сахара, ни хлеба, ни кумыса четвероногий малыш не ел.

– А, знаю, хитрец! – засмеялся Осмон. – Знаю, что ты любишь!

Он нарвал пучок горького дикого чеснока и поднес его верблюжонку:

– На, ешь! Это тебе нравится?

Верблюжонок наклонил голову и осторожно взял губами веточку чеснока с ладони Осмона.

– Ну как, вкусно?

Верблюжонок пожевал-пожевал чеснок и потянулся за следующей веткой. Съев весь чеснок и облизав ладонь Осмона своим шершавым языком, верблюжонок довольно затряс головой.

– Бу-ууу-уу! – попросил он. «Еще хочу!».

– Какой ты смешной! – удивился Осмон. – Маленький, а любишь не сладкое, а горькое!

Пришлось Осмону нарвать еще целую охапку чеснока. Но, прежде чем отдать ее верблюжонку, Осмон отвязал его и поманил за собой:

– А ну-ка, иди, иди!

Завидев в руке Осмона чеснок, верблюжонок широко расставил ноги и пошел вслед за хозяином. Осмон пустился бежать. Верблюжонок – за ним. Осмон стал взбираться на холм, поросший чесноком. Верблюжонок – за ним. Теперь уже и он пытался бежать. Нельзя же отставать от хозяина, когда в руках у него такое вкусное лакомство.

В это время бабушка сидела с веретеном возле юрты. Но она не столько пряла, сколько наблюдала за игрой двух малышей.

– Ну что, старуха, – сказал дедушка, подъехав к юрте верхом на лошади, – играют наши ребятки? Подружились?

– О, еще как подружились! – ответила бабушка.

– А ведь наш Осмон давно не плакал! – сказал дедушка. И, слезая с лошади, он весело улыбнулся.

1978

Литературная редакция С. Баруздина

Слово об авторе

Шукурбек Бейшеналиев – ровесник Чингиза Айтматова, и в их судьбах есть много сходных моментов. Тот поворот, который Ч. Айтматов совершил в «большой прозе», Ш. Бейшеналиев сделал в области детской литературы Киргизии. Но

есть и различия. Ш. Бейшеналиев всегда писал и пишет лишь на родном языке... и в большей степени, чем Чингиз Айтматов, умеет пользоваться словами, взятыми из глубинных пластов родной речи.

Вил Ганиев, поэт

* * *

Бейшеналиеву, как очень немногим писателям, особенно работающим для дошкольников и младших школьников, удается опозитизировать в своих книжках труд, обыкновенный человеческий труд. Редкое, завидное качество детского писателя!..

Сергей Михалков, советский писатель

ТЕНТИ АДЫШЕВА (1920–1984)

Политический и государственный деятель, народная поэтесса.

Родилась в Кольцовке (ныне – Боконбаево, районный центр в Иссык-Кульской области), в крестьянской семье. В 1931 году окончила семилетнюю школу в родном селе, в 1937 году – Фрунзенский медицинский техникум, в 1942 году – Киргизский мединститут.

Первая и единственная из женщин в СССР была директором Киргизского филиала Всесоюзного агентства по авторским правам (ВААП) (1956–1976).

Первая из женщин Народный поэт Киргизской ССР (1980). Член Союза писателей СССР с 1961 года.

Печаталась с 1947 года. Автор сборников стихов «Моя эпоха» («Заманым», 1961), «Светлый мир» («Жарык дүйнө», 1965), «Счастье» («Таалай», 1972) и др. Является автором ряда рассказов, повестей, воспоминаний.

Поэзия Т. Адышевой, в основном, ориентирована на людей зрелого возраста, так как большая её часть – это глубокие философские размышления о превратностях людских судеб, о жизни и неизбежной смерти.

Марш мира

Гулки шаги, как приборя раскат,
Женщин идёт миллионный отряд –
Матери, жёны – со всех континентов.
Взгляды их болью тревожно горят.
Их с теплотой провожают мужья,

Смотрят им с гордостью вслед сыновья,
Женщин сплотила единая воля,
Чтобы спасти тебя, наша земля.
Вышли борцами они против бед,
Чтоб не погас от вражды белый свет,

Вызов бросая врагу всей планеты –
Силе смертельной крылатых ракет.
Чтоб на земле были мир и покой,
Маршем протеста, как будто на бой,
Женщины вышли – их гнев справедливый
Схож с полноводной бурлящей рекой.

Жаждали мира во все времена,
Жить для цветенья планета должна,
К миру, как будто к заре долгожданной,
Тысячи рук протянула она,
Будет протестами, маршами мира
Чёрная сила войны сметена.

Дарите мне улыбки...

Друзья мои, мне золота не надо,
И серебра я в ларце не коплю.
Улыбки ваши – лучшая награда
За всё, о чем скорблю и что люблю.
Дарите их мне в зимнее ненастье,
Когда в ночи не увидеть огня.
Улыбки ваши мне приносят счастье
И наполняют радостью меня.
Они мне, словно крылья для полёта,
Нужны, когда я ввысь устремлена.
Дарите мне улыбки, чтоб работа
Была их добротой озарена.
Дарите на вокзалах и причалах,
В дни светлых встреч
и горестных разлук,
Чтоб музыка в душе моей звучала,
Чтоб я в беде не опускала рук,
Чтоб отменяя злобу и коварство,
Вершила правду кривде вопреки.
Улыбки ваши – лучшее лекарство
От неурядиц, хвори и тоски.
Дарите их – и станут дольше годы,
Которые прожить мне суждено.
И пусть не устрашат меня невзгоды
И злая хмарь, что застит мне окно.
Ведь твердь земли вовек
не станет зыбкой,

И чёрной мгле не погасить зарю.

Друзья мои, дарите мне улыбки,
А я в ответ стихи вам подарю.

К жизни

Проходит жизнь
И за собой меня
Ведет,
Как под уздцы ведут коня.
Ведет,
Как мать упрямого ребенка,
А я еще не спела песни звонкой
И до самой себя не доросла.
Я опоздала утром пробудиться,
Я не совсем очнулась ото сна,
Я жизнь прошу:
– Не надо торопиться! –
Но все сильнее торопится она.
У песни было позднее начало,
Была у песни робкая строка,
И я пока еще не оправдала
Строкою той грудного молока.
А путь – вперед, обратно нет дороги,
И потому молю я снова жизнь:
– Не торопись, притормози немного.
О жизнь моя,
молю – не торопись!

1949

Перевод Л. Щеглова

Водопад

И вот, как песня о Манасе,
С горы низвергся водопад.
Клубясь в веселом переплясе,
Потоки бурные летят.
На сотни струй дробясь о скалы,
Играют в радужных венцах,
И ни конца им, ни начала
И ни начала, ни конца.
Зимой и летом, днем и ночью,

Не прерываясь ни на миг,
Поет, хохочет и грохочет
С горы низвергнувшийся мир.
Глядишь туда, и постепенно
Уходит суетность с лица,
И манит омут белопенный,
Где ни начала, ни конца.

1958

Перевод Л. Щеглова

Слово об авторе

Где бы это ни происходило, я была свидетельницей того, как, затаив дыхание, внимательно слушают, а затем радостно бурно аплодируют, когда Тенти эже говорит или читает свои стихи. У нее было много хороших стихов. Я до сих пор слышу, как она вдохновенно читает свои любимые стихи. Это: «Ата-Джуртум», «Людям», «Великое слово», «Потеряла слово», «Для людей», «Говори пока я жива», «Рассмеши меня», «Моя прекрасная земля», «Душа моя», «Выжить», «Мой народ», «Скучаю по тем временам», «Почему?», «Мы женщины», «Руководитель» и «Монолог ребенка, брошенного матерью».

Если вспомню, что есть у нас поэты, у которых нет ни одного стиха, запавшего в душу людей, то Тенти эже всем своим существом была настоящим народным поэтом.

Гульсайра Момунова, поэтесса

МУХТАР БОРБУГУЛОВ (1930–2004)

Киргизский драматург, баснописец, литературовед, редактор Кыргызской советской энциклопедии. Народный писатель КР (1995).

Родился в селе Кыз-Кол Сузакского района Джалал-Абадской области. Мухтар Борбугулов начал свое творчество как автор стихотворений и драматург. В 1950 году опубликована его пьеса «Мелдеи» («Соревнование»). В 1953 году – «Одна семья», в 1958 – «Барпы». Он автор произведений «Кто видал такое», «Азган кыз», «Бабушка Тойтош и спутник», «Кадыр Жусуп» и других драм, комедий, историко-биографических пьес. Некоторые из произведений поставлены на сценах театров, некоторые – в народных театрах художественной самодеятельности. Комедия «Бабушка Тойтош и спутник» издана отдельной книгой в Москве.

Борбугулов известен как зачинатель кыргызской профессиональной, сатирической басни. Басни начал писать в 1952 году. В 1955 году вышел его первый сборник «Басни и песни», в 1958 году на русском языке издана его книга «Горькое лекарство».

Лиса-моралист

Лиса читала лекцию зверям:

– Жить надо

Мирно,

Справедливо,

Честно.

Насилие и воровство,

Известно,

Как беды причиняют нам.

Возьмем, к примеру, бурого Медведя:

Хот и старик,

А ходят слухи – вор.

Повадился на пасеку к соседям,

Ворует мед... Да это же позор!

А хромоногий Волк,

Подумайте, наглец, –

На трех добрался до овец!

Давайте так,

Чтоб зверь большой и малый

Не учинял подобные скандалы,

Чтоб жили все спокойно и счастливо,

А главное, по чести,

Справедливо!

Зверье, не нарушая тишины,

Друг друга – в бок:

– Ишь, говорит как ловко!

Уж если эта рыжая плутовка

Да стала честной,

Так и мы должны

Быть честными

И жить своим трудом,

И никого не обижать притом.

Назавтра, чуть заря,

Медведь с дружкой

Направились к опушке за малиной.

И вдруг услышали
Протяжный стон куриный.
Глядит – Лиса несется напрямиком.
И курица в зубах.
Друзья узнали –
Вчерашнего глашатая морали.
– А, здравствуйте, – говорят, – голубушка,
Привет!
Не раньше, чем вчера
Ты нас добру учила,
О совести, о чести говорила,
А у самой-то совести и нет!

– Чем упрекать меня,
Подумайте сначала, –
Внушительно Лиса им отвечала, –
Ведь лекцию читала я для вас!
Простите, я спешу!
Который час?

Иные «лисы»
На морали речисты,
А сами
На руку не чисты.

Пир у мыши

Однажды Мышь устроила банкет,
Домашних и лесных зверей созвала,
Хотя отлично вся округа знала –
Скупей хозяйки зверя нет.

Что ж, гости удивились, но собрались
И принялись усердно за еду.
Морковью свежей был завален Заяц,
Медведь в меду купался, как в пруду.
Козел хрустел капустой неизменной,
А Волк ягненка в уголок унес.
Осел,
Не евший вволю даже сена
И тот сегодня важно жрал овес.

Кому-чему –
Достатков полон дом!
И даже Кот, заклятый враг мышинный,
Дожевывая гребень петушинный,
Хвалил хозяйку за прием.

Жест доброты секретом не остался,
Тут ничего томиться головой:
Банкет у длиннохвостого состоялся
В колхозной кладовой.

Теленок

Директор Бык позвал к себе Вола,
Советчик во всех своих делах:
– А ну-ка, помоги, мыслитель,
Мне нужен ваш подходящий заместитель.
Ты знаешь хорошо мой вкус,
Мою натуру –
И сможешь подобрать кандидатуру.

– Честнее Лошади я никого не знал.
(Вол помахал хвостом и овода согнал).
– Она сильна,
В любом труде видна
И на высокий пост вполне годна.

– Нет, не ужиться мне с такой скотиной, –
Директор недовольно промычал, –
Все б ничего – характер лошадиный!
Кого бы ты еще назвал?

– Тогда поговори с Бараном,
Испытанным в отарах ветераном.
Он терпелив,
Настойчив
И спокоен,
Уж этот – повышения достоин!
– Да что – Баран! Как пробка глуп и тих.
Давай других!
– А хочешь буйных, – спохватился Вол,
Перебирая в памяти достойных,
Задиристых

И вечно беспокойных, –
Таким, пожалуй, будет сам Козел.
– Брось, не терплю задир и скандалистов.
А ну, еще кандидатуру выставь!

Хоть старый Вол отлично кадры знал,
А тут совсем, бедняга, растерялся,
Кого уж только он не называл,
Но Бык упорно головой мотал
И опорочить каждого старался.
– О, есть еще! –
Обрадовался Вол, –
Ну вряд ли будет он тебе удобен:
Труслив, рассеян, думать не способен,
С таким опасно, как бы не подвел!

– Да кто же он? – заволновался Бык. –
Да говори же!
– Рябенький Теленок...
– Так что ж ты раньше не сказал, старик?

Его то знаю я еще с пеленок!
Кандидатура – в самый раз.
Иди –
И оформляй приказ!

Здесь ничего нет
Необычного –
Теленок был
Из рода бычьего.

Выбор невесты

В прекрасном женском поле зная толк,
Искал себе невесту юный Волк.
И вот нашел достойную девицу –
Благовоспитанную Львицу.

Прослышав это, волчий род
Такую свадьбу счел за анекдот:
«Помилуйте,
Как можно им жениться?
Ведь он-то Волк?!

А ведь она-то Львица?!
Совсем различные характеры у них.
Вот разве только Львица – мастерица,
И есть чему у Львицы поучиться, –
Тогда, конечно, прав жених».

Вот к жениху собрались Волки,
Пошли расспросы,
Споры,
Толки.
И оказалось, что невеста – Львица
Как ни суди, а в жены не годится:
Капризна, зла, невысказано пуста
И никакая там не мастерица.
– Так почему же ты ее берешь?
Ужель себе Волчицы не найдешь?
– Да я и сам согласен, что плоха, –
Изрек жених. – А свадьбу все ж закатим:
Ведь как никак –
Я буду львиным зятем!

1958

Перевод С. Фиксина

Слово об авторе

На самом деле невозможно придать произведению национальный колорит без глубокого усвоения жизненных условий, национальных особенностей, психологии, этнографии, обычаев и традиций народа. М. Борбугулов, усвоивший все это заранее, написал басни в полном смысле этого слова. Его сатира направлена на бюрократов, холопов, взяточников, оставших от жизни, не любящих критику.

Халил Бапаев критик, литературовед

ЭСЕНГУЛ ИБРАЕВ (1933–2005)

Киргизский поэт-лирик, журналист, редактор, сатирик, переводчик. Заслуженный деятель культуры КР (1994), Народный поэт (2001).

Первый стихотворный сборник «Бөбөгүм» («Мой младший братик») издан в 1964 году. Эсенгул Ибраев является автором более 20 сборников песен и стихотворений. Наиболее известные произведения: «Мы – наследие наших предков»,

«Потоки жизни», «Если живот горит», «Дни – мои крылья», «Письмо из Миди-на», «Песни Эсенгула».

Он перевел на кыргызский язык произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, В. Маяковского, А. Фета и других.

Серый козленок

Обласкан любовью с пеленок
Двух коз, двух заботливых мам,
Жил маленький серый козленок,
И был он шкодлив и упрям.

Всей горной округе известен,
Он так баловаться привык,
Что даже минуты на месте
Не мог усидеть, озорник.

Он не был покуда рогатым,
Но жил, не боясь никого.
И прятались в страхе цыплята,
Едва лишь завидев его.

И куры, и утки дрожали,
Заметив его вдалеке,
И с гоготом гуси бежали
С зелёного луга к реке.

И не было спасу теленку
От дерзких забав егозы...
Напрасно журили козленка
Две мамы, две добрых козы.

Не слушал козленок их жалоб,
Их ласковых и угроз,
И коз сердобольных, бывало,
Не раз доводил он до слез.

Не мог забияка ужиться
Ни с кем, кто в соседстве с ним жил.
Но как-то весной подружиться
С ягнятами вдруг он решил.

Он в дружбе им вечной поклялся
И, хвост перестав задирать,
На пастбище с ним старался
Спокойно и мирно играть.

Носились они по нагорьям,
Затеяв с утра кутерьму...
Но дружба с ягнятами вскоре
Наскучила все же ему.

И стал он опять задираться,
Дразнился, грозился, грубил.
И даже пытался бодаться,
Хотя и безрогим он был.

Хвалился он им, что силенкой
Давно уже их перерос,
И в драке однажды ягненку
Расквасил копытцами нос.

Сказали ягнята задире:
– С тобой нам водиться невмочь.
Не можешь ты жить с нами в мире,
Ступай-ка немедленно прочь!

И снова на пастбище тучном
Пришлось ему быть одному,
И было тоскливо и скучно
Пастись в одиночку ему.

Кору на деревьях с досады
Он грыз, выбиваясь из сил,
И даже с разбегу ограду
В овечьем загоне свалил.

И вновь шалунишку журили
Две мамы, две старых козы.
– Опомнись, – они говорили, –
Пока не накликал грозы!

Мы стали седыми от горя,
Покоя ты нам не даешь.

Живешь ты с ягнятами в ссоре,
С телятами в ссоре живешь.

И гуси, и куры-хохлатки
От страха томятся с утра,
Бегут индюки без оглядки
При виде тебя со двора.
Неужто и впрямь, безобразник,
И капли стыда в тебе нет?
Но серый буян и проказник
Лишь только смеялся

в ответ

Он блеял сквозь зубы ехидно:
– Коль я у ягнят не в чести,
С чабанским кутенком,
как видно,
Придется мне дружбу вести.
Подружимся мы – и клянусь я:
Поднимем такой тарарам,
Что куры и утки, и гуси
Навечно сбегут со двора!

Он стукнул копытцем о землю,
Попил молока поутру
И, маминым просьбам
не внемля,
Потопал к щенку в конуру.

У речки – и дружно, и ладно
Играли они в камыше.
И было светло и отрадно
У всех в этот день на душе.

И солнышко всем улыбалось.
Не пряча за тучи лица,
И всем, кто видел, казалось:
Не будет их дружбе конца.
Бродили они неразлучно
Раздольным лужком и леском,
Покуда не сделалось скучно
Козленку играть со щенком.

Что мамы несчастные даже
Козленка узнать не могли.

Они его мыли до ночи
Горячей водой их ведра
И дружно вздыхали: – Сыночек,
Тебе бы уняться пора.

Ни бедным животным, ни птицам
Нет нынче покоя нигде.
Ведь так и недолго случиться
Какой-нибудь страшной беде.

Вот будешь слоняться у речки,
Где в зарослях волки живут,
Они с тебя враз, как с овечки,
Безжалостно шкуру сдерут.

Но мудрым и добрым советам
Шалун и не думал внимать
И, еле дождавшись рассвета,
Отправился к речке гулять.

И там, в камышовом затишье,
Блаженно улегся в грязи,
Но тут же неожиданно услышал
Загадочный шорох вблизи.

Он в сторону прыгнул пугливо
И даже вздохнуть не успел,
Как тотчас с крутого обрыва
В ревуший поток полетел.

И плохо бы кончилось дело,
Поскольку он плавать не мог,
Когда бы не бросился смело
Ему на подмогу щенок.

Лежал без сознания бедняжка,
Не видя вокруг ничего.
И было тоскливо и тяжело
От страха в душе у него.

Но вот наконец он устало
Открыл озорные глаза
И вдруг, как ни в чем не бывало,
Поднялся с земли и сказал:

– Я так здесь с утра наигрался,
Что малость вздремнул в тишине.
А тут незаметно подкрался
Матерый волчище ко мне.

Надумал, как видно, воришка
Отведать козлятины всласть,
Но я не такой уж глупышка,
Чтоб прыгать разбойнику в пасть.

Пришлось, как трусливой овечке,
Мне дать от него стрекача.
Волк рывкнул, но я уже в речку
С обрыва нырнул горяча.

Над серым вралем до упаду
Беззлобно щенок хохотал:
– Да ты хоть когда-нибудь рядом
Свирепого волка видел?

Кончай-ка ты, брат, завираться,
Не то пропадешь от вранья.
Заставил тебя искупаться
Не лютый волчище, а я.

Я видел, как ты непоседа,
Резвился у самый воды,
И к речке отправился следом,
Чтоб вдруг не случилось беды.

Спасибо, хватило силенок
С тобой мне на отмель доплыть!..
– А знаешь, – воскликнули козленок, –
Давай-ка, спаситель, дружить!

Забудем о недавней обиде
И помни, что с этого дня

Плохого никто не увидит
На нашем дворе от меня!

1981

Перевод М. Ронкина

Слово об авторе

Продолжая лучшие традиции киргизской сатиры, заложенные Жусупом Турусбековым, Райканом Шукурбековым и Мидином Алыбаевым, Эсенгул Ибраев внес огромный вклад в развитие киргизской литературы. Публицистические произведения акына прививают молодежи любовь к Родине, родной земле, киргизскому народу.

*Абдылдажан Акматалиев,
директор института языка и литературы НАН КР*

Эсенгул Ибраев большую часть жизни посвятил работе в сатирическом журнале «Чалкан». Его сатира по-настоящему обличает отрицательные явления действительности.

Кенеш Жусупов, народный писатель КР

ОМОР СУЛТАНОВ (1935–2022)

Народный поэт Кыргызской Республики, прозаик, киносценарист и общественный деятель Омор Султанов родился 6 ноября 1935 года в селе Тосор Жети-Огузского района Иссык-Кульской области.

В 1959 году окончил филологический факультет Кыргызского государственного университета, начал трудовую деятельность в журнале «Ала-Тоо». В 1971 году являлся вторым секретарем Союза писателей Кыргызской ССР, возглавлял литературное объединение имени Алыкула Осмонова. В 1980–1986 гг. снова избран секретарем Союза писателей.

Произведения Омора Султанова начали выходить с 1953 года. Первый поэтический сборник под названием «Тоо кундөрү» вышел в свет в 1961 году. Примечателен цикл стихотворений «Времена года».

Автор многих популярных произведений, поэтических книг, романов, киносценариев, переводов. Его основные книги: «Мгновение», «Всегда со мной», «Звездные ночи», «На ветрах Иссык-Куля», «Утро на перевале», «Песни усталости», «Суть», «Предназначение», «Дорога к океану», «Белая дорога, синее небо», «Пираты поневоле», «Зрелость», «Остров Дракона», «Таинственный всадник» и многие другие. С 2011 года начал выходить в свет многотомник избранных сочинений О. Султанова. На сегодняшний день имеется восемь томов.

О. Султанов является автором сценария таких документальных и художественных фильмов, как «Төкмө», «Жазуучу», «Ак куулар конгон айдың көл» и других экранизированных киностудией «Кыргызфильм».

Омор Султанов коснулся нетронутого до этого кыргызской литературой жанра приключений, и выпустил на русском языке серию приключенческих романов «Пираты поневоле», «Остров Дракона», «Таинственный всадник», «Вести с того света» в соавторстве с немецким писателем Лео Германом.

Произведения О. Султанова переведены на казахский, русский, английский, немецкий, испанский, французский, польский, украинский, монгольский, венгерский, словацкий, чешский и ряд других языков мира. Он перевел на кыргызский язык ряд произведений А. Пушкина, М. Лермонтова, Б. Брехта, П. Неруда, Г. Мистраль, В. Маяковского, Н. Хикмета, К. Кулиева, Р. Гамзатова, Э. Межелайтиса и других авторов.

О. Султанов – вице-президент Союза обществ дружбы с зарубежными странами, президент «Международного экологического фонда защиты озера Иссык-Куль», президент «Международной Академии поэзии Омора Султанова», экс-председатель Национального Союза писателей Кыргызской Республики, член Секретариата Международного Сообщества Писательских Союзов (СНГ). Обладатель множества почётных званий, медалей, грамот, ордена «Манас» II степени.

Времена года

1. Весна

В жизни тоже бывает такая весна!
...Чуть помешкав, она поднимается в горы,
скоро встанут тюльпаны, как чаши вина,
ярко-пламенной алостью радуя взоры.

Но весна холодна поначалу в горах –
даже солнце холодное здесь, как ни странно!
Замерзают ночами болотца в лугах,
и сосулька звенит на хвосте у барана.

Между тем все оранжевей солнца лучи,
и зима понимает свой крах неизбежный,
и, петляя, по склонам, несутся ручьи,
как бежавшие узники крепости снежной.

У сакманщиков снова по горло хлопот,
все в заботах они, сна по суткам не зная:
очень трудное дело – весенний окот,
и коварна весенняя стужа ночная.

Овцы больше в кошарах толпятся пока –
сытно там и тепло, но все чаще им снится
летних пастбищ трава, что нежна и сладка,
по которой так мягко ступают копытца.

На дорогах весенняя чавкает грязь,
льются речки, отчаянны и мутноваты,
и, короче, серей с каждым днем становясь,
расползаются гор снеговые халаты.

Ну, а в город явилась весна уж давно,
как в проснувшийся парк – перелетная птица,
и стучится весенняя ветка в окно,
и пленительны девушек свежие лица.

Стала каждая тоньше, изящней, нервней –
и дивишься на них, словно видишь впервые!
Даже мнится: пройдет еще несколько дней –
легким пламенем вспыхнут тела молодые.

С малышами коляски построились в ряд,
и любой, ничего еще в мире не смысля,
почему-то весне тем не менее рад –
солнцу, птицам и веткам, что в небе повисли.

По весне так и тянет бродить без конца,
и бессонница ночью встает к изголовью,
непонятным томленьем томятся сердца,
происходят нежданные встречи с любовью.

2. Лето

Ты на летнее стойбище откочевал.
Вечер. Лег и уснул. Встал. Свежо на рассвете.
Видно тропку, ползущую на перевал.
Ты здоров. Твои чувства безоблачны. Ветер

шелестит над джайлоо высокой травой,
голенастые стебли слегка наклоняя.
Жеребец пышногривой трясет головой,
чутко нюхает воздух, табун охраняя.

Отражается солнце от конских боков,
Дремлют матки, и плотные крупы лоснятся.
Молодые кобылы теснят стригунков.
Жеребята постарше на младших косятся.

Мир на пастбище горном прекрасен и прост.
Каждый день по-особому ясен и звонок.
Травку щиплют ягнята. Ужаленный в хвост,
уморительно бегают рыжий теленок.
Брод широкий на солнце блестит. Здесь река,
разделяясь, двумя рукавами струится.
Слышен крик отдаленный сурка-толстяка,
сел улар на скалу – гладкоперая птица.

Вот и вечер опять. Ты, на солнце смотря,
как заходит оно за хребты понемногу,
нарисуй себе всадника-богатыря,
что за счастьем народным пустился в дорогу.

Ночь. Висит полумесяц, долинную ширь
озаряя до самых зубцов и карнизов.
Ты подумай: в дозоре стоит богатырь,
охраняя с секирой богатства киргизов.

Многогорбые горы кругом залегли.
Ты представь себе, мыслью в века улетаю:
это предки, верблюдов навьючив, пришли
на закате великим кочевьем с Алтая.

А теперь присмотрись к этой темной скале,
что нагнулась, исполнена силой великой, –
будто мчит Манас на коне Аккуле,
угрожая противникам крашеной пикой!

3. Осень

Золотистая тяжесть на землю легла.
Каждый солнечный лучик в зерно превратился.
И по жилам размеренной кровь потекла:
это воздух долин в нас вошел и сгустился.

С горных пастбищ домой возвращается скот,
и гудят перевалы в осенней расцветке,

потучнели заметно от летних щедрот
кобылицы-трехлетки и четырехлетки.

Стали суслики – гляньте! – как дыни, круглы.
Со щенками размером поспорят сурчата.
На горах, что с рождения сердцу милы,
снежный пласт все мощнее в сиянье заката.

В огороде несорванный сохнет ревеня –
одиноким, забытым, брошенный стебель,
и тоска журавлей мне слышна целый день
в беспредельном осеннем, чуть выцветшем небе.

Ощущаю, как солнца слабеет накал:
все бледней и нежней его светлое пламя,
словно жизнь, что за главный прошла перевал,
словно сердце, познавшее горе с годами.

Все настойчивей галки вопят о зиме,
ветер мчит по ущельям, крепчая, свежая,
и все дольше земля пребывает во тьме:
удлиняется ночи косматая шея.

По ночам в бурдюке подмерзает кумыс.
Нынче кони, хоть на ночь стреножены были,
все ж спустились, инстинктом влекомые вниз,
где теплей, где покуда ручьи не остыли,

Волки выть по ночам перестали теперь:
подкормились, отъелись и эти ворюги!
Собирают запасы и птица и зверь,
ожидает зимы все живое в округе.

Днем и ночью комбайны по нивам ползут,
добрый хлеб убирая, рокочут согласно,
и прекрасен земной человеческий труд,
и земля, одарившая хлебом, – прекрасна.

Птица-лето слиняла и стала иной,
птица-осень мелькнула с недолгою славой,
и уже высоко-высоко надо мной
кружит в небе зима, как орлан белоглавый.

4. Зима

Высота. Чистота. Белизна. Тишина.
Легкоперая тучка к вершине пристыла.
Здесь, в горах, красота, словно лед, холодна.
Здесь ручей замерзает, утративший силу.

Из ущелья табун вырывается вдруг,
вьется снежная пыль, словно белое пламя,
и табунщик в седле, краснолиц, краснорук,
мчится вслед за конями, гремя стремями.

Ель чернеет на склоне, как черный свинец.
Затвердела трава, стала жести подобна,
и горит равнодушно созвездий венец,
и утесы на путника щерятся злобно.

Под ногами тропинка звенит все звончей,
помертвелым деревьям все хуже и хуже,
лишь один, в жирных блеснах, болотный ручей,
до поры не сдаваясь, противится стуже.

Серый конь средь осоки ногами трясет,
побелела хвоста его темная пряжа.
Холод мучит, щекочет его и грызет –
жметя, ежится конь. Уменьшается даже!

Снег ложится всю ночь. Темя юрты – в снегу,
своды – войлок – под тяжестью снега прогнулись,
воробьи, осмелевшие льнут к очагу,
и вороны уселись на камни, ссутулясь.

Снег блестит и слепит, словно блески слюды,
и малыш, сын табунщика, щурясь от света,
топчет снег в первый раз, оставляя следы,
в жеребьячью удобную шубку одетый.

Овцы в холод спокойней, чем сам человек:
ровно жвачку жуют – им в кошаре уютно,
словно их не касается ветер и снег,
лишь прошедшее лето им грезится смутно.

Горы молча стоят, уходя в забытье.
Широки, неподвижны их снежные гривы.
Точит холод о скалы свое лезвие.
Над ущельями кружатся сизые грифы.

Воздух рвется, трещит. Трите, люди, носы!
До весны еще времени много и много.
Монотонная стужа стучит, как часы.
Протянулась по снегу нагая дорога.

Перевод И. Фонякова

Слово об авторе

...Особенность пера Султанова – органическое сочетание традиции и современности, естественность голоса и откровенная сила чувств. Жизнь поэтической души, ее поиски и находки, философское осмысление сложнейших категорий бытия человеческого пронизаны в «Песнях усталости» реалиями быта киргизского народа в наши дни. Пульс двадцатого века бьется в каждой строке. Здесь будни айла и тяжелые воспоминания военных лет, лирические обращения к героине и разговор с самим собой о непреходящих ценностях мире, здесь образ матери и лицо друга, радость встреч и возмущение перед несправедливостью.

Лариса Васильева, поэтесса, переводчица

В литературу Омор вступил еще в студенческие годы, в конце 50-х, во времена большого общественного подъема после XX съезда, когда в Москве завоевывали аудиторию Политехнического Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Р. Рождественский. В киргизской поэзии подобную же роль обновляющего, «дрожжевого» начала сыграло поколение О. Султанова, Р. Рыскулова. Отсюда эта сила, напор, сплав лирики с публицистикой, «ершистость» и пафосность стиха, поиски особой художественной выразительности.

Одной из новых форм, фактически введенных в киргизскую поэзию именно О. Султановым и Р. Рыскуловым (только значительно позже она проникла в творчество «старших», например, С. Эралиева), был верлибр. Сегодня верлибр широко распространился в молодой поэзии Средней Азии, Закавказья, Прибалтики, – вероятно, потому, что он наиболее соответствует внутреннему ощущению поэтической свободы. Но надо отдать себе отчет в том, что если для прибалтийских литератур, традиционно связанных с Западом, здесь нет ничего удивительного, то в системе тюркской языковой группы с ее закрепленными ударениями, легкодоступной и повсеместной флексивной рифмовкой, верлибр ознаменовал подлинную революцию не только в художественных средствах, но и в самом поэтическом сознании.

Вадим Ковский, литературный критик, литературовед

Омор Султанов, как и многие кыргызские поэты и писатели, получившие вдохновение от величественных гор и народных сказаний, является совестью своего народа. Уверен, что еще долгие годы поэт будет питать тюркскую культуру своими произведениями.

Дуйсен Касеинов, Генеральный секретарь «ТЮРКСОЙ»

Кто такой Омор Султанов?

Прежде всего, нужно сказать прямо, «по имени»: Омор Султанов – настоящий поэт кыргызского национального происхождения. В то же время ценность его работ – это международный шедевр, который будет измеряться мировыми стандартами. Одним словом – классик. Последний классик современной национальной поэзии.

Чоюн Омуралиев, публицист, писатель

РАМИС РЫСКУЛОВ (1934–2021)

Советский и кыргызский поэт, художник, литературный переводчик, народный поэт Кыргызской Республики.

Родился в селе Кызыл-Тоо Московского района Чуйской области,

В 1951 году окончил педагогическое училище, в 1955 году – Центральную высшую комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ и в 1959 году – Всесоюзный литературный институт имени Максима Горького в Москве. Трудовую деятельность начал литературным работником в газете «Пионер Кыргызстана», работал в редакции газеты «Ленинчил жаш», в журнале «Ала-Тоо».

Член Союза писателей СССР с 1959 года.

В поэзии дебютировал в возрасте 14 лет стихотворением «Айтабыз алкыш атага», которое было опубликовано в газете «Кыргыз пионери», затем создал мелодию на стихотворение «Эки энем». Первый сборник стихов поэта был издан в 1959 году под названием «Жаз» («Весна»). В разные годы выходили поэтические сборники «Поклон Земле», «Даңкан», «Шаттуу ырлар», «Дильбар», «Күлкү чачам», «Жаштык шаары», «Эки жөжө», «Ырлар», «Ай бөбөк», «Ыр нөшөрү». В середине 1950-х гг. выступил с инициативой модернизации и расширения тематического поля кыргызской поэзии.

Обогатил кыргызскую поэзию новыми ритмами, гармоничными формами, рифмами и внес значительный вклад в укоренение белого стиха. Поэтический сборник «Ырлар» («Стихи») отмечен в 1986 году литературной премией Союза писателей Кыргызской ССР им. А. Осмонова.

Перевел на киргизский язык стихи А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова, С.В. Михалкова, С.А. Есенина, В.В. Маяковского, А.А. Вознесенского и Х. Алимджана.

Был также известен как художник. В 1987 году его картины «Иисустун өнүгүүсү» и «Жылмаюу» экспонировались в городе Москве, также он участвовал во II Фестивале народных промыслов народов СССР в Париже, получил диплом и стал лауреатом фестиваля.

Мама

Отпылало солнечное лето
Пионерским золотым костром.
Завтра мы уедем на рассвете
И оставим лагерь за бугром...
Я шагаю золотистым полем,
Весь покрытый солнечной пылью.
Думаю о доме, и о школе,
И о маме думаю родной.
У нее от глаз бегут морщинки,
Как весной ранней ручейки.
В волосах седые паутинки
Разбросали годы-пауки...
Мама плов готовит у окошка.
В очаге крутой огонь гудит.
Мама все торопится... И кошка
На нее доверчиво глядит...
Я иду, прижмурившись от света,
К речке, где обмякли тополя...
Допивают солнечное лето
Блюдцами подсолнухов поля.

1962

Перевод С. Поликарпова

Лебединый любодень

На Иссык-Куле лебедино –
По берегам и там, глубинно,
Где призрачен прозрачный день,
И в поднебесье лебедино.
Не облака в озерной сини –
То лебединые гордыни
Скользят по волнам и лучам
Со дней древнейших и доньше.
Они живут – не обитают,
Летают с трепетом и тают

В затолах и моих глазах, –
Мои желания витают.
В дали с зеленой пеленою
Белеет лебедь неземною
Красой иль парус на ветру,
Платок, палатка ль под скалою?
О, белокрылых вольниц горны,
Поющие полет и горы,
Лучи и облачные клубы, –
Мне любви, неизменно любви.
И лёт, и белокрылья сень,
Весь лебединый любодень
Мне суждены, как слова судьбы.

Перевод Е. Колесников

Я энергичен

Я энергичен,
мои вздуваются вены,
я энергичен,
видите: пульсируют артерии.
Берусь за многое – уверен, что, несомненно,
достигну многого – и не только в теории!
Порывисты, резки
мои движения,
кости хрустят,
если руку я пожимаю.
Бурлить – нормальное моё состояние.
Вечный двигатель – так я себя понимаю.
От бешеной радости
наливается силой тело,
лечу, как яхта,
грудью волну взрезая,
небо проглатываю,
как беркут, легко и смело,
громоподобный клич
всей планете бросаю!
Глаза – как угли!
Их не закрыть дремоте!
Лечу, обгоняя ветер,
и всё мне мало!
Гепард в прыжке!

Он вытянулся в полёте! –
Вот мой символ, вот воплощение идеала!

Перевод М. Ватагина

Зов бытия

Эссе

Иной раз, сам не замечая, начну петь песни свои и чужие. Порою долго не слежу за календарем на стене. С охотой отдаюсь усыпляющим ритмам дней. Бесхитростно живу, увлеченно следя за всемирным развитием поэзии!

И сто удовольствий черпаю от шахматной игры с любителями шахматистами! А после незаметно наступает вдруг эпоха безвременья. А сердцу хочется где-то быть современным. От этого желания гудит аорта моего тела. Чего ни желаешь в своей бытности. В мире есть зовущие глаза девушек и женщин. В мире есть женшень. Есть свои напевы у каждого дня.

Утро вечера мудрее. Есть утренние настроения, и есть вечерние настроения. Они разные. Разны и девушки. Я не люблю тиканье часов. Они как секунданты. Иногда на балконе моем вижу горлицу. Когда выйдешь в поле, где небо открыто со всех сторон, мне чудится вечность. С удовольствием зайду в ближайшую пивнушку, и люблю, не спеша пить пиво. Иной раз удается закусить рыбой. После пива отдыхаю телом и душой. Черпаю равновесие. Хорошо, что не знаешь, что ждет тебя завтра.

Очень много значит для меня: свет соседских домов, который падает через окна.

Море девушек вижу я каждый день. Иной судьбой грянул я на этот мир. Шалаш волос был на голове у меня в юности. А в какой-то период я стал очень похож на Бетховена. Мои черные волосы были моей черной маской. И поэтому я терпеливо носил на голове этот терновый венок. Тяжела шапка Мономаха, говорится ведь. Вся причина была в том, что я не искал легкой судьбы и легкого счастья. Я знал или почуял спинномозговым хребтом своим, что быть изолированным от общества порою полезнее, чем быть им признанным.

И он знал секрет этих волос. Этот секрет знают попы и древние дервиши Востока. Дело в том, что большие волосы обогащают человека в духовном отношении. Выделяют из толпы. Толпа, безумно поклоняясь мне, одаривала счастьем и вдохновением. Толпа любит своего контраста.

Личность воспитывается в гуще народа. Ходжа Насреддин жил именно среди народа. Он любил базарную сутолоку.

Когда я был студентом, у меня не было денег, чтобы идти еженедельно в парикмахерскую. Носки мои были дырявые. Когда я шел впереди, за мною вслед идущие девушки сочувственно смеялись, увидев меня с дырявыми носками. Мои пятки горели от стыда в такие моменты. И так от мороза они были красные. Судьба моя была ветрогоном.

И бездельники занимаются делом. Они создают благоприятную компанию для поэтов, композиторов и художников. Они есть творцы веселых анекдотов, сногшибательных слов. Имеют неистощимый запас веселья. Умеют грустить. Они создают среду и почву для гения. Гении имеют привычки прослыть паразитами, нищими. Это их маски и судьбы.

Поэты и гении имеют привычку плохо одеваться. Лев Толстой сказал: «Я когда хорошо одеваюсь, хуже мыслю, а когда скромно одеваюсь, мне мыслится лучше».

Часто и часто в юности сердце мое щемило и зияло, как открытая рана из-за обиды. Было за что обижаться. Я шел к судьбе, к счастью, наугад. Нет легкого счастья на земле. Человечество шагало к грядущему из века в век через трупы, скорее, чем в мире и согласии...

Есть еще один секрет у великих людей. Они имеют джунгли врагов и преследователей, ограничивают свои потребности. Они вынуждены мало встречаться и с красавицами всякого рода. И поэтому они свою энергию берегут для великих произведений.

Гении – добровольные нищие. Секрет смерти гениев: когда становятся богатыми, они из-за неопытности становятся часто жертвами богатства. Хоть встречаются в пути тысячи баранов, волк жертвует ими. Волк может вести голодный образ жизни. Изнутри своей кишки он слышит завывание. Он очень осторожен. На близкое стадо не нападает. Нюх тонкий. От голода порою и щелкают зубы. Вся жизнь чутье, догадка.

Гений питается запрещенными плодами. Он берет со вкусом. Довольствуется малым. Голод, холод, неудачи, недуги – его постоянные спутники. Сам, страдая, людям дарит радость. Из яда выделяет мед. В мире гениев много. Природа избирает одного гения именем тысячи гениев.

Бывает время, вдруг себя считаешь ненужным. Особенно в беде только очень редкие люди могут помочь тебе. Когда в кармане денег нет, и рубль звучит как симфония Бетховена. Этот рубль кажется равноценным на десять рублей. Поэтому не забудь тех людей, которые тебе дают рубль.

Часто люди приветствуя друг друга, спрашивают о здоровье, погоде. Друг с другом беседуют о ходе хозяйственных дел. Говорят о своих делах, и о том о сем разговаривают каждый раз. Многим больше не о чем говорить. Ночью, наедине, думают о смысле бытия.

В юности я не накопил никакого богатства кроме книг. Порою ездил на такси. Был идеалистом чаще, чем материалистом. Любил красивых девушек. Красавицы мне дали огромное эстетическое удовольствие.

И бог ожидает чего-то, плачет и смеется. И он ищет из века в век своего идеала, думал я однажды. Быть передовым человеком, постичь главные идеалы своей эпохи! И рай многосортен. И идеалы разные! Сколько несхожести существует в мире!

Если ты хочешь быть драматургом – женись на сварливой жене. Ревнивая жена преследует хуже врага. Изучая твоё моргание глаз, становится ещё опаснее. Драматический театр кочует в твой дом. Поневоле перестаёшь ходить в театр, имея его в своём доме.

В душной комнате стоит запах мужчин, запах женщин. Влюбляются в запах мужчины некие женщины. По вечерам люди подводят итоги, задумываются о пережитом, мысленно рассказывают хронику дня.

При жизни вечно враждовали два соперника. А после смерти лежат рядом в двух соседних могилах, глубоко укутанные вечностью. Такими были их судьбы. Тоже насмешка бога. Такими были Байтик и Рахматулла. Два хана враждовали меж собой. Их памятники стоят рядом.

И в страдании, и в пылкой любви величественны были герои Шекспира. Великое искусство – это есть всякое возмездие за не пережитое. Искусство требует жертв, это не простые слова. Не только искусство прихоть таланта, а чуткое отношение ко многим явлениям жизни.

Без борьбы дух будет дряблым, дряхлым. С гор утром к вечеру прилетает озон. Порою чувствуешь холодное дыхание вечности. Пышет под зноем юг. Сплошь рядом шумит презелёный, сочный мир.

В то время был молодым поэтом Петр Вегин. Мы с ним около часа непринужденно беседовали у памятника Пушкину.

В это время я уже написал стихотворение «Арбузы, уплывающие по реке». Один экземпляр этого стихотворения я подарил девушке-москвичке. С ней я беседовал, прогуливаясь по улицам Москвы. Я очень люблю медленно идущую московскую весну. Порою с каждой крыши капает капля дождя. Как сильно громают весенние громы над московскими лесами.

О, завидное молодое поколение, среди вас живут мои герои.

Личная инициатива и личная ответственность являются одной из главных движущих сил общества. Сначала капиталисты были во главе прогресса. В капиталистической Англии живущие Стефенсон и Уайт творили паровик, секрет электричества нашёл инженер по имени Электр. Надо гордиться и нам такими людьми. Я – корень жгучих вопросов.

Глазами неба я покажусь маленькой точечкой. Глазами маленьких атомов я гигант. Гении имеют очень много врагов...

Кыргызстан аялдары, 1996. № 2

Слово об авторе

Рамис Рыскулов – постоянно ищущий поэт, он впитал в себя лучшее, что было и есть в родной киргизской поэзии. Но он не просто впитал, он обогатил её новыми поэтическими образами, яркими красками, самые сильные из которых молодость и солнечность.

Алексей Налдеев, советский писатель

Природно-стихийное национальное мирозерцание Рамиса Рыскулова органично впитало в себя образы, мотивы, эстетические принципы отражения жизни различных литературных направлений мировой литературы. В его произведениях слышится отзвук страстной и философской поэзии мусульманского востока, возвышенной тоски-мечты по несбыточному, романтизма, знаковой эстетики символизма, социального детерменизма, реализма, эпатажности и громоголосия футуризма... В этом отношении поэзия Рамиса Рыскулова интеллектуальна и интертекстуальна, и полнокровное осознание ее возможно лишь в контексте истории мировой литературы...

Бахтияр Койчуев, литературный критик

ДЖАЛИЛ САДЫКОВ (1932–2010)

Советский и киргизский поэт и переводчик, драматург, редактор.

Родился в Кичи-Кемине Чуйской области. В 1958 году окончил филологический факультет Киргизского государственного университета.

Печатается с 1950 года. Автор книг: «Убада» (1958), «Летняя заря» (1961), «Свидетель прошлого» (1962), «Страницы веков» (1964), «Жёлтая долина» (1966), «Я пою о Родине» (1968), «Незабываемые мелодии» (1971), «Созвездие» (1973), «Пьесы» (1976), «Родник» (1981), «Земное чудо» (1986).

Перевёл на кыргызский язык произведения классиков и великих поэтов прошлого и современности – Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Тараса Шевченко, Омара Хайяма, Расула Гамзатова, Кайсына Кулиева, Ясыра Шивазы и многих других. Произведения Жалила Садыкова переведены на десятки языков мира, на сценах многих зарубежных театров поставлены его драмы.

Автор слов гимна Киргизии. Народный поэт Кыргызской Республики.

Родные горы

Я помню горный наш аил,
Где много, много лет назад
С отцом и матерью я жил...
Любил тогда я пить жуурат.

Любил с соседской детворой
Я забираться на хребты,
Лепить там снежных баб зимой
И собирать весной цветы...

Пусть много лет прошло с тех пор,
Ушли те детские года.
Но гребни снежных чистых гор
Я не забуду никогда.

1964

Перевод А. Залуцкого

Ночь

Ночь пропахла лиловой сиренью...
То послышится песня, то смех.
У ветлы под дрожащею тенью
И поют, и играют для всех –
Тихий парень с гармошкой стозвонной
И девчонка...
Их счастье свело.
Хорошо им, навеки влюбленным,
Убаюкивать песней село.

1966

Перевод А. Леднева

Слово об авторе

Джалил Садыков был известным деятелем кыргызской культуры и литературы. Он хорошо известен в обществе как поэт. Затем он написал несколько классических произведений как драматург. Не говоря уже о том, что трилогия на эпос «Манас» – классика кыргызской драмы. Всю оставшуюся жизнь Джакем не отпускал ручку и белую бумагу. Даже когда он был серьезно болен, он написал трагикомедию «Жалуюсь», в которой проиллюстрировал проблемы нашего времени забавными, грустными красками.

Бексултан Джакиев, народный писатель

БЕКСУЛТАН ДЖАКИЕВ (1936–2021)

Народный писатель Кыргызской Республики, редактор, переводчик, сценарист. Герой Кыргызской Республики. Родился в селе Боконбаево Тонского района Иссык-Кульской области. В 1958 году окончил факультет кыргызской филологии Кыргызского педагогического института имени М.В. Фрунзе. В 1960–1962 гг. проходил обучение на высших сценарных курсах в Москве. Ярко дебютировал в литературе и театре после постановки пьесы «Судьба отца» (1958), которая вызвала значительный общественный резонанс. На сцене Кыргызского драматического академического театра имени Т. Абдумомунова спектакль ставился более 500

раз, а в казахстанских театрах Алматы, Чымкента, Джамбула, Семей более 300 раз. По драме «Судьба отца» была поставлена одноименная опера, по пьесе «Саадак какты» – балет.

Произведения переведены на русский, якутский, казахский и другие языки.

Перевёл на киргизский язык пьесы Б. Брехта («Мамаша Кураж и ее дети»), С. Михалкова («Красный галстук»), М. Ауэзова, «Палату» С. Алёшина, а также книгу о легендарном Ходже Насреддине «Проделки Апенди».

Получил известность как яркий публицист («Нам нужна не фальшивая гордость, а честь»).

Встреча в городе ветров

Новелла

Если кто-нибудь, кто зимой бывал в Рыбачьем, скажет, что при нем ни разу не дул свирепый ветер, – не верьте ему. Безветренных дней почти не бывает. А штормит через день. Улан не дает открыть глаза, валит с ног.

Иссык-Куль не упускает случая, чтобы не схватиться с ветром. Он задирается, злобствует, встает на дыбы и с ревом бросается на берег. Мутные волны вгрызаются в песок и, шипя, сбегают назад, как разъяренные верблюды они выплывают белую пену, и клочья ее летят чуть не до неба. Волны рвутся вверх, стараясь перерастить друг друга, они расшвыривают привязанные к кольям лодки, но, когда откатываются назад, лодки, изнуренные болтанкой, скрипя и увязая в мокром песке, все-таки остаются на приколе...

Когда озеро начинает бушевать, все птицы сразу куда-то пропадают. Страшен Иссык-Куль в гневе. Не только издали смотришь, и то мурашки по коже.

Вот и сегодня выдалась непогода. Загудел пронизывающий ветер, затянуло-заволокло небо. Куда ни глянь – серые космы.

Ветер гнал по улицам города тучи песка и пыли. Вот он со всей силой обрушился на женщину, которая только что вышла на автобусе. Он швырнул ей в лицо горсть песка, женщина зажмурилась, отвернулась, прикрыла лицо руками. Тогда он распахнул полы ее шубы, развернул и погнал к автостанции, вслед за другими пассажирами.

В зале автостанции было почти так же холодно. Женщина грела руки дыханием, поживалась. Потом направилась к кассе.

– Не знаете, когда будет автобус на Пржевальск? – спросила она у молодого человека, стоявшего у окошка.

– Сказали, через два часа, не раньше, – сокрушенно проговорил джигит.

– Эх, невезенье! – женщина нахмурилась. – Тут только бешеных собак держать. За два часа мы окоченеем.

– Вам далеко еще?..

– В Ак-Суу... Была во Фрунзе на совещании, а в Токмаке встретила с племянником и отстала от своих. Ехала бы сейчас с ними на своей машине, и теперь

вот здесь, в такой ураган... Не знаете, где тут столовая, хоть поесть чего-нибудь горячего, согреться...

– Напротив, на углу. Сразу увидите.

Перебегая от дувала к дувалу, женщина кое-как добралась до столовой. С трудом открыв дверь, вошла в переполненный гомонящий зал. В дальнем углу нашлось свободное место. Женщина заказала борщ. Закоченевшие пальцы с трудом удерживали ложку. Немного согревшись, она отодвинула тарелку, осмотрелась. Взгляд ее остановился на мужчине в старом засаленном ватнике. Тот сидел, согнувшись над недопитым стаканом вина. «Неужели он?» – пронеслось в голове. Она пыталась получше рассмотреть мужчину в ватнике, но тот дымил самокруткой, и в дыму исчезали подробности его лица. Но вот он придавил окурочек, залпом осушил стакан и медленно поднялся. «Он!». Теперь она его узнала...

Человек в ватнике был пьян и, казалось, стеснялся этого. Опустив голову, опираясь о спинки стульев, он осторожно, боком пробирался к выходу. Увидев его, молодой человек в новом синем пальто подмигнул приятелю и весело крикнул:

– Эй, друг! Подойди сюда! Как жизнь?

Пьяный медленно повернулся и пошел на зов.

– На, выпей! – Молодой человек в синем пальто протянул ему стакан вина.

Человек в ватнике недоверчиво посмотрел на вино и несмело потянулся к нему. В этот миг рука со стаканом дернулась назад, молодой человек одним духом выпил вино и громко расхохотался. Человек в ватнике остолбенел. Но в следующую секунду бросился на обидчика. Потеряв равновесие, он упал на стол и угодил рукой на тарелку с борщом. Тарелка опрокинулась. Жирный борщ стекал по новому пальто шутника. Тогда вскочил шутник. Он крепко схватил человека в ватнике за грудки и начал его трясти.

Женщина все время напряженно следила за ними, стараясь оставаться незамеченной, но тут она вдруг протиснулась к шутнику, поймала его за руку и с мольбой заговорила:

– Милый человек, ты ведь трезвый, не связывайся с пьяным, я тебя очень прошу! Будь благоразумен! – Она поспешно достала носовой платок и начала старательно вытирать залитые борщом полы пальто.

Человек в ватнике, увидев женщину, опешил и попятился,

– Это ты? – с горечью прошептала она.

Тот чуть заметно кивнул. Потом прерывисто вздохнул, будто всхлипнул, и женщине вдруг стало нестерпимо жалко этого беспомощного человека. Она с трудом удержалась, чтобы не расплакаться. Поборов волнение, прикусила губу. И снова обратилась к нему:

– Что же ты стоишь? Сядь. – И придвинула стул.

Он робко приблизился. Но сесть не решился.

– Садись, Шейше...

Он присел на краешек стула, но не мог поднять глаз.

– На кого ты стал похож?.. Небритый...

Шейше шмыгнул носом и еще ниже опустил голову.

– Такой холод, а ты так одет! Нижняя рубаша да старый ватник. Застегнись...

Пуговиц нет... Хоть запахнись поплотнее.

Шейше съежился, как от холода, и пошарил там, где когда-то были пуговицы. И снова вздохнул. Она молча смотрела на него.

– Может быть, выпьешь чего-нибудь? – неожиданно, как бы очнувшись, спросила она.

Шейше не ответил. Женщина подозвала официантку.

– Келин, милая, простите, водка у вас есть?

– Водку не держим. Вино.

– Принесите стакан вина.

Она придвинула стакан к Шейше. Но тот не шевельнулся, лишь глянул на вино исподлобья.

– Выпей, ты весь продрог.

Шейше мотнул головой.

– А если я и себе возьму, со мной?..

Она заказали еще сто граммов. Подняв стакан, коснулась стакана Шейше и немного подождала, надеясь, что он поднимет свой. Но Шейше будто окаменел.

– Почему не пьешь? Или думаешь, я угощаю как тот?

Шейше поднял голову. На губах – горькая усмешка. «Эх можешь ли ты меня понять?». И отвернулся.

«Что случилось, Шейше? Какой жалкий, нищенский вид! И издеваются над тобой все, кому не лень. Ходишь, опираешься, как зверек. Где твоё достоинство? Куда все делось?..».

И всколыхнулось в ней чувство жалости к этому несчастному. Судьба... Видно, она была слишком жестокой к нему.

Женщина попыталась улыбнуться, чтобы скрыть свои мысли. Но разве их скроешь, когда глаза выдают...

Сколько раз хлопнула дверь столовой, сколько человек вошло и вышло! А они все сидели, молчали и вспоминали одни и те же дни, одни и те же события. И снова сердца ощутили давно забытую боль... Наконец она тихо спросила:

– Здесь живешь, в Рыбачьем?

– Да, – чуть слышно ответил Шейше и кивнул.

– Давно?

Он кивнул.

– А чем занимаешься?

Шейше заерзал на стуле и втянул голову в плечи, будто хотел спрятаться за грязный воротник.

– Хоть бы рубашу тебе постирали... – проговорила она.

Шейше поднял голову, удивленно посмотрел на женщину и снова впал в апатию.

– Все еще не женат? Горемыка...

В горле Шейше что-то забулькало, он с трудом сдерживался, чтобы не рыдаться.

Люди за соседними столиками стали обращать на них внимание. Женщина снова задумалась. И встрепенулась, встала и взяла Шейше под руку.

– Пошли к тебе!

– Ко мне? – Растерявшийся Шейше хотел еще что-то сказать, но двинулся. Женщина, не говоря больше ни слова, почти силой поволокла его к выходу.

Скоро они вошли в грязную, ни разу, наверное, за всю зиму не топленную каморку. Пахло плесенью. Постель не убрана. Старое одеяло и подушка без наволочки, Шейше засуетился, словно его застигли врасплох. Он откинул угол и робко предложил;

– Айым, присядь...

Она не стала садиться. Она начала убирать в комнатушке, пытаясь навести хоть какой-нибудь порядок. Вытерла пыль с единственной пиалы, с жестяной миски, почистила песком чайник, вымыла его. Зашила, залатала изодранный ватник и шаровары. Шейше сидел, нахмурившись и с тоской наблюдал за Айым, которая, как ему казалось, делала никому не нужную работу.

Со дня Победы прошло уже около года, но демобилизованные продолжали возвращаться. С нетерпением ждали их родные места. Все чаще выходили люди на дорогу и всматривались вдаль. Чуть ли не через день кто-нибудь из долгожданных воинов возвращался в родной аил.

...Фронтвик шагал легко, лицо его сияло счастливой улыбкой. Сначала его окружили аксакалы. Они завели неторопливую беседу, деловито интересовались подробностями событий, о которых столько слышали.

Когда старики степенно разошлись по домам, наступила очередь девушек и молодых. Джигит попал в их говорливое окружение. Молодухи взяли его под руки и повели туда, где цветет урюк... За ними, то и дело оглядываясь, как бы подзывая и подбадривая друг друга, шли девушки. Никто не считался с тем, что он прямо с дороги, что он устал, что ему надо бы сперва отдохнуть, – нет, его тормошили со всех сторон, засыпали самыми неожиданными вопросами. А он – высокий, красивый, смуглолицый юноша – вежливо и подробно отвечал, рассказывал случаи из фронтовой жизни... Все, приумолкнув, слушали и лишь удивленно скидывали брови.

Вдруг к ним подошли три девушки. Одна из них, невысокая, миловидная, с черными блестящими глазами, шла позади подруг, пряталась за них, подталкивала их вперед. Она радостно улыбалась, а щеки ее пылали.

Увидев девушку, джигит растерялся, почему-то снял пилотку, снова надел, сбился и прервал свой рассказ. Девушка смутилась еще больше. Ее подруги подошли к юноше и поздоровались с ним за руку, а она не знала, протягивать руку или нет. Она немного постояла, вся пунцовая от смущения, и вдруг опустила на

землю, прячась за спины молодух. Одернув платье, она прикрыла колени и украдкой глянула на джигита. Взгляды их встретились.

Юноша, продолжая смотреть на нее и улыбаться, вынул из кармана гимнастерки вышитый платок с бахромой, встряхнул его, провел им по губам и спрятал обратно в карман. Девушку с ног до головы захлестнула горячая радость. Платок!.. Она уже не могла смотреть на своего возлюбленного, взгляд ее блуждал где-то по верхушкам деревьев. Она чувствовала, как горят ее щеки. Но и не смотреть на джигита она тоже не могла. Украдкой она поглядывала на него, и каждый раз встречала его взгляд.

А джигит думал о ней, о том, как он хочет ее обнять и поцеловать, целовать ее припухшие губы, ее полыхающие щеки. Да где тут! Столько народу! И что им всем нужно? Ну встретились, поздоровались, поговорили. Достаточно, вроде, для первого раза. Так нет, сидит. А чего сидеть? Этим разговорам конца будет!

Девушкам было невдомек, о чем думал джигит. А если какая-нибудь и догадывалась, то виду не подавала, только улыбалась и обнимала подругу.

Было уже за полдень, когда молодухи и девушки стали, наконец, прощаться с джигитом и расходиться по домам. Вон несколько подруг, позвякивая чолпу и шелестя длинными широкими платьями, уже вышли за калитку. Девушка с горящими поднялась последней. С укором глянула она на джигита: «Ну что же ты? Подойди, подойди ко мне!». И тут же, прикрыв лицо косынкой и глядя под ноги, она поспешно ушла. Джигит, обежав сарай, пошел тропинкой вдоль дувала и вышел навстречу.

– Не спеши, куда... так торопишься?.

Сбивчивые слова, прерывистое дыхание джигита заставили девушку вздрогнуть. Она подняла глаза, и в тот же миг голова ее закружилась, и перед глазами бесконечной чередой поплыли причудливые пестрые узоры.

Джигит взял ее руку и осторожно приблизил к себе.

– Тише, увидеть могут! – Девушка оглянулась, но никого на улице не было. И тогда она шепотом сказала: – Как стемнеет – буду ждать!.. – И вдруг совершенно неожиданно коснулась щеки джигита, закрыла лицо руками, повернулась и побежала по тропинке, что вдоль дувала.

Джигит проводил ее нежным взглядом, глубоко вздохнул и быстро зашагал к дому.

Лунный свет щедро заливал сад. Белые цветы абрикосов серебрились под луной. Юноша прошел мимо дома, потом вдоль арыка, к дувалу. Он внимательно всматривался в глубину сада. Потом привычным движением провел большими пальцами под ремнем – расправил складки на гимнастерке, сдвинул их назад, сделал глубокий вдох и зашагал туда, к цветущим абрикосам. И тут же услышал из-за карагача знакомый нежный голос:

– Шейше!

– Айымджан!

Джигит и девушка бросились навстречу друг другу, схватились сначала за руки, а потом крепко обнялись, и губы их слились в долгим, горячем поцелуе...

– Не сон ли это? Дай еще раз тебя обнять!

Шейше больно сжимал Айым своими большими руками, и Айым это нравилось, она хотела, чтобы он обнимал еще, еще сильнее. Когда упругая грудь девушки плотно прижималась к груди джигита, ему казалось, что внутри у него вот-вот закипит... С озера налетел порыв ветра, закачались, зашумели верхушки деревьев. Где-то негромко заржали лошади, лязгнули стремяна, зацокали подковы, донеслись детские голоса – это мальчишки поехали в ночное. Айым очнулась, попятилась, оглядела Шейше с головы до ног.

– Дай-ка я посмотрю на тебя как следует. Повернись так, теперь так...

– Ну что? Пройду по конкурсу? – шутливо спросил джигит.

Вместо ответа Айым ласково обняла его за шею и положила ему голову на плечо. Счастливый Шейше улыбнулся.

– Тебя не ранили? – тихо спросила девушка.

– Нет, не ранили, – ласково ответил он.

– А в боях участвовал?

– Еще бы...

– Так почему ж...

– Чтобы тебя не огорчать...

Айым прыснула и сильнее обняла джигита. Шейше нежно ее прижал и что-то шепнул. Девушка отпрянула.

– У-у, – протянула она, – какой ты! Так быстро?.. – И тихонько ударила пальцем его по носу.

Вскоре они поженились.

Шейше был призван в армию в сорок третьем году. Он тогда учился на последнем курсе сельскохозяйственного техникума. И теперь, после демобилизации, ему сразу нашлось место в родном колхозе: его назначили агрономом.

Айым работала в поле, выращивала лекарственный мак.

Чуть свет они уже на ногах. Позавтракав джармой с хлебом, молодые отправлялись на работу. Взяв кетмень на плечо, Айым шла до самой Жалгыз-Буты. Оттуда начинались поля маков.

Шейше направлял своего коня в сторону Сары-Ой. Там в низине поднялись озимые.

Сбросив бешмет и повязав голову косынкой, Айым усердно машет кетменем, пропалывает мак. Но думы ее далеко, они летят вслед Шейше. «Где он сейчас? На Сары-Ойских озимых он был с утра... Потом, наверное, успел объехать клеверное поле на Кара-Коо... Теперь должен направиться сюда... Скорей бы приехал, а то уже полдень. – Здрава голову, она смотрит на солище. – А может, его вызвали в райцентр? Тогда он не успеет заглянуть к нам... Не успеет – не надо, пусть лучше едет туда... там он узнает что-нибудь полезное... Хорошо, если бы с тех

полей, за которые он отвечает, каждый год получали бы большие урожаи. И чтобы никогда он не чувствовал себя виноватым, а смотрел бы всем прямо в глаза и ходил бы с гордо поднятой головой. Я хочу, чтобы мой Шейше всегда был спокоен за свое дело... А вот эти женщины, что пришли сюда работать, с утра палец о палец не ударили, как будто назло Шейше. Сидят себе и балагурят. Да еще меня подбивают: «Иди к нам, посиди, отдохни, колхозная работа никуда не убежит, успеем, закончим когда-нибудь, иди лучше послушай, о чем мы тут говорим». Нет у людей ни стыда, ни совести. Если бы близкий им человек отвечал за эту работу, посмотрела бы я, как они болтали бы целыми днями!».

Айым выпрямляется, разгибает онемевшую спину. Потом идет к арыку, где под бешметом у нее спрятана от солнца жестяная банка с джармой. Она стоя делает несколько глотков, смахивает со лба пот и возвращается на прежнее место. И снова машет кетменем, с ненавистью поглядывая на тех бездельниц, которые развалились на зеленой травке и судачат себе без умолку. Всем своим видом она хочет показать, что люди приходят сюда работать, работать, а не лясы точить, и поэтому все должны полоть не разгибая спины, как и она.

Неожиданно на том берегу ручья из-за зарослей облепихи показывается всадник. Конь с белой звездой во лбу! Его конь! Стосковавшаяся Айым с трепетом ждет. Эх, швырнуть бы кетмень в сторону и побежать бы навстречу всаднику! Но Айым этого не делает. Наоборот, еще с большим усердием она продолжает работать

Шейше, спутав коня и оставив его около арыка за маковым полем, где перешагивал, а где перепрыгивал через стебли мака, подходит к женщинам:

– Успеха вам в работе, тетушки!

– Спасибо, уул... да сбудется твое доброе пожелание...

Шейше обходит женщин. Остановившись около каждой, он проверяет, как идет работа.

– О-о, нельзя с такой силой рубить кетменем, тетушка, надо полегче, так можно повредить корни. Рыхлить почву надо осторожно. А ну, дай-ка мне. – Он берет кетмень и показывает, как надо полоть. – Душу мака ты понимаешь лучше, чем я, тетушка, но лень не дает тебе работать по-настоящему. В этом вся беда. Вот как надо полоть... только не спеши...

– Как мне не спешить, уул, если я и так отстала от других?

– Если не сидеть и не пряхть – никогда не отстанешь, – возражает Шейше и смотрит на нее в упор.

– Ой, стыд какой, – бормочет женщина и отворачивается. – Он видел, как я пряла!...

– Полоть надо чище, тетушка, – говорит Шейше, проходя дальше, – вот вы пообрубали стебли, а корни остались...

Продолжая обход, Шейше подходит все ближе к тому месту, где работает Айым.

– Разрежай лучше, сестрица, если стебли будут стоять так густо, коробочки вырастут мелкие.

Айым чувствует по голосу, что Шейше где-то совсем рядом, но она не обращается, продолжает работать все усерднее. Сердце гулко стучит.

Если Шейше вдруг очутится рядом с ней, она начинает бурчать себе под нос, почему, мол, не прошел мимо, обязательно разве каждый раз подходить. А у самой полыхают щеки. Если Шейше, не дойдя до нее, повернет назад, она думает: «Ах ты такой-сякой, даже не хочешь взглянуть на мою работу! Ну, погоди, вернешься домой!». И смотрит, насупившись, кан он садится на коня. Но обиду эту она до вечера забывает. Когда в сумерках усталый Шейше возвращается домой, Айым, как обычно, поливает ему из кумгана, чистит запылившуюся одежду, а как только он перешагнет через порог, она виснет у него на шее и прыгает, как козленок. И куда пропадает тоска, которая целый день точила ее сердце!

А время, оказывается, бежит незаметно. Шейше и Айым вроде бы совсем недавно поженились, а ребятишки, которые родились в год их свадьбы, уже бегают в школу. Айым смотрит, как смешно они ковыляют с набитыми портфелями, будто косолапые медвежата, как весело они поддают ногами камешки на дороге, и каждый раз возвращается домой сумрачная, подавленная. «Неужели судьба меня обездолила, неужели я родилась не такой, как все, неужели я так и не испытую материнского счастья?».

Теперь Айым сторонится людей. Рядом с женщинами, у которых есть дети, она чувствует себя униженной, недостойной, не может с ними разговаривать полным голосом. Если при ней говорят о детях, она низко опускает голову. И Шейше теперь тоже ходит хмурый, фуражка надвинута на самые глаза. Стал вспыльчивым, раздражительным, расстраивается по каждому пустяку. Пропала его приветливая улыбка. С Айым он уже не так ласков, как прежде. И она не решается обнять его, как бывало; стоит и ждет, боится грубого слова или сурового взгляда.

Когда Шейше дома, его не слышно, Лежит себе хмурый и молчит.

– Стели постель! – буркнет вдруг и выйдет на дома, хлопнув дверью.

Айым все время в тревожном напряжении. Она предчувствует недоброе и думает, думает... «Ох, не свалилась бы беда на наши головы, не разлучила бы нас с Шейше. Что делать, как наладить нашу жизнь?...».

Глубокая ночь. Айым и Шейше не спят. Молча лежат с открытыми глазами.

– Шейше, а Шейше... – слышится сдавленный, робкий голос Айым.

– А?... – сухо откликнулся Шейше. От тяжелых дум в голове его туман.

– Я боюсь, Шейшеке, мне страшно...

– Чего ты боишься? – отчужденно спрашивает и поворачивает голову к жене.

Айым не может сразу объяснить, чего она боится и некоторое время молчит.

– Может быть, нам ваять ребенка у джене... когда она родит... если только отдаст?..

– Там видно будет. – Убрав руку из-под шеи Айым, Шейше прячет ее под одеяло. – Ну, спи теперь, спи...

И Айым охватывает еще больший страх. Ей кажется, что она лишилась самого близкого, самого дорогого человека, ее угнетает чувство одиночества, ее подозрение, что муж охладил к ней, стал ее чуждаться, находит все новые и новые подтверждения. Оба лежат неподвижно, но сон к ним не идет.

Прошло еще три года. Теперь уже те малыши, что были похожи на косолапых медвежат, повязали красные галстуки, ходят важно, воображая, что они взрослые, и стараются держаться с достоинством.

Когда печаль исподтишка гложет сердце, она раньше времени открывает двери старости. У губ Айым появились морщинки, щеки поблекли, она выглядела старше своих лет. И ростом она стала как будто ниже.

Однажды воскресным утром Шейше ходил по двору, хлопотал по хозяйству. Зашла соседка, джене. Та самая, о которой говорила несколько лет назад Айым, когда хотела усыновить ребенка. Джене постояла среди двора, поговорила о том, о сем, спросила, где Айым.

– Уехала в райцентр, в универмаг.

– А я за тобой, пойдем ко мне, я затеяла бузу. А люди, знаешь, разнюхали, с утра один за другим идут, того гляди выпьют всю дочиста, чтоб они сгнули, черти этакие. Я для тебя одну миску припрятала, пойдем, выпьешь в свое удовольствие.

Шейше пришел в дом старшего брата. Еще в сенях ему ударил в ное кислый запах, наверное, это от выжимок, которые остались после процеживания бузы, вон они лежат в большой деревянной чаше.

Дом был пуст. Где же гости, о которых говорила джене, где они, гуляки, которые налетели на ее бузу?

Джене вытащила из-под кровати большую эмалированную миску и поставила ее на железную печурку, потом размешала половником содержимое миски, подбросила в печку несколько чурок, стала разогревать бузу.

– Солоду было маловато, поэтому получилось на этот раз не очень...

Поругивать свою бузу, хорошо зная, что она удалась на славу и слушать похвалы, – так уж заведено у наших женщин. «Разве это буза? Я могу сварить еще и не такую, куда крепче будет!» – вот что таится за их словами. Каждая хочет прихвастнуть умением сварить особенную бузу. А еще в этих словах всегда есть желание подтолкнуть ценителей на комплименты. Но, если у какой-нибудь хозяйки буза действительно получится «не очень», она ходит хмурая, и ни слова от нее не услышишь.

– Хорошая буза, джене, куда же еще крепче? Спирт что ли пить? – отозвался Шейше, попробован питье.

– Не знаю. Но мне кажется, она не совсем удалась... – По тону чувствовалось, что джене очень довольна собой.

Шейше отказался от второй чашки.

– Ты же знаешь, я не могу пить много,

Но джене настойчино подливала.

Выпьешь не сразу, потихоньку, пусть чашка стоит перед тобой.

Она некоторое время посидела молча и осторожно приступила к разговору, ради которого и привела Шейше.

– Говоря откровенно, уул, я давно собиралась высказать тебе свое мнение, да все не решалась...

Шейше догадывался, зачем джене затащила его к себе, зачем накачивает его бузой, и это его злило. Он тяжело вздохнул, заерзал на месте...

– Все бы хорошо, да вот Айым, бедная, не рожает, вот в чем дело...

«Знаю, знаю, что она скажет», – думал Шейше. Он раздраженно мотнул головой, а джене, откашлялась, придвинулась к нему поближе и спросила:

– Ты что, решил и дальше жить с этой женой?

Шейше презрительно оглядел джене и ответил вопросом на вопрос:

– А что, прикажешь развестись с ней?

– Это, конечно, дело твое, но... ведь она бесплодна, а годы идут...

– Джене, – Шейше повысил голос, он уже начал выходить из себя, – это что, твое собственное мнение, или кто подсказал?

– Я сама... и твой брат... и вся твоя родня – все мы так думаем.

– Ну, вот что, джене, больше об этом не заикайся. Понятно? Давай-ка допьем, что в чашках, да разойдемся.

Но это было только начало. Аксакалы айла и родственники Шейше вечером того же дня собрались в доме его старшего брата.

Если кто-нибудь в айле созывает гостей, весть об этом молниеносно облетает весь аил. Соседи узнают о празднестве, конечно, в первую очередь. Все молодые хозяйки, которые живут по соседству, все молодые родственницы этого дома – все считают своим долгом помочь принять гостей. Этот старый обычай живет и до сих пор. Бывает, хозяйка, у которой накануне были гости, встречает утром молодую родственницу и выговаривает ей: «Неужели и за тобой надо посылать ребятишек? Почему бы самой не догадаться прийти? Жена Асанбая оставила малышкой у свекрови и вон откуда пришла да работала, не разгибая спины. А ты ведь нам по родству ближе, чем она, ты – сноха... Нельзя так, милая! Надо проще себя вести! Чем молодежь проще себя ведет, тем лучше...». Те, кто не хочет выслушивать такие поучения, не дожидаясь приглашений, сами идут помогать хозяйке. Может, и не всегда от души, но бегают, хлопочут, встречают гостей, ухаживают за ними.

Народу всегда полный дом, причем незваных гостей бывает втрое больше, чем званых. Иные старушонки мало того, что притащутся сами, еще и внучонка с собой приведут. И малыш приковыляет, уцепившись за бабушкин подол. Потом, сгрудившись в кучу, детишки толкуются у порога, в надежде, что о них вспомнят, когда начнут подавать угощения. Задрав головы, они стоят в терпеливом ожидании, не сводя глаз со старших, которые их сюда привели. Кое-кто из маменькиных

сыночков сидит со старшими, прижавшись сбоку к дедушке или бабушке. На сверстников, стоящих у порога, они смотрят с пренебрежением.

Шейше не стал спрашивать брата, по какому поводу тот собрал гостей. Догадаться было не трудно. Ясно было, что утренний разговор джене был лишь подготовкой к этому судилищу. Шейше был мрачен, но старался виду не подавать. Не хотел он, чтобы гости и родственники видели его подавленным, угнетенным. Войдя, он поздоровался с гостями, но вовсе не из уважения к ним, а чтобы не нарушать правил приличия. Слова проговорил холодно, сквозь зубы. Молодой парень, сидевший ближе к выходу, поднялся было, уступая ему место, но Шейше зло глянул на него, мол, заботься сам о себе, в чужие дела нос не суй. Он прошел дальше и сел у кровати. Ему казалось, что все здесь в тайном заговоре против него и собираются отнять у него самое дорогое в жизни, и в это страшное время нет около него ни одного человека, который помог бы ему, поддержал бы. Шейше чувствовал, что остался один. А эти люди, которые собрались, чтобы решать его судьбу, не только кажутся ему теперь чужими, но даже вызывают чувство враждебности и презрения. Прихлебывают ли они чай, громко причмокивая, разговаривают ли между собой, смеются ли, все это раздражает и злит Шейше. Он думал, что как только пойдет, посторонние разговоры прекратятся, и все навалится на него. Но этого не случилось. Сидевший на почетном месте, старик Жанузак говорил невесть о чем, а все сидели и слушали его с холодным спокойствием. На разговор, ради которого сюда собрались, не было и намека.

Струдившиеся у порога малыши начали подталкивать друг друга, беспокойно задвигались. Дед Жанузак поднял голову и прикрикнул:

– Эй вы там, тише... – Потом он крепко зажмурил глаза и, постукивая по земляному полу наконечником палки, о чем-то задумался. – Даже сказать ничего толком не дадут эти несносные мальчишки... Вдруг все вылетело из головы. А, чтоб ты пропал совсем, о чем это я начал говорить?... Да, вот, вспомнил... Пришла, видно, пора говорить о деле, но дед не спешил, он начал издали. – В то время, когда появились на свет наш отец Адам и мать Ева...

«Собирается решать судьбу, а разглагольствует с таким безразличием!» – подумал Шейше. И тут же рой воспоминаний захлестнул его, и он не слышал уже ни одного слова из всего долгого разговора.

В это время Айым, сторонясь возившихся вокруг очага молодух, стояла одна в углу кухни и задумчиво смотрела на огненные языки, охватывающие снизу огромный черный котел. Она не думала, что ей придется быть одной. Узнав, что у старшего брата мужа собираются гости, она бросила начатую дома стряпню и поспешила сюда. Но, что бы она ни принималась делать, за что бы ни бралась, какая-нибудь из молодух подбегала к ней и ласково говорила: «Айым, ты, пожалуйста, не беспокойся... мы сделаем сами». Вначале Айым не придавала значения такому вниманию к себе. Но потом увидела, что все молодухи поделили работу между собой, а ее к себе даже близко не подпускают. Мало того, все они, будто храня какую-то тайну, избегали ее и даже не решались смотреть ей прямо в глаза,

как будто чувствовали себя в чем-то виноватыми перед ней. Собираясь вместе, они о чем-то шушукались между собой. А если Айым к ним подходила, они тут же замолкали и под каким-нибудь предлогом: «Ой, дровишек надо подбросить... А про самовар-то совсем забыли..», – разбегались в разные стороны. Все это обеспокоило Айым, на душе стало тревожно.

Шейше сидел глубоко задумавшись. Когда кто-то из соседей обратился к нему, он встрепенулся, поднял голову и испуганно спросил:

– Что случилось?!

И тут он услышал голос деда Жанузака.

– Шейше, ты что же все молчишь? Вздремнул что ли? Не забивайся в угол, сядь вот сюда, где посветлее... Эй ты, паренек! Сидишь как гвоздями прибит, уступи-ка место дяде! Встань! Идите все гулять. Нечего детям слушать, что говорят взрослые. Идите. Когда мясо сварится, вас позовут.

Оглядываясь, дети нехотя вышли из дому.

– Все, что говорили здесь, касается одного тебя, Шейше. В этом ты и сам уже убедился. – Жанузак поглаживал жиденькую бороденку и говорил, не глядя ни на кого. – Воля родных и близких – божья воля. Поэтому нельзя ей не подчиниться и идти всем наперекор. Мы собрались сюда не за тем, чтобы придумать что плохое. Наоборот, у нас от мала до велика самые добрые пожелания: мы все хотим, чтобы твою жизнь украшали дети, чтобы и ты после себя оставил потом это. Вот цель нашего собрания. Мы пришли, чтобы обсудить этот важный вопрос вместе с тобой. Мы не хотим, чтобы люди потом с сожалением говорили: «Ох, как же так получилось? Ушел человек, детей не оставил!..» – Старик поднял голову. – Парень ты серьезный, Шейше, подумай хорошенько. Если наш совет тебе не по душе, скажи прямо. Если ты не хочешь, мы не можем заставить тебя развестись с женой. Но учти одно: если не будешь считаться с нами, родными и близкими, с аксакалами, ты отколешься от нашего рода и останешься один! А теперь послушаем, что ты скажешь.

Шейше сидел некоторое время молча. «Кому охота весь свой век прожить без детей?! Но что делать? Что делать, если жена не рождает? И что бы вообще привязались ко мне, я ведь у вас ребенка не прошу! Какое нам дело до других, заботились бы лучше о себе!». Был момент, когда он хотел ответить так и уйти. Но какая-то неведомая сила, казалось, приковали его к этому месту и лишили дара речи. «А ну, попробуй сказать им, что думаешь, если ты герой! Попробуй пропустить мимо ушей слова этого айльного аксакала! Попробуй не считаться с мнением старших братьев, дядей и прочих родственников. И потом, что это за киргиз, которому жалко расстаться с женой?». А голова его клонилась вниз. «Чем я хуже других? В чем я провинился? Дом мой мрачен и тих, будто в нем никто не живет, будто в нем никто не живет, будто бросили его хозяина... И неужели он никогда не озарится смехом ребенка?».

– Ну как, Шейше, ты что-нибудь скажешь, или мы должны сидеть и смотреть на тебя без конца?

Шейше глянул на Жанузака и проговорил, не поднимая головы:

– Когда решается судьба двоих, надо бы пригласить и второго. Почему здесь нет человека, которого собираетесь отлучить?

– Да, да, верно. Скажите, пусть придет сюда! – Жанузак несколько опешил. – Правда, сегодня мы хотели посоветоваться только с тобой, – добавил он потом. – Но раз ты так хочешь, пусть будет по-твоему.

Айым вышла к гостям очень смущенная. Пряча глаза, проворно поклонилась, приложил руку к сердцу.

– Дай бог, чтобы ты достигла цели своей жизни, дочь моя... Садись ближе к печке...

Айым послушно села на корточки. Не поднимая головы, она стала водить пальцем по сырому полу. Ее начало вдруг трясти как в лихорадке, сердце стучало все сильнее и сильнее. Ей казалось, что все глаза устремлены на нее, и она съежилась, готовая провалиться сквозь землю.

Некоторое время сидели молча. Казалось, не знали с чего начать разговор. В печурке потрескивали дрова, они медленно разгорались, в потом вдруг вспыхнули в трубе загудело.

– Айым, дочь моя, – начал Жанузах, прикрыв глаза. – Скоро уже десять лет, как вы с Шейше поженились. Ты слышишь, что и говорю, дочь моя? – спросил дед, вытянул шею, как будто чем-то встревоженный.

– Слышу, – тихо произнесла Айым.

– Что она сказала? – Жанузак пригнулся к сидевшему рядом старику и подставил ухо.

– Говорит, что слышно! – ответил кто-то очень громко.

– Тогда слушай, дочь моя... За все время, что мы тебя знаем, ты никому грубого слова не сказала. И к старым и малым – ко всем ты относишься с уважением. Обходительная ты была сноха. Но не смилостивился создатель, не дал вам детей... – Айым вздрогнула. – Мы бы могли предложить Шейше себе вторую жену, но по теперешним законам этого, оказывается, делать нельзя.

Айым подняла глаза, посмотрела на мужа. Шейше сидел обхватив голову руками. Он не проронил ни слова. Кто-то приоткрыл дверь, На него тут же прикрикнули:

– Закрой дверь, дует!

Айым трясло. У нее было такое ощущение, будто мороз сковывает ее мозг. В глазах потемнело и, казалось, все вокруг закружилось и полетело вверх тор-машками. Она с трудом поднялась с места и сдавленным голосом проговорила:

– Акелер ... если... если народ считает так... Если народ не считает возможным... Шейше тоже очень тоскует по ребенку... Я не буду ему помехой. Счастливой жизни... – спазмы в горле не дали ей закончить фразу. Она часто заморгала, повернулась и выбежала из дому, даже не закрыв собой дверь.

Все сидели опустив головы и молчали.

Вскоре ушел Шейше. Распахнув грудь, с трудом переставляя ноги, он добрал до сарая, вошел в него и повалился на солому...

В скованных морозом арыках трещал лед, будто кто-то грыз его крепкими челюстями. Глухо стонали густо обросшие инеем телеграфные провода. Дворовый пес тоскливо скулил.

Перед рассветом Шейше поднялся и, волоча за собой прилипшую к сапогам солому, побрел домой. Голодный, продрогший пес, поджав хвост, разрывал мусор в дальнем углу двора.

Увидев хозяина, он обрадовался, побежал навстречу, завил хвостом, и, жалобно визжа, стал виться у его ног. Не соображая, что делает, даже не понимая, что перед ним собака, Шейше отшвырнул ее в сторону, как что-то путавшееся в ногах, и вошел в дом.

Айым сидела, обняв колени, у раскрытого чемодана и еле слышно напевала какой-то грустный мотив. Она взглянула покрасневшими от слеа глазами на растрепанного, измученного Шейше и встала. Потом торопливо, будто боясь куда-то опоздать, стала снимать с вешалки свои платья и бросать в раскрытый чемодан. Шейше смотрел на Айым не отрываясь, следил за каждым ее движением. Каждую секунду он ждал: сейчас она скажет: «Нет, не уйду!». Он надеялся услышать эти решительные слова еще вчера, когда они сидели в окружении многочисленной родни. Если бы она сказала это вчера! Он сразу избавился бы от того гнета, который давит на его сердце, он снова обрел бы прежние силы... Но почему он сам не подскажет ей эти слова? Нет не решается, смелости не хватает. В горле что-то перехватывает. Он не может смотреть ей в глаза и стоит, опустив голову, с трудом сдерживая набегающие слезы.

Когда Айым, закрыв чемоданы, стала их запирает, Шейше почувствовал, что уходят последние надежды, и рванулся к ней.

– Айым!

Айым, вздрогнув, подняла голову. Но Шейше больше ничего не сказал. Айым осталась сидеть в изнеможении, в молчаливом ожидании, бессмысленно глядя на чемодан.

Время шло. Шейше сидел у порога. Он прислонился к косяку, схватился за голову и замер. В висках стучала кровь. Вдруг ему показалось, что Айым уже уходит, его с головы до ног будто пронзило током. Он поднял голову взглянул на нее. Она действительно стояла у двери, застегивала пальто.

– Айым разве мы можем расстаться... навсегда?

Айым печально склонила голову. Собравшись с силами, она сказала:

– Если бы даже я осталась... все равно, Шейше, твои родственники будут меня презирать. Они в конце-концов меня заклюют. Раз так, о чем говорить? А ты постарайся сохранить с ними родственные отношения...

Айым хотела сказать что-то еще, но не смогла. Взяв чемоданы, она поспешно вышла. Отец Айым был родом не из этого аила. Родился он в одном из верхних селений, а сюда переселился незадолго до войны. Когда началась война, его

мобилизовали. Жена с единственной дочерью Айым так и осталась жить здесь, ждать отца. Но он не вернулся. Родственники матери Айым, узнав об этом, приехали за ней и увезли к себе. Теперь Айым собралась к матери. Конечно, ее неожиданное возвращение доставит немало огорчений женщине, которая и такхватила много горя на своем веку...

Только Айым открыла дверь и шагнула через порог, как сразу увидела толпу женщин. Обуреваемые любопытством, они собрались сюда чуть свет. Сцена расставания мужа с женой – как же это можно пропустить?

Айым съезжилась. В устремленных на нее глазах, жадных до скандальных зрелищ, было ожидание и вызов.

«Вон отсюда! Чтобы духу твоего в этом доме не было!». «При нас ты лишней нитки не вынесешь из этого дома, мы сумеем отстоять свое!» – это было написано на лицах двух женщин, появившихся откуда-то сзади и решительно двинувшихся навстречу Айым. Поставив чемоданы на землю, Айым посмотрела на всех заплаканными глазами и судорожно вздохнула. Она постояла молча, собираясь с силами и дрожащим голосом тихо сказала:

– Если я обидела кого-нибудь из вас невзначай... – после мучительной бессонной ночи, после стольких слез, Айым говорила странным чужим голосом. – Если обидела кого-нибудь невзначай, прошу меня простить, – с трудом закончила она наконец. – Прощайте.

Потом она подошла к ребяташкам, увязавшимся за матерями, расцеловала их всех подряд и дрожащими руками взяла чемоданы.

Растроганные женщины зашушукались. Они не смели посмотреть Айым в глаза. А те две отважные бабенки, что ринулись было навстречу Айым, совсем сконфузились и незаметно скрылись.

– Ой ты, милая моя, хоть бы что-нибудь взяла с собой из домашности! – сказала какая-то старушонка, сжалившись над Айым. – Куда бы ни пришла, тюфячок-одеяло везде нужны...

– Тюфячок-одеяло – что, когда теряешь таких добрых людей, как вы, мамаша. Жива буду – тюфячок найдется...

– Злодеи, ну и злодеи!... – проклинала кого-то сквозь слезы старушонка и, волоча палку, сгорбившись, подалась к своим воротам.

Шейше все это время стоял, крепко стиснув зубы, прислонившись к забору.

Когда Айым пошла вдоль улицы, Шейше тут же зашагал за ней. Так они шли некоторое время. Видя, что поблизости никого нет, Айым остановилась, повернула голову, и сказала со вздохом:

– Хватит меня провожать. Оставайся... а то скажут: «Поплелся за женой, которая ушла от него». И будут смеяться. Что делать, Шейшеке, видно не судьба!... Я буду рада, если сумеешь найти счастье с другой...

Айым проворно подняла свои чемоданы и пошла, уже не оглядываясь. У Шейше было такое чувство, будто у него оборвалось сердце. Айым заторопилась. Она готова была побежать, но тяжелые чемоданы мешали, били по ногам,

и она вынуждена была еле плестись. Скоро она вышла на главную улицу аила. Шейше смотрел ей вслед и ему стало так горько, будто все нутро обсыпало солью. Он видел, что Айым вот-вот скроется за углом, скроется навсегда, и готов был рвануться вдогонку. «Надо крикнуть. Надо крикнуть: «Остановись!»». Дважды он порывался бежать, но, будто подбитая птица, спотыкался и останавливался.

Нет, не было у него ни решительности, ни энергии, чтобы преодолеть ту тайную силу, которая удерживала его.

С уходом Айым Шейше переменился. Он перестал бриться, похудел, осунулся. Все ему было тошно, ничего не хотелось делать. Он забросил даже своего коня, которого всегда холил и держал в чистоте. Рыжий красавец с белой звездочкой во лбу был баловнем. Шерсть его всегда блестела... А теперь Шейше даже забывает подбросить сена в ясли. Изголодавшийся конь грызет стену конюшни. Услышав шорох, он тихо ржет, бьет копытом и рвется к сеновалу.

Шейше не мог привыкнуть к опустевшему дому. Вернется вечером и бродит растерянно из угла в угол, и чувство у него такое, будто он что-то потерял... Когда джене вспомнит о нем, пригласит к себе, накормит, тогда он сыт, а нет – ходит голодный. После работы проводит время или на току, или сидит у моста, наблюдает за редкими прохожими.

Родственники думали, что он приглядывается к кому-нибудь, и не беспокоились о его судьбе. Но когда увидели, что его ничто на свете не интересует, решили взяться за него. Однажды джене спросила:

– Ты о женитьбе-то думаешь?

– Чтобы развести меня с женой, вы все были тут, как один, а как женить – никого не видно!

– Чудак ты! Что же раньше молчал? – ласково заговорила джене, заметив, что Шейше сердит. – Только скажи – сейчас же найду! Уж для тебя-то постараюсь! У меня и на примете есть. Да, боюсь, угодить тебе трудно. – Она испытующе смотрела на деверя.

Шейше стоял мрачный и молчал. Видно было, что разговор ему не по душе. Чувствуя, что ни лестью, ни притворством его не возьмешь, джене переменяла тон:

– Недавно я тут разговаривала с одной, – начала она серьезно, – и заручилась согласием. У нее есть мальчик, но когда она развелась с мужем, ребенка оставила его родителям. Ты попробуй, поговори с ней сам. Распросишь, узнаешь ее поближе. Она молодая, приветливая... Хочешь завтра вечером приведу к тебе, познакомлю?

– Тебе она нравится? – Шейше всем туловищем повернулся к джене, и на лице у него мелькнула усмешка.

– Нравится. Иначе бы я не стала предлагать.

– Тогда веди ее и все!

– Ну как же, милый, сперва тебе самому надо встретиться с ней, договориться...

– Ты же с ней договаривалась, ну и достаточно...

Тон Шейше, видно, стал раздражать джене.

– Не морочь мне голову, скажи определенно, возьмешь ее или нет? Если дальше будешь себя так вести, боюсь, что мне и встречаться с ней будет стыдно.

У Шейше снова мелькнула усмешка:

– Только этого и боишься? Ладно, раз ты подыскала для меня, так и быть, возьму. Распишусь даже. И спать с ней буду. Ну, довольна теперь? Приводи...

Потом Шейше перевел взгляд на окно. Посмотрел молча на серую тучу и нахмурился.

Джене сдержала свое слово. На другой день вечером она привела к Шейше гладко причесанную, чистенькую молодуху лет двадцати восьми, а может быть и постарше. Молодуха, действительно оказалась довольно смазливой. Пристальный взгляд ее игривых глаз мог смутить кого угодно. Красивые губы сами напрашивались на поцелуй. Когда она шла, плавно ступая, закинув за спину две длинные косы, нельзя было не залюбоваться ее стройной фигурой.

Джене привела молодуху не к себе, а к Шейше. Вместе с ними пришла еще какая-то женщина, так что с хозяином дома их стало четверо. Было сварено мясо, появилось вино. Молодуха сперва отказалась от вина, но когда ее упростили, осторожно пригубила стакан. Вела она себя сдержанно, скромно, как и положено молодым женщинам в незнакомом доме, тем более в доме жениха. А джене шутила, смеялась, старалась, чтобы гостям не было скучно, даже спела несколько песенок. Потом она подмигнула деверю, мол, «поговорите наедине» и вышла, позвав свою подругу. Но Шейше вытащил из-под кровати альчик, и начал преспокойно подбрасывать его, будто рядом никого не было.

Через некоторое время джене вернулась. Увидев, что деверь развлекается с альчиком, она тут же затараторила:

– Вы что, все еще сидите молча? Ай-ай-ай, ну что мне с вами делать? Хоть бы разговаривали о чем-нибудь...

– Когда они ближе познакомятся, и без тебя обойдутся. А пока они смущаются, – заступилась подруга джене.

С ужином покончили. Джене убрала посуду, и, ласково глядя на молодуху, сказала:

– Что завтра, что сегодня, не все ли равно? Наверное, тебе суждено стать хозяйкой этого дома... Чем откладывать дело в долгий ящик, давайте сегодня все и закончим... Так что считай себя нашей снохой, свадьбу справим потом.

С этими словами джене набросила ей на голову белый шелковый платок

– Ой, ой, что вы делаете?... Приглашаете в гости, а сами надеваете платок!... – гостья делала вид, что она возмущена. Но джене с подругой начали ее увещевать, напомнили про обычаи старины и так растрогали ее, что она даже всплакнула. Так она и осталась сидеть под белым платком, кокетливо прикрывая им разрумянившееся лицо.

Стараясь подражать свадебным обычаям, джене устроила у почетной стены просторную, мягкую постель. Потом она проводила подругу, а сама осталась,

чтобы уложить молодых в постель, как этого требует обычай. Невеста тоже старалась отдать дань обычаям и долго не соглашалась, чтобы джене ее раздевала. Может, она и не заставляла бы себя так упрашивать, но боялась, как бы завтра не пошли по айлу всякие слухи. Джене суетилась вокруг нее и что-то шептала то на одно, то на другое ухо.

А Шейше было все равно, согласится новая жена лечь в постель или нет. Он залез под одеяло и лежал, скрючившись и повернувшись к ним спиной, и не выражал к происходившему никакого интереса.

Джене долго возилась с раздеванием невесты. Шейше это надоело, и из-под одеяла раздался его недовольный голос:

– Ты что пристала к человеку, иди лучше укладывай своего мужа!...

Молодуха вытаращила глаза и снова натянула жакет, который джене уже почти сняла.

– Оставьте, пожалуйста! – сказала она раздраженно и рванулась к двери.

Джено ласково обняла ее и, улыбаясь, сказала ей на ухо:

– Он у нас всегда такой... не обращай внимания, сноха. Ты иди, приляг к нему, да посмелее... Это – золото, а не джигит, лучше его не найти. Иди, иди, сноха, я тебя сама уложу. Обними его покрепче и лежи... Сейчас я погашу свет.

В комнате стало темно.

Наконец молодая жена осторожно приподняла одеяло и полезла под него. Шейше весь съезжился и стал отодвигаться к краю постели. Джене поспешила к себе домой.

Долго они лежали молча. Ни он, ни она даже не шевельнулись, Шейше слышал, как тяжело дышала его молодая жена, как гулко стучало её сердце.

– Как тебя зовут, а? – Шейше споткнулся на слове, он чуть было не назвал ее «аяш».

– Бибина... А что?

– Да так. Просто спросил и все... – Помолчав некоторое время, он добавил. – Думаю, что надо знать имя той, с которой лежишь под одним одеялом.

Разговор прервался. Тишина длилась долго.

Наконец, Бибина сказала обиженным голосом:

– Что это за издевательство. Если вы ко мне равнодушны почему не сказали об этом, пока на меня еще не накинули платок?

Шейше не ответил. Он даже не шевельнулся. Неожиданно молодуха обняла его и, готовая вот-вот расплакаться, заговорила:

– Шейше, ведь я живой человек... Шейше, прошу тебя, не делай из меня посмешище! – она с силой повернула его к себе.

Дверь со скрипом отворилась, кто-то вошел в комнату и зажег свет... Айым! В тот же миг Шейше вскочил и, раскинув руки, бросился к ней. Айым тоже хотела кинуться к нему в объятия, но вдруг вскрикнула и отскочила, будто наступила на змею.

– Айымджан!

– Нет... Нет!... Не подходи! – Айым с ужасом отпрянула, увидев в постели Бибину и, вытянув руки вперед, как бы защищаясь, стала пятиться назад. У порога она с огорчением покачала головой:

– Эх, Шейше, я вижу, ты давно хотел избавиться от меня. Смотри, как быстро обзавелся, а? Я никак не думала... Ну хорошо, будь счастлив!

Шейше бросился за Айым. Но только он добежал до двери, как она с силой захлопнулась, и он, стукнувшись об нее лбом, остановился...

Шейше быстро приподнялся на локте и стал испуганно озираться. В комнате темно, Бибина преспокойно спит. Сон не на шутку встревожил Шейше, больно сжалось сердце. Охваченный чувством одиночества, он бессильно опустил голову на подушку и так, не сомкнув глаз, пролежал всю ночь.

Как только рассвело, Шейше оделся и вышел из дому. Он не знал, что ему делать. Решил было напоить лошадь, но поленился. Послonyaвшись бесцельно по двору, он сел у арыка, окунув в него руку, и стал бултыхать воду.

Вдруг он услышал голос:

– Детские годы, нидно, вспомнил? Сидишь себе, играешься?

Шейше голову и увидел улыбающегося башкарму.

– Да, аксанал, угадали... – ответил он, без улыбки на председателя.

– Ну шутник же ты! – Башкарма весело расхохотался.

О настроении Шейше, судя по всему, он не знал, да и не интересовался. – Давай-ка съездим на полевой стан, посмотрим!

– Разрешите мне приехать чуть позже?...

– Ладно. Да загляни ни верхний участок, там молодой тракторист не знает, как расходовать минеральные удобрения. Объясни ему. – Башкарма стегнул коня и уехал.

Когда солнце поднялось высоко, Шейше сел на свою лошадку и выехал на главную улицу села. Он остановился у буфета

– Ну-ка налей! – буркнул Шейше, кивнув сторону расставленных на полке бутылок, – полный стакан налей! – добавил он, еще плотнее нахмуренные брови.

– Хватил, видно, вчера как следует? – заметил буфетчик, наливая ему полный стакан. – Да, кстати, поздравляю тебя, батыр... А так она до этого рожала или нет?

Шейше залпом опрокинул стакан.

– Сколько я тебе должен? На, получай... – Он вышел из буфета, рванул седло на себя, тяжело поднялся и грузно сел.

Рыжий конь даже зашатался под ним. Доехав до верхнего конца улицы, Шейше свернул в поле. Чилбыр волочился по земле, но Шейше это не трогало. Казалось, ему было все равно, идет его конь или стоит.

– Байке-е... О, Шейше, байке! – запыхавшись догнал его молодой тракторист. – Какая норма на минеральные удобрения? Я, было, спросил у башкармы, и он ответил, что вы приедете и все растолкуете...

– Делай как знаешь! – резко ответил Шейше, махнул рукой и круто повернул коня в противоположную сторону.

Прошёл год после второй женитьбы Шейше.

Однажды он уехал в командировку в Пржевальск. Вернулся днём через пять-шесть, поздно вечером. Он шел по тропинке мимо огорода и вдруг услышал приглушенные голоса: разговаривали двое. Шейше остановился...

Вскоре какой-то мужчина неуклюже перелез через дувал и, крадучись, убежал в темноту. Выбежавшая из-за угла женщина бросилась к дому. Шейше сразу узнал Бибину. Он немного постоял, подумал и повернул обратно.

На другой день Шейше вернулся домой. Он долго сидел молча, а потом посмотрел на жену и твердо сказал:

– Никто тебя не держит, можешь идти.

– Куда? – Бибина растерялась.

– Куда угодно...

– Почему?!

– Ты и сама хорошо знаешь.

– Как, как ты сказал? – переспросила Бибина вызывающим тоном.

– Вот так!

Шейше встал и вышел.

Следом за ним выскочила и Бибина. Она подняла такой тарарам, что сразу сбежались все соседи, и народу набралось полный двор.

– Ах, чтоб издох, паршивец этакий! Он, видите ли, стал меня презирать! – кричала она подбоченясь. – Плевать я хотела на тебя! Плевать! Из дома меня выгоняет, бог бы его покарал! Не на такую нарвался, чтоб и запросто ушла! Ты мне отдай сначала все, что полагается. Все имущество отдай, всё пожитки мои отдай, полностью! Иначе я шагу не сделаю из твоего двора!...

Шейше мотнул головой, указывая на дом:

– Там все. Забирай хоть до последней нитки!

Отвяывая коня, он обратился к кому-то из джигитов:

– Кенджебай! Я в колхозе попрошу машину, отвези, пожалуйста, ее туда, куда она захочет.

Шейше остановил коня у буфета.

– Налей!

– Почему такой сердитый? – улыбаясь, спросил буфетчик,

– Ты поменьше говори, а больше думай о торговле!

Шейше залпом выпил стакан водки и поспешил обратно.

– Стой, а расплачиваться кто будет? – засуетился буфетчик.

– Запиши в свою тетрадку, – не оглядываясь, бросил Шейше.

– И без того за тобой накопилось. Давай расплачивайся, пожалуйста, а то нагрянет ревизия, а я страдай из-за вашего брата!

– Заплачу за все сразу. – Шейше вышел на улицу.

– Какой бессовестный! Если и дальше так будет, он меня доконает! – Буфетчик с грохотом отодвинул стаканы. – Приходит и требует, будто за наличные. А у самого ни гроша за душой...

Спешивший откуда-то сверху башкарма, увидев около буфета Шейше, круто повернул коня в его сторону.

– Ой, Шейше! Пшеница горит без полива, а ты тут пьянствуешь?

– Что же, прикажете мне в воду превратиться?...

– Ты, что, Шейше, взбесился? – Башкарма опешил. Он никак не ожидал такого грубого ответа.

После этого случая стыдно стало Шейше оставаться в родном аиле, и он куда-то уехал.

И вот эта встреча с Айым.

Подкрались сумерки. Наскоро прибрав в комнате, Айым надела шубу, собралась уходить.

– Мне пора, Шейше... – она в нерешительности постояла и тяжело вздохнула. – Ты хоть береги себя, опомнись, подумай...

– Уже уходишь?!... – голос Шейше был хриплым, сдавленным. Он умоляюще взглянул на Айым, но тут же отвернулся, чтобы скрыть нахлынувшие слезы. Собрав силы, он снова посмотрел на Айым, попытался изобразить улыбку.

– Нет, ты правда уходишь? – с трудом переспросил Шейше.

Айым засуетилась и поспешила к двери.

– Айыке! Ты не говори, когда встретишь кого из знакомых, что я жив... Ты... ты сама тоже забудь, что видела меня... живого!...

Шейше отвернулся. Послышались его приглушенные рыдания. Айым вернулась.

– Не надо, Шейше... – она взяла его за плечо и постаралась повернуть к себе, а сама еле сдерживала слезы.

Шейше повернулся к ней и, пряча лицо, повторил:

– Если спросят обо мне, скажи, что я умер давно!...

– Шейшеке! – вскрикнула Айым, в отчаянии обнимая его, и сама разрыдалась. – Горе мое!... Родной мой...

Шейше упал, обхватив её колени. Айым наклонилась над ним и тронула его давно не стриженные космы... Вдруг как бы очнувшись, она нежно взяла Шейше за подбородок, потом проворно сняла шубу, бросила ее на сложенную в углу постель и начала разжигать печурку.

Ураган тем временем утих, но расходившееся озеро все еще не могло успокоиться, ему было тесно в привычных берегах.

Слово об авторе

Герой Кыргызской Республики, народный писатель Кыргызстана, лауреат Государственной премии КР им. Токтогула Бексултан Жакиев принадлежит к поколению новаторов. В искусство он вошел совсем молодым, и судьбой ему было предназначено стать выдающимся многогранным художником, творчество и общественная деятельность которого – национальное достояние.

Екатерина Лузанова, публицист, заслуженный деятель культуры

МАЙРАМКАН АБЫЛКАСЫМОВА (р. 1936)

Киргизская поэтесса. Лауреат Премии Ленинского комсомола (1970). Народный поэт Киргизии (1980).

Родилась в селе Алмалуу Кеминского района Чуйской области, в семье учителя. В 1950 году окончила сельскую семилетнюю школу, училась в педучилище при Киргизском женском учительском институте; в 1958 году окончила Киргизский женский педагогический институт им. В.В. Маяковского.

Публикуется с 1952 года. Дебютный поэтический сборник (стихи для детей) «Маленьким друзьям» вышел в 1961 году. За поэму «Говорит памятник» (кирг. «Эстелик сүйлөйт», 1962) и сборник «Веру в сердце храню» (кирг. «Ишеним дайым жүрөктө», 1968) в 1970 году удостоена Премии Ленинского комсомола.

В 1980 году ей присвоено звание Народный поэт Киргизской ССР.

В 1984 году сборник стихотворений «Гүлдөр суу сурайт» («Цветы просят воды») отмечен Государственной премией Киргизской ССР им. Токтогула Сатылганова.

Многие её произведения переведены на русский, украинский, казахский, болгарский, монгольский, немецкий, польский, французский языки.

Этой весной

Этой весной много цветов –
и они прекрасны.
Этой весной немало и трав –
травы прекрасны...
Если со мной ты спорить готов –
споры напрасны.
Лучше скажи сразу: «Не прав».
Споры напрасны.
Этой весной бегать хочу
по зеленому полю.
И хохотать, и валяться в траве –
по зеленому полю.

Словно вулкан, я клопочу!
Досыта, вволю.
Буду ходить на голове –
досыта, вволю!
И все потому, что я влюблена, –
вот что со мною.
Снова горю в этом огне –
вот что со мною!
Словно на свет я рождена
этой весною.
Я и сама словно весна
этой весною!
Скатертью душу свою расстелю –
все ли там сели?
Ну и веселье у нас началось!
Песню запели...
Видишь, джигиты – я скачки люблю! –
в седла взлетели...
Видишь, как много светлых берез
для колыбелей...

1964

Перевод Ю. Шавырина

Мы встретились с тобой,
Когда арча
Нас запахом поила ароматным.
И легкая листва карагача
Шептала нам
О чем-то непонятном.
С тобою повстречались мы тогда,
Когда луна играла с тополями...
Из поднебесья
Нам любви глазами
Подмигивала ранняя луна.
Когда мы в полдень встретились, сильней
Тот огонек зажегся между нами.
Мы были всех дружнее между друзьями
И друг о друге думали светлей.
Когда с тобою повстречались мы,
Перемешались осени и зимы.
И пусть всегда останутся такими

Те дни,
Когда с тобой
Простимся мы.

1965
Перевод Ю. Шавырина

Парты

Мой детский край,
Край добрых школьных парт,
Моря, долины и вершины карт,
Тропинки, проторенные мечтами, –
Грядущих дел и путешествий старт!
Куришься ты сегодня вдалеке...
Но будто вновь я мел держу в руке
И радуюсь той первой робкой строчке,
Написанной на русском языке.
Он, словно брат, вперед повел меня...
И не было еще такого дня,
Чтоб я осталась в мире одинокой:
Огромная страна – моя родня!
Пусть зреем мы, и пусть растут года,
Я думаю, что вовсе не беда –
Девчонкою за доброй школьной партой
Себя немножко чувствовать всегда!

1968
Перевод К. Гусева

Слово об авторе

В настоящее время женщины могут быть мудрыми поэтами и популярными президентами. Майрамкан посчастливилось жить в такое время. Её произведения находят своих почитателей, очаровывают и вдохновляют их.

Рамис Рыскулов, народный поэт

ДЖОЛОН МАМЫТОВ (1940–1988)

Киргизский поэт, прозаик, переводчик, сценарист, либреттист.

Произведения на русском: сборник стихов «Ток» (1985), «Родник и океан» (1983), «Мяч» (1984), произведения в журнале «Юность», «Оседлайте коней» (стихи для детей дошкольного возраста, 1986). На родном языке вышло более десяти сборников стихов и поэм: «Суунун өмүрү», «Сказка о храбром Челтене»,

пьеса для кукольного театра «Дети матери Тюркюк» и т. д. Джолон Мамытов создал ряд сценариев и либретто. В 1987 году по его либретто была поставлена опера «Сепил» в театре оперы и балета имени А. Малдыбаева. Он перевел на киргизский язык поэтические произведения Ф. Тютчева, В. Маяковского, О. Сулейменова и др.

Джолон Мамытова называют мастером любовной лирики. Многие песни на стихотворения Ж. Мамытова полюбились в народе и стали настоящими хитами.

Романтика

В пещерах среди гор моих высоких
Красавицы встречаются из сказок.
В долинах среди гор моих высоких
Наездники встречаются из сказок.

На берегу реки сидят старухи,
Невиданные сказочные духи,
И косы над зеркальными волнами
Расчесывают медными когтями.

И рыбы говорят по-человечьи,
И птицы опускаются на плечи.
В краю снегов и вечного гранита
Седой архар приветствует джигита.

И звезды на седых хребтах алеют.
К ним тянутся мальчишки и взрослеют.
Их чабаны в букеты собирают
И, возвратясь, к ногам невест бросают...

Пусть вечно будет ясная погода,
И смех, и песни вечного народа.
Пусть нерушимо высятся твердыни
Киргизских скал, незаблемых поныне.

Откровение

Чужих дорог, простите, не приемлю:
По-своему ликую и грущу.
Ищу свою, особенную землю,
Кто знает, отыщу ли, но ищу.

Начертана на точной звездной карте
Седого звездолетчика судьба.
В его математическом азарте
Я узнаю спокойного себя.

Прямой кинжал порой тупее слова
Единобо. И жизнь – ему цена.
Пряма дорога бытия земного:
Она, как слово честное, – одна.

К рывку готовлюсь. Силы проверяю,
К житейской битве повернув лицо.
Всем грузом чувств ломаю, прорываю
Привычности осадное кольцо.

Идите прочь и ласки, и приветы!
Горянки, позабудьте обо мне!
Нежданных странствий первые приметы
Душе моей открылись по весне.

Уйду я, как уходят на работу,
Закончив суматошный институт,
Как за трусливым волком на охоту
Скуластые охотники идут.

Поэт – не раб земли своей суровой.
Поэт – не стихотворный комбинат.
Я присягаю правде Ильичевой!
Ильич – великой мысли космонавт.

Когда учусь у ленинского духа
Единой правде, жесткой и прямой,
Касаются и сердца моего, и слуха
Раскаты Революции самой...

Когда учусь у ленинского сердца,
Нет ей предела, дерзости моей!
Я все могу: введу в полночь солнце,
Нарушу грани суши и морей...

Когда учусь у ленинского слова,
Я вижу, что Поэзия права:

Она – и конституциям основа,
Она – царю и богу голова...

Во всех краях, где имя Ленин вечно,
Где, словно луч, – простертая рука,
История светла и быстротечна,
Как времени вселенская река.

Преображает вольницу просторов
ЕГО реальной мысли мастерство.
И с чуткостью сейсмических приборов
Сердца поэтов слушают ЕГО.

Кони

В зрачках коней вращается светило,
В подзорных трубах проскользнул огонь.
О, родина – скакун ширококрылый,
О, мой народ – неудержимый конь!

Спят кони, спят, и по хребтам сутулым
Струится сон, и свет в зрачках умрет.
Но в свой черед с неукротимым гулом
Готовы кони ринуться вперед.

Крылатые степные ураганы
Над полем протопочут, прогремят.
И дробью гроз рассыплется барханы,
Как в барабанных перепонках град.

Ломали копыта древние батыры,
Писали кони летопись подков,
Летели к зорям утреннего мира
Из тьмы веков, из пропасти веков.

Любить коня в степи родной, подлунной
В отцовской юрте приучили нас...
Об упряжи, об утвари табунной
Я выслушал восторженный рассказ.

Я выйду в степь, и солнце загорится,
В глазах коней мгновение замрет.

Вскочу в седло, и огненная птица
В конец тысячелетья понесет.

Возвращение

О кочевые белые вулканы –
Дымящиеся юрты!
В добрый час
Из дальних далей в край благоуханный
Вернулся я, чтоб вновь увидеть вас.
Вы знать хотите,
Что я делал прежде,
Чего искал от отчих гор вдали?
Я сто дорог избороздил
В надежде
Постичь законы неба и земли.
Я углублялся в книгу мироздания,
И каждая страница в книге той
Меж нами сокращала расстоянья,
Вела дорогой,
Солнцем залитой.
Войду я в юрту, отряхнусь от пыли,
Ружье отца поставлю у стены.
И растоплю очаг,
Чтоб горы были
Еще одним огнем освещены.

1985

Слово об авторе

В творчестве Джолона Мамытова раскрывается романтизм кыргызской поэзии 1960-х годов, его стихотворения были наполнены оптимистическим взглядом на жизнь, который сопровождался безоговорочной верой в светлое будущее.

Омор Султанов, народный поэт

МУРЗА ГАПАРОВ (1936–2002)

Киргизский драматург и сценарист. Народный писатель КР, заслуженный деятель искусств (1986).

М. Гапаров родился в селе Нойгут Ноокатского района Ошской области, в семье колхозника. Начал печататься с середины 50-х годов. Является автором сборников рассказов и повестей, пьес «Ночь предопределения» (1975), «Шум

реки» (1979), «Карлсон нашего дома» (1983) и мн. др. В 1963 году на свет вышла его повесть «Мейман» («Гость»).

Также Гапаров успешно писал сценарии для художественных и хроникально-документальных фильмов.

Арсланбоб

Арсланбоб – чтобы знали вы –
Край, где раньше водились львы.
Горный лес – как фруктовый сад,
Горы много чудес таят,
Много разных птиц и зверей.
Приезжайте сюда скорей!

Сары-Челек

Сары-Челек! Сары-Челек
Вы не ищите среди рек –
Ведь это озеро у нас,
Что синевой ласкает глаз.

Вокруг него зеленый лес
На горы вечные залез.
Здесь тишина и красота.
Здесь заповедные места.

Водопад

У нас в Арсланбобе, где кружат орлы,
Шумит
водопад
с поднебесной
скалы.
И шум водопада, и клекот орлиный
Летят к небесам над зеленой долиной.

Орехи

Орехи растут высоко – высоко,
Достать их бывает совсем нелегко.
Но падают сами, когда поспевают,
И собирать их едва успевают.

Сенокос

У нас серпы из стали,
Косить мы не устали,
С лентями не дружим –
Наш труд колхозу нужен.

Во двор мы возим сено
К растущим ввысь стогам.
Мы трудовая смена
Любимых пап и мам.

Картошка

Мать с отцом ее сажали,
Мы как раз и подбежали.
Откопали мы немножко,
Испекли – вкусна картошка!
Мать с отцом на нас глядят –
Ничего не говорят...

Совка-сплюшка

Женщина жила в одном аиле
Далеко в горах и высоко.
И ее однажды уличили
В том, что разбавляла молоко.

Стыдно было, перед людьми неловко.
Обернулась птицею она,
И теперь летает птица-совка,
Прячется в ночи, не зная сна.

Слышится во тьме то там, то тут,
Как горюет совка: «Сут, сут, сут».

1989

Перевод А. Никитенко

Слово об авторе

Мурза Гапаров был человеком очень деликатным, с высокой внутренней культурой... Он прожил немного, но оставил после себя бессмертное духовное наследие в национальной литературе. Его произведения: «Гроздь винограда», «Гость», «Дикий гусь», «Ночь преопределений», «Солнечный остров» являются жемчужинами классической национальной литературы. Мурза Гапаров был

уникальным человеком, который всё видел, чувствовал, стремился к высшей правде этого мира.

Султан Раев, народный писатель, драматург

МАР БАЙДЖИЕВ (1935–2021)

Киргизский и советский прозаик, публицист, драматург, журналист, режиссёр театра и кино, литературовед, переводчик.

Родился в городе Джалал-Абаде, сын педагога и писателя Ташима Байджиева.

Окончил Киргизский госуниверситет, Высшие курсы сценаристов и режиссёров в Москве (1962–1964).

Затем работал главным редактором студии «Киргизфильм», в Министерстве культуры республики, собственным корреспондентом «Литературной газеты» (1971–1975), спецкором «Правды», «Комсомольской правды».

В 1990–1995 годах избирался депутатом Жогорку Кенеша (парламента) Киргизской Республики.

Автор повестей, рассказов, публицистических статей и очерков, пьес и сценариев о сложных морально-этических проблемах современности.

Заслуженный деятель искусства Киргизской ССР. Народный писатель, академик Национальной киноакадемии Киргизии, почётный профессор, отличник кинематографии СССР.

Гражданочка

Рассказ

В автобусе было душно, при каждом толчке люди наклонялись вперед, потом отшатывались назад.

– Эй, водитель, не дрова везешь!

Под надписью «Места для детей и инвалидов» сидела полная пожилая женщина в шерстяном платье неопределенного цвета. Ей было очень жарко. Она помахивала крепдешинным платочком с обвязанными краями и тяжело дышала. Она решила выйти из автобуса на следующей остановке и идти домой пешком. Вышла она из дома сегодня рано, когда было еще прохладно, и не учла, что майские дни капризны, как избалованные дети: утром дождь, в обед жара, а вечером опять дождь. Женщина сетовала на духоту и на свое теплое платье. Машина приближалась к остановке, а она никак не могла вытащить корзину с продуктами, застрявшую под сиденьем.

– Помогите вытащить сумку! – попросила женщина.

Корзина, туго набитая продуктами, поплыла над головами. Из нее посыпался какой-то порошок – не то сода, не то крахмал. Когда женщина пробралась к выходу, вдруг что-то треснуло. Это от ворота платья отлетела большая перламутровая

пуговица. Но попробуй найти ее в такой давке.... Пришлось выйти без пуговицы. Оказавшись на свежем воздухе, женщина облегченно вздохнула и укоризненно посмотрела вслед удалявшемуся автобусу, проворчала что-то и, придерживая рукой ворот, направилась к подарочному магазину, чтобы купить там булавку или какую-нибудь дешевенькую брошь, которая бы заменила пуговицу.

В магазине было много народу, было так жарко и душно, как в автобусе. Женщина хотела рассказать продавцу о своем несчастье с пуговицей, но с разных сторон зашумели.

– Гражданочка! В очередь встаньте, все мы торопимся.

– Не за хлебом же, постоять можно! – сказала блондинка в розовом платье.

– Да не подарок, булавку надо, – попыталась возразить женщина, но ее слова потонули в шуме осуждающих голосов.

Пришлось стоять в очереди.

Женщины шумели, выбирали галстуки, портсигары, пепельницы, бритвенные приборы – словом, все мужское.

– Мне два галстука. Вот этот и этот. Еще вот эти орденские ленточки, – щebetала женщина в зеленом платье.

Продавщица, красивая девушка с быстрыми, озорными глазами, молниеносно заворачивала подарки и вручала покупателям. Блондинка выбрала серебряный портсигар и попросила гравировщика, работавшего рядом, сделать на нем надпись: «Любимому мужу в День Победы».

«Сегодня же День Победы!» – вспомнила пожилая женщина.

Между тем подошла и ее очередь.

– А вам что, гражданочка? – в упор спросила продавщица.

– Да... мне... все равно... что-нибудь... – растерянно пробормотала гражданочка.

– Ну, говорите скорей! Люди ждут. Вот так всегда, не обдумывают заранее, а потом стоят по полчаса, размышляют. А продавец виноват! – заторопила продавщица.

– Давайте что-нибудь... – еще более растерялась женщина.

– Галстук, что ли?

– Да-да, галстук...

Обруч с галстуками завертелся перед женщиной пестрой каруселью.

– Сколько? Два?

– Да-да. Пусть два...

– Молодому или пожилому?

– Да...

– Ну, кому? – застыла продавщица в нетерпеливом ожидании.

– Кончайте рядиться! Магазин скоро закроют, – торопили сзади.

– И тому, и другому...

Обруч уже не вертелся, но пожилой женщине казалось, что пестрая карусель все еще мелькает.

Продавщица завернула галстуки в хрустящую бумагу, перевязала голубой ленточкой и, протянув сверток, занялась стариком в соломенной шляпе, который перебирал галстуки, словно перед ним были куски порубленного мяса.

– Сыну, он у нас фронтовик, в шестнадцать лет ушел, Берлин брал... Берлин! – бормотал он. – И дочка у меня... Ей-то я купил, купил...

Пожилая женщина вышла из магазина и вспомнила, что забыла купить булавку, так и дошла она до дома, придерживая ворот рукой, а перед глазами вертелась карусель пестрых галстуков.

Женщина вошла в комнату, поставила корзину, подошла к кровати, села и развернула покупку: один галстук был белый, с мелкими черными крапинками, а другой коричневый, с крупными ромбиками. Она долго смотрела на галстуки, а потом прижала их к груди и горячо заплакала...

Женщина долго лежала. В комнату вползли сумерки. Двери оставались открытыми настежь, сквозняком колыхало старые тюлевые занавески. Потом стало совсем темно. Громовой раскат заставил женщину вздрогнуть, она подняла голову. Но это был не гром, это был салют в честь Дня Победы. Еще раз грянул залп. Огни осветили два портрета. Один портрет висел на стене. Это был человек в буденовке, с петличками на воротнике. Другой портрет стоял на комод. Совсем еще юный парень в форме летчика. Женщина встала, подошла к окну.

Она стояла и смотрела на салют, в глазах ее поднимались и падали огни...

1963

Слово об авторе

Мар Байджиев – один из наиболее известных представителей новой литературной генерации. Его творчество, так же как творчество его сверстников, формировалось в сложном процессе сочетания национальных традиций с достижениями единой многонациональной советской литературы и опытом мировой культуры.

Чингиз Айтматов, народный писатель

МЫРЗАБЕК ТОЙБАЕВ (1935–2019)

Киргизский писатель, редактор. Народный писатель КР.

В 1963 году вышла в свет его первая книга «Доброта». В разные годы были опубликованы его книги «Белый хлопок» (1965), «Вместе с друзьями!» (1966), «Дружба» (1967), «Образ современников и сцена» (1968), «Время, личность, драма» (1970), «Невестка» (1973), «Жизнь, сцена, характеры» (1975), «Драмы и комедии» (1990), «Произведения» (1997), сборник произведений в семи томах (2007). Среди других значимых произведений: «Непогасшая звезда» о государственном и партийном деятеле Султане Ибраимове, «Первый бой» о полководце М.В. Фрунзе, «Московская сноха», «Жоронун жоруктары».

Его пьесы «Жаңы келин» («Невеста»), «Жоронун жоруктары» («Проделки Жоро») признаны произведениями киргизской классической драматургии.

Автор переводов на киргизский язык произведений Хамзы Хакимзаде Ниязи, С. Михалкова, А. Чехова, К. Мухаметжанова, Д. Исабекова, А. Абдугафурова, Петера Шута.

Также являлся автором популярной песни «Бишкегим», автор гимна города Токмок Чуйской области.

Дорогая тетушка

Комедия в одном акте

Действующие лица:

Канат – молодой ученый, 27 лет.

Джаркын – жена, актриса, 25 лет.

Джокин – брат Джаркын, студент, 23 года.

Аккыз – подруга Джаркын, ее односельчанка.

Тетушка Токтокан – невестка Джаркын (жена старшего брата).

Шофер такси.

Действие происходит в наши дни, в одном из городов Киргизии. Комната в доме Каната. Зеркальный шкаф, деревянная кровать, радиолы, ковры. За открытым окном – зелень деревьев, щедро залитая солнцем. Джаркын, в нарядном домашнем халате, накрывает стол.

Джаркын. Пока тебя нет рядом со мной, сердце тоска гложет... (*Выглянула в окно.*) Нет, не видать моего Каната! (*Вздыхнула с грустью.*) Разве еще разок вспомнить свою роль? (*Репетирует перед зеркалом монолог Катерины из «Грозы».*) «Куда теперь? Домой идти? Нет, мне что домой, что в могилу все равно...» (*Звонит телефон, Джаркын сняла трубку.*) Алло! (*Радостно.*) Аккыз! С приездом! Как там наш аил?.. Хорошо?.. Если бы ты знала, как я соскучилась, как хочется побыть дома!.. Что ты, что ты! Сама знаешь, что скажут люди, которые цепляются за старое: ведь я только вышла замуж. Нельзя, дорогая... Ты откуда говоришь?.. Так это рядом. Приходи. А вечером – в театр. Я свободна, вместе пойдем. (*Слушает.*) Мой старик? Нет, еще не вернулся с работы. Знала бы ты, как я его жду... умираю! (*Выглянула в окно.*) Вон он, идет. Приходи, Аккыз, жду. (*Положила трубку.*) Посмотрим, что он станет делать без меня, а? (*Прячется.*)

Вошел Канат.

Канат. Джаркын! Нет дома? А стол накрыт. В театр вызвали, что ли? (*Набирает номер телефона.*) Театр? Попросите артистку Джаркын. Что? Не приходила? Куда же она ушла?

Джаркын (*тихо подошла сзади, закрыла Канату ладонями глаза*). Ключ или замок?

Канат (*радостно*). Ключ, ключ! Где ты была, Джаркын?

Джаркын. Опоздаешь еще раз, спрячусь так, что никогда не найдешь.

Канат. Прости, Джаркын, я не виноват – шахматы... одна партия...

Джаркын. Смотри, как бы жену не проиграл...

Канат. Не сердись, милая.

Джаркын. Ладно, будешь вести себя хорошо – не стану сердиться. Аккыз только что звонила. Приехала из аила. Сейчас придет к нам. Сходим в театр втроем?

Канат. Великолепно! (*Подумал.*) Только, знаешь, пойдем в воскресенье.

Джаркын. А сегодня?

Канат. Поработать надо.

Джаркын. Опять?

Канат. Мы обещали закончить...

Джаркын. Понятно. Днем – шахматы, вечером – работа. И в театр сходить нет времени... Всю весну болтался где-то в горах со своими быками, бросил меня одну. Теперь ни одного свободного вечера... А польза от твоей работы какая? Или, как некоторые аспиранты, только бумагу переводишь?

Канат. Да нет же, милая, нет!.. Это... как бы тебе сказать, одним словом, открытие! Сам директор института сказал.

Входит Аккыз.

Аккыз. Здравствуйте! Добрая весть! Добрая весть!

Джаркын, Канат (*вместе*). Здравствуй, Аккыз! Какая весть? Говори скорее!

Аккыз. Суйюнчи, суйюнчи! Готовьте подарок, а то не скажу!

Канат. Говори – будет подарок!

Аккыз. Теперь слушайте: когда я приехала в аил, ваша корова с пятном на лбу принесла теленка. Вот моя добрая весть!

Джаркын и Канат смеются.

Канат. За такую весть не жалко самого дорогого подарка. (*Подает Аккыз безделушку с этажерки.*) Получай.

Аккыз. Спасибо, Канат. А что ты мне подаришь за другую весть?

Джаркын. Какую?

Канат. Вот хитрая. Если будешь выкладывать свои вести по одной, разоришь нас.

Джаркын. Ну, за эту весть вы мне подарка не сделаете.

Канат. Что, плохая весть?

Аккыз. К вам едет тетушка Токтокан!

Джаркын. Токтокан!

Канат. Ну и что? Разве плохо? Родичам мы всегда рады.

Джаркын. Ну конечно!

Аккыз. Не спешите радоваться. Я слышала, она обижена на вас.

Джаркын, Канат (*вместе*). Почему? За что?

Аккыз. Они еще спрашивают!.. Или вы не знаете, что за невесту полагается платить калым? Он ее получил бесплатно и думает так отделаться!

Джаркын и Канат смеются.

Аккыз. Смейтесь, смейтесь! Вот приедет тетушка Токтокан, посмотрим, как вы будете смеяться. Она так сказала: «Поеду к ним и с пустыми руками не вернусь!».

Джаркын. Рассмешила ты нас, Аккыз.

Канат. Так я тебе и поверил!

Аккыз. Эх, Канат, плохо ты знаешь Токтокан! Посоветуйтесь лучше, как встретить дорогую тетушку.

Джаркын. Ни мать, ни отец ни за что на это не пойдут. Я-то их знаю лучше тебя, Аккыз.

Канат (*хохочет*). Ой, живот надорвал!.. Ха-ха-ха! И ты ей поверила! Ха-ха-ха!..

Слышен сигнал автомобиля.

Аккыз. Берегитесь, это она!

Голос шофера. Эй, Канат здесь живет?

Аккыз (вместе с Джаркын и Канатом подошла окну.) Здесь.

(*Пауза.*) На такси прикатила. Да что ей – разбогатеет теперь.

Входит Токтокан. Вид ее неприветлив.

Джаркын (растерянно). Входите, джене.

Канат (учтиво). Здравствуйте, джене!

Токтокан (*холодно*). Здравствуйте. (*Презрительно покосилась на Каната.*)

Это и есть наш зять?

Аккыз. Он самый. Скромный джигит.

Токтокан. Нашли джигита! (*Спихватилась.*) Господи, совсем забыла... Шоферу заплатить надо. Эй, зятек!..

Резко звонит дверной звонок.

Боже, что это такое?

Джаркын. Не бойтесь, джене, это электрический звонок.

Входит шофер.

Шофёр. Долго я буду стоять, тетенька?

Токтокан. Сейчас. Эй, зять, заплати-ка человеку два рубля. Да поживей.

Канат. Пожалуйста. (*Достает деньги.*)

Аккыз. С вокзала два рубля? Да тут и двух километров не будет. За что же столько?

Шофёр. Добрая у вас тетушка, черноглазая. Сама цену назначила.

Джаркын. (*Канату, тихо*). Ради бога, отдай быстрее.

Аккыз. (*Канату, тихо*). Пятьдесят копеек.

Токтокан. Чего торгуетесь? Ждет человек!

Канат. Ладно... Получите, товарищ шофер.

Шофёр. Порядок. Спасибо.

Токтокан. Ему-то за что спасибо? Меня благодари.

Шофёр. В другой раз... Простоял из-за тебя, да вон еще черные глаза меня обстреляли. (*Аккыз*) До свидания, черноглазая! (*Ушел.*)

Токтокан (*хлопнула себя ладонью по лбу*). Господи, опять забыла! (*Кричит в окно.*) Ай!.. Ай!.. Браток! Шофер!.. Вернись, милый! Вернись!!!

Шофёр (*показался у окна*). Чего тебе, тетка?

Токтокан. Отвезешь меня на вокзал. Смотри, чтобы на поезд не опоздала. Заплачу два рубля.

Шофёр. Деньги – вперед.

Токтокан. Ладно. Зять тебе заплатит.

Шофёр. Тогда можно. А с тобой, тетка, не договоримся. Слово держать не умеешь. (*Отошел от окна.*)

Токтокан. Не оставляй меня, милый!

Слышен шум автомобиля.

Джаркын. Вы сегодня же хотите уехать, джене?

Токтокан (*словно не расслышала вопроса*). А где Джокин? Не бывает у вас? Так, так... Если родной брат не ходит к вам, то дело ваше совсем плохо.

Джаркын. Он всегда у нас бывал, джене. Вот только последний месяц почему-то не приходит. Не знаю, что случилось.

Токтокан. Джокин умнее вас всех. Я ему скажу, чтобы и дорогу к вам забыл.

Джаркын. Почему, джене?

Токтокан. Не прикидывайся глупой! Позовите мне Джокина. Так и быть, пусть придет... тетушку Токтокан повидать.

Канат. Я позову его, джене.

Аккыз. Я позову. Мне все равно надо зайти в институт.

Токтокан. Давай живее. Не опоздать бы мне на поезд из-за вас. Ну, кому говорю, живо!

Аккыз. Есть живо, тетушка Токтокан! (*Уходит.*)

Неловкая пауза.

Канат. Что же мы, Джаркын... (*К Токтокан.*) Присаживайтесь к столу, джене. Мы очень рады дорогой гостье.

Токтокан (*холодно*). Спасибо. (*С иронией.*) Ладно вот не забыл, как встречают гостей. Да времени у меня нет... уезжаю сегодня.

Джаркын. Как жаль, что вы уезжаете, джене. Остались бы хоть денька на два. Ведь вы у нас еще ни разу не гостили.

Токтокан. А чем будешь угощать дорожную гостью?

Джаркын (*радушно*). Всем, всем, что у нас есть! Останетесь, джене. Завтра поведем вас в музей, на выставку!

Токтокан. Что? Что?.. Какой музей? Какая еще выставка?

Джаркын. Какие там коровы! Какие быки! Канат изучает этих быков, опыты делает, научную работу пишет про них. Так интересно!

Токтокан. Не видела я ваших быков! Будто у нас в колхозе их мало!

Джаркын. Тогда поведем вас в парк культуры и отдыха. На лодке покатаем.

Токтокан. Этого еще не хватало!

Канат. А вечером можем пойти в театр.

Джаркын. Завтра и буду играть на сцене. Вы обязательно должны посмотреть. Как хорошо, что вы приехали! (*Ласково.*) Не уезжайте, милая тетушка, посмотрите, как я выступаю!

Токтокан (*осуждающе*). Боже! Стану я смотреть, как ты вертишься перед народом и кидаешься на шею посторонним мужчинам! Да лучше мне сгореть! Тьфу! Уеду, ни за что на свете не хочу видеть твой театр, провалился он сквозь землю!

Канат (*пожимает плечами*). Как хотите...

Джаркын. Если вы не любите театр, джене, то тогда хоть чаю выпейте. Вы же не на улице – у нас дома (направляется на кухню.)

Токтокан. Погоди. Не за тем я приехала, чтобы терять время на твои угощения. Оставь-ка нас одних, зять.

Канат (*берет сумку*). Да, мне в магазин надо сходить (*уходит.*)

Токтокан (*внимательно осмотрела комнату, подошла к зеркальному шкафу*). Блестит. Сколько стоит?

Джаркын. Больше ста.

Токтокан. Больше ста? О боже! (*Поцупала радиолу.*) И эта штука не меньше пятидесяти, да?

Джаркын. Радиола тоже больше ста.

Токтокан. Всё сто да сто. Оказывается, для вас сто рублей – чепуха! (*Поцупала кровать.*) Мягко спать? Сколько стоит?

Джаркын. Кровать? Около пятидесяти.

Токтокан. А это шелковое одеяло?

Джаркын. Китайское.

Токтокан. Да будь оно хоть турецкое. Сколько стоит, спрашиваю?

Джаркын. Не помню. Рублей восемьдесят, наверно.

Токтокан. Кидает деньги направо, налево и не знает, сколько выкинула! Ну и ну!.. А сколько тебе платят за то, что ты показываешь мужчинам свои голые ноги?

Джаркын (*обиженно*). Ах, тетушка, за что?.. Я получаю сто рублей в месяц.

Токтокан. Опять сто? А муж где работает? Ах да, проверяет быков! И сколько ему платят за каждого быка?

Джаркын. Канат работает в Институте животноводства, научным сотрудником. Его оклад – сто пятьдесят рублей.

Токтокан. Сто пятьдесят! Ой-ой!.. Да у вас мешок денег. Райскую жизнь себе устроили, спите на мягкой кровати, под шелковым одеялом. А знаешь, на какой кровати спят мать и отец?.. Их уважает весь аил. Только ты их не ценишь, подрываешь авторитет.

Джаркын. Вы шутите, джене?

Токтокан. Вон как!.. Это ты, бесстыжая, не знаешь ничего, кроме шуток. Пялишься перед мужчинами, получаешь за это сотни, веселишься... А мы от твоего веселья копейки не видим. Копейки, говорю!

Джаркын (*с обидой*). Не понимаю. Чего вы хотите, джене?

Токтокан. Послушай... Если ты не заставишь мужа послать своих родителей к твоему отцу с калымом, то... Не дай бог соврать!.. Твоя мать сказала, что пошлет горсточку земли на мою могилу. Кто переживет позор? Я повешусь на отцовском поясе. Повешусь, негодница, или ты хочешь, чтобы дело кончилось кровью?

Джаркын. Так и знала. Другого от вас и ждать было нечего!

Токтокан. Знала? Где же твоя совесть?

Джаркын. Да разве это дело совести?

Токтокан. Твоя мать и отец растили тебя, десять лет учили в школе, пять лет в Москве. Не правда ли?

Джаркын. Правда. Я очень благодарна им.

Токтокан. О, кто не ценит материнских забот, тот должен ослепнуть! Ты неблагодарная дочь. Неблагодарная! Так ты отплатила родителям за их заботу? Где это было, чтобы за невесту не давали калыма? Скажи своему, пусть уплатит за тебя хотя бы тысячу. Не была бы ты артисткой да не училась в Москве, знаешь, сколько бы мы взяли за тебя? Три тысячи (*Стукнула ладонью о стол.*) Три! Дешево отдаем.

Джаркын. Тысячу... Где мы столько возьмем?

Токтокан. Это ваше дело. Продайте ценные вещи. Вон у вас их сколько! И знай: не выполнишь волю стариков – проклянем не только на этом свете, а и на том. Слышишь? Выходила замуж – мне, близкой родне, ни слова не сказала. Деньги полными ведрами, как воду из арька, черпаешь, а мне и подарка не поднесла. У-у, бесстыжая!.. С других бери пример. Дочь Айдаралы разрешила своей невестке взять с жениха белого барана да двести рублей, а потом и еще помогла содрать с него две с половиной сотни. А знаешь, сколько жених заплатил, когда девчонка удрала с ним из аила против воли родителей? Три тысячи, два барана и ящик водки! Если все посчитать, будет тысячи на три с половиной, не меньше. А разве она может сравниться с тобой? Да она твоего не стоит! Иметь красивое лицо – для женщины половина счастья. И мы за тебя берем всего тысячу. Позор, господи, позор!

Джаркын. Успокойтесь, джене.

Токтокан. Замолчи! Как только вспомню о дочери Айдаралы, да сравню ее замужество с твоим, удавиться хочу... зарезаться. (*Угрожающе.*) Хочешь, зарежусь сейчас?

Джаркын. Было бы лучше...

Токтокан. Аа, лучше! Так ладно же, умру... За честь семьи жизни не пожалю. Покончу с собой. (*Хватает столовый нож, подбегает к Джаркын.*) Смотри, негодница! (*Приставила нож к груди.*) Смотри, я умираю на твоих глазах!

Джаркын. Ах, джене, не пугайте! Слава богу, нож тупой, масло только резать...

Токтокан (*попробовала лезвие ножа пальцем*). Уф-ф!.. (*Швырнула нож.*) И ножа острого в доме нет. (*В замешательстве мечется по комнате, схватила*

со стола огромный кухонный нож, приставила к груди.) Умру! Чем позориться перед людьми, лучше не жить! Отпусти мне грехи, милостивый аллах...

Джаркын. Ой, джене, остановитесь! *(Схватила Токтокан за руки, нож выпал.)* Что вы задумали? Не надо!

Токтокан. Умру! Смерти хочу! Умру за честь!.. Или делай то, что тебе говорят, или смерть! Не желаю позора. Не желаю! Смерть!.. Смерть!..

Джаркын. Хватит, джене. Мне стыдно. *(Плачет.)* Могут увидеть люди...

Токтокан. Люди. А мне не стыдно за вас? На улицу выйти не могу – все смеются над нами. Позор!

Джаркын. Я поговорю с Канатом.

Токтокан. Ты это брось! Поговорю! Ты добейся, добейся. Поняла?

Джаркын *(смотрит в окна)*. Вон он, идет. Не надо при нем, джене, прошу вас.

Токтокан. Не надо? Нет, надо! Пусть и он знает, какой позор навлекли вы на наши головы. Или хочешь, чтобы вас прокляли и на том свете? Или смерти моей хочешь? *(Пауза.)* Пока не заплатит калым, и не подпускай его близко к себе. Так ему и скажи.

Джаркын. Ладно, джене. Скажу.

Токтокан. Не врешь? Я от вас не отвяжусь, пока не сделайте все, как надо. Не вздумайте меня обмануть!

Тишина. Вошел Канат.

Канат *(подает Джаркын сумку)*. Тут угощение для нашей дорогой гостьи.

Токтокан. Чуть не забыла. Мне надо в магазин.

Канат. В какой магазин?

Токтокан. Нож купить, которым режут животы, и щипцы, чтобы кишки вынимать.

Джаркын *(испуганно)*. Нож? Зачем нож? У кого вынимать кишки?

Канат. Хирургом хотите стать, джене?

Токтокан. Нет. Наш мулла просил.

Канат. Так это мулла решил стать хирургом?

Токтокан. Да нет! Какой ты непонятливый. Щипцами и ножиком он будет делать мальчикам обрезание.

Канат. Это и есть хирургия! Сумеет ли мулла? Еще заражение крови сделает.

Токтокан. Мулла – святой человек. Он все умеет.

Канат. Дело ваше, джене. Только я не стал бы помогать мулле в таком деле.

Токтокан. Без тебя знаю. Ты лучше с женой поговори. *(Уходит.)*

Канат. Да, конечно... лучше поговорить с женой. *(Смотрит на Джаркын.)* Что с тобой, родная? Ты чем-то опечалена?

Джаркын. Мы не поверили, смеялись. Оказывается, Аккыз сказала правду.

Канат. Так вот о чем вы тут говорили. Понятно.

Джаркын. Тетушку послали мои родители. Вот не ожидала! Бедная джене, как она переживает!

Канат. Ты ей, конечно, разъяснила, что в наши дни девушек не продают и не покупают.

Джаркын. Она слушать не хочет. Чуть на моих глазах не лишила себя жизни. Вот этим ножом.

Канат. Да ну? Кто же ей помешал?

Джаркын. Я испугалась, заплакала... Еле уговорила ее не делать этого.

Канат. Чего она хочет?

Джаркын. Говорит, за дочь Айдаралы заплатили три тысячи, два барана и ящик водки. А за меня просит всего одну тысячу.

Канат. Всего одну?.. Да что она, спекулянтка?

Джаркын. Спекулянтка! По-твоему, одну тысячу – это много?

Канат. Дело совсем не в этом...

Джаркын. За других платят по три тысячи, не считая баранов и водки. А за меня – только одну! Тетушка говорит, это потому, что я артистка и училась в Москве.

Канат. Какая чепуха! Да ты мне дороже всех девушек на свете!

Джаркын. Дороже!.. А самому жалко тысячи рублей!

Канат. Милая, что с тобой?

Джаркын. Ты не любишь меня, Канат?

Канат. Да я... за тебя... жизни не пожалею!

Джаркын. Ты хочешь крови моей тетушки?

Канат. Да пусть она живет сто лет на радость всем молодым, кто женится и выходит замуж.

Джаркын. Мы опозорили стариков, им стыдно выйти на улицу.

Канат. Ну, милая, твоя тетушка сведет с ума кого хочешь!

Джаркын. При чем тут тетушка? Скажи прямо: какая-то несчастная тысяча рублей тебе дороже, чем я.

Канат. Мне? Да была бы у меня эта проклятая тысяча! Ничего мне не жалко. Ничего! *(Оглянулся вокруг.)* Все продам, а деньги наберем. Шкаф – в комиссионку. Радиолу – в комиссионку. Кровать, одеяло, матрац, простыни, подушки, ковры – на базар!

Джаркын. А где мы будем спать?

Канат. На земле! Наши отцы и деды спали, будем спать и мы. *(Открывает шкаф, выбрасывает в кучу одежду.)* Костюм, платье, пальто, шуба, ботинки, туфли. Все, все на базар! Будем ходить, как наши далекие предки, в овчинных одеждах. *(Снимает, кидает в кучу пиджак.)* И это на базар...

Джаркын. Что ты делаешь? Опомнись!

Канат. То, чего хочет твоя милая тетушка. *(Кричит.)* Раздевайся. Снимай платье. Снимай часы. Все продадим. Живо! *(Подступает к Джаркын, та в страхе пятится.)*

Вошли Аккыз и Джокин, в недоумении стоят у порога.

Аккыз. Вы что? Разводитесь? Делите имущество?

Джокин. Сразу видно – потрудилась тетушка Токтокан. Ну, пройдоха!

Джаркын (*бросается на шею Джокина*). Джокинчик, брат мой! Как хорошо, что ты пришел!

Джокин. Здравствуй, Канат. Что тут у вас?

Канат. Помоги, дружок, едем со мной на базар.

Джокин. На базар? Поздно уже, какой теперь базар!

Канат. Ну, в комиссионку.

Джокин. Почему такая спешка?

Канат. Тетушка Токтокан боится опоздать на поезд, должен отдать ей тысячу рублей.

Аккыз (*Джокину*). Что я тебе говорила!

Джокин. Ты задолжал тетушке тысячу рублей? За что?

Канат. За твою сестру.

Джокин. Так мало? Я бы ее так дешево не продал.

Джаркын. Мне не до шуток, Джокин... Она чуть не зарезалась вот этим ножом.

Джокин. Очень жаль.

Аккыз. А что бы и на самом деле зарезалась?

Джокин (*перебивает*). Дай-ка сюда нож. (*Пробует лезвие*.) Да разве таким зарежешься? Наточить бы его хорошенько к приходу тетушки.

Джаркын. Ах, оставьте ваши шутки! Она вот-вот вернется. Что нам делать, Джокин? Канат хочет продать все, что у нас есть, чтобы набрать тысячу рублей и отвязаться от тетушки Токтокан. А мы как будем жить? На чем будем спать?

Джокин. Ну, Канат, ладно... Канат, он, может быть, доказать решил... тебе доказать!.. Что ничего ему не жалко, что за тебя он готов отдать все, последнюю рубашку. Я знаю: надо будет, он не задумается и трусы снимет. Так уж он тебя любит, дуреха. И за это ему можно простить. А ты? Почему не дала ей спокойно зарезаться этим тупым ножом?

Джаркын. Мне было так страшно.

Джокин. А что тебя продают, как корову – это тебе не страшно?

Аккыз. Ты просто не подумала, дорогая, какой это позор!

Джаркын. Не знаете нашу тетушку? Если не зарежется, так на весь аил крик поднимет, ославит нас, опозорит. Не только нам – старикам от нее житья не будет. Бедная мама и без того болеет.

Джокин. Вон ты чего испугалась. Гм... (*Пауза*.) Да, у тетушки Токтокан ума хватит, а плотка у нее – действующий вулкан: ни днем ни ночью не утихает. (*Пауза*.) Что бы нам такое придумать? Как потушить огнедышащий вулкан? Да так, чтобы он потух на веки вечные? (*Пауза*.) Кажется, я нашел, друзья, мои. Честное слово, нашел!

Канат. Что это ты там еще нашел, Архимед?

Джокин. Тысячу рублей, которых вам не хватает, чтобы рассчитаться с тетушкой Токтокан. Кладите свое барахло на место, ничего продавать не будем.

Канат, Джаркын и Аккыз подбирают с полу, складывают в шкаф одежду.

Эту тысячу я даю вам в долг. Впрочем, даже не в долг, а так... без отдачи. Считайте это моим свадебным подарком.

Аккыз (*выглянула в окно*). Идет, идет!...

Джокин. Временно уходите в ту комнату. Я сам с ней договорюсь обо всем. Захотите послушать – пожалуйста. Только носа сюда не показывать. Ясно?

Джаркын, Канат, Аккыз уходят в соседнюю комнату. Входит Токтокан.

Джокин. О джене! С приездом. Как я рад видеть вас!

Токтокан. Джокинчик, миленький ты мой! А вырос как, большой-то какой стал!

Джокин. Я бегу со всех ног, тороплюсь поглядеть на свою дорогую тетушку, а ее нет. Чуть не заплакал от досады. Где вы были? Только в город – и сразу в кино?

Токтокан. Какое тебе кино! В магазин ходила.

Джокин. Аа, за подарками?

Токтокан. Какие тебе подарки? Купила маленькие щипцы и нож.

Джокин. Нож? Не думаете ли зарезать себя? Это грешно. Не простит вам аллах тяжкого греха.

Токтокан. Отсохни язык! Зачем мне лишать себя жизнь?

Джокин. Говорят, смерть лучше позора,

Токтокан. Какой ты стал умный, Джокин. Верно говоришь. (*На ухо Джокину*.) Да я не такая дура, чтобы резать себя. Только ты помоги мне спасти нас от позора.

Джокин. Помогу с радостью. А подарки вы привезли?

Токтокан. Да какие тебе подарки?

Джокин. Как это «какие»? А дорогому зятю?

Токтокан. Пьян ты, что ли? Сама приехала за подарком. Если не заплатит тысячу рублей за твою сестру, жизни ему не будет. Проходу не дам. Он еще узнает Токтокан!

Джокин. О, об этом можете не беспокоиться, Мы обо всем договорились.

Токтокан. Договорились? С Канатом?

Джокин. Да, с Канатом.

Токтокан. Всегда знала: Джокинчик поможет. Дай тебя поцелую, умница. (*Целует в лоб*.) Он пошел за деньгами?

Джокин. Деньги уже здесь, джене. (*Шепотом*.) У нас в кармане. (*Похлопал по карману*.) Вот.

Токтокан. Покажи, миленький. Давай их скорее мне. Сейчас машина придет за мной. Мне еще на поезд поспеть надо.

Джокин (*смотрит на часы*). До поезда времени хватит, джене, не торопитесь.

Токтокан. Отдай деньги, маленький.

Джокин. Эх, милая джене! А не продешевили мы с вами? Такая красивая девушка – и только одна тысяча рублей. Не мало?

Токтокан. Везде буду говорить: какая умница мой Джокин. Какая умница!
(Пауза.) Дура я. Продешевила. Как думаешь, если еще две тысячи набавим?

Джокин. За других и больше дают.

Токтокан. Правда. Айдаралы взял за свою дочь три тысячи, и два барана, и ящик водки... А она и мизинчика твоей сестры не стоит!

Джокин. Машина «Волга» стоит дорого. А ведь моя сестра не машина – человек. Человек у нас ценится дороже всего.

Токтокан. Ах, дура! Ах, дура! Как же я продешевила...

Джокин. Ничего. Тысяча рублей у нас уже есть, а еще не проданы эти вещи. Заставим все продать. Все, до последней рубашки. Пусть спят на голом полу и ходят в чем мать их родила. Верно, джене?

Токтокан. Ну, если тысяча уже наша, то..., может, оставим им кровать?.. И пусть ходят не голые... стыдно все-таки.

Джокин. А вы, оказывается, добрая джене. Не знал я раньше, какая у вас отзывчивая душа.

Токтокан. Да я что?.. Обычай такой. Стариков жалко. Опозорил их зять.

Джокин. Вот я и говорю: добрая у вас душа, джене. За людей жизни своей не щадите...

Токтокан. Спасибо, родной... Ах, почему тебе не досталась в жены дочь моего дяди! Какого мужа упустила, бедняжка!

Джокин. Одного я не могу понять.

Токтокан. Чего это ты, такой умный, понять не можешь?

Джокин. Говорить стыдно.

Токтокан. А ты скажи, не стыдись.

Джокин. Ладно, скажу... Вот вы такая заботливая, джене, за близкую родню жизнь свою готовы отдать.

Токтокан. Верно, мой милый.

Джокин. А ведь у вас муж есть, дядей мне приходится...

Токтокан. Есть, верблюжонок, есть...

Джокин. А помните, когда моего дядю колхоз посылал в Сибирь, лес заготавливать?

Токтокан (несколько смущаясь). Помню, ягненок, как же, три года прошло.

Джокин. А хромого пастуха Асанкула не забыли?

Токтокан. Ну, довольно вспоминать прошлое. Давай деньги!

Джокин. Погодите, джене, погодите... Вы рассказали дяде про Асанкула?

Токтокан. Чего бы я стала ему рассказывать? Давай деньги!

Джокин. Сколько у вас заботы о чести нашей семьи! А как вы заботились о своей чести, о чести моего дяди?

Токтокан. Зачем вспоминать прошлое, милый? Давай-ка сюда наши деньги. Давай, козленок мой хороший, и тебя не обижу.

Джокин. Нет, не знает мой бедный дядя про Асанкула... Придется рассказать...

Токтокан. Пошли аллах цингу на тебя, чтобы язык и губы твои кровоточили! Давай деньги!

Джокин. Нет, джене. Договоримся так: услуга за услугу. Канат дает вам тысячу рублей за мою сестру. Так?

Токтокан. Я же сказала: пусть будет тысяча, больше не прошу.

Джокин. А вы даете мне тысячу за то, чтобы я молчал и не говорил дяде про хромого пастуха Асанкула. По рукам?

Токтокан. Сопливый мальчишка! Не зря тебя дочка моего дяди оставила с носом и вышла замуж за другого. Паршивый! Выслуживаясь перед начальством, ты и в газету про моего шурина написал. Вон ты какой негодяй!

Джокин. Спасибо аллаху, что дочка вашего дяди досталась не мне, а другому дураку. Она росла такой же скрягой, как и вы, джене.

Токтокан. Дьявол ты, дьявол!..

Джокин. Так как же насчет уговора? Я тысячу вам, вы тысячу мне. После чего наша дорогая тетушка садится в поезд и с чистой совестью едет домой. Все довольны, все смеются. А?

Токтокан. Тише ты... Услыхать могут.

Джокин. Никто не услышит. Полный секрет. Согласны?

Токтокан. Уу, шайтан!.. Пропали мои денежки. Пропали! *(Плачет.)*

Джокин *(открыл дверь в соседнюю комнату).* Джаркын, Канат, Аккыз!

Все входят.

Джокин. Тетушка Токтокан торопится на поезд и хочет проститься с вами. Ей так жаль покидать вас... даже расплакалась.

Канат. Уезжаете? Так скоро?

Джаркын. Погостили бы, джене... И горячего не покушали. Садитесь к столу.

Токтокан *(сквозь слезы).* Спасибо, милые мои, спасибо. Дела ждут в колхозе. *Слышен гудок автомобиля.*

Вот и машина за мной пришла.

Аккыз. Передайте от нас привет всем родичам в аиле.

Токтокан. Передам, передам.... Все им расскажу. И какой у тебя славный, обходительный муж, Джаркын, и как вы дружно живете с ним... и какой у вас... шкаф... блестящий...

Шофер *(появился у окна).* Эй, тетка, к поезду опоздаешь.

Токтокан. Иду, милый, иду *(Смотрит на Каната.)* Канатик, верблюжонок ты мой черноглазенький... не забывай своей тетушки.

Канат. Никогда не забуду! *(Поспешно достает деньги, отдает шоферу.)* Плата, как уговорились. Поспеши, браток. Опоздаешь к поезду Джокин не попадается мне на глаза!

Шофер. Порядок. Нажмем на всю катушку. Эй, тетка, забирай свои подарки, и поехали!

Токтокан. Дай бог тебе увезти столько подарков, сынок! Прощайте, мои милые.

Все. Доброго пути, дорогая тетушка Токтокан!

Занавес

Слово об авторе

Счастливая сценическая судьба М. Тойбаева – свидетельство того, что он работает на основном, магистральном направлении национальной драматургии. Его произведения отличаются актуальностью и остротой проблематики, национальной самобытностью... И еще одно драгоценное качество есть в драматургии М. Тойбаева, и оно особо ценимо мной – это лиризм и юмор. Автор смотрит на жизнь с яркой солнечной стороны, а смех как известно, всегда был и есть – начало жизнеутверждающее.

Чингиз Айтматов, народный писатель

ТУРАР КОЖОМБЕРДИЕВ (1941–1989)

Киргизский поэт, переводчик.

Родился 22 июня 1941 года в селе Сары-Булак Калининского района Чуйской области. Будучи сотрудником издательства “Кыргызстан», он работал много и напряженно. Его стихи все чаще появляются в газетах и журналах. Одна за другой вышли в свет книги – «Луна в луже» (1961), «Красное яблоко» (1965), «Утренняя симфония» (1968), «Неугасимый очаг» (1972), «Утренняя звезда» (1979) и др.

Т. Кожомбердиев удачно сочетал в себе качества детского поэта и яркого лирика, пишущего для взрослых. Произведения Т. Кожомбердиева переведены и изданы на многих языках народов СССР и за рубежом. Член Союза писателей СССР (1966).

На этой земле

На этой земле,
вздروгнув, забилось сердце в груди,
по этой земле я впервые шагнул от крыльца,
на этой земле,
где летние льют дожди.
На этой земле,
где мать моего полубила отца,
на этой земле в предутренней, розовой мгле
впервые увидел я солнце,
увидел на этой земле.

На этой земле я в бабки играл
и цветы собирал.
На этой земле лепешку за пазухой согревал.
На этой земле – одна лишь любовь на всю жизнь,
на этой земле
отец и мать родились.

Перевод В. Цыбина

Отца уже давно на свете нет –
Он был из фронтового поколения.
Но до сих пор родимый силуэт
Маячит перед взором в отдаленьи.
Вздымает целину тяжелый плуг,
Седая степь расплавлена от зноя...
Я помню теплоту отцовских рук,
Пропахших свежевспаханной землею.
И, видно, не забыть мне никогда
Протянутую этими руками
Ячменную лепешку, что тверда
Была тогда, как мшистый горный камень.
Я грыз ее, аильный сорванец,
С колен потом и крошки подбирая.
Клонился день к закату, а отец
Все шел за плугом, лошадь понукая,
И растворялся в розовом огне,
В разливе нескончаемого лета.
И помнится, в тот день казалось мне,
Что соткан он из солнечного света.
Отца уже давно на свете нет,
Растаял след его за косогором.
Но до сих пор родимый силуэт
Маячит в отдаленьи перед взором.

Перевод М. Ронкина

Отчего

Отчего, когда весна приходит
С теплым ветром, с пением скворцов,
Яростная кровь, вскипая, бродит
В жилах быстроногих жеребцов?
Отчего, к порывам страсти глухи,

Молодеют старцы и старухи?
Отчего, когда снега растают,
И взиграет паводком река,
Стайкою мальчишки убегают
В синеву степи из кыштака,
И смеются звонче молодежи,
Словно ничего их не томит,
И девчонке на заре приснится
В поле повстречавшийся джигит?
Отчего сердца полны надеждой,
Верой в счастье молодость полна?
И откуда может знать подснежник,
Что грядет желанная весна?

Перевод М. Ронкина

Замки

Массивностью и тяжестью крепки,
Заполонив прилавки и витрины.
Лежат навалом прочные замки
В хозяйственных ларьках и магазинах.
Богат их выбор... Покупай любой,
Какой тебе лишь малость приглядится:
Врезной, висячий или накладной –
Замок всегда в хозяйстве пригодится.
Ну, что за дверь без крепкого замка?!
Какие там ворота без запора?!
Замок повесил – и наверняка
Свое жилище уберег от вора.
Таков уж наш быстротекущий век...
Таков уж нрав у нынешнего века...
Идет по тротуару человек,
Звенят ключи в кармане человека.
Звенят ключи... Нам их таскать не лень.
У всех нас на замки закрыты двери.
Но все же верю, что настанет день,
Когда земля нас одарит доверьем.
Настанет день – и сгинут прочь замки,
И люди станут чаще улыбаться.
Ни двери, ни шкафы, ни сундуки
В домах у нас не будут запираются.
И о ключах забудем, что пока
Дырявят современникам карманы.

Какая польза людям от замка,
Коль нет меж ними злобы и обмана?!
Бегут года... Всему приходит срок.
И, может статься, внук мой, непоседа,
Поднимет, как диковинку, замок,
Давно на свалку выброшенный дедом

Перевод М. Ронкина

Слово об авторе

Сборник Т. Кожомбердиева «Солнце, земля, сердце» является большим вкладом в киргизскую литературу. Стихи поэта, как разнотравье джайлоо солнечными лучами были пропитаны добрым юмором и извечной человеческой страстью к открытиям.

Темиркул Уметалиев, Народный поэт КР

...поэт заявил о себе не только как о певце времени, интернациональной дружбы людей всего земного шара, но и как о певце солнечной родной киргизской земли, неразрывной связи с ее заботами и радостями.

Владимир Цыбин, советский и российский поэт

АНАТАЙ ОМУРКАНОВ (р. 1945)

Киргизский поэт, публицист. Народный поэт Кыргызстана (2005).

Родился 2 июня 1945 года в селе Чеш-Тюбе Таласской области, в семье колхозника. С 1970-го работал корреспондентом, завотделом редакции газеты «Советтик Кыргызстан». В 1988 году избран главным редактором издательства «Адабият». В 2006–2007-х возглавлял Союз писателей Кыргызстана.

Первый поэтический сборник «Мөлтүр сезим» («Светлое чувство») издан в 1973 году. Многие стихотворения переведены на русский язык. Он автор сборников – «Чабалекей», «Алтын өзөн», «Күн жол», «Бар бол», «Биринчи кар», «Жашыл арал», «Жанкисе», «Асмансыз жылдыздар» и других.

Лирика Анатая Омурканова впитала в себя лучшие традиции народной поэзии. Его творчеству свойственны мягкая задушевность и тонкий лиризм. Стихи его чрезвычайно популярны – более ста из них стали лирической основой для эстрадных песен.

Встреча в горах

«Еще в начале ваше восхождение,
А мы
Уже спускаемся с горы...

Вас ожидают радости
 лишенья,
Открытия...
Так будьте же бодры!
Прильните к жизни
 жаркими губами
И пейте жадно
 ее каждый миг!
Пока не явит старость перед вами
Свой утомленный,
 умудренный лик...».

Ведь если кто-то
 начал путь свой в гору,
Другой – идет с горы...
И так – всегда...
Но станут в жизни прочною опорой.

В наследство сыну
 от отца
Остался этот сказ:
Свой путь –
 до самого конца
У каждого из нас.
Ты мир волшебный
 изнутри
Открыть пытайся сам.
И поровну
 себя дари
За днями исчезали дни
И миллионы лет...
И все ж
 оставили они –
Для нас –
 какой-то след...
Повеяла ночная тень –
Опять –
 крылом своим.
Сегодняшний веселый день
Мелькнул, невозвратим...
Увы,

Доброе утро

В рассветной дымке горы-исполины,
Но так их очертания легки.
Минута – и на белые вершины
Заря наложит алые маки.

Чист небосвод, земля вокруг прекрасна,
Ночная тень уходит без следа.
До будущего вечера погасла
Венера – величавая звезда.

Повеет ветерок – и вновь стихает,
А небо голубеет на глазах.
И солнце чутко землю пробуждает,
Спускаясь к ней на трепетных лучах.

О праздник пробуждения природы,
В нем столько света, столько в нем тепла!
Дай людям, день, лишь светлые заботы,
Вручи им только добрые дела.

И губы тихо шепчут: – С добрым утром! –
И хочешь необычное свершить.
Как мир хорош, как он устроен мудро,
Как много смысла в емком слове «жить».

Жизнь

Я по земле иду.
За шагом шаг.
Не ощущая скорости планеты,
С какой она стремительно летит
В немереном
Космическом пространстве
У солнца постоянно на виду.

Мне будут открываться Гребни гор,
Простершиеся за горами дали,
Леса и степи,
Реки и моря –
И там лишь озарит меня сознание,
Что в мире этом

Что-то я постиг.
Мне с каждым шагом
Видится ясней
Мудрейшая несуетность природы.
Я припадаю к ней всем существом,
И солнце
Призывает быть высоким,
Земля –
Не отрываться от нее.
И кем меня ты, жизнь, ни нареки –
Травинкою родного Ала-Тоо,
Сбегающим в долину ручейком,
Медведем, белкой,
Лебедем иль грифом –
Ты будешь, всемогущая,
Права.
Я, вышедший из глубины веков,
На этой
Самой солнечной планете
Невидимую ощущаю связь
С летящей птицей,
И бегущим зверем,
И деревом,
Стоящим на земле.
О жизнь,
Не дай перед норой моей
Капкан поставить!
Отведи двустволку,
Когда устало крылья я сложу,
На озеро родное опустившись,
Или тропой пойду на водопой.

Обереги меня,
Обереги!
Пускай моих корней не перережут,
Которыми так связан я с тобой,
С моей землею,
С небом,
Ветром,
Солнцем,
Дитя твое родное – Человек.

Арча

В глухую древность уходя корнями,
Вобрав в себя дыхание столетий,
Тяжелыми безнадежно каменистой,
По склонам гор бессмертно зеленеет
Свой возраст позабывшая арча.
Светлая перед солнцем восходящим
И к погоде в думу погружаясь,
Она стоит – свидетелем невольным
Печальных и трагических событий,
Покрытых пылью времени событий
В истории Киргизии моей.

Твои глаза
Твои глаза ответом не искрились,
И сердце жгло мне горестным огнем,
Хоть облака над головой клубились,
Но не опали ласковым дождем.

Хотел уйти я просто от страданий,
Вернуть рассудок трезвый и покой,
Но бурная волна воспоминаний
Захлестывала тут же с головой.

И до сих пор меня швыряют волны
И грусти, и надежды, и тоски.
И я смирился, не хватает воли.
А сердце бьется, кровь стучит в виски.

И верится, что праздник наш назначен
Самой судьбой. Сомненья я отмел.
Так быть должно. Не может быть иначе.
Я это все в твоих глазах прочел.

Пути земные
Все меньше, меньше остается их,
Родных людей, до боли дорогих.
Бессмертно небо и бессмертно солнце,
Но есть предел у всех путей земных.

Слабеют силы и тускнеет взор,
Уже глаза – как отмели озер.

Над белой головою аксакала
Природа произносит приговор.

Когда-нибудь почувствую и я,
Что ты не вечна, молодость моя.
И мне однажды ощутить на шее
Волосяной аркан небытия.

Живу, как все. Дела, дела, дела...
А зорька детства в памяти светла.
И вдруг припомню серую корову,
Что при покойной бабушке была.

Стремительно летит за годом год.
О времени крутой водоворот!
В нем день прошедший гаснет словно искра
Но жизнь не гаснет, жизнь, она идет.

Мы присягаем ей и только ей.
И чем утраты наши тяжелей,
Тем мы глядим сердечней друг на друга,
Отзывчивей и, стало быть, мудрей.

1983

Перевод И.Ляпина

Слово об авторе

Асан Жакшылыков широко известный в литературных кругах автор с глубокими философскими мыслями. Это истинный исследователь литературного процесса, изучающий как форму, так и содержание произведений. Акын, постоянно стремящийся к новым литературным высотам.

Темиркул Уметалиев, народный поэт

Асан – представитель подлинной высокой философской поэзии.

Чингиз Айтматов, народный писатель

МАЛИКА ШАБАЕВА (1951–2002)

Поэтесса. Первая женщина-кыргызка, творившая на русском языке.

*Родилась в селе Сопу-Коргон Алайского района Ошской области. Печата-
лась с 1976 года. В 1977 году стала дипломантом республиканского фестиваля*

«Поэзия Ала-Тоо». Автор нескольких коллективных сборников. Ее перу принадлежат три поэтических сборника: «Начало» (1982), «Откровение» (1986), «Автопортрет» (1988).

Отчий край

Помню детство: тихий пруд,
Камышом поросший,
Белизну соседних юрт,
Пёсий лай истошный.
Помню сонное джайлоо,
Утренние блики.
У реки в кустах полно
Сладкой ежевики.
Вновь поёт чабан-сосед –
Струны под рукою –
Про дела военных лет,
Стариков расстроив.
Заведёт потом под дождь
Шуточные песни, –
Насмеётся молодёжь
С пожилыми вместе...
Вспомню детство. И к пруду,
Торопясь, приеду.
В юрту белую войду,
Поцелую деда.
И соседи угощать
Станут сытным пловом,
И моих отца и мать
Вспомнят добрым словом.
Вечереет... Старый дед
Засыпает с книжкой.
Не поёт чабан – сосед.
Выросли мальчишки.

Старый дом

Мне ночами
Часто снится –
Тихий двор,
Крыльцо и сад...
В хате
Пахнет медуницей.

Строго образа глядят.
Тихо
Скрипнут половицы.
Ветер в комнату войдёт.
Солнце
Медленно садится
За соседний огород.
На столе
Гостеприимно
Старый самовар кипит...
Мне в окно
Опять рябина
Веткой сломанной стучит.
Старый дом...
А может, память –
Нет, не крови, – первых слов?
Зов,
Овеянный веками,
Русский речи кровный зов.

Я тебя придумала

Я тебя придумала, мой милый,
Славный мой, хороший человек...
Льют по крышам затяжные ливни,
А в твоём окошке тёплый свет.
Где-то в переулке ветер стонет,
Дождь стучит о старое крыльцо.
Я в твои горячие ладони
Опущу намокшее лицо.
Дружно в печке пламя полыхает,
В комнате уютно
И светло.
И гармонь соседская играет,
От неё в душе моей тепло.
Встанем рядом у озябших окон.
На моём плече твоя ладонь.
Помечтаем молча о далёком...
Что пророчит добрая гармонь?
Льют по крышам затяжные ливни,
А в твоём окошке тёплый свет...
Я тебя придумала, мой милый,
А тебя, быть может, вовсе нет.

Счастье

Как хорошо любимой быть,
Читать стихи, бродить по лужам,
Тебя назвать однажды мужем,
Дела семейные вершить...
Как хорошо счастливой быть
И одиночества не ведать,
Пелёнки детские сушить,
С тобою весело обедать.
Пусть будет скромн наш обед –
Живём не только ради хлеба, –
Была б любовь – на много лет,
Да вечно мирным было небо!

Слово об авторе

Малика Шабаета – первая киргизская поэтесса, пишущая на русском языке. Голос ее и по-женски доверителен, личные радости и печали тесно переплетены с судьбой родного края и является естественной ее частью, впитавшей в себя отголоски прошлого и надежды будущего. Читая ее стихи, забываешь о бытующем в литературе термине «второй родной» язык или «билингвизм» – двуязычие, так тесно слились национальное своеобразие видения мира и живая простота братского языка.

Светлана Сулова, поэтесса

Стихи Малики Шабаетой интересны безыскусственностью чувств лирического героя, непосредственностью поэтических признаний, стремлением автора художественно освоить национальный жизненный материал.

Георгий Хлыпенко, литературовед

СУЛТАН РАЕВ (р. 1958)

Писатель, драматург. Народный писатель Кыргызской Республики, член Союза писателей Евразии, Заслуженный деятель культуры Кыргызской Республики, Лауреат Межгосударственной премии СНГ, лауреат премии им. Ленинского комсомола Киргизии, премии им. Т. Абдумомунова.

Родился в селе Жоош Ошской области. Окончил Киргизский национальный университет, специальность – журналистика

Автор книги «Күн кармаган бала», «Чаң жол». Его произведения были изданы на украинском, русском языках. Повесть «Күн кармаган бала» в 1993 году

была издана на китайском языке в Пекине издательством «Национальная литература». За книгу «Кун кармаган бала» в 1989 году Султан Раев был удостоен звания лауреата Ленинского комсомола Киргизии.

Он известен не только как талантливый писатель, но и как неординарный драматург и театральный режиссер. Первое его драматическое произведение «Оо, кыздар» (реж. Н. Абдыкадыров, 1990) о трагедии женского одиночества, было поставлено режиссером Н. Абдыкадыровым на сцене театра «Тунгуч» и имел огромный успех у зрителей. За ним последовали такие серьезные драматические произведения, как «Кун кармаган бала» (реж. А. Сарлыкбеков, 1990), поставленный Нарынским драматическим театром по мотивам одноименной повести С. Раева, «Дубал» (реж. Р. Усманов, 1992) – Джалал-Абадский областной театр, «Женица» (реж. А. Сарлыкбеков, 1993) ТЮЗ, «Кашар» – Нарынский драматический театр (реж. С. Раев, 1998), «Тайамам» (реж. Н. Абдыкадыров, 1999) – театр «Тунгуч», «Исхак Раззаков» (реж. С. Раев, 2000) – Ошский кыргызский драматический театр, «Плач царицы» (реж. С. Раев, 2001) – театр «Тунгуч». За спектакль «Оо, кыздар» в 1991 году Султан Раев был удостоен премии имени Токтоболота Абдумомунова.

Женщина

Рассказ

- Тс-с!.. Тише...
- Кто это?
- Сосед... Осторожнее... Иди на цыпочках. Не кашляй! Возьми носки свои... Тише вставай с кровати – скрипят. Тс-с!
- Сосед?
- Да. Не кашляй, говорю? Услышит. Встал?.. Дай руку. Иди за мной, здесь – шифоньер... Не ударься.
- Носки...
- Еще не надел? Ну, надевай же.
- Ни черта не видно в темноте... Фу, кажется, надел. Куда идти-то?
- Дай руку. Так... сюда иди.
- А мои ботинки? Где они? Куда ты их поставила?
- Тут должны быть. Вот, вроде нащупала их. Тихо!.. Нашел?
- Да. Только на одном нет шнурка. Куда он делся? Может, включишь свет?
- Нет! Не включу! Сосед заметит. У тебя же есть спички. Зажигай.
- А, нашел шнурок!..
- Он открывает дверь. Пусть войдет к себе.
- Может, в замочную скважину посмотреть?..
- Посмотри. Осторожнее, там, у двери, ведро с мусором, не сбей его.
- Ух, чуть не опрокинул!
- И что же он там делает?..
- У него ключ не подходит.

– Он целый час собирается, что ли, возиться? Недотепа какой-то! До сих пор дверь никак открыть не может... Ах, да, как это я совсем забыла! Мне ж его жена оставила этот ключ. Просила, чтобы я передала мужу. Что же теперь делать? Все, мы пропали! Надо было еще тогда, когда он позвонил, сразу ему открыть. Все из-за тебя... если б не ты...

– Откуда ж я мог знать?

– А в рукак он держит что-нибудь?

– Сейчас... сейчас... Не видно. А-а, поворачивается... ноги... плащ... сам...

Ну и лицо у него! Какое грозное. Прямо судья! Где он работает? Небось, начальник? В руках у него черный дипломат... Сюда смотрит. О, плюнул!

– Тс-с! Замолчи, услышит!

– Ну и вид... Прямо гоголевский городничий!

– Кандидат наук... В Академии работает. Философ! Диссертацию написал: «Этика семейной жизни».

– Пай-пай! Не простой, видать, человек. Важная птичка? И лоб, как у Сократа. Опять плюнул!.. Что он, верблюд?

– Тише, услышит. Уши у него чуткие и... длинные.

– Хорошо, наверное, учился в школе. Вот учителя ему и оттянули.

– Да потише ты! Посмотри, у него уши и вправду длинные?..

– Ушей не видать. Под шляпой...

– Он специально глубоко надевает ее. Стесняется, бедный кандидат. И когда к нам заходит, никогда не снимает свою шляпу...

– А он и к тебе заходит?

– Изредка... Когда жена на дежурстве. До смерти ее боится. Но и ревнивый, ужас! И жена у него такая же. Ой, а как она ко мне ревнует! Нужен он, когда ты у меня есть, верно?

– Ага...

– Когда теперь встретимся-то, а? Я буду скучать без тебя. Придешь, или опять пропадешь?

– Приду. Как не прийти? Ведь моя любимая будет скучать по мне.

– Правда?

– Правда...

– Если правда, поцелуй меня. Вот сюда. Еще... Шесть раз. Так... Раз, два, три, третий покрепче, ладно? И-и, вот так! Четыре, пять, шесть. Молодец!

– Теперь ты. Ого! Один, два... десять... тридцать... О-о, хватит! Пусть и жене останется, душенька.

– Кто ты мне?

– Я? Я твой... ну, одним словом, любимый.

– Ты?

– Да, я. Вот я...

– Ты моя радость, – раз. Моя печаль, – два. И самое главное, – ты мой любовник... Понял?

– И только?

– Только. Коротко и ясно!.. Нужен мне этот, когда, ты у меня есть. У этого кандидата на уме только одно: «Гегель так сказал, Фейербах так, а Платон по-другому». Я как-то спрашиваю его: «А как вы считаете?». А он: мое, мол, мнение субъективное, я могу ошибаться. Разве это правильно?... Посмотри, не ушел?

– Стоит. Опять плюнул! Об этике, говоришь, пишет, а сам плюется!.. Бензину, что ли, наглотался. Харкается, как верблюд багдадский. Руки в карманы сунул. Ключ ищет. Та-ак... Теперь смотрит в замочную скважину.

– Ну-ка, дай мне посмотреть, отодвинься. Хи-хи-хи... Бедняжка! Ему шея не позволяет наклониться. Он может быть, думает, что жена его дома с кем-то заперлась. Опять смотрит... Бедненький! Ревнивец! Кандидатик! Хи-хи-хи... О-па! Шляпа свалилась с головы. Уши видны, торчат, смотри!

– Дай-ка, где... Дай посмотреть... Ого! От наших разговоров у него, наверное, давно горят уши.

– Пусть горят. Пусть вообще сгорят!.. Всегда следит: кто ко мне приходит, кто уходит. Всему ведет учет. Он у меня как внештатный охранник... А сколько уже времени-то?.. Опоздал ты, да? Он теперь будет до утра стоять...

– Время?.. Не видать. Сейчас... Может, свет включим?

– Не включай! Зажги спички...

– Время... Без десяти двенадцать...

– О-у-у! Полночь... Что жене скажешь? Что же ты ей совершь?.. И автобусы уже не ходят. Как ты до Асанбая доберешься? Сегодня ведь суббота...

– Не беспокойся. Скажу, что был на дне рождения друга Баратпая. А доберусь на такси... Вот только этот кандидат может все испортить... *Заглядывает в замочную скважину.*

– Ревнует он. Самая плохая черта у мужчин... Да, а если твоя жена позвонит этому Баратпаю? Попадешься тогда. Плохо тебе придется. Раскусит она тебя. Потом сюда не сможешь приходить. Придумай что-нибудь получше...

– А, ничего! У моего друга Баратпая не то что телефона, дома своего нет. Он на квартире живет. Пятьдесят рублей платит. Жена с ним не знакома... Будь спокойна, справимся!..

– Все рассчитал, ну и голова у тебя! Не то что у этого кандидата. А скажи, ты тоже можешь ревновать?..

– Нет.

– Не ври.

– Чтоб я умер!

– Хорошо... Сейчас ты приехал домой... Ты слышишь меня?

– Да слышу...

– Приехал, а жена твоя с другим... любовью занимается. Что ты тогда будешь делать, а?

– И того, и эту успокою на веки! «Кык» – и все... Обоих.

– Во-о! И ты такой же оказывается ревнивец! А говоришь – нет. Да, а знаешь, говорят, в какой-то стране, не помню в какой, существует такой обычай: когда к жене приходит другой мужчина, так муж радуется. Потому что жену его любит, кроме него самого, еще кто-то.

– Где это, в Африке, что ли?

– Не помню. Вроде бы где-то в той стороне. А наши мужики... Э-э, ладно, лишь бы живы были... Странные вы все-таки существа, а?

– В каком смысле?

– В том самом. Ласкать, миловать чужую женщину – это вы очень любите. Джентльмены. А над своей – трясетесь. Чуть что не так, сразу душишь, как Отелло, убивать, разводиться... На себя бы сначала поглядели? Слепая мужская философия... Странно!..

– И кто тебе такое рассказал? Этот философ?

– Кто-кто? Сама додумалась...

– Здорово!

– Тс-с-!.. Ты что?! Глянь-ка, там он еще?

– Там... Твой несчастный Платон. Не повезло ему.

– Ничего. Пусть прочувствует на себе, что жизнь состоит не только из слов Гегеля и Фейербаха. Узнает, бедный наш Платон, что в этом лживом мире есть такое слово: ожидание. Поймет, что жизнь человеческая – это вечное ожидание...

– Как бы там ни было, не повезло ему. Рот раскрыл. Зевнул. Только б не уснул здесь... Закурил сигарету. Прислонился к двери. Думает.

– Пусть подумает о своем субъективном мнении...

– Подожди... Идет в нашу сторону...

– Тс-с-!.. Отойди от двери. Осторожнее, ведро с мусором!..

– Смо-три-ит.

– Не шепчи... Он хорошо слышит...

– Ушел. Ух!.. Опять звонит в свою дверь.

– Дурак!

– Все-таки надеется...

– Кто ему откроет? Дома никого нет. Что делать-то, а? Если сейчас открою – все. Вмиг разочаруется в своей «феноменальной» женщине. Это он обо мне так говорит... Эх, а все ты – не открывай, не открывай! Теперь будет торчать как кол.

– А ты хотела выйти к нему в нижнем белье?

– Что-нибудь бы придумала.

– У-у, черт? Ни туда, ни сюда. Сколько натикало-то? Та-ак... шестнадцать минут первого. Ого! Что предпримем, а?

– Не знаю? Будем сидеть вот так... По правде, не хочу я тебя отпускать. Рядом с тобой я всегда забываю о своем одиночестве. Оно возвращается сразу, как только ты уходишь. Всякие мысли лезут в голову. Начинаю разговаривать со всем, что есть в доме. Со стенами, со столом, с зеркалом, ссобой. Что интересно, у каждой вещи свой язык. Все говорит... Знаешь, однажды во сне даже видела,

как я умерла. Лежу и жду, когда мой труп вынесут... Никто не пришел. Ни один человек не пришел... Только мои несчастные вещи оплакивали мою смерть...

– Кто умирает во сне, тот долго живет.

– Разве?!

– Да, примета такая есть.

– Сосед-то ушел?

– Окаменел...

– Бедный кандидат. Почему-то не уходит... Наверное, ему больше негде ночевать. И дверь нельзя открыть, чтобы ключ отдать. Ведь тогда идеальную женщину, то есть меня, которую он сам занес в Красную книгу, ему придется собственноручно вычеркнуть оттуда. А если он еще своей жене расскажет – то это вообще конец, Завтра же по городу поползут сплетни. Она и так не знает, к чему придраться. Ревнует, будто я собираюсь отбить у нее мужа. Какие только гадости о нем не рассказывает мне. Дня того, чтоб, значит, я в нем разочаровалась... А однажды решила она познакомить меня с одним профессором. Я, дура, согласилась. А этот профессор – такой старый, ужас! Старше моего отца. Весь дрожит, голова трясется. И как только в нем душа держится! Сам еле ходит, а все туда же – жениться хочет...

– Такая сейчас мода...

– А вчера, знаешь, что она, соседка-то, предложила? Дай, говорит, объявление в газету. В отдел знакомств. Мол, теперь многие одинокие таким способом ищут и находят свое счастье. Говорит, всего делов-то – отдать тридцатку. Даже текст объявления сама написала, принесла. Хочешь, прочту? Умрешь со смеху. Гм... Где-то здесь поблизости была эта бумажка... Вот, нашла. Зажги спичку...

– Подожди... Ну, читай...

– Слушай. Так расхвалила меня, с ума сойти! Прямо шестнадцатилетняя девочка. Куда Софи Лорен до меня!.. Слушай. Мне тридцать три года, рост метр шестьдесят, национальность: киргизка. Образование высшее. Замужем не была. Есть все условия для семейной жизни. Материально обеспечена. Светленькая, волосы черные, на щеке большая, с ноготок, родинка. Стройная, красивая... Хи-хи-хи...

– Правильно. Красивая. А как же?! Читай дальше...

– Интересуюсь музыкой, литературой, кино. Умею вкусно готовить. Характер спокойный. Ищу человека, который мог бы стать спутником жизни. Возраст: не старше пятидесяти лет. Чтоб он не пил спиртного, не курил, был добрый, способный делить со мной радости и горести... Хи-хи-хи... Прямо – принц на белом коне. А женой должна быть я! Красивая... замужем не была... никого, кроме мамы, не целовала... Нашла о ком давать объявление! И все только для того, чтобы я мужа у нее не отбила... Боится.

– Кхе... кхе...

– Не кашляй! Услышит. Ты все-таки простыл, да?

– Немного...

– По улицам меньше надо шляться.

– Да черт с ним, с кашлем! Скажи, ты нравишься своему соседу?

– А разве есть такой мужчина, которому бы не нравились женщины? Особенно одинокие, молодые. Может, и нравлюсь. Откуда я знаю? Мне это не интересно... Приходит иногда. Вежливый такой, нежный, томный. Тянется весь, словно чешская жвачка. Ненавижу таких... Мужчина должен быть мужчиной. А этот... Однажды говорит мне: вы и красивы, и умны. У человека, мол, всегда есть противоречие между интеллектом и телом. А у вас все в соответствии. Редко рождаются люди с подобным гармоническим сочетанием. Таких философы обычно называют – женщина-феномен...

– Ну дает, философ!

– Да, иногда он может говорить так. Ну, а в остальном... Верблюды. Все время плюется... Я как-то, ради смеха, спросила его: «Что такое любовь?».

– И что он ответил?

– Любовь – это безграничное понимание. Человеческая любовь предназначена не только для одного человека, а должна распространяться на все человечество. Например: Бетховен полюбил двенадцатилетнюю девочку и написал свою «Лунную сонату». Еще Ван Гог, даже если ему уголь горящий в ладонь положи, мог смотреть на свою любимую, не отводя взора. Такова сила любви! Говорит, есть в Швеции феминистская женская организация. В нее входят только те женщины, которые устали от своих мужей, от мужчин вообще. Они сами выбирают себе мужчину, приводят его к себе, кладут в свою постель, и живут, наслаждаясь, а как надоел – выгоняют. Женщины считают это женской свободой... А еще, говорит, какое-то там государство дало мужчинам право жениться на двух, трех, четырех женщинах одновременно. Вот как иные государства ценят мужчин, создают условия для своих граждан. А у нас? Развелся с одной, женился на другой – и все. В характеристике сразу напишут: морально неустойчив. А сколько у нас незамужних женщин? Это потому, что мужчины – в дефиците! Правильно? Правильно! Некоторые женщины, говорит он, так на пенсию и уходят старыми девами. А из-за него все это? Из-за того, что не создали условий мужчинам, от равнодушия к женщинам! При этих словах, бедняжка, сам тяжело вздыхает. И сегодня, говорит, есть где-то шах, имеющий около двухсот законных жен.

– Здорово! Ах черт, было бы у нас такое?

– Послушай дальше-то... Говорил он долго, складно. И вдруг, то ли устал, то ли слова иссякли, но рука его потянулась ко мне. Ну, думаю, этот не прогадает! И знаешь, что я сделала?

– Дала ему пощечину и...

– Нет... Слушай. Смотрю, у моего маленького кандидата глаза огнем горят, и переходит он в классический мужской штурм. Стал гладить мои волосы, спину. Какой хитрый! Начал со сладких слов, а на уме держал нехорошее. Знаешь, что я ему сказала? Спросила, какая тема вашей кандидатской? Что-то призабыла, говорю...

– А он?

- Что он? «Этика семейной жизни», – отвечает.
- А ты?
- Я? Хорошая тема. Хорошая, говорю ему, тема у вас. Понял, наверное, бедняга, смысл слов, отдернул от меня руку, как от змеи. Хи-хи-хи.
- Умник, видать.
- Ну сколько мы так стоять-то будем? Посмотри-ка в скважину, что-то его не слышно, может, ушел...
- Стоит, чтоб его могила забрала!
- Пусть. Подождем немного...
- У всякого терпения есть предел.
- Да, какое сегодня число?
- Тринадцатое... Зачем тебе?
- Просто так.
- Просто так ничего не бывает. Что тебе пришло в голову?
- Что? Хочешь узнать? Так сильно, да? Если я тебе скажу что-то... не перепугаешься?
- Чего это?
- Чего, чего... Беременна я.
- Что за шутки? Правда?!
- Конечно. Зачем мне тебе врать?
- Не верю. Как это?..
- Вот так. Уже два месяца...
- И ничего не заметно...
- Пока... Через месяц будет заметно. Вчера меня тошнило.
- Шутишь?
- Не веришь – как хочешь! Что творится! Знаешь, в Японии изобрели таблетки. Выпила и забеременела. Одну таблетку проглотила – дочь, две – сын. По сравнению с ними, у нас с тобой – каменный век.
- Что ты городишь? Это все правда?
- Конечно, правда.
- Поклянись.
- И-и-и... Только этого мне не хватало. Родить? Хочешь, рожу?
- Ты еще у меня спрашиваешь?!
- Все-таки ты отец...
- Брось болтать всякий вздор. Как же это?
- Вот так... Очень просто. Родить?
- Рожай, если хочешь...
- Что это у тебя голос задрожал? Испугался?
- Нет...
- Не ври! Испугался. Я не стану писать жалобы, портить тебе репутацию. Не бойся...
- Я и не боюсь.

– А голос все же дрожит... Ты ведь тоже один из множества мужчин. Такой же. Все вы только один язык и знаете.

– Какой язык?

– Медовый, вот какой. Женщина рождена быть обманутой. Это вы своими медовыми речами развращаете, портите доверчивых женщин. Раньше, на Востоке, распутных женщин сбрасывали с минарета Регистан. Сейчас такого нет. Никто нас ниоткуда сбросить не сможет. Теперь к нам тоже прислушиваются. А потом эта эмансипация. Когда портятся женщины – портится век. Что ты молчишь?

– Что мне надо сказать?

– Тебе больше нечего сказать?.. Поверишь, меня мое одиночество научило думать. Все думаю и думаю... Я считала, что одна только страдаю от одиночества, а оказывается, не-е-ет – не я одна. Все мы, люди, – одинокие. И я, и ты, и муж ревливой жены, наш философ, все – одинокие. И даже, если хочешь, и земля, и солнце – одинокие, и смерть одинокая – она к каждому в одиночку приходит, по одному берет. Иногда мне и вселенная кажется сиротой. Мы, люди, к этому одиночеству привыкли... Не смотри на меня так? Мне трудно понять, что у тебя на душе, какая она. Что ты думаешь обо мне? Я знать хочу. Может быть, про себя ты смеешься надо мной: посмотрите, мол, как эта одиночка философствует? Если хочешь знать, я ведь и в постель с тобой легла не от хорошей жизни. Я, дура, думала спастись так. Что ты молчишь все?

– Уже около часу... Что же теперь делать? Посмотрю-ка я на нашего друга, стоит ли еще... Стоит. С кем-то разговаривает. Посмотри, кто это?

– Ну-ка, отодвинься. А-а, это из одиннадцатой квартиры. Также сосед. Что-то говорит ему. Решили зайти к нему домой. Вон, заходят. Хорошо... Зашли. Давай быстрее выходи. Быстрее...

– Открой дверь. У меня ничего не получается.

– Замок с секретом. Сама открою. Тихо...

– Открывай...

– Зажги спичку, не могу попасть ключом в замок. Поближе огонь поднеси. Нашла...

– Осторожнее, как бы не заметили...

– Не учи. Открыла... Выходи же быстрее!

– погоди, не торопи человека. Когда мне прийти?

– Когда? Да когда захочешь. Я-то ведь всегда только и делаю, что жду и жду тебя...

– Так когда же? Через два-три дня? Через неделю? Скажи точно. Когда?

– Можешь вообще не приходить. Зачем зря беспокоиться.

– Что случилось? Любимая, дай поцелую...

– Отстань, и не пыхти так.

– Да что с тобой такое?..

– Ничего. Не приходи. Не надо. У тебя семья, дети... А я одинокая свободная женщина...

- Да брось ты. Ну так когда?!
- Не приходи больше, никогда. Не нужно это. Прошу тебя... Кому нужна такая жизнь? Тебе или мне? Я говорила, что, когда ты приходишь, я забываю о своем одиночестве. Нет... выходит, что не так. Сейчас ты уйдешь, а я останусь. Опять страдать. Зачем мне это?
- Что это у тебя, слезы?
- Убери руку!.. Все, устала ждать... Всегда, все время жду чего-то. Но чего?
- Перестань?
- Убери руку!
- Не пойму никак я тебя...
- Вот только этого мне и не хватало, чтобы ты меня понял. Все, дай закрыть дверь!
- Милая, я не смогу без тебя. Я люблю...
- Врешь?
- Я позвоню тебе завтра, как обычно – в шесть.
- Зачем?
- Я люблю тебя.
- Меня завтра не будет...
- Тогда – послезавтра?
- Хорошо, уходи только быстрее, умоляю тебя!
- Убери руку!
- Не понимаю я тебя...
- Как тебе понять женщину? Ну, пойми, пожалуйста!
- Что понять?
- Жизнь женщины. Женщину уставшую ждать. Устала я, устала!.. И от тебя, и от себя, и от ожидания счастья! Ах, как я устала!.. Уходи!.. Уходи!.. Уходи...

Слово об авторе

Султан Раев – новый человек, сформировавшийся как мыслящий по-новому писатель.

Чингиз Айтматов, народный писатель

ЧОЛПОНБАЙ НУСУПОВ (р. 1957)

Прозаик, член Союза писателей КР.

Печатается с 1975 гл. Пишет на русском языке. Первая книга «Крутые перевалы» (1981). Автор трех повестей, ряда рассказов, публицистических статей, касающихся истории Кыргызстана, проблем развития современного литературного процесса в республике.

Шумкар

Рассказ

Старый шумкар, распластав два огромных крыла и тяжело раскачиваясь, приблизился к краю обрыва. Вытянув шею, он на мгновение замер, немигающе глядя на поднимающееся солнце. Затем медленно перевел взгляд на долину, которая зеленой полосой раскинулась в междугорье. Утренний ветер, обдавая шумкара холодной свежестью, тормошил мягкие перья на его длинной шее.

Вдали показалось двое всадников. Отъехав от белой юрты, они направились в сторону гор. На их конях была богатая сбруя, которая, позвякивая, блистала в лучах солнца. Старательно расчесанные длинные гривы коней плотно прилегли к их гладким шеям. Всадники были одеты в кожаные куртки, на ногах чернели сапоги, на голове у каждого был белый колпак. Где-то внизу, у подножия скал, серебрился ручей, неустанно гомонили стаи птиц. Иногда по склонам гор посвистывали зверьки, вышедшие погреться на солнышке. Наконец, издав клекот, похожий на боевой клич, шумкар медленно взлетел вверх. Степенно взмахивая крыльями, он все выше и выше уходил в небесную синеву. Прямо под ним размашистым шагом шел гнедой, распустив веером хвост и вытянув шею. Его длинный корпус легко несся вперед, а мускулистые ноги с широкими копытами беспечно перебирали тропинку.

Сдерживая коня, всадник, сидевший на гнедом скакуне, недовольно произнес соседу:

– У меня уже рука онемела натягивать поводья. И когда он только угомонится...

– Я же тебе говорю, не упрямясь, пересядь на моего коня, – с участием заметил второй всадник.

– Нет, не хочу, – упрямо замотал головой хозяин гнедого, – потерплю, а потом он все равно успокоится. – И, нагнувшись, он похлопал лошадь по шее.

Немного проехав, всадник, видно позабывшись, ослабил поводья, и Каратгер, так звали гнедого, почуввав свободу, с шага сразу же перешел на летучий галоп.

– Тр-р-р! Да чтоб тебе телегу таскать, недотепа. Тр-р-р! Стой же! – вновь закричал всадник, силясь остановить скакуна. Схватив обеими руками поводья, он с трудом осадил его. Затем, повернувшись к подъехавшему напарнику, весело спросил:

– Асылбек, а через какой перевал поедем?

– Наверное, через Тай-Джорго, там путь короче будет...

В этот момент чей-то окрик прервал их разговор. Обернувшись, путники увидели чон апу, которая, выбежав из юрты и держа что-то в руках, кричала:

– Эй, Асылбек, вы куда поехали-то... – Конец фразы нельзя было разобрать из-за поднявшегося ветра.

– Шергазы, вернись, узнай, что апа говорит, – обернулся Асылбек к младшему брату. – Да побыстрее, а то мы и так задержались.

Круто повернув коня, Шергазы поскакал обратно к юрте. Асылбек, по-батырски усевшись в седло, положив руку с камчой на колено и натянув повод, внимательно смотрел на чон апу. Она в это время что-то ласково шептала наклонившемуся к ней внуку и, поцеловав, передала ему канистру.

Когда гнедой пустился карьером обратно, чон апа, чуть покачнувшись, ухватилась за кереге и подняла руку, словно желая остановить внука. Асылбек, издали наблюдавший за нею, недоуменно посмотрел на подъехавшего Шергазы.

– В чем дело, Шепен? – спросил он братишку.

– Чон апа передала айран, который мы забыли, и наказала, чтобы далеко не уезжали, если не найдем коня. А к вечеру мы обязательно должны возвратиться домой.

– Ну что же, батыр, в таком случае поехали быстрее. Озорно перемигнувшись, всадники с гиканьем понеслись галопом по тропинке. Влажный ветер приятно свистел в ушах, ровная дробь копыт действовала возбуждающе. У самого подножья перевала тропинка стала круто подниматься вверх. Закинув голову и заливаясь смехом, Шергазы изо всей силы затягивал поводья. Разгорячившийся под ним Карагер, изогнув шею и плавно поднимая ноги, все еще продолжал скакать галопом.

Асылбек же ехал уже далеко впереди, переведя коня на мерный шаг. Поднимаясь извилистой тропой по хребту гор, всадники добрались до середины перевала. Огромные старые ели, расступившиеся перед тропинкой, зеленой вереницей тянулись до самого перевала. Солнце стояло уже в зените, но в горах было прохладно. Слабый ветерок ласкался к каждому выступу гор, к елям и кустарникам.

Убаюкивающий шелест деревьев сливался с ритмичным журчанием серебряного родника. Подъехав к источнику, Асылбек быстро соскочил с коня и, взяв его под узды, отвел в сторону от тропинки. Затем, повернувшись к Шергазы, торжественно произнес:

– Вот здесь, Шепен, у нас будет первый привал.

Теребя челку коня и соскабливая камчой засохшую на его шее пену, Шергазы, видимо, не расслышав слов брата, задумчиво смотрел в небо. Там, в бескрайней синеве, раскинув огромные крылья, величаво парил старый Шумкар. Наконец, Шергазы, взглянув на долину, неожиданно произнес:

– Смотри, байке, какой маленькой кажется наша река. Здесь, наверное, мы на высоте птичьего полета. Как ты думаешь!

– Вполне возможно, мой мырза. Но тебе не кажется, что твой конь устал стоять под тяжестью курджуна. Да и к тому же я с самого утра глотаю один только воздух.

– Так что же ты предлагаешь, байке? – улыбнулся Шергазы, делая вид, что не понимает намека брата. – Я вот всю жизнь глотаю его и никак не могу насытиться.

– В таком случае, – произнес Асылбек, – надо срочно менять меню. Как вы считаете, батыр?

– Я согласен, – важно отметил Шергазы.

– Хоп, болсун, мой мырза, – покорно воскликнул Асылбек, прижимая правую руку к груди.

Встретившись взглядом с братом, он весело рассмеялся.

Затем каждый занялся своим делом. Асылбек, скинув с седла корпачо и немного ослабив подпругу, отвел от родника коня. Сняв уздечку, стреножил его. Животное, благодарно толкнув мордой хозяина, нагнуло голову и принялось за траву, изредка встряхивая челкой и отмахиваясь хвостом от оводов и мух. В это время Шергазы, опустив на землю курджун с едой и канистру, кряхтел возле коня, ослабляя подпруги. Когда с работой было покончено, и Карагер стал также мирно пастись на лугу, Шергазы медленно побрел к брату. Асылбек сидел уже на корпачо и разрезал ножиком мясо и лепешки. Рядом лежал только что сорванный пучок дикого лука.

– Мырза, обед подан! – весело произнес он подошедшему брату и, разведя руками, заключил: – Прошу к достархану.

Умывшись, Шергазы налетел на еду. Лукаво улыбаясь, Асылбек, по-братски, незаметно подсовывал ему лучшие куски мяса, и, сдерживая смех, громко повторял:

– Да ешь ты спокойно, только не подавись, мырза, а то и айрана потом не хватит.

Немного присмирив и прислушиваясь, как брат аппетитно хрустит луком и заправляется конской колбасой, Шергазы затем с новой силой обрушился на достархан. Разлив холодный айран из канистры по пиалкам, Асылбек торопливо протянул одну из них Шепену.

– Запей же, батыр, айраном, если желаешь хорошо покушать, – улыбнувшись, произнес он. Шергазы взял обеими руками пиалу и поднес ее к губам. – А знаешь, байке... в горах, оказывается, можно быстро проголодаться.

– Конечно, во-первых, потому что здесь чистый холодный воздух и, во-вторых, мы находимся, как говорится, на лоне природы, а не дома, – неторопливо ответил Асылбек, вытирая лезвие ножа о траву.

– Байке, как ты думаешь, сможем ли мы найти Ак-Туяка в Туш-Ашу? – неожиданно спросил Шергазы. – Ведь чтобы добраться туда, нужно полдня езды на лошади. Да и конь так далеко просто не мог убежать.

– Почему не мог, – перебил его Асылбек, – ведь мы его еще жеребенком привели из Туш-Ашу.

Шергазы вопросительно посмотрел на брата.

– В таком случае ата давно уже должен был бы поймать его, – ответил Асылбек, – ведь он еще вчера уехал к табунщикам.

– Ну, а мы, все равно поедем дальше? – не унимался Шергазы.

– Конечно же, мой мырза, как условились. Ты не расстраивайся, к вечеру мы обязательно будем дома с Ак-Туяком.

На этом и порешили. Быстро убрав снедь и подправив седла, путники вновь вскочили на коней.

Преодолев перевал Тай-Джорго и спустившись в долину, всадники поехали рысью. Солнце безжалостно палило и без того нагретую землю, и в долине было еще более душно, чем в горах. Скинув с себя куртки и привязав их к задним лукам седел, всадники продолжали путь. Сухая трава, колючки трещали под копытами коней.

Бережно поправив калпак на голове у брата, Асылбек ласково спросил:

– Ты что это скис, мой мырза, или утомился? – И слегка хлопнув его по плечу, тихо запел:

Родился, джигит, ты в горах,
С раннего детства скакал на конях.
Подобно орлу по степи ты летал,
В правом бою врагов не жалел.
Ловчую птицу к себе приучив,
Старому беркутчи во всем подражал.

Когда Асылбек перестал петь и весело посмотрел на брата, Шергазы ободряюще кивнул и, улыбнувшись, спросил:

– Байке, а эту песню тоже ты сочинил?

Асылбек, наклонив голову и теребя гриву коня, тихо произнес:

– Нет, Шепен. Эту песню пел еще твой дедушка. Но, к сожалению, не все его песни сохранились. Ведь тогда еще их не записывали.

– Как же эта песня дошла до нас? – удивленно спросил Шергазы.

– Очень просто, – вздохнул Асылбек, – дедушка Осмоналы был великим комузистом, поэтому, как и все акыны, разъезжал по большим тоям. И вот на одном из таких тоев, когда Осмоналы сидел на почетном месте, ему подали комуз. Взяв в руки инструмент, он пристально осмотрел сидящих. Здесь собрались видные акыны, комузисты, но были и молодые исполнители. И вот, спев несколько хвалебных куплетов в адрес хозяина юрты, как было положено по традиции, Осмоналы начал знакомиться с окружающими, при этом наигрывал на комузе:

Родом буду из Кен-Кола,
Путь тернистый я прошел,
Чтобы встретиться с вами,
В юрту белую вошел.

Уезжая, каждый гость уносил с собою в сердце задушевные мелодии старого акына. Мерно раскачиваясь в седлах, братья молча продолжали путь. Проехав еще немного, Шергазы тихо спросил:

– Байке, а кроме этой, ты знаешь другие песни дедушки?

– Нет, мой мырза, – мотнул головой Асылбек, – пока не слышал. Чуть погода Шергазы попросил:

– Байке, спой тогда свою песню. Помнишь, это: «Луна поднимается...».

– И охота тебе, Шепен, лишний раз душу мою тревожить, – смущенно отговаривался Асылбек, – тебе же известна история этой песни. Давай-ка лучше я тебе спою другую песню.

Но Шепен был неумолим. Капризно надув щеки и натянув поводья, он остановил коня. Пришлось выполнять желание младшего. Откинув поводья и устремив взгляд на вершины отдаленных гор, Асылбек мелодично запел:

Луна поднимается над горой...
С тобою я бреду одной.
Вечно мы будем любить друг друга.
Сердце щемит от тревожного стука.

Песня лилась спокойно, а иногда затихала и неожиданно вновь набирала силу, Асылбек, прищурился глазами и вскинув голову, продолжал петь:

Но расстались мы у той горы...
И, на обоих в сердцах обижаясь,
Каждую ночь бреду под луной,
Но не с тобою, а с ветрами встречаюсь...

Наши путники давно уже ехали по широкой долине, называемой Туш-Ашу. Солнце спускалось все ниже, как бы желая отдохнуть немного на вершинах гор. Теплый ветерок, беспечно блуждающий по долине, почти не встречал никаких преград. Набрал силу, он мгновенно взлетал на хребты отдаленных гор и камнем несся обратно. Вдали, у горной реки, где буйно зеленела трава, показались юрты.

– Шепен, вон, видишь третью юрту, – произнес Асылбек, указывая в сторону камчой, – там живет Джуманалы-ага. У него-то мы и купили жеребца.

Не успел Шергазы ответить, как на них с лаем набросились подоспевшие сторожевые собаки. Круто развернув гнедого и пропустив собак вперед, Шергазы звонко закричал:

– Кет! Кет! – и, наседая на них сзади, погнал перед собой. Те же, поджав хвосты и сердито скаля морды, трусцой побежали обратно.

Всадники приблизились к юртам.

– Ассолом алейкум, – хором приветствовали их мальчишки, игравшие возле юрт.

– Алейкум ассолом! – нарочитым басом выговорил Асылбек. – Как дела, джигиты?

Детвора, толпившись, с интересом разглядывала приехавших, с восхищением глядела на взмыленных статных лошадей.

– Что же вы молчите? – громко произнес Асылбек, нарушая воцарившуюся тишину. – Чей ты будешь сын? – обратился он к стоявшему ближе мальчугану.

Гордо подняв голову и выпрямившись, он так же громко ответил:

– Турсунбека.

– А ты? – продолжал знакомиться с мальчишками Асылбек.

Маленький курносый мальчуган с рыжеватым чубом, смущенно посмотрев на Асылбека, тихо произнес:

– А я сын Джуманалы.

Обрадовавшись удачной встрече, Асылбек продолжал:

– А где сейчас твой отец?

– Помогает маме доить кобыл, – мальчик настороженно смотрел на всадника.

– Далеко ли жеребята? – продолжал спрашивать Асылбек.

– Вот за этим холмом, – кивнул головой мальчуган.

Соскочив с коней и привязав их, Асылбек и Шергазы, разминая затекшие ноги, направились к холму.

Скоро они увидели на небольшом плато жеребят, привязанных длинным рядом к желе. Рядом стояли кобылицы. Еще издали увидев приезжих, дюжий мужчина средних лет, с короткой стрижкой и тоненькими черными усами, изогнутыми книзу, быстро привязал жеребенка и, вытерев о подол фартука руки, размашисто зашагал навстречу гостям. Молодая женщина, доившая в это время кобылу, тоже прервала работу и внимательно наблюдала за приезжими.

– О, кого я вижу! – забасил мужчина, подходя к Асылбеку и Шергазы, – с приездом вас... – Затем, ухватив за руку Асылбека и крепко сжимая ее, он весело продолжал:

– Ну, как дела, Аске, когда выехали-то? – Не дождавшись ответа, вновь заговорил: – Вот не ожидал, что приедете, очень рад.

На мгновение запнувшись, Джуманалы обернулся к Шергазы:

– И ты приехал, шалопай, дай я тебя поцелую, голубчик, занятия-то как? – Быстро чмокнув сухими губами Шепена в щеку, он вновь обратился к Асылбеку. – Ну как дома, Аске?

– Все живы-здоровы, Джуманалы-ага. Сами-то как поживаете? – спросил наконец Асылбек. Он с удивлением смотрел на смущенного, без умолку тараторившего Джуманалы: «И что это с ним стряслось?»

– Хорошо, Аске, живем, работаем, дети растут. Правда, сейчас столько работы, сенокос этот обрушился, прямо-таки голову поднять некогда, – прервал его мысли Джуманалы. – Да что это я заговорился-то. Вы, наверное, Ак-Туяка ждете, да? – неожиданно спохватился табунщик.

– Да, ага, собственно говоря, поэтому-то мы и приехали сюда, – насторожился Асылбек, – думаем, что сюда он забрел, соскучился.

– И правильно сделали, что сюда приехали, – вдруг торжественно произнес Джуманалы, – ваш Ак-Туяк как раз сюда пришел, к табуну. Ведь здесь он родился, вырос. Да, славный будет конь. Вон он, ваш жеребчик.

Асылбек быстро повернулся в ту сторону, куда показал рукой Джуманалы. Немного поодаль от кобылиц, прижимая к затылку уши, гордо стоял племенной жеребец. Ростом он был под стать гнедому, на котором приехал Шергазы, только тоньше ноги, жилистее, сухощавее туловище. Горбоносая голова, присущая киргизской породе лошадей, плавно покачивалась, когда Ак-Туяк медленно прохаживался вокруг табуна. Задние ноги в белых чулочках объясняли кличку жеребца. Картинно изогнув мускулистую шею и изредка пофыркивая, он степенно прохаживался, а то и просто стоял возле сбившихся в кучу кобыл.

Джуманалы между тем продолжал говорить:

– Все собирался поймать коня и доставить вам обратно, но никак не хватает времени. Вчера, например, ветврач приезжал из колхоза осматривать жеребят. Хотел завтра утром отправиться, да вот и вы подоспели, – уже весело заключил он.

– Ага, а где ваш айгыр? – спросил Асылбек, наблюдавший за табуном и не очень-то слушавший объяснение Джуманалы. Его удивило то, как беспечно прогуливается возле табуна чужой жеребец.

– А его дня три назад попросил один чабан, чтобы съездить на недельку на Сусамыр, – нехотя с расстановкой ответил Джуманалы. – А пока башкарма в моем табуна твой Ак-Туяк. – Немного помолчав, Джуманалы вдруг спохватился. – Да, что мы стоим-то здесь, вот те на, пойдете в юрту. Сегодня обязательно будет бешбармак из свежего барашка, так что вы мои гости, а я хозяин, – Джуманалы громко рассмеялся.

– Ага, мы должны к вечеру возвратиться домой, да и отца надо порадовать, – начал было возражать Асылбек.

Но Джуманалы тут же прервал его:

– Не обижай, браток, старшего. По обычаю ты обязательно ночуешь у меня.

Немного смутившись, Асылбек снова заговорил:

– Большое спасибо, ага, за приглашение, но завтра утром отец собирался отправиться на Сусамыр, там искать жеребца. Надо предупредить его, что Ак-Туяка нашли.

Заметно изменившись в лице и искоса посмотрев на Асылбека, Джуманалы осторожно произнес:

– Аске, сейчас уже вечер и, наверное, вам трудно будет доставить жеребца домой. Может быть, я сам приведу его к вам.

Асылбек удивленно посмотрел на него и тихо сказал:

– Ага, не стоит себя утруждать, мы и сами справимся с конем. Я буду держать Ак-Туяка за уздечку, а Шепен подгонять сзади.

– Да, но понимаешь, Аске, – снова заговорил Джуманалы, – я ведь тебе уже сказал, что айгыра моего забрали, а табун нужно обязательно охранять ночью. Мало ли что? Может быть, волки нападут или просто разбредутся кобылы по лугам. Поэтому оставь лучше жеребца, а через два-три дня я сам доставлю его вам. А в это время и чабан приедет из Сусамыра.

Хитро улыбаясь, Джуманалы обхватил Асылбека за плечи.

– Хорошо, ага, тогда мы поедем обратно, а то и солнце почти село, – холодно ответил ошеломленный Асылбек, освобождаясь от объятий Джуманалы.

– Э-э-э... так не годится, Аске, – грозно произнес Джуманалы, стараясь развеселить ребят. – Хоть чаю попейте перед отъездом и отдохните немного. Ну, идемте.

Повернувшись, все трое медленно побрели по тропинке к юрте.

Подтянув подпруги и быстро вскочив на коней, двое путников отправились в сторону гор. Старая уздечка, перекинутаая через луку асылбековского седла, мутно поблескивая, позвякивала в такт движениям. Лошадь шла упругим шагом, мотая головой и стараясь ослабить натянутый повод. Под Шепеном тоже плясал гнедой. Тропинка вновь начала подниматься в горы.

Опершись на палку, Джуманалы неподвижно стоял возле юрты и насмешливо смотрел на всадников. Наконец, словно очнувшись от дремоты, он встряхнул головой и зычно закричал:

– Аске, скажи отцу, что скоро приведу коня. Пусть не волнуется.

Асылбек, не поворачиваясь, кусал губы и угрюмо смотрел перед собой.

– Байке, – тихо спросил Шергазы, прерывая мысли брата, – а почему Джуманалы-ага не предупредил отца, что жеребец находится в его табуне? Ведь он мог передать Ак-Туяка через кого-то.

Асылбек, видимо, не расслышав брата, молчал и задумчиво теребил гриву коня. Шергазы, тоже помолчав немного, продолжал:

– А ведь мы за пять дней все горы объехали, отец даже на джайлоо к казахам съездил, нигде не могли найти Ак-Туяка. Ну, понятно, если б простой конь пропал, а то ведь племенной. Ведь мог же Джуманалы-ага предупредить нас, чтоб напрасно не искали, мог? – снова спросил Шергазы, переходя чуть ли не на шепот. Ласково посмотрев на измученного от дневной езды братишку, Асылбек тихо сказал:

– Разные бывают на свете люди, Шепен. Кто печется только о себе, но есть и добрые.

– Но ведь Джуманалы-ага не сказал нам, что конь находится у него только потому, что в его табуне не было жеребца, а на ночной выпас необходим сторожевик, так ведь, байке? – прервал Шергазы брата. Его черные глаза недовольно сузились, а тонкие брови взлетели вверх.

– Так-то оно так, Шепен, но не стоит расстраиваться. Конечно, Джуманалы-ага мог хотя бы предупредить отца через своего брата, который еще вчера приезжал к нам. Он просто боялся, что мы сразу приедем и заберем коня. А когда до Туш-Ашу надо ехать да ехать, и еще неизвестно, куда пропал конь, то, конечно же, можно продержат жеребца подольше.

– Но неужели он умышленно не сказал, хотя знал, что заставит нервничать отца? Ведь отец объездил все горы.

– Хватит, Шепен, распускать нюни, – ласково произнес Асылбек, стараясь успокоить братишку, – радуйся, что нашли жеребца. А сейчас надо прибавить ходу, до темноты мы должны проехать перевал.

Шергазы слегка кивнул и впервые улыбнулся после встречи с Джуманалы. Легко подобравшись в седле, накрутив на левую руку повод и сдвинув назад калпак, он весело посмотрел на брата. Асылбек тоже подхватил поводья, перекинул старую уздечку через седло и привязал к канжиге.

С места рванули почти одновременно. Всадники летели навстречу заходящему солнцу, поднимаясь все выше и выше. Уже горячей испариной покрылись широкие шеи коней. Сердито прижимая мокрые уши, кони ничуть не замедляли бега, словно чуяли, что возвращаются домой. Обогнув огромный валун, лежащий посередине тропы, Асылбек вновь увидел фигурку братишки, который слившись с конем, несся вперед. На мгновение, огибая скалу, Асылбек потерял его из виду. Вдруг истошное ржание, полное страха, раздалось где-то впереди. Стеганув коня и подавшись вперед, Асылбек стрелой влетел на небольшую площадку, расположенную на краю ущелья. Только теперь он увидел Шергазы, сидевшего на взбесившемся скакуне. Приближаясь к краю ущелья, вставая на дыбы и стараясь освободиться от натянутой уздечки, бесновался Карагер. Шергазы, весь бледный, не мигая, смотрел прямо перед собой. Здесь же, прижимая гнедого к краю ущелья, взьерошившись и опустив клыкастую морду, неподвижно стоял огромный рыжий кабан...

Обогнув скалу, гнедой несся вперед. Далее тропинка круто поднималась вверх. Шергазы, разогнавшись проскочил ее и чуть было не столкнулся с кабаном. Он спускался, видно, к вечеру в долину и неожиданно встретился с всадником. При каждом движении коня, когда он становился на дыбы, подпрыгивал на месте, ржал и испуганно фыркал, огромный кабан, глухо хрюкая, приседал на задние ноги. Шерсть на спине и брюхе висела грязными лохмотьями. Толстая могучая шея, обросшая длинной шерстью, взьерошенный загривок и ужасный запах, исходивший от кабана, явно бесили и пугали гнедого. Кабан стоял неподвижно. Наконец, опомнившись, Шергазы, механически натягивавший повод, начал немного ослаблять его. Но гнедой явно не понимал хозяина. Получив немного свободы, он стал грудью напирать на кабана, пытаясь вырваться из капкана. Лицо Шергазы стало бледным. Взьерошенный чуб прилип к мокрому лбу. Прыгнув от края ущелья в сторону, гнедой задними ногами задел кабана. Но это мало помогло.

Сильно перепуганный конь стал боком приближаться к обрыву. А кабан, еще ниже нагнув клыкастую морду и медленно двигая лопатками, пошел вперед. Расстояние между животными сокращалось. Изогнув шею, тяжело храпя и косясь на впервые увиденного им животного, гнедой, как-то странно отбрасывая ноги в сторону, все более приближался к пропасти. И вот, чувствуя скорую смерть, но, не желая ее, гнедой в последний раз встал на дыбы. Шергазы, ни живой, ни мертвый, безжизненно повис в седле, обняв мокрую шею коня. Но вдруг до его сознания

долетели слова брата: «Прыгай, Шепен! Прыгай немедленно!». Шергазы быстро поднял голову. Где-то щебетали птицы, холодный ветерок трепал ворот рубахи.

«О, неужели смерть? Сейчас... Нет! Нет!» – кричала душа мальчишки. Вот уже метр до пропасти, а гнедой все идет боком, теснимый огромным кабаном. Холодный пот выступил на лбу Асылбека. Прикусив губу и подавшись вперед, он лихорадочно следил за братишкой.

В этот миг он вспомнил, как чон-апа, провожая Шергазы, чуть качнулась и медленно подняла руки, словно желая остановить внука. Видно, чувствовало материнское сердце что-то неладное. Стегнув коня, Асылбек в тот же миг осадил его, беспомощно озираясь. Он понимал, что, вмешавшись мог только усугубить положение братишки, вконец обозлить рассвирепевшего кабана.

Вот задняя нога гнедого сорвалась, но потом вновь нашла опору. Это еще более испугало коня. Высоко подняв голову и двигая ушами, гнедой дрожал всем телом, неуклюже расставив ноги. А кабан приглушенно хрипел. И в этот момент, когда гнедой подошел уже к самому краю ущелья, Асылбек круто развернул коня, стегая его камчой, перелетел через кустарники, камни и крепко схватился за узду гнедого. Гнедой словно и ждал этого момента. Попав в крепкие руки, он повиновался каждому их движению. Натужно вытянув шею и распустив хвост, Карагер легко несся бок о бок с конем Асылбека, по той самой тропе, мимо которой так неудачно промчался Шергазы. Солнце уже давно спрятало свою макушку за вершинами гор, и всюду наступала ночь. Немного проскакав вверх по тропе, Асылбек остановил лошадей.

Трогая дрожащими руками голову братишки, Асылбек не замечал, как бесшумно скользят горячие слезы по его потному лицу. Шергазы тоже сидел молча, неловко улыбаясь и явно не осознавая происходящего. Черная ночь, еще не опустившая голову на хребты гор, как колдунья, старавшаяся усыпить все живое, витала по горным склонам. Кругом стояла тишина. Дул холодный ветер. Только медленное цоканье копыт, разносившееся в горах, нарушало тишину.

Вдали, распластав два огромных черных крыла, медленно планировал к своему гнезду шумкар, оповещая усталым гортанным клекотом о наступающей в горах ночи.

1981

Слово об авторе

Автор сочетает в своей научной и литературной практике выверенность формул и лирическое мироощущение. Нельзя сказать, что философия лирична, но поэзия философична. Это качество его творчества заметит заинтересованный читатель. Подобное явление в современном творчестве сегодня является знаком гуманитария. Слово демонстрирует свои возможности Системой доказательств и глубиной лирического чувства.

Александр Кацев, учёный, литературовед, литературный критик

АЙДАРБЕК САРМАНБЕТОВ (р. 1953)

Писатель, драматург, журналист, переводчик.

Родился в селе Кара-Ой Иссык-Кульского района Иссык-Кульской области.

Окончил КГНУ по специальности журналист. Работал во многих СМИ, ответственным секретарем СП КР. Член Национального союза писателей, Союза журналистов Кыргызской Республики, Объединения союзов писателей тюркоязычных государств «Евразия» (Турция), академик общественной Академии культуры, науки, образования и бизнеса Кавказа, академик международной общественной Академии поэзии. Лауреат международных литературных премий тюркоязычных стран им. Махмуда Кашигари (ТЮРКСОИ, Евразия, 2008, 2012), «Вечная дружба» (Казахстан, 2010), Международной премии им. М. Кашигари Азербайджана (2018) и многих премий Кыргызской Республики.

Автор 31 художественной книги (в том числе исторического романа). Редактор более 100 книг отечественных и зарубежных авторов. Его собственные книги изданы в Турции, Китае и Татарстане. Многие рассказы переведены на русский, турецкий, китайский, казахский, уйгурский, туркменский, гагаузский, татарский, азербайджанский и др. языки.

Главный редактор журнала «Түрк дүйнөсүнүн адабияты» («Литература тюркского мира»), пресс-секретарь Союза обществ дружбы и сотрудничества с зарубежными странами, гендиректор Международной общественной Академии Поэзии.

Пишет по-кыргызски и по-русски.

Скотина

Рассказ

Он ничем не отличался от своих сверстников, которым под тридцать, – невзрачный, низкорослый, худощавый молодой мужчина. Всё время был сам по себе, ходил с опущенной головой, молчаливый. Ни с кем не имел дела. Пусть даже с отцом или соседом, или друзьями – ему разницы не было. Никого не считал он своими близкими, как будто все вокруг были чужими, не лучше тех незнакомцев, что проживали в других домах, на других улицах. Существовал ли кроме него ещё какой другой люд? – да пусть они все пропадут пропадом, даже если перевернется земля, если наступит судный день! – ему всё было пофиг. Не проявлял ни капли капли интереса, эмоций, сочувствия, да и ладить с кем-то, строить отношения он вовсе не стремился, вечно казался отстранённым, каким-то бестолковым. Лишь бы его самого никто не трогал... Ни о чем никогда не думал, разве что о повседневных пустяшных делах, и представлял из себя полное ничтожество, пустоту. Будто животное. Скот.

Его невозможно было вообразить без наушников в ушах, подсоединённых либо к мобильнику, либо к плееру, весь день, на улице, дома и на работе, даже когда нужно ложиться спать – он их не снимал. Грохочущая, надоедливая зарубежная

музыка все время гремела у него в ушах. О чем там так громко поют, он не понимал, да и не было у него желания понимать; ну, а что делать, когда не знаешь чужого языка, то-то и оно. Самое главное – были бы уши всё время заняты, лишь бы гремело что-нибудь в определённом ритме. Нельзя было представить себе его без всего этого. В этом смысле он был словно законченный наркоман. Не дай бог, случится что-то с наушниками или с плеером, ну, скажем, перегреются, зависнет – тогда он становился растерянным, дурным, бешеным, срывал на окружающих зло.

Увы, в последнее время в нашей жизни прибыло таких пустоголовых горе-человечков. Они везде – и на улице, и в учебных заведениях... Даже в правительстве и в парламенте развелись. Не читают книг, чтобы почерпнуть в них мудрые мысли, не слушают хотя бы малой толики того ценного, человеческого, что прибавляет ума. Видимо, они – так называемые техно-мутанты, порождённые цивилизацией и техническим прогрессом, только идущим вспять, по нисходящей, а может быть, пленники цифровых технологий, всё равно что *мухи-цокотухи*, обделенные умом и человеческими качествами, у которых голова – лишь видимость. На научном языке их ещё называют «виртуальными рабами». Недалеко от истины...

У Марлена не было как таковой настоящей работы, но внешне он вроде работал. Кто спрашивал его о работе, тому он отвечал, что техник. Да какой там техник!.. В те, уже прошедшие времена, когда он с натяжкой окончил школу, отец повёл его поступать в политехнический институт, но туда он не прошёл; впрочем, иначе и быть не могло. После этого он стал помощником монтажника районной электрической сети, тем более что организация находилась рядом с домом, и проработал там два или три года. Вот и всё его образование... Как-то раз, прочитав объявление на двери здания, где работал, он подался на должность помощника техника-осветителя областного театра. Там не надо было вкалывать, не покладая рук. Да и его присутствие или отсутствие на работе никого особенно не трогало. Ему только это и нужно было. Главное, чтобы никто не беспокоил его, не лез со своими упреками или заумными речами, советами... Когда в театре должна была идти какая-нибудь постановка, то он занимался на сцене перемещением нужных атрибутов, просто выполняя поручения своего начальника, куда бы тот его ни направлял. Бывало порой, что у техника случались «неотложные дела» – а на самом деле похмелье, и тогда Марлену поручали заниматься освещением спектакля. Вот и вся работа его была. Начальник ему не доверял, потому что тот не вникал в самую суть спектакля, оттого и освещал сцену, как попало, и его не волновало, где, в каких местах, каким цветом освещать, как освещать, подходит ли освещение тому или иному образу, событию, происходившему на сцене. А чего было ждать от него, когда у него своё, желанное играет в наушниках, и плевать он хотел на спектакль и на его содержание!.. Какое ему дело до спектакля... Поэтому к нему обращались лишь в самых крайних случаях, когда положение становилось уж совсем безвыходным.

Отец его был заслуженный геолог, настоящий знаток своего дела, имевший непререкаемый авторитет среди своих коллег. В те далёкие восьмидесятые годы,

когда он был ярким защитником идей коммунизма, который, по замыслу, должен был победить и восторжествовать во всем мире, своего первенца назвал Марлен – искренно, с чистыми помыслами взяв первые слоги имён Маркса и Ленина, чтобы сын рос умным, проявлял заботу о неимущих. Отец никогда не думал, что его единственный сын станет таким ничтожеством, без единого огонька в душе и на сердце, серым, нелюдимым, можно сказать, живым трупом. Когда тот подрос – как-никак и ума прибавлялось, – то отстранился от людей и целыми днями просиживал в своей комнате, у телевизора; отец себя успокаивал тем, что, может быть, сын станет творческой личностью. А как же, вдруг из него выйдет выдающийся писатель, как Тугелбай или Айтматов, а может быть, поэт, как Алыкул, или артист театра, как Муратбек Рыскулов, даже киноактёр, как Бейшеналиев, Чокморов, а возможно, и художник, как Айтиев, – мало ли что, главное высший пилотаж... Тогда отец был бы на седьмом небе от счастья. Но нет, не оправдались его надежды. Он наблюдал за сыном и видел то, что тот слушает лишь зарубежную музыку низкого пошиба, по телевизору смотрит одни глупые, развлекательные шоу... И когда отец, обеспокоенный, сказал сыну о том, что надо бы смотреть передачи на кыргызском, чтобы знать свой язык, традиции, чтобы хоть как-то приблизиться к своему народу, сын в ответ выпалил:

– На кой чёрт они мне нужны, эти бараны!..

От таких слов недоросля в жилах отца вскипела кровь, перехватило дыхание. Он попытался образумить сына, объяснить, что не бывать человеку без родного народа, что в один прекрасный день можно остаться одному у обочины, как отбившаяся собака, и вот тогда наступит настоящая трагедия; но не слушал сын отца, все сказанное проскакивало мимо ушей. Да и все советы, всю жизненную премудрость сын постоянно мимо ушей пропускал. Он ни с кем не дружил, и в школе, и в более поздние годы не то чтобы не ухаживал за девушкой, а вообще отец никогда не видел его хоть с какой-нибудь подругой. Никого к себе не подпускал. Порой отец гнал от себя неприятные мысли, будто сын его ни на что не способен как мужчина. Да как же его самого спросишь об этом... Если и спросить, вряд ли честно ответил бы этот глупец. Скорее всего, обозлившись, лишь нагрубил бы. Несмотря на это, отец решился ещё раз поговорить с отпрыском, с надеждой думал, что вот, мол, скажу, может, до него и дойдёт... Сказал: мать твоя, не дождавшись твоей женитьбы, ушла в мир иной, не сбылось её желание, а сам я, как видишь, из-за плохого здоровья рано вышел на пенсию – на «свалку», долго ли буду жить, неизвестно, скорее всего, скоро протяну ноги, поэтому привел бы ты невесту, подарил бы мне внука, вон смотри, другие дети как поступают...

– Зачем плодить смертных? Ведь они когда-нибудь всё равно помрут!.. – ошарашил сын отца таким вот ответом.

– Эх, дурак ты, иметь детей – значит, продолжить род свой, это есть появление нового человека. Чтoб не прервался наш род, мой, твой род не прервался! Пусть это будет мужчина или женщина, они обязаны оставить после себя продолжателя своего рода на земле... – постарался отец хоть как-то образумить сына.

А тот хоть бы что, наоборот, надувшись, угрожая и размахивая руками, сильно хлопнул дверью и ушёл. Конечно, отцовскому желанию не сбыться никогда, надежде пришёл конец. После всего отец даже не пытался разговаривать с сыном на эту тему, просто перестал. А что толку слова на ветер бросать, если всё равно не слушает. Прервётся род, вот и всё! Как, каким образом его сын стал таким, можно сказать, скотом? Да, скот. Если не брать во внимание того, что он ходит на двух ногах, как и все, то в остальном нет разницы между ним и животным, которое, не имея разума, существует лишь благодаря слепым инстинктам: хочу – не хочу... Никакой разницы! Сын, который думает только о себе, не имеет никакого желания помочь другим, равнодушный ко всему, бессмысленно проживающий свои дни, довольствующийся тем, что попадётся, не знающий, зачем живёт на этой земле, не забегающий в будущее... Не то, чтобы размышлять о судьбе человечества и мира, – он не хочет иметь ничего общего даже со своим народом... В чем его отличие от скотины? Боже мой, откуда взялся такой бестолковый оболтус?! Как появился такой тугодум – ни искры, ни огонька в его душе, как?!

А может, недоглядел, когда тот был ещё маленьким, отец ведь отсутствовал неделями, месяцами – уходил на геологические изыскания; из-за этого, наверное? Но и тогда он старался каждый раз пораньше примчаться домой, думал о сыне – как он там, какое воспитание получает, ведь так было... Считал дни, чтобы как можно быстрее увидеть сына. И как только появлялась возможность, он ходил к нему на собрания, начиная с детского сада, и потом в школу, непрестанно говорил правильные вещи. А может быть, Сакиш, жена его, упустила что-то?.. Она тоже всю себя целиком отдавала сыну, потому что он единственный, говорила она, и всей душой любила его... Но она давно ушла из этого брэнного мира, не было ей даже сорока. Наследственность сыграла с ней злую шутку, заболела белокрывью. Чего только она ни делала, чем только не лечилась – всё без толку, осунулась, истощалась день ото дня, смотрела на всех умоляюще и в конце концов отдала душу. Несмотря на своё состояние, она слабыми руками, как могла, прижимала сына к груди, целовала его в шейку, затылочек... Трудным было её расставание с ребёнком, не хотела оставлять своё кровное дитя, самого дорогого человека на свете. Пусть земля будет ей пухом!.. А вот что из сына вышло... Может быть, слишком уж избаловали его, что ли? Кто знает?.. Как хорошо, что Сакиш не видит сына, каким он стал, не отличающегося от животного, без всякой гордости за себя, за свой род, без всякого ума. Может, сердце её и выдержало бы, но, потеряв рассудок, она всю жизнь горевала бы, это точно. И какое ещё худшее наказание нужно для матери, чем увидеть пустоголового, равнодушного ко всему, с чёрствой душой сына?! Может быть, это оттого, что ради будущего, ради возможной карьеры сына отдавали его в русскоязычный садик, а потом и в русскую школу? Хотели ведь избежать трудностей, то есть сделать так, чтобы не было трудно сыну, дома с ним разговаривали на русском, может, из-за этого он сердцем и душой не смог потом принять свой народ, сами оторвали его от народа, что ли?..

...Молчаливый, замкнувшийся в себе Марлен и сегодня, не отставая, как тень, ходил то с одним, то с другим работником театра, делая вид, что помогает им по работе. В ушах, как всегда, наушники неизменные, родные... Внезапно он разозлился и чуть с ума не сошел от ярости, когда кто-то выдернул эти наушники у него из ушей – как будто отобрали счастье; рассвирепев, он резко обернулся, готовый расстерзать обидчика. Перед ним стоял директор:

– Ты можешь хотя бы время от времени вытаскивать из ушей наушники и поглядывать на свой мобильник?! А?! С тобой давно пытаются связаться твои соседи, никак не могут дозвониться! Между прочим, я тоже... – на повышенных тонах директор отчитал его и тут же, смягчившись, почему-то с жалостью взглянул в глаза. Нет, он больше не ругался, этот директор, как часто бывало, и не прогонял его.

– Мариш, иди-ка сюда, – сказал он мягко, притянул за рукав, и, взяв руку выше локтя, отвёл Марлена в сторонку. – Ты теперь зрелый человек... Мужайся, на все воля Бога, ушёл твой отец в мир иной, твои соседи позвонили мне, так как не смогли до тебя дозвониться. Я отпускаю тебя... Иди домой, иди.

До Марлена не сразу дошло значение его слов, дошло не до конца. Что это значит: «Ушёл в мир иной», раньше таких слов он и не слышал, как это можно понять? Но начальник есть начальник, и помощник техника лениво побрёл домой. А что делать? Попробуй не выполни поручения начальства, сказал – и всё...

Марлен с отцом жили на втором этаже пятиэтажной «хрущёвки». Двухкомнатную квартиру отец получил ещё в шестидесятые годы, дали ему тогда жильё в организации, где он работал, как молодому специалисту и молодожёну. Всем их имуществом была эта самая квартира. Марлен увидел перед домом толпившихся людей, но как-то не придавал этому значения. Среди них были и малознакомые соседи, и совсем незнакомые люди. Они стояли группками по два-три человека. Когда Марлен подошёл к дому, почему-то все посмотрели на него таинственно и как бы жалея, и тут же освободили дорогу. Парень даже не поздоровался ни с кем, молча и, как обычно, понуро поднялся в свою квартиру. Он никогда с соседями не общался, тем более с чужаками.

Женщины, столпившись, стояли на лестнице, вроде бы лица знакомые, но и среди них встречались те, кого он совсем не знал. Какое ему до них дело...

Дверь квартиры он нашёл открытой. В прихожей и в комнатах тоже были люди, они тихонько и жалостливо перешептывались, при виде Марлена все умолкли. Он прошёл мимо них, вошёл в комнату, где на диване лежал отец, прикрытый старым одеялом, вокруг него на стульях сидели три-четыре мужчины с грустными лицами. Отец ведь болел, сколько Марлен себя помнит, отец всё время болел, наверное, люди пришли к нему, повидать. Молодой человек так же прошёл мимо них всех и закрылся у себя в комнате. Из-за наушников, в которых непрерывно звучала музыка, он не слышал, о чём бормочут люди, сидящие возле отца. По привычке Марлен включил телевизор и плюхнулся на кровать. И только тогда вспомнил, что говорил ему отец, когда Марлен уходил на работу:

– Мариш, почему-то сегодня у меня сердце беспокойно, сильно стучит... Вызови скорую...

Тогда ему казалось, что отец преувеличивает. Ведь он всегда недолюбливал отца.

– Единиц нет, – только и буркнул в ответ.

Отец, давая ему пятидесятисомовую купюру, попросил:

– Как выйдешь из дома, сразу же позвони, побыстрее вызови скорую помощь, ведь ты забывчивый и сам знаешь это, так что, пожалуйста, не забудь... – Он сказал это, тяжело дыша.

А Марлен совсем забыл про его просьбу. В принципе можно врачей и завтра вызвать. Не возьмёт же его Бог, кому этот старик нужен...

Через некоторое время послышались приглушенные разговоры людей, и кто-то громко заплакал. Вдруг дверь комнаты Марлена резко распахнулась:

– Ты смотри, разлётся себе этот дуралей! Давай вставай! Быстро!!! – Эрмек, грузный мужчина, живущий напротив их квартиры, с яростью ворвался в комнату и резко дёрнул Марлена за плечо. – А ну-ка, дай это! – он со злостью выдернул наушники из ушей и бросил на пол.

– Ты что?! – Марлен, рассвирепев, резко вскочил, как будто хотел подраться с соседом. – Чего тебе надо?!

У Эрмека от неожиданности перехватило дыхание, он с изумлением смотрел на Марлена, растерявшись, не мог вымолвить ни слова. Потом, немного придя в себя:

– Эй, суволуч! Сабака! Твой атец умер, панимаешь?! – вскричал он во всю мочь, объясняя ситуацию на ломаном русском, думая, что, возможно, по-кыргызки тот не понимает, не доходит до него.

У Марлена на уме было только одно – как бы поскорее найти наушники и вставить их в уши... Он был очень озлоблен на выходку соседа.

– Ну и что, что умер?! – закричал он в ответ, выпучив глаза. – Я, что ли, виноват?!

Люди, которые заглянули в комнату вслед за Эрмеком, чтобы выразить сыну соболезнование, растерялись, стояли, как ошарашенные, не зная, что и сказать. Поведение Марлена не входило ни в какие рамки, уму было непостижимо. «Боже! У него отец умер, единственный... Оказывается, бывает на свете и такое дитя, такое бестолковое, жестокое?! – думали все с изумлением, у всех на душе оставался неприятнейший осадок. – А может, и наши дети так же?...».

– Олду... олду... умер, ну и что? Что я сделаю?... – упрямо ершился Марлен, стараясь произнести хоть несколько слов на кыргызском, чтобы от него отстали и чтобы он мог, подняв наушники с пола, воткнуть их опять в уши.

– Как это так?! О, горе! Оказывается, он настоящий дурак! – как всегда, Эрмек не мог стерпеть. – Эй, я тебе гаварю, что атец умер... Панимаешь ты это? Атец умер!!! – снова на ломаном русском попытался объяснить он.

– Да-а...

– Надо бы похлопотать о покойном! Похорони отца! – раздались голоса.

– Чего? Как? Обязательно мне, что ли, его хоронить? – Марлен вконец разозлился. А как же, ведь его покой нарушили, и как же тут не разозлиться. – Все набросились на меня, бля!.. Как собаки!..

У соседей терпение лопнуло, и усатый молодой мужчина, стоявший за Эрмеком, набросился на Марлена, когда тот собирался то ли сесть, то ли опять лечь на кровать, вплепил ему со всей силы затрещину:

– Это кто тебе бля, а?!. Мы, что ли, виноваты в том, что хотели тебе помочь похоронить отца?! Скотина!..

Защищая голову руками, Марлен почему-то присел.

– У-у-у... Суки... – он горько заплакал от злости и безысходности. И плакал он не о покойном отце, а от обиды, из-за своей беспомощности, ведь никогда ещё его никто так прилюдно не бил, не унижал, с ним впервые произошло такое. За столько лет, сколько он живет на белом свете, не то чтобы поднять на него руку, никто даже голос на него никогда не повышал, ну, разве что на работе – но на то она и работа. И к тому же ошутимый удар по затылку вызвал сильную боль, даже искры из глаз посыпались...

– Не надо, хватит. Прекрати! Не напрягайся, сволочь он... Толку от него никакого. Скотиной стал, тварь! – презрительно бросил Эрмек. – Из-за уважения к памяти покойного мы сами позаботимся о похоронах.

И люди, находившиеся в комнате горе-сына, развернулись и, возмущённые, пошли к выходу.

– Каким был хорошим человеком покойный... Этот на отца никак не походит... Скотина!

– Разве он хорошо поступает?! Мы его жалеем, а он нас ругает!..

– Боже! И такое бывает, да?..

– Он не сын, он не стал сыном!

– Собака!..

– Да лучше б не было его на этом свете...

Когда, с болью в душе, огорчённые соседи ушли, Марлен почесал пострадавший затылок, посидел немного, пока голова перестала ныть, и, как ни в чём не бывало, снова плюхнулся на кровать...

И всё-таки люди есть люди. Наутро все соседи собрались, все как один бегали, хлопотали, кто-то собирал деньги, кто-то занимался могилой, в общем, всем миром кое-как похоронили покойного. Кто знает, из-за того, что покойный рос в детском доме и не мог или не хотел отыскать своих родичей, как ни крути, но никаких родственников на похоронах не было. Когда мужчины стояли в намазе за упокой души усопшего, то сына его не позвали, просто не удостоили вниманием после вчерашнего его поступка. Все, кто был свидетелем этого события, да и кто услышал о том, отворачивались от Марлена. Сходились в едином мнении – не стоит он ни гроша, даже для умершего отца.

В то же утро, на следующий день после кончины отца, как будто ничего и не произошло, Марлен отправился на работу, даже не дождавшись похорон. Видимо, те, кто увидел его в театре, доложили директору, что помощник осветителя находится на работе. Директор тут же его вызвал к себе:

– Марлен, что неминуемо, то и произошло, теперь мужайся. Тяжко тебе... Крепись. На, возьми вот, пусть это будет нашей помощью от имени коллектива театра, – и он дал ему в руки конверт. – Иди, не задерживайся сейчас в театре, похорони отца...

Марлен вышел на улицу. Как-никак отец для него всегда готовил стряпню, а теперь его нет в живых. Вспомнив, что со вчерашнего дня ничего не ел, Марлен неспешно направился в ближайшую столовку. По дороге открыл конверт, который получил от директора, обрадовался, увидев там достаточно синих и жёлтых купюр. «Да, ведь этих денег хватит почти на месяц! Оказывается, это здорово, когда умирает отец», – решил про себя он...

Перевод Бакыта Нышан

Слово об авторе

Кыргызский прозаик Айдарбек Сарманбетов, известный своим устойчивым интересом к теме современности, столь же последовательно обращается к прошлому, опыт которого, по мысли писателя, крайне необходим для формирования сегодняшнего общественного сознания.

Догдурбек Юсупов, поэт, писатель, журналист

НУРЛАНБЕК КАЛЫБЕКОВ (р. 1973)

Родился в селе Аркит (Аркыт) Аксыйского района Джалал-Абадской области. Окончил Кыргызский государственный национальный университет. Первое стихотворение было опубликовано в 1990-м году в газете «Ленинский путь». Стихотворения переведены на русский, казахский и азербайджанский языки. Является составителем таких книг, как «Отчизна» А. Осмонова, «Ищу тебя» Дж. Мамытова, «Я – сын гор» Т. Кожомбердиева. Являлся председателем республиканского объединения творческой молодёжи «Нурборбор». С 1996 года является членом Союза писателей Кыргызстана. С 2019 года является председателем Союза писателей КР. В 2020 году получил Почётное звание «Заслуженный работник культуры Кыргызской Республики».

Всемогущий

Я прахом был. Я был вселенской пылью.
Теперь свой свет лелею в глубине.
Несметные миры с их звёздной былью
вошли в меня и улеглись во мне.

Отдёрнув звёздный полог мироздания,
перед самым Всевышним я предстал.
И в безднах безграничного сознания,
казалось, сам я Богу равным стал.

И все углы вселенной, и все части
свою мне даровали благодать.
И разлилось повсюду моё счастье,
ему конца и края не видать.

В меня вошла, как солнце, бесконечность,
отраднa, лучезарна и нова.
На небесах, где звёзд седая млечность,
вращал я вечной жизни жернова.

Живых существ я приумножил смету.
Их судьбы мне послушны и верны.
И из небытия вернул я к свету
всех, пребывавших в лапах Сатаны.

Вне всех времён, что были так безмерны,
продолжил я кочевье всех богов.
Очистил землю от хулы и скверны
и всюду свет разлил без берегов.

Кромешный мрак я сделал ярким светом.
Все стали мной. Я сам вошел в других.
Я горести оставил под запретом.
Вот я – благая весть для всех благих.

Я пылью был. Я прахом был ничтожным.
Я Человек. Я Бог. Я властелин.
И ты ступай, не дрогнув пред возможным
концом пути средь адовых пучин.

Перевод А. Никитенко

Цельность мира

Я этот мир на части не делю,
в нем белое и черное едины.
Добро и зло, веселье и печаль –
все целостно, вовек нераздвоимо.
Ведь солнце светит всем через тюндюк* –

и на гостей, и на хозяев в юрте,
а свет с низин стремится к небесам.
Пусть те, кто разделяет этот мир
на белые и черные детали,
кто рвется в рай, о святости мечтая,
и те, которым предназначен ад, –
отправятся туда, куда угодно.
Меня их планы вовсе не волнуют,
поскольку мир на части не членю.
Мне суть самой природы интересна
в ее неразделяемом единстве –
как падают небесные лучи,
а им навстречу тянутся земные.
Так возникает света естество.

Перевод А. Никитенко

Сон

Сон – это маленькая смерть.
Я каждый вечер умираю.
Касаясь головой подушки,
я ухожу в небытие.
Моя душа, как привиденье,
гуляет там, где нет следов
ни человеческих, ни звериных.
Но вдруг встречаю я людей,
их обнимаю, словно братьев.
По лесу чудному хожу,
язык деревьев мне понятен –
общаюсь с ивами седыми.
Я пьян от запаха цветов,
от аромата трав и листьев.
И так не хочется терять
томленье нежное и негу.
Архары дикие в прыжке
рогами достигают неба
и, звезды яркие собрав,
меня сияньем осыпают.
Порхают бабочки вокруг,
трепещут крыльями, как в танце,
на сцене сказочной поляны,
неспешно на цветы садятся.
От их полета ветерок

мне остужает лоб горячий.
Такой покой царит кругом!
Нирвана, смысл бытия!
Мой разум буйный бег смиряет.
Лечу, сверкая, как комета,
и мы вдвоем с Луной играем,
качаясь в ласковых лучах.
Луна улыбкою чарует,
как дева сказочной красы.
Душа моя полна покоем,
легка, как белый одуванчик,
как яблоневый лепесток.
Вдруг в эту божью благодать
врывается раскатом грома
звонок будильника. Кошмар
меняет райские картины.
Я в ужасе, себя не помню
меж тем и этим измереньем.
Так сердце бухает в груди,
меж ребер бьется, будто в клетке.
Мозг возвращается в себя,
раскачивая тяжесть тела,
готовясь к новой муке дня.
Жизнь начинается с нуля...

Перевод А. Никитенко

Слово об авторе

Стихотворения Нурлана Калыбекова наполнены искренним максимализмом. То он любит и просит любить себя, отвергнув весь прочий мир, то предстаёт всемогущим Творцом, то трансформируется в пыль у ног случайного прохожего, то оказывается одновременно и жертвой, и повелителем времени и жизни... Поэтический мир Нурлана Калыбекова по сей день остаётся притягательно разнообразным, и в этом залог его успеха у читателя.

Андрей Рябченко, прозаик, литературовед

НАРГИСА КАРАСАРТОВА (р. 1978)

Поэтесса, прозаик, пишет для детской аудитории. Родилась во Фрунзе. Окончила Центр изучения английского языка с присвоением квалификации «Переводчик», и ИСРиП, квалификация «Менеджер».

Преподавала английский язык в школе № 58, в СШ-лицее № 75 и в СШ-гимназии поселка Манас. Имеет опыт работы в качестве журналиста общественной телерадиокомпании ЭлТР.

В 2007 году прошла мастер-класс в школе молодых литераторов международного фонда Айтматова в группе «Русская поэзия». Печаталась в газете «В конце недели» и других газетах, в книге, посвященной Ч. Айтматову «Айкөлдөгү Манас баба өңдөнүп», в альманахе МФА «Семена яблока», в соавторстве с сестрой Лейлой Карасартовой выпустила сборник стихов «Бриллианты на снегу» и книжку для малышей «Модная березка».

Лия и Айя-рукодельница

Сказка для детей

У девочки Лии было много игрушек, но больше всех она любила волшебную куклу Айю, которая умела думать, ходить и разговаривать. Ещё этой куклке нравилось шить милые вещички на своей маленькой швейной машинке.

Однажды летним днём Лия с Айей играли в палисаднике, пока мама не позвала девочку обедать.

Уходя, Лия предупредила куклу:

– Ты никуда не уходи, я скоро выйду!

Однако после еды девочка включила телевизор и стала смотреть мультфильм, а потом зачиталась. Надо сказать, что она и сама иногда выдумывала сказки.

Долго ждала Айя подружку и, обидевшись, что про неё забыли, взяла швейную машинку и ушла в лес.

Когда потемнело, Лия, вспомнив про куклу, выбежала в палисадник, но там её не оказалось, и девчушка расплакалась:

– Айя, куда же ты ушла?! Где ты?!

Лия очень долго переживала уход подружки. Родители в утешение подарили дочке другую куклу, девочка дала ей другое имя – Майя. Новая подружка также умела думать, ходить, разговаривать, шить она не умела, зато шариковой ручкой записывала все выдуманные Лией рассказы.

А тем временем Айя-рукодельница, очутившись в лесу, увидела деревья и самые разные зеленые листочки, и решила сшить для Лии платье. Куклка вежливо спросила у деревьев:

– Можно, из ваших листочков я сошью подарок для моей лучшей подружки?

Деревья низко наклонились в знак согласия. В помощь прилетел Ветер, он стряхнул листву с веток.

Мастерица стала собирать листочки. К ней на подмогу из норки вышел Рыжий Сурук. Затем подбежал Белобрюхий Ёжик и предложил для рукоделия иголки.

Айя уложила охапку листьев, сделала удобный бугорок для швейной машинки под Деревом, где жил Пестрый Дятел, который без усталости стучал крепким

клювом об дерево. Рядом бегал Белобрюхий Ёжик, готовый безвозмездно дарить темные иголки. Не было лишь нитей. Тут куколка увидела Безухого Паука.

– Дай, пожалуйста, свои тончайшие, шелковистые ниточки! Я хочу сделать сюрприз одной девочке, она мой друг!

Паук молчал. Куколка ещё раз попросила, но обладатель ниток был безмолвен.

– У него нет ушей, они ничего не слышит, – сказал Ёжик, и тут Паук не выдержал.

– Да, у меня нет ушей, но есть маленькие волосинки на ногах, через которые я все прекрасно слышу.

– Тогда почему не отвечаешь?

– Я экономен. Мне иногда приходится съедать поврежденные нитки, чтобы плести новые паутины.

Айя стала такой грустной, что лесной ткач не выдержал:

– Так уж и быть, бери мои паутинки, – и стал сбрасывать рукодельнице тонкие, но прочные ниточки.

Поблагодарив всех, куколка начала прикладывать листочек к листочку и сшивать их вручную. Случалось, грубые иголки Ёжа кололи её нежные пальчики до крови. Затем она всё строчила на крохотной машинке. Несмотря на боли в руках, куколка увлеченно работала и не заметила, как закончилось лето.

Сюрприз был готов – получилось зелёное и яркое шелковое платье!

Хотела уже Айя отнести подарок подруге, но увидела медленно падающие желтые и красные листочки. «Надо сшить красочное одеяло для Лии!» – подумала куколка.

И снова к ней на помощь пришли её лесные товарищи.

Рыжий Сурок помог собрать разноцветные листочки, а затем ушел в норку на зимнюю спячку.

Со спины Белобрюхого Ежа Айя для своей кропотливой работы взяла иголки, и через некоторое время и этот колкий зверек засобирался в свой домик, чтобы крепко спать в морозы.

Прядильщик-Безухий Паук сбросил упругие, шелковые ниточки рукодельнице и начал свивать себе на зиму гнездышко из паутины.

К концу осени куколка дошивала подарок одна. И только Пестрый Дятел, не боясь холодов, изредка постукивал по дереву сильным клювом.

Что и говорить, одеяло получилось с солнечным теплом ранней осени с рисунками оранжевых и золотых листочков!

Айя засобиралась домой, но, когда пошел снег, она увидела изящные, шестикрылые снежинки и подумала, что из них получились бы белоснежные занавески для комнаты Лии. Но у неё больше не было ни нитей, ни иголок. И она крикнула падающим кристаллам:

– Снежинки, можно я из вас сделаю занавески для моей подруги Лии? Ей будет очень приятно! Только я вас попрошу, пожалуйста, не растайте!

– Хорошо! – хором ответили снежинки. – Мне не будем таять, но обещаю, что из нас получатся самые изумительные занавески в мире!

– Обещаю! – на радостях крикнула неугомонная рукодельница.

Она скрепляла между собой снежинки. Работа с кристаллами требовала ещё большего терпения. Но не зря были потрачены время и труды. К концу метелей на руках у Айи лежали сверкающие занавески необыкновенной красоты.

Хотелось куколке показать все подарки подруге, но тут она подумала, что из весенних цветочков и листьев получатся ещё одни необычные занавески для комнаты Лии. Как и положено, в это время года сначала выплянули подснежники, а потом расцвели другие цветочки. А ещё из зимней спячки вышли лесные друзья Айи.

К началу нового лета очередная задумка мастерицы была готова. Получились такие роскошные зелёные занавески с томными подснежниками и разноцветными цветочками, что Пестрый Дятел, ставший шумным и крикливым по весне, от изумления несколько часов не тарабанил по дереву, разглядывая творения рукодельницы.

Довольные Рыжий Сурок и Белобрюхий Ёжик изготовили корзинку из тонких прутьев, куда положили швейную машинку и дары, приготовленные для Лии.

Пестрый Дятел, взяв корзинку в клюв, полетел к дому девочки. Внизу, догоняя птицу, бежала счастливая Айя, представляя желанную встречу.

Дятел поставил плетенку с дарами на крыльцо и, улетаю, постучал клювом в окно. Лия открыла дверь и, увидев Айю-рукодельницу, закричала:

– Как ты посмела прийти ко мне! Иди, откуда возвратилась! У меня уже есть кукла Майя, а ты предательница!

– Прими хотя бы эти подарки, в которые я вложила всю душу и сердце, – произнесла мастерица, едва сдерживая рыдания, и развернувшись, побежала в лес.

Когда Лия увидела подарки, она поняла, как для неё старалась Айя! От удивительных подарков пахло лесом и свежестью. Ей стало совестно, и девочка побежала вслед за рукодельницей, взяв с собой и куколку Майю.

– Айя, Айя!!! – кричала она, пока вдруг не увидела на лесной полянке Рыжего Сурка, Белобрюхого Ёжика, Безухого Паука, Пестрого Дятла и свою рукодельницу.

– Ни за что бы не стал помогать собирать листочки нашей искуснице, зная, что ты такая эгоистка, – проворчал Сурок, глядя на Лию, недовольно мотая коротким и толстым хвостиком.

– А если бы я знал, какая ты бессердечная, то не дал бы ни одной иголки, – запыхтел Ёжик и притопнул маленькой ножкой.

– А я бы не дал ни одной ниточки, – прошептал Паук и зло посмотрел на девочку восемью глазками.

Лия стояла и плакала, выслушивая обидные слова от лесных обитателей, и тихонечко шептала:

– Простите меня... простите...

– Неблагодарная... – проворчал Дятел.

И в это время заговорила кукла Майя.

– Не говорите так. Лия хорошая девочка... Просто она думала, что Айя бросила её, поэтому разозлилась. Но всё равно она каждый день вспоминала её, рассказывая, как они дружили.

И сердобольная рукодельница вступилась за девочку.

– Ах, мои лесные друзья, не ругайте, пожалуйста, Лию. Я её прощаю потому, что никогда не забуду, как она меня купала, надевала платишки, расчесывала волосы и каждый вечер рассказывала мне сказки.

– Сказки?! – удивился Пестрый Дятел. – Тогда пусть расскажет и, если нам понравится сказка, то мы её простим.

У Лии высохли слезы, и она восторженно посмотрела на маленькую мастерицу.

– Спасибо, Айя, за то, что ты такая добрая, необыкновенная, талантливая, сердечная и преданная! – а затем, взглянув на куколок и лесных жителей, добавила: – Сейчас я вам расскажу одну историю про дружбу.

Тут Ветер принес белые листы и красочно нарисованные картинки.

– Ой, а это кто, такой симпатичный и колючий? – спросил Ёжик.

– А это кто такой пухленький и рыжий? – удивленно рассматривал рисунок Сурок.

И каждый из наших героев нашел свое изображение.

– А давайте мы все это соберем в настоящую книжку, – предложила девочка.

Рыжий Сурок принялся бегать и собирать белые и цветные листочки. Безухий Паук сбросил длинную ниточку. Белобрюхий Ёжик одолжил темную иголку. А Дерево, где жил Пестрый Дятел, попросило птицу сделать из древесной коры обложку. Мастерица все скрепила с помощью иглы и нити, и по краям оформила странички яркими цветочками.

Когда все было готово, Лия начала рассказ, а куколка Майя шариковой ручкой начала аккуратно вписывать на первую страничку: «Жили-были Лия и Айя-рукодельница...».

Слово об авторе

Три сестры Карасартовых – Наргиса, Лейла и Лилия – словно три розы в саду литературы республики. У каждой есть свой взгляд, своё мироощущение, своя стезя. Для Лейлы важнее интимное душеизлияние, для Наргисы – более целостное и объективное понимание этого мира, а для Лилии – поиски гармонии и собственного места в хаосе отношений. И что ещё более замечательно – и Лейла, и Наргиса признанные авторы детской поэзии.

Андрей Рябченко, прозаик, литературовед

КИРГИЗСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ:
МАЛЫЕ ФОРМЫ

Хрестоматия

Редактор *К.В. Тимофеева.*
Компьютерная верстка *М.Р. Фазлыевой.*

Подписано в печать 07.12.2022.
Формат 60×84 ¹/₈. Офсетная печать.
Объем 41,75 п. л. Тираж 100 экз. Заказ 39.

Издательство КРСУ
720000, г. Бишкек, ул. Киевская, 44.

Отпечатано в типографии КРСУ
720048, г. Бишкек, ул. Анкара, 2а.